

КОМПЛЕКС
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
У ГОРЫ ТЕПСЕЙ
НА ЕНИСЕЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

КОМПЛЕКС
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ
У ГОРЫ ТЕПСЕЙ
НА ЕНИСЕЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1979

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.— Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

В книге рассматриваются археологические памятники, изученные Красноярской экспедицией Института археологии АН СССР у подножия горы Тепсей. На небольшом участке берега Енисея открыты и исследованы памятники одиннадцати периодов истории культуры древних племен Енисея — предков хакасского народа. Огромный новый материал проливает свет на многие вопросы древней истории Сибири. Особенно интересны памятники изобразительного искусства таштыкской эпохи (начало нашей эры) — большая серия многофигурных рисунков батальных и охотничьих сцен.

Монография рассчитана на археологов, историков, этнографов, краеведов и всех интересующихся историей далекого прошлого Красноярского края.

Авторы: *М. П. Грязнов, М. П. Завитухина, М. Н. Комарова, С. С. Миняев, М. Н. Пшеницына, Ю. С. Худяков.*

Под редакцией д-ра ист. наук *М. П. Грязнова.*

ВВЕДЕНИЕ

Первые исследования археологических памятников в России проводились созданной по заданию Петра I Сибирской экспедицией Д. Г. Мессершмидта (1720—1726 гг.), а первые раскопки древнего кургана с научной целью были предприняты 257 лет тому назад участником этой экспедиции Ф. И. Страленбергом на Енисее близ Абаканского острога (бывш. с. Краснотуранск) в 1722 г. С тех пор степи Минусинской котловины постоянно привлекали внимание исследователей, просвещенных деятелей местного края, любителей древности необычайным обилием разнообразных древних памятников. Четверть тысячелетия велись здесь археологические поиски, раскопки курганов, сборы случайно обнаруженных древних вещей. Минусинская степная котловина стала наиболее полно изученным в археологическом отношении районом Сибири.

Особенно интенсивные археологические исследования развернулись здесь с 1958 г. в связи со строительством Красноярской ГЭС и образованием водохранилища, воды которого грозили уничтожением многим памятникам старины. На выделенные специальные средства Институт археологии АН СССР организовал экспедицию, которая в течение 20 лет вела изучение археологических комплексов в ложе водохранилища Красноярской ГЭС и в зоне переработки его берегов.

За годы работы Красноярской экспедицией было исследовано огромное количество памятников всех известных периодов истории древнеенисейских племен. Но главное даже не в количестве, а в качестве. Наиболее существенно то, что почти весь обширнейший материал был получен в последние 20 лет, когда методика раскопок археологических памятников значительно усовершенствовалась и стало возможным изучать такие вопросы истории древних племен, которые ранее для археологии являлись недоступными. Следует отметить, что Красноярской экспедицией раскопки велись, как правило, путем полного вскрытия всего памятника. Это позволило глубже про-

никнуть в суть явлений, происходивших в глубокой древности, и выявить детали, ранее скрытые от взоров ученых. Некоторые могильники исследовались полностью или в значительной своей части, что до сих пор на Енисее не удавалось осуществить.

Разбив участок долины Енисея на микрорайоны, Красноярская экспедиция чаще всего сосредоточивала свои работы на нескольких таких территориальных местоположениях, с тем чтобы наиболее полно изучить топографические и стратиграфические взаимосвязи памятников разного вида и различных эпох. Такой метод изучения дает возможность более обоснованно уточнить классификацию памятников и увереннее строить схему периодизации древних культур. Одним из таких микрорайонов стала терраса Енисея у подножия горы Тепсей. На узкой полосе надпойменной террасы, протяженностью в 1 км, экспедицией были обнаружены в 21 топографическом пункте археологические памятники, в 19 из них велись раскопки. Исследованы различные памятники II исторических периодов. На небольшом участке земли площадью менее пятой части 1 км² сохранились вещественные остатки почти всех известных периодов истории культуры на Енисее. Только на материалах одного микрорайона у подножия горы Тепсей можно проследить историю развития культуры древних племен, населявших Минусинскую степную котловину.

Особенно ценно для изучения древней истории долины Енисея наличие материалов нескольких таких хорошо изученных микрорайонов, сопоставление которых позволяет более обоснованно решать вопросы о возможности сосуществования на Среднем Енисее племен с разной культурой или последовательной смене их, о путях миграции, времени заселения края теми или иными племенами и др. Работы, в которых эти вопросы рассматривались по отрывочным материалам из памятников, в общем случайно открытых в отдельных пунктах степной котловины, неизбежно рождали

ошибочные исторические построения, основанные на неправильных впечатлениях о распределении памятников в приенисейских степях. Именно этим можно объяснить появление предположения о постепенном продвижении андроновских племен в Минусинскую котловину с северо-запада, якобы заселивших только северную часть котловины и не дошедших до южной, о расселении карасукских племен с юга на север, о многовековом сосуществовании этих племен. Обширные новые сведения, полученные в результате систематических раскопок в четырех основных исследованных экспедицией микрорайонах, показывают несостоятельность подобных построений.

Цель предлагаемой читателю книги — публикация материалов комплекса археологических памятников у горы Тепсей. Авторы приводят по возможности полное описание раскопанных памятников и их краткую историческую интерпретацию с освещением того нового, что дают эти памятники для изучения культуры древних племен Енисея. Памятники Тепсея по каждому из представленных ими периодов истории развития культуры вносят те или иные новые штрихи в общую картину истории древнеенисейских племен, а по некоторым периодам открывают совершенно неизвестные ранее яркие страницы далекого прошлого Хакасии.

В одном из таштыкских склепов Тепсея сохранилась изумительная серия обугленных дощечек с вырезанными на них многофигурными рисунками. Эта находка открыла новое звено в развитии изобразительного искусства древних народов Азии, богатое сюжетами и художественными образами, самобытное и своеобразное, оригинальное по стилю и в то же время тесно связанное с общей линией развития искусства народов Центральной и Средней Азии. Тепсейская находка позволила нам значительно полнее и шире представить искусство таштыкской эпохи на Енисее по сравнению с первобытным творчеством других периодов последних двух тысячелетий. Значение этой находки выходит далеко за пределы собственно енисейской тематики.

Другим важным открытием на Тепсее представляется исследование комплекса погребальных обрядов той же таштыкской эпохи. Установленное чрезвычайное многообразие способов захоронения в больших и малых склепах, а также в грунтовых могилах и связанные с этим обряды, следы многих сотен похоронных и поминальных жертвоприношений (в жертву приносились быки, лошади, бараны и даже люди) позволяют представить с небывалой полнотой картину своеобразной и сложной системы варварских обычаев, связанных с приготовлением умерших к захоронению, с по-

гребением и поминальными тризнами. Такой возможности материалы прежних исследований не давали.

Кроме различного рода погребальных комплексов и остатков мест поселения, рассмотрению которых посвящена настоящая книга, на горе Тепсей известно большое количество древних наскальных рисунков — памятников изобразительного искусства разных периодов, по-видимому, начиная с эпохи неолита. Обнаружено на скалах и несколько коротких древнетюркских надписей. Поисками рисунков и надписей на скалах, их копированием и изучением занимался Я. А. Шер со своим отрядом в 1966—1968 гг. (Археологические открытия, 1966—1968). Собран большой материал, требующий специального изучения и отдельной публикации.

Изложение результатов археологических раскопок у горы Тепсей в настоящей публикации дается не по пунктам раскопок, а в хронологической последовательности. По каждому периоду сначала описываются раскопанные памятники, а затем по мере необходимости сообщаются те или иные соображения о их культурно-исторической принадлежности, особенностях, о том, что они дают нового для археологического изучения Енисея или Сибири вообще.

Предлагаемая читателям книга — коллективное монографическое исследование, написанное по общему плану и единой системе. Автор каждого раздела указан в оглавлении.

В археологической литературе по Сибири нет единого мнения по некоторым вопросам хронологии и периодизации древних памятников на Енисее. Чтобы не усложнить изложение, в данной книге вопросы хронологии и периодизации не дискутируются. Авторы придерживаются той периодизации и хронологии, которая отдельными частями изложена в коллективном труде «История Сибири» (т. I, 1968), в книге М. П. Грязнова «Südsibirien» (Grjaznov, 1970) и его статье «Миниатюры таштыкской культуры» (Грязнов, 1971), а также в статьях Г. А. Максименкова (1975) и Л. Р. Кызласова (1975). Вот эта схема:

Афанасьевская культура — конец III тыс. до н. э.
Окуневская культура — начало II тыс. до н. э.
Андроновская культура — середина II тыс. до н. э.
Карасукская культура:

карасукский этап — XIII—XI вв. до н. э.;
каменоложский этап — X—IX вв. до н. э.

Тагарская культура:

баишевский этап — около VIII в. до н. э.;
(черновский этап — около VII в. до н. э.);
подгорновский этап — около VI в. до н. э.;
(биджинский этап — около V в. до н. э.);
сарагашенский этап — около IV в. до н. э.;
(лепешкинский этап — около III в. до н. э.);
тесинский этап — II—I вв. до н. э.

Таштыкская культура:
(батеневский этап — I—II вв.)
тепсеиский этап — III—V вв.
Культура чаа-гас — VI—IX вв.
Аскизская культура — X—XII вв.

Словом «культура» в этой схеме названы те периоды, памятники которых четко отличаются от смежных по времени. Затруднения в отнесении их к тому или иному периоду возникают лишь тогда, когда памятник беден материалами либо сильно разрушен. Термином «этап» обозначены более дробные хронологические отрезки, основная часть памятников которых характеризуется вполне определенным комплексом свойственных им признаков, наряду с этим имеются и памятники переходного или смешанного типа, соединяющие в себе признаки двух смежных по времени периодов.

Абсолютная хронология археологических памятников Саяно-Алтая — наименее разработанный и наиболее трудный вопрос. Следует опираться в основном на относительную их хронологию по культурно-историческим периодам — культурам, этапам и т. д., а определения абсолютной даты памятников и культурно-исторических этапов принимать как приближенные к истине, но не твердо установленные. Их придется еще не раз уточнять, поправлять и изменять, по мере того как в других регионах азиатских степей, более близких к центрам древних цивилизаций, будут открываться и хронологически определяться археологические комплексы, подобные саяно-алтайским.

В нашей схеме периодизации три этапа тагарской и один этап таштыкской культуры даны в скобках. Участники Красноярской экспедиции нашли необходимым выделить их и в практической работе уже используются этими определениями, хотя характеристики данных этапов и их обоснования еще не опубликованы.

Погребальные памятники на Енисее чрезвычайно разнообразны по своему устройству и внешнему виду. Обычные термины, употребляемые для наименования могильных сооружений в европейской части СССР, здесь неудобны и не отражают в полной мере сути явлений. Затруднения представляет то обстоятельство, что в свое время одинаковые по устройству сооружения теперь на поверхности имеют различный вид. Если их именовать по внешнему виду, то одинаковые сооружения будут носить различные названия. Так, небольшой круглый холмик над могилой, обложенный плитняком, после разграбления могилы и естественного разрушения его наземных частей может быть назван и «круглой каменной выкладкой», и «каменной насыпью», и

«каменным кольцом», и «ямкой» и т. д. — в зависимости от характера происшедших с ним изменений. Особые затруднения вызывает выбор подходящего названия для могильных сооружений тагарской культуры. Основная конструкция надмогильных сооружений подгорновского этапа одинакова — низкая каменная прямоугольная ограда с высокими камнями по углам и земляным сооружением в центре над могилой. В зависимости от своих размеров и процессов разрушения земляное сооружение превращалось то в плоский курган с четырьмя камнями в основании, то в такой же курган с оградой и камнями по углам, то в ограду с камнями по углам без признаков насыпи и даже просто в ровное место с четырьмя камнями, по которым можно лишь догадываться о наличии скрытой под землей прямоугольной ограды, углы которой совпадают с видимыми камнями.

На Тепсее мы приняли следующие наименования погребальных памятников. Всякое сооружение с останками погребенного в нем человека либо группы людей, независимо от формы и размеров погребального сооружения под землей и на ее поверхности, мы называем *могилой*. Могилей мы именуем и каждое отдельное индивидуальное или коллективное захоронение с его подземными и наземными сооружениями, находящееся в кургане или в оградке. Большую могилу, на поверхности имеющую вид прямоугольного плоского каменного возвышения с западной посередине, с большим и сложным деревянным сооружением под землей и остатками в нем массовых захоронений называем *склепом*, или *таштыкским склепом*.

Оградой именуем круглую либо прямоугольную ограду, сооруженную из вертикально поставленных плит или сложенную из плитняка и содержащую одну либо несколько могил. Ограда бывает видима и невидима на поверхности, может иметь высокие камни по углам и вдоль стен или быть покрытой относительно значительной насыпью. Она может быть одиночной, но может состоять также из двух или нескольких последовательно пристроенных одна к другой оград с могилами в каждой из них. Во всех случаях для нас это *ограда*, и мы ей присваиваем один порядковый номер.

Если же характерная ограда тагарской культуры имеет хорошо выраженную земляную насыпь, она получает название *кургана*, с тем чтобы иметь более ясное представление о характере рассматриваемого памятника.

Планы местности, могильников, оград, могил, приводимые в книге, ориентированы согласно общепринятой (к сожалению, не всегда применяемой археологами) системе. Поэтому на планах стрелки, указывающие направление на

север, даны только в тех случаях, когда для удобства печати мы вынуждены были отступить от принятого правила (см. рис. 54, 63—65, 68). На всех остальных планах север находится точно наверху чертежа. Рисунки и чертежи в основной своей массе выполнены многолетним участником Красноярской экспедиции архитектором-художником Л. Н. Барановым.

Пол и возраст погребенных, равно как и кости животных, во всех исследованных на Тепсе могиллах определены М. П. Грязновым. Только кости из культурного слоя стоянки и некоторые другие определяла Н. М. Ермолова, что в соответствующих местах указано.

Авторы книги выражают благодарность Н. Г. Смирновой, оказавшей существенную помощь при подготовке рукописи к изданию.

Весь вещевой материал из раскопок на Тепсе передан на хранение в Государственный Эрмитаж. Наиболее интересная часть их экспонирована в залах Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа.

Готовя настоящую книгу к изданию, мы не могли по ряду причин поместить в нее все результаты наших работ у горы Тепсей. Прежде всего для этого одной книги недостаточно. Затем материалы из раскопок последних лет еще не изучены, камерально не обработаны, к опубликованию еще не готовы. А главное некоторые из них, наиболее сложные и интересные,

требуют специального монографического исследования и отдельного издания. Это относится к таким памятникам, как большой курган тесинского этапа в пункте Тепсей XVI, массовый могильник того же этапа Тепсей VII и, наконец, уникальная коллекция по изобразительному искусству таштыкской культуры. Мы надеемся в недалеком будущем посвятить этим темам отдельные публикации. Вот почему в предлагаемой книге некоторые, казалось бы, менее значительные вопросы освещены более подробно — мы к ним больше возвращаться не будем, — другие же более важные темы лишь затронуты или даны в самом общем виде — им будут посвящены специальные исследования.

Целью издания этой книги было не только желание сделать общим достоянием науки материалы археологических раскопок у горы Тепсей и построенных на их изучении наших исторических выводов и заключений. Мы хотели показать, что детальное многолетнее исследование одного микрорайона может и будет давать археологу богатейший материал не только по темам, специально им разрабатываемым, но и по многим другим, которые позволят глубже и всесторонне проникнуть в тайны прошлого и откроют для нас иногда совершенно новые стороны жизни и деятельности древних поколений.

ПУНКТЫ РАСКОПОК

Там, где на пути Енисея встают непреодолимой преградой живописные скалы горы Тепсей, река круто поворачивает налево и направляет свои воды вдоль величественных скал горы Оглахты. В результате у подножия Тепсея образовались относительно тихие заво-

Иногда древние могилы какой-либо одной эпохи образуют отдельные компактные могильники (Тепсей II, Тепсей IX и др.¹), а чаще один и тот же пункт служил кладбищем для населения в разные эпохи (например, Т. III, Т. VIII содержат могилы нескольких эпох).

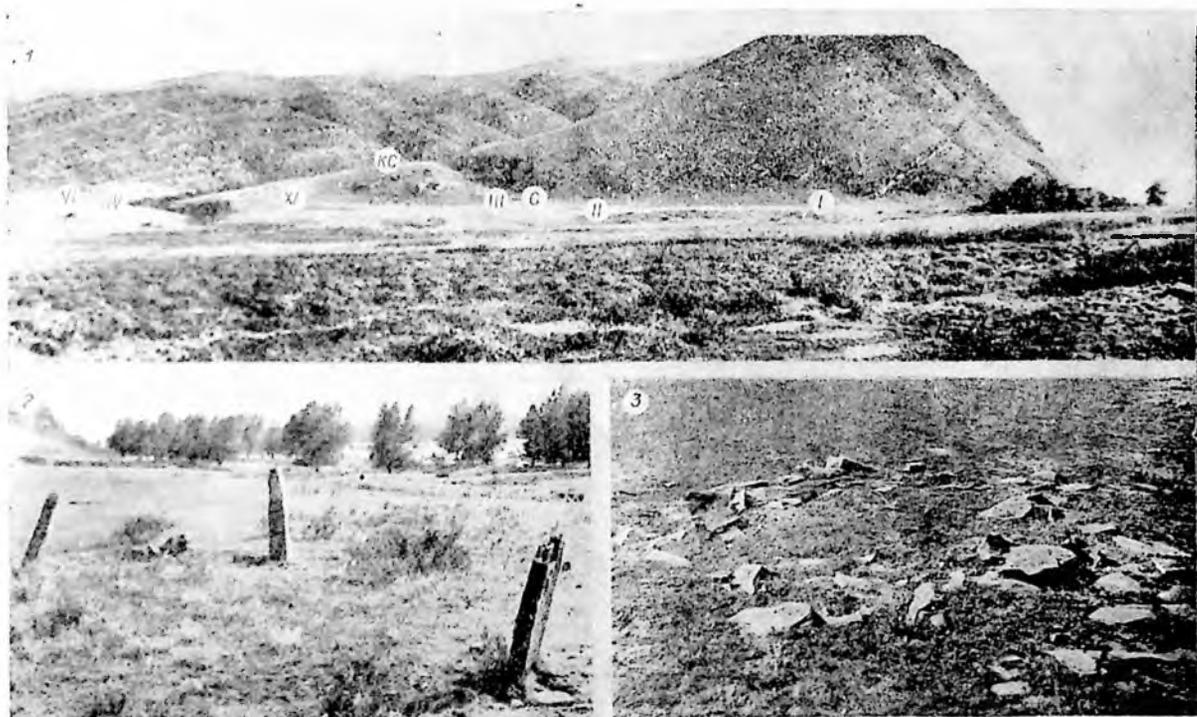

Рис. 1. Археологический микрорайон Тепсей до раскопок (1968 г.):

1 — общий вид южной части (I, II, III... — пункты раскопок Т. I, Т. II, Т. III...); 2 — Тепсей III, поминьник; 3 — Тепсей III, детская кыргызская могила 8.

ди. Они-то и позволили сформироваться здесь из наслоений ила и песка прибрежным террасам. К северо-западному менее крутому склону горы приурочена узкая полоса первой надпойменной террасы, а перед ней имеется высокая пойма, заливаемая только в годы особо высоких половодий (рис. 1).

На прибрежных террасах, особенно на первой, сосредоточено множество, в основном погребальных, памятников разных эпох (рис. 2).

Начиная с 1964 г. в археологическом микрорайоне Тепсей неоднократно велись раскопки разведочного и спасательного характера, в 1968—1970 гг. развернулись систематические раскопки, а в 1975—1977 гг. осуществлялись

¹ Отдельные группы памятников (могильники, поселения) мы называли пунктами Тепсей I, Тепсей II и т. д. В дальнейшем изложении, а также в подрисуночных подписях и на самих рисунках эти пункты обозначаются сокращенно — Т. I, Т. II и т. д.

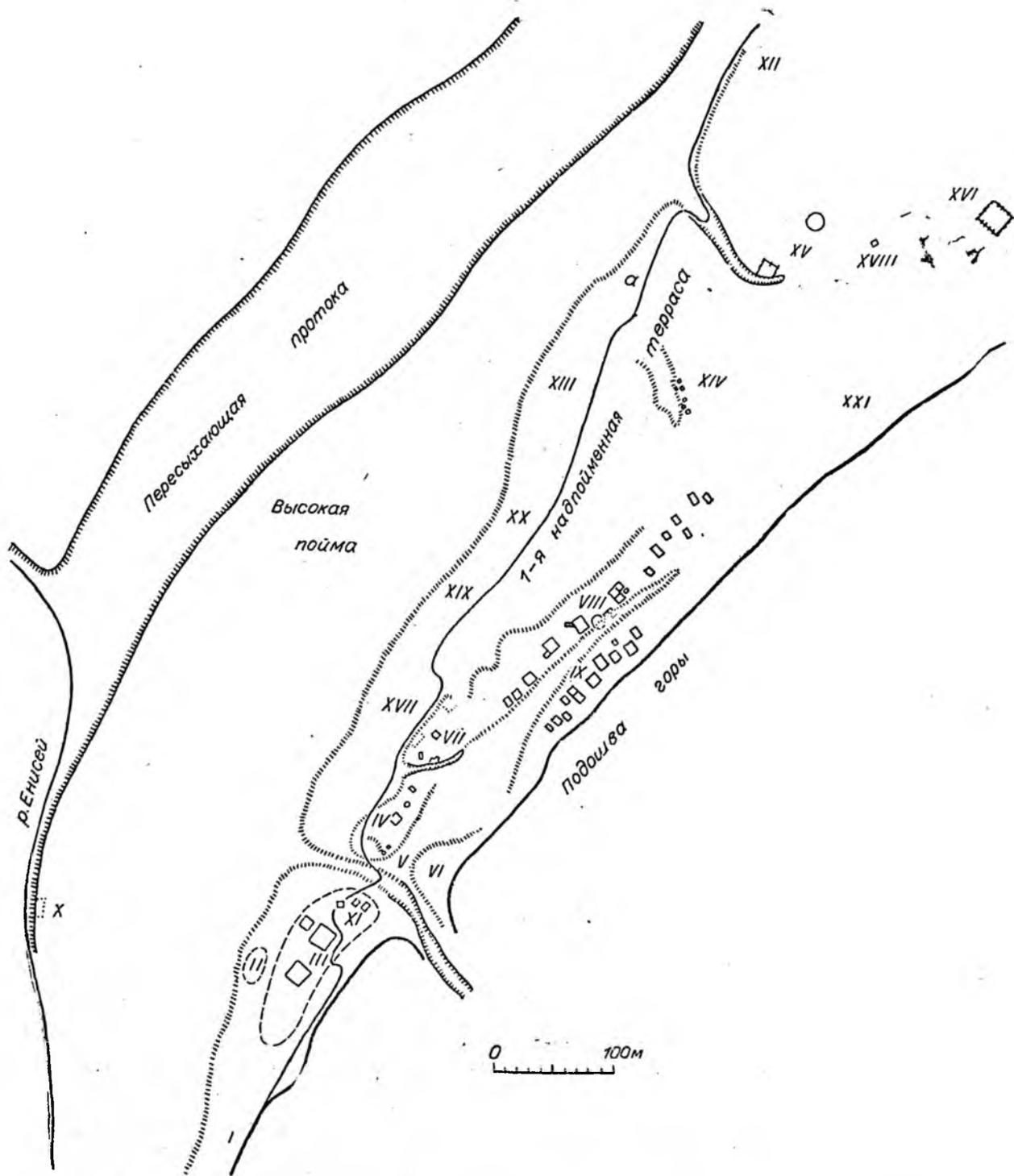

Рис. 2. План археологического микрорайона Тепсей:

I, II, III — пункты раскопок Т. I, Т. II, Т. III и т.д.; а — береговая линия водохранилища (Крутой Яр) в 1977 г.

работы в порядке археологического надзора за переработкой берегов водохранилища. Детально был исследован участок надпойменной террасы протяженностью около 1 км, имевший форму удлинённого треугольника, обращенного вершиной на ЮЗ. Ширина террасы от 30 до 300 м, общая площадь исследованного микро-района около 15 га. Кроме того, изучались остатки двухслойного поселения на берегу Енисея, на краю низкой трехметровой террасы (высокая пойма, пункт Т. X), располагавшегося в 200 м от остальных пунктов. За время работы экспедиции у горы Тепсей были исследованы памятники 11 последовательных культурно-исторических периодов.

Ниже следуют краткие сведения о топографии каждого пункта, составе и характере обнаруженных в нем археологических памятников и произведенных раскопках.

ТЕПСЕЙ I

В самой южной части надпойменной террасы на вскрытой площади в 130 м² открыты 3 могилы тесинского этапа и другие малозначительные остатки сооружений и захоронений — тоже, по-видимому, тесинского этапа (М. П. Грязнов, Я. А. Шер).

ТЕПСЕЙ II

По краю надпойменной террасы в 120 м от Тепсея I обнаружен могильник кыргызского времени, занимающий площадь 30×15 м и содержащий 6 могил. Могильник раскопан полностью (М. П. Грязнов).

ТЕПСЕЙ III

Компактная группа разновременных и различного характера памятников располагалась вдоль надпойменной террасы полосой, протяженность которой 160, ширина 30 м (рис. 3). Это могилы подгорновского и тесинского этапов тагарской культуры, склепы, детские могилы и ямки с поминальными приношениями таштыкской культуры, могилы кыргызского времени².

На поверхности террасы были хорошо видны два больших таштыкских склепа и один малый, находившиеся на наиболее возвышен-

ных точках террасы и занимавшие доминирующее положение в могильнике. Вокруг них располагалось множество могил в виде кругов или колец, образованных выступавшими на поверхность камнями. Часто посередине имелось незначительное понижение, иногда свободное от камней — кольца. По периферии могильника такие кольца располагались свободно на некотором расстоянии одно от другого и были видны каждое по отдельности, тогда как в центральной части они теснились, перекрывая друг друга. На периферии каждая могила вскрывалась отдельным раскопом, а вокруг склепов исследовалась одним большим сплошным раскопом. При попытках вскрывать отдельные могилы небольшими раскопами неизбежно затрагивались и другие могилы и ямки с поминальными приношениями, признаки которых на поверхности отсутствовали.

Южная часть могильника была ровной. Здесь находилось несколько вертикально поставленных плит высотой до 1,5 м и виднелись верхние края многих таких же плит. Какого-либо порядка в расположении плит визуально проследить не удалось. Раскопки же показали, что около плит находились ямки с поминальными приношениями таштыкского времени. Подобные плиты, но в меньшем количестве, обнаружены и в других местах могильника.

За время работ в пункте Т. III были открыты и исследованы памятники 7 различных культурно-исторических периодов — от энеолита до раннесредневекового времени. В хронологическом отношении полученный материал можно разделить следующим образом:

1. Афанасьевская культура: обломок каменной колотушки, найденный около могилы 28.

2. Каменноложский этап карасукской культуры: фрагменты глиняной посуды, обнаруженные при раскопках могил 9 и 11 кыргызского времени.

3. Подгорновский этап тагарской культуры: могилы 13, 35, 38, 62 и бронзовое шило, выявленное при раскопке могилы 9 аскизской культуры (рис. 4, а).

4. Биджинский этап тагарской культуры: фрагмент глиняного сосуда, встретился при раскопках могил 22 и 23 таштыкской культуры (рис. 4, б).

5. Тесинский этап тагарской культуры: могилы 16, 24, 25 и фрагмент глиняного сосуда, найденный при раскопке могилы 9 аскизской культуры (рис. 4, а).

6. Таштыкская культура (тепсейский этап): два больших и один малый склепы; 38 могил (4, 8, 12, 17, 22—24, 26, 29, 34, 37, 39—65); ямки с поминальными приношениями, обнаруженные при раскопках могил 14, 28, 32, 33 кыргызского времени и в пунктах А и Б; Фрагменты глиняных сосудов, встретившиеся при

² Здесь и далее кыргызским временем называем период, охватывающий VI—XII вв., — время существования культур чаа-гас и аскизской.

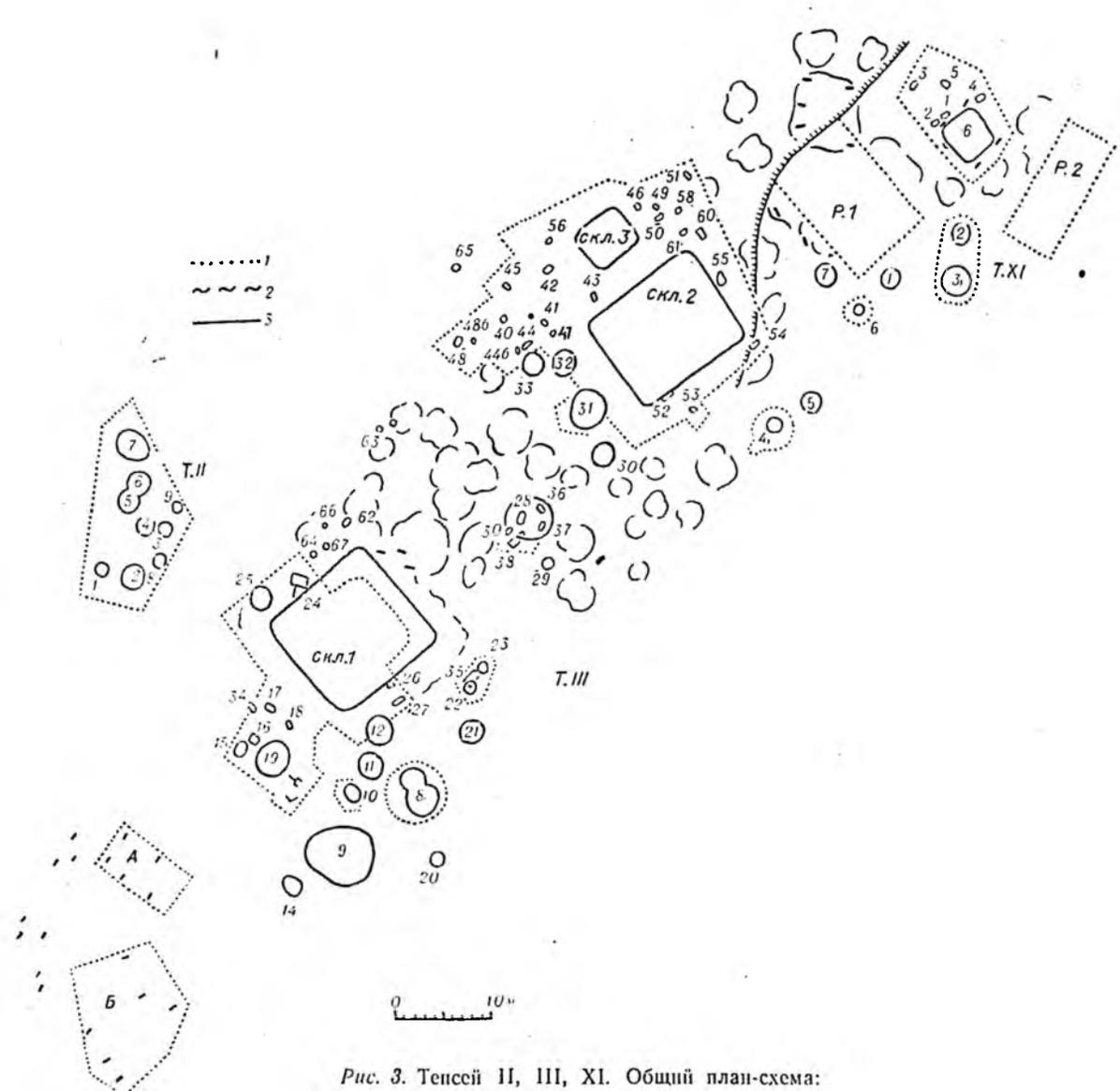

Рис. 3. Тепсей II, III, XI. Общий план-схема:
 1—границы раскопов; 2—видимые на поверхности
 очертания могил; 3—раскопанные могилы.

раскопке могилы 36 кыргызского времени (рис.4, б, в).

7. Кыргызское время: могилы 1—4, 6—12, 14, 15, 18, 19, 27, 28, 30—33, 36, 44, 50, 67 рис. 4, в).

В некоторых случаях из-за недостаточности материала трудно было решить, относится могила к таштыкской культуре или к кыргызскому времени. Тем не менее во всех таких случаях решение принималось, и могилы распределялись по соответствующим периодам. Если со временем окажется возможным обнаружить и исправить допущенные ошибки, существенных изменений в наши культурно-исторические построения это не внесет, так как рассматриваемые памятники слишком бедны информацией.

ТЕПСЕЙ IV

Данный пункт находится на участке террасы в виде мыска, расположенного между старым овражком на юге — устьем Волчьего Лога, заросшим черемухой, желтой акацией и другими кустарниками, — и молодым овражком на севере, недавно прорезавшим песчаные наслоения террасы (рис. 5). На возвышенной части мыска хорошо прослеживались очертания сильно разрушенной квадратной ограды таштыкского склепа, к востоку от него — каменные ящики двух андроновских могил, а к юго-западу от них — длинный ряд вертикально поставленных камней, высота сохранившейся их надземной

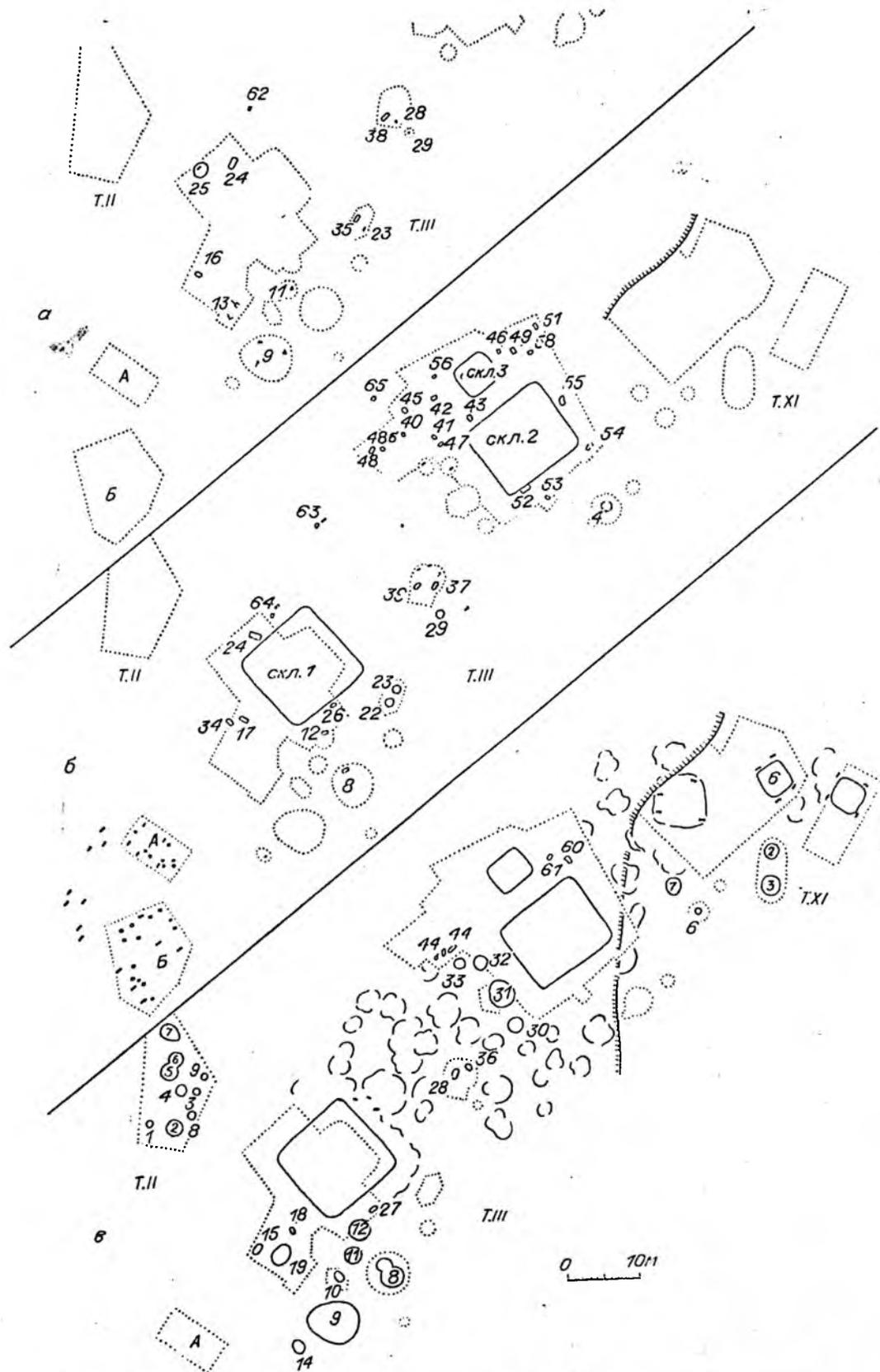

Рис. 4. Тепсей II, III, XI. Три последовательных этапа формирования могильника:
 а — могилы тагарской культуры; б — склепы, могилы и поминальники таштыкской культуры;
 в — могилы кыргызского времени и аскизской культуры.

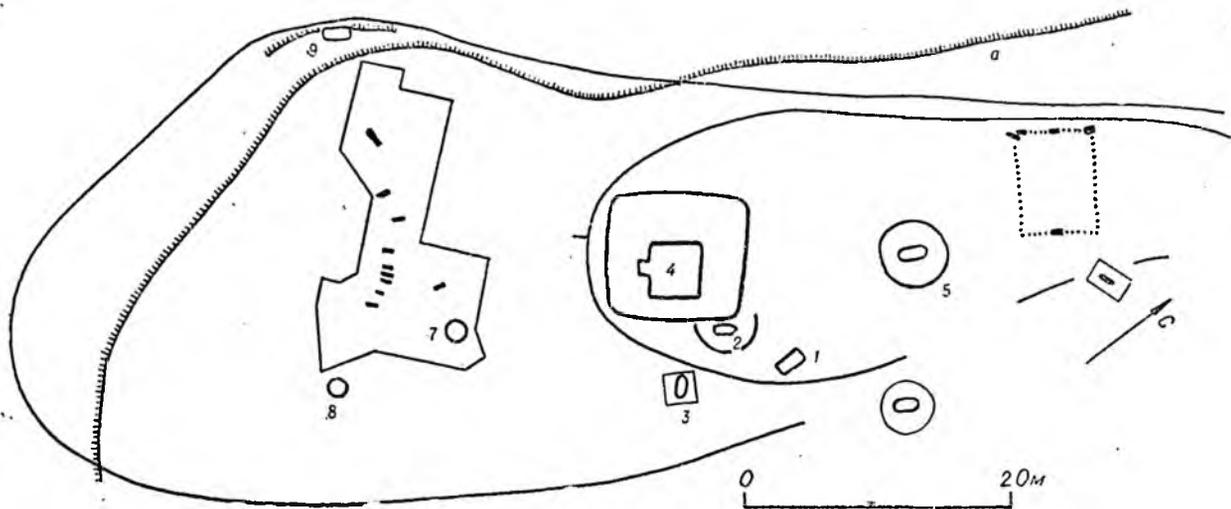

Рис. 5. Тепсей IV. Общий план-схема:
а — линия берега в 1977 г.

части 5—40 см над поверхностью земли (поминальник таштыкской культуры). На северо-западе пункта, у самого края террасы, по видимым на поверхности двум угловым камням и нескольким продольным плитам обозначается тагарский четырехкаменный курган (подгорновского этапа?) с оградой 7×5 м.

В 1966 г. во время разведочной поездки здесь раскопаны 2 андроновские могилы (М. П. Грязнов, мог. 1 и 2), в 1968 г. — малый таштыкский склеп (мог. 4) и могила 3 (Н. А. Аванесова), в 1970 г. — относящийся к склепу поминальник и могилы 7 и 8 (Н. А. Аванесова), а также 2 ритуальных захоронения людей с поставленными около могил вертикальными плитами (М. Н. Комарова, мог. 5 и 6), в 1976 г. — захоронение женщины с младенцем (Б. Ураков, мог. 9).

ТЕПСЕЙ V

К востоку от предыдущего пункта в устье пологого ложка находится 5—6 плоских каменных могил, возможно, кыргызского времени. Раскопки здесь не велись.

ТЕПСЕЙ VI

Еще далее к востоку на небольшом (50×30 м) невысоком уступе находится несколько могил, вероятно, тоже кыргызского времени, и среди них группа небольших карасукских оградок, оползших по склону уступа. Здесь раскопаны 4 карасукские детские оградки (М. П. Грязнов, 1965—1966).

ТЕПСЕЙ VII

Так названа южная часть увала на участке между пунктами Т. IV и Т. VIII. Частично разрушенные могилы обнаружили в обрыве овражка вдоль южного края пункта и в развезаемом ветрами западном склоне увала (рис. 6). На поверхности увала были хорошо видны только угловые камни двух тагарских четырехкаменных курганов и несколько небольших групп беспорядочно разбросанных плиток песчаника. Как оказалось, что были развалы каменных покрытий могил тесниского этапа.

В 1968 г. раскопками разведочного характера исследованы частично разрушенные оградки подгорновского этапа (М. П. Завитухина, мог. 1) и 3 могилы тесниского этапа (Н. А. Аванесова, мог. 2, 3 и 3а). Еще 5 могил обнаружены и раскопаны по видимым на поверхности развалам плитняка (М. П. Завитухина, мог. 4—8). В 1969 г. были открыты 10 могил сплошным раскопом площадью около 60 м² на разрушаемой ветрами северной оконечности пункта (Н. Л. Подольский, мог. 9—18). Раскопки 1970 г. велись по западному склону увала. Здесь вскрыто 2 полуразрушенные ветрами могилы в северной части склона и 6 могил исследовано в юго-западной его части раскопом площадью 25 м² (М. Н. Комарова, мог. 19—26). В 1975 г. изучались 14 могил вдоль западного склона увала и в раскопе площадью 30 м², заложенном в виде перерезающей увал поперечной траншеи (М. П. Грязнов, мог. 27—40).

Наконец, в 1976—1977 гг. сплошным раскопом была вскрыта юго-западная оконечность увала, большая площадь во всю его ширину по

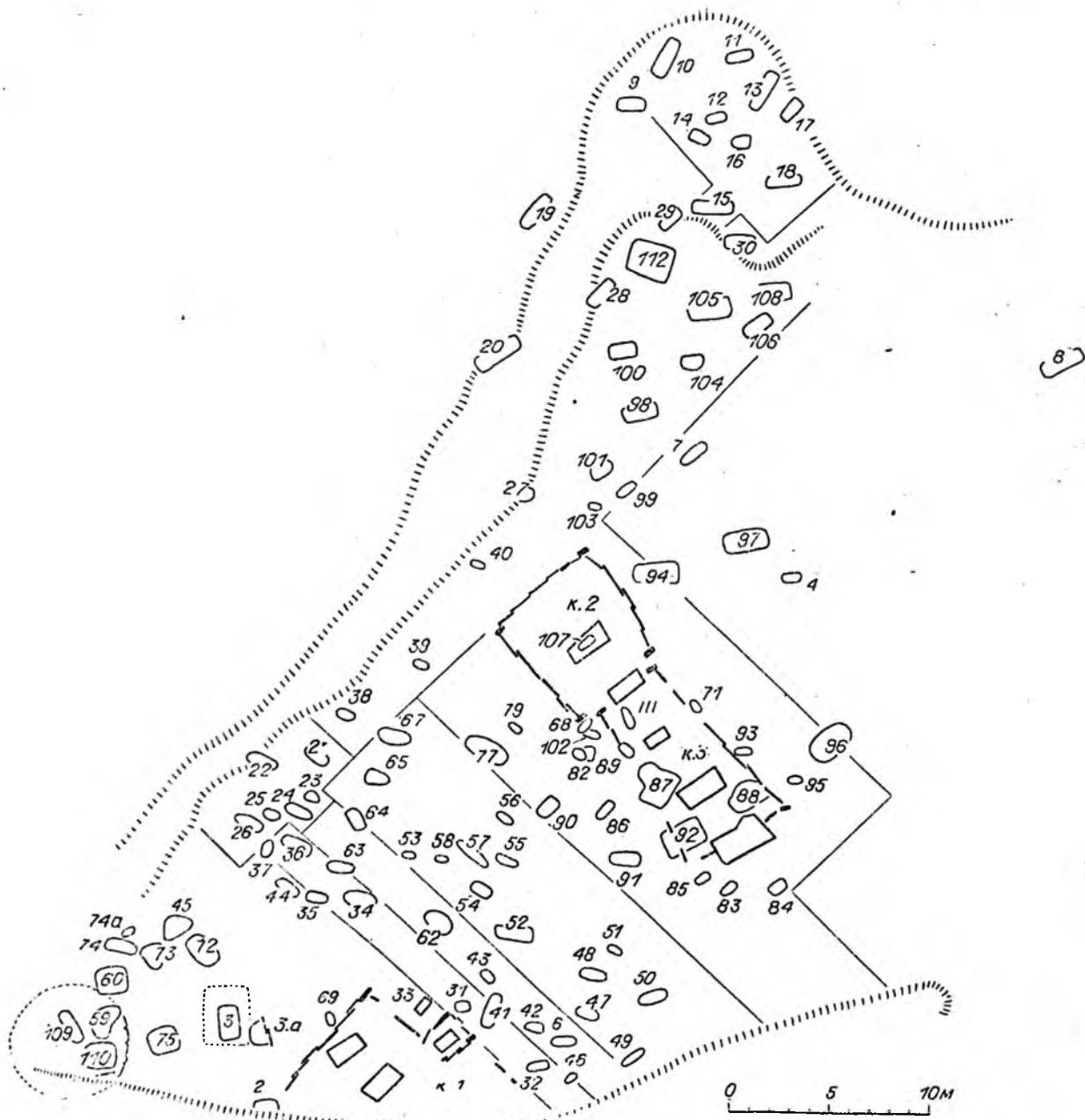

Рис. 6. Тенсей VII. Общий план-схема.

направлению к северо-востоку от траншей 1975 г. протяжением до 20 м и широкая полоса вдоль северо-западного склона увала до границ раскопа 1970 г. На вскрытой площади (около 600 м²) оказалось 62 могилы тесинского этапа, ограда афанасьевской культуры, а там, где сохранились угловые камни тагарского кургана, — 2 рядом расположенных кургана подгорновского этапа (М. П. Грязнов, Н. А. Боковенко, Е. Л. Немировская и Б. Ураков). В общей сложности в могильнике исследова-

лись: ограда афанасьевской культуры, 3 ограды подгорновского этапа, 102 могилы тесинского этапа и одна — железного века (точнее определить ее не представляется возможным).

Интересны стратиграфические наблюдения. Здесь удалось подробно проследить связь археологических памятников с последовательными этапами формирования той части террасы, где они расположены. Полученные при этом результаты вместе с наблюдениями в других пунктах позволяют иметь дополнительные на-

дежные основания для относительной хронологии памятников не только Тепсея, но и вообще всего Среднего Енисея. Рассмотрим это подробнее.

В геоморфологическом отношении Тепсей VII представляет собой небольшой участок (почти 70×30 м), отделенный молодым оврагом от Тепсея IV и небольшим пологим понижением от Тепсея VIII. Господствующие здесь юго-западные ветры медленно разрушали западный склон увала и развелили значительную часть его понижения между пунктами Т. VII и Т. VIII после сооружения здесь углубленной в землю кошары для овец, образовав небольшую котловину выдувания. Можно предполагать, что вдоль западного края увала ветрами снесена значительная полоса террасы шириной, быть может, до 10 м и уничтожены 50—100 грунтовых могил.

Вдоль западного края увала стратиграфия такова: почвенный слой (20—30 см), под ним слой навейного дюнного песка (25—40 см), затем на глубине 45—60 см от современной поверхности слой погребенной почвы (30—35 см), покрывающий основную толщу серо-желтой супеси, слагающей террасу. Афанасьевская ограда и 3 ограды подгорновского этапа были сооружены на поверхности погребенной почвы, а могилы тесинского этапа копались с поверхности современного почвенного слоя и прорезали слой погребенной почвы, иногда же лишь заходя в него. Значит, верхний слой навейных песков отложился после подгорновского этапа, но до того, как здесь стали хоронить людей тесинского этапа, т. е. примерно после VII—VI, но до II—I вв. до н. э.

По восточному склону увала слой навейного по верху погребенной почвы песка выклинивается. Погребенная почва залегаёт горизонтально, а слой современной почвы опускается ниже и сливается с ней. Дно могил тесинского этапа при этом находится на том же уровне, что и в западной половине увала, верхние же части могил уничтожены и покрывавшие могилу камни оказались на современной поверхности.

Очевидно, после того как кладбище тесинского этапа перестало функционировать, вдоль террасы образовался неглубокий, но довольно длинный овраг, устьем открывавшийся в Волчий Лог и превратившийся впоследствии в пологую ложбинку протяженностью около 300 м. В устье этой ложбинки, на дне ее, располагалось несколько каменных могил, судя по внешнему виду, кыргызского времени (пункт Т. V).

В самые последние годы, после образования Красноярского моря, лесные заросли енисейских островов покрылись обширной водной гладью, и ничем не сдерживаемые ветры с новой силой обрушились на восточный берег во-

дохранилища. Еще до 1970 г. вся поверхность увала в Тепсее VII была задернована и покрыта нормально развитым травяным покровом. Тагарский курган в середине пункта выделялся только по трем выдававшимся над поверхностью угловым камням. В 1975 г. около кургана на площади более 100 м² дерновый слой оказался развеянным, залежавший под ним песок унесен ветрами, погребенная почва обнажена, а на ее поверхности стали видны плоская насыпь кургана и плиты ограды с четырьмя угловыми камнями. С образованием моря ветровая эрозия берегов в ряде мест усилилась, таким образом, появилась угроза для сохранности уцелевших археологических памятников.

О процессе формирования надпойменной террасы в пункте Тепсей VII дает представление рис. 7. Долгое время состояние участка было

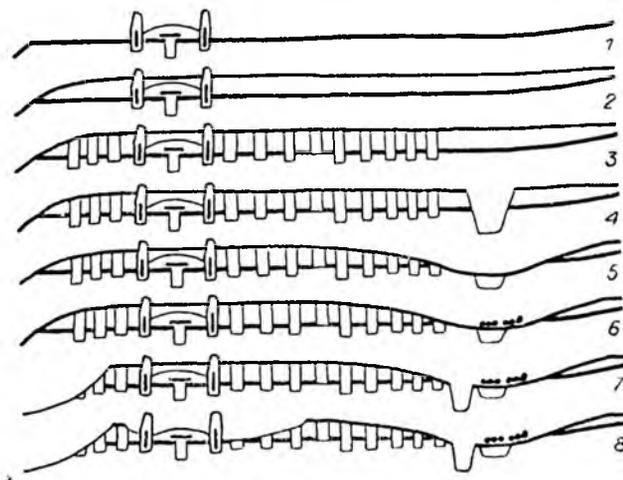

Рис. 7. Тепсей VII. Схема формирования террасы:
1—около VII в. до н. э.; 3—II—I вв. до н. э.; 6—VII—X вв. н. э.; 7—1950—1970 гг.; 8—1971—1975 гг.; 2, 4, 5—промежуточные последовательные этапы, точно не датированные.

относительно стабильным. В III тыс. до н. э. (афанасьевская культура) и позже, в VII—VI вв. до н. э. (подгорновский этап), ровную его поверхность использовали как место для погребений — соорудили 4 каменные могильные ограды (рис. 7, 1). Несколько позже навейные ветрами пески покрыли террасу, в том числе афанасьевскую ограду и подгорновские курганы, слоем толщиной до 80 см. На поверхности песков сформировался почвенный слой (рис. 7, 2), а затем во II—I вв. до н. э. (тесинский этап) здесь находилось кладбище, насчитывавшее множество грунтовых могил (рис. 7, 3).

Еще позже параллельно краю террасы, на расстоянии около 50 м от него, образовался длинный овраг (рис. 7, 4), который со временем превратился в неглубокий ложок (рис. 7, 5). В процессе формирования пологих склонов

ложка восточная часть могильника оказалась равномерно смытой, как бы косо срезанной. Многие тесинские могилы сверху были частично разрушены, а некоторые, возможно, и полностью уничтожены. На пологих склонах и на дне ложка затем сформировался современный почвенный покров, и, предположительно в VII—X вв., в устье ложка появилось несколько каменных могил древних кыргызов (рис. 7, б).

Совсем недавно (около 1950 г. или несколько раньше) возник небольшой овражек, обращенный устьем к Енисею (рис. 7, 7), разрушивший часть могил с южной и юго-восточной сторон пункта. Одновременно с этим или чуть позже юго-западные ветры начали подтачивать западный склон террасы и, обретая новую силу с образованием Красноярского моря (1971 г.), стали сдувать задернованные пески с поверхности террасы (рис. 7, 8). Сейчас трудно предугадать, что произойдет дальше: будет ли археологический пункт Тепсей VII смыт прибоем волн с западной стороны или ветры развеют его с поверхности.

ТЕПСЕЙ VIII

К северо-западу от Тепсея VII на том же увале по краю надпойменной террасы, на протяжении более 250 м расположены различного вида и разных эпох курганы и могилы (рис. 8). По гребню увала могильные сооружения или совсем засыпаны песком, или видны только наиболее высокие их места. По юго-восточному склону часть могильных сооружений обнажена или уничтожена в процессе естественно-го образования этого склона.

По гребню увала за несколько лет до археологических работ была прокопана бульдозером силосная траншея. В результате одни памятники оказались разрушенными, а дру-

гие — на площади 20×12 м заваленными песком, вынутым из траншеи. В 1964 г. в разрезе юго-восточного борта траншеи была обнаружена и раскопана коллективная могила сарагашенского этапа с деревянным срубом (М. П. Грязнов), более чем наполовину уничтоженная траншеей. На поверхности увала виднелись 2 угловых и 2 промежуточных высоких камня ограды этой могилы и ее юго-восточная стена.

Около среднего высокого камня в юго-восточной стене ограды были видны верхние края плит каменного ящика. М. П. Завитухина в 1968 г. вскрыла его, думая, что обнаружена могила тагарской культуры, но неожиданно здесь оказалась могила окуневской культуры (огр. 2). Тогда приняли решение произвести полную раскопку всей ограды, и открылся сложный и интересный памятник. Ограда заключала, кроме ранее раскопанной могилы, еще коллективную могилу сарагашенского этапа и несколько дополнительных могил того же времени. Ограда была сооружена на месте, где находились более ранние могилы карасукской культуры (огр. 3), а, кроме того, позже в ее пределах появились еще 4 могилы тесинского этапа.

К северо-востоку от ограды по склону увала обозначались неясные развалы каких-то каменных сооружений. Там оказались сильно пострадавшая круглая ограда с могилами афанасьевской культуры (огр. 4) и частично разрушившая ее могила сарагашенского этапа (огр. 4а). Еще дальше на северо-восток вскрыли ограду подгорновского этапа (огр. 10) и коллективную могилу сарагашенского этапа (огр. 10а).

Таким образом, на небольшом участке одним сплошным раскопом неправильной формы протяженностью 45 м вдоль увала и шириной 2—9 м были исследованы 3 могилы в ограде

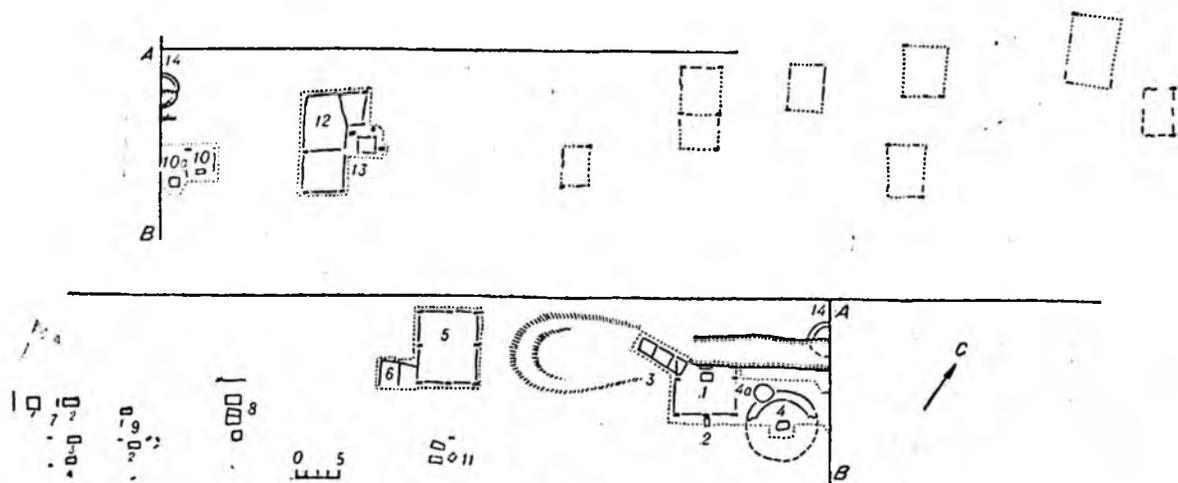

Рис. 8. Тепсей VIII. Общий план-схема.

афанасьевской культуры, могила окуневской культуры, 4 карасукские могилы, ограда подгорновского этапа, большая ограда и 2 отдельные могилы сарагашенского этапа, 4 могилы тесинского этапа, впускные в ограду сарагашенского этапа, — всего 19 могил, относящихся к 6 разным эпохам. Раскопки оград 1—3 вела Н. А. Аванесова, 4, 4а, 10 и 10а — Л. В. Скалина.

Одновременно с этим в Тепсее VIII серию оград тагарской культуры исследовала М. П. Завитухина. К северо-востоку от описанного раскопа общим раскопом были вскрыты ограды 12 и 13 подгорновского этапа, а к юго-западу — ограда 5 сарагашенского этапа и ограда 6 карасукской культуры. В ограде 5 оказалось несколько дополнительных и впускных могил, хронологическую принадлежность которых трудно определить (сарагашенский и тесинский этапы?). Кроме того, в юго-западной части пункта, по склону ложбинки, М. П. Завитухина вскрыла несколько видневшихся на поверхности могил, сохранившихся лишь частично, — ограды 7—9 и 11 подгорновского этапа. В двух из них имелись впускные могилы тесинского этапа.

Наконец, в 1976 г. в северном углу силосной траншеи по замеченным в ее бортах остаткам сложенной из плитняка круглой ограды выявили и исследовали частично уцелевшую могилу афанасьевской культуры (М. П. Грязнов, огр. 14).

Поскольку в начале раскопок трудно было даже предположить, какая нас ожидает сложность переплетения разновременных и разнородных могил на небольшом участке, избранная система обозначения могил и могильных сооружений оказалась неудачной. Однако менять затем эту систему мы не решились, чтобы не создать путаницы в дневниковых записях и на чертежах, в описях и шифрах на предметах. Каждый могильный комплекс именовался оградой, а каждое каменное либо деревянное гробовище или могильная яма — могилой. Раскопанные объекты получили такие наименования:

ограда 1, сарагашенского этапа: могилы 1 и 2 — основные, 1а, 1б — дополнительные и 1в — впускные тесинского этапа;

ограда 2: могила окуневского этапа (ограда не обнаружена);

ограда 3: четыре могилы карасукской культуры — А—Г;

ограда 4, афанасьевской культуры: три могилы — 1—3;

ограда 4а: могила сарагашенского этапа (ограды нет); при сооружении ее была разрушена небольшая часть ограды 4 афанасьевской культуры;

ограда 5, сарагашенского этапа: могилы 1,

2 — основные, 4—11 — дополнительные и 3 — впускная тесинская (?);

ограда 6, карасукского этапа: две могилы;

ограда 7, подгорновского этапа: могила 1 — подгорновская и рядом могилы 2—4 — тесинские;

ограда 8, подгорновского этапа: четыре могилы;

ограда 9, подгорновского этапа: одна могила основная, а вторая — впускная тесинская (?);

ограда 10, подгорновского этапа;

ограда 10а: могила сарагашенского этапа (ограды нет);

ограда 11, подгорновская: две могилы;

ограда 12, подгорновская: три пристроенные одна к другой ограды, содержащие восемь могил;

ограда 13, подгорновская: одна могила и во круг ограды еще три — могилы 14—16;

ограда 14, афанасьевской культуры.

Как и в Тепсее VII, в этом пункте тоже интересны и важны стратиграфические наблюдения. Последовательность сооружений исследованных здесь памятников и происходивших с ними изменений, а также связь первых с этапами формирования увала на краю надпойменной террасы, на которой они находятся, можно представить в таком виде:

1. В конце III тыс. до н. э. (афанасьевская культура), когда надпойменная терраса была еще ровной, без увала и параллельной ему ложбины, на горизонтальной ее поверхности устроили 2 могилы с коллективным захоронением и окружили их каменными оградками (рис. 9, 1). Затем в ограду 4 были впускены еще 2 могилы. Основные могилы ограблены, а одна из впускных нет. Время ограбления установить невозможно. Ясно лишь, что к моменту ограбления кости захороненных полностью освободились от мышечных тканей, а дерево в могиле сгнило.

2. В начале II тыс. до н. э. (окуневская культура) в могильной яме соорудили каменный ящик (рис. 9, 2). Возможно, здесь было еще несколько могил и окружавшая их ограда, но они не сохранились. Могила ограблена после полного разложения трупа.

3. В XIII — XI вв. до н. э. (карасукская культура) появилась могила А с каменной оградой (рис. 9, 3). Через несколько лет к ней пристроили могилу Б, затем — могилу В и могилу Г. В ту же эпоху устроена ограда 6 с двумя могилами. Все могилы ограблены после полного разложения трупов.

4. Около VI в. до н. э. (подгорновский этап) появились 7 оград (огр. 7—13, рис. 9, 4) и 3 отдельные могилы без них (14—16). Ограблены также после полного разложения трупов.

4. Около IV в. до н. э. (сарагашенский этап)

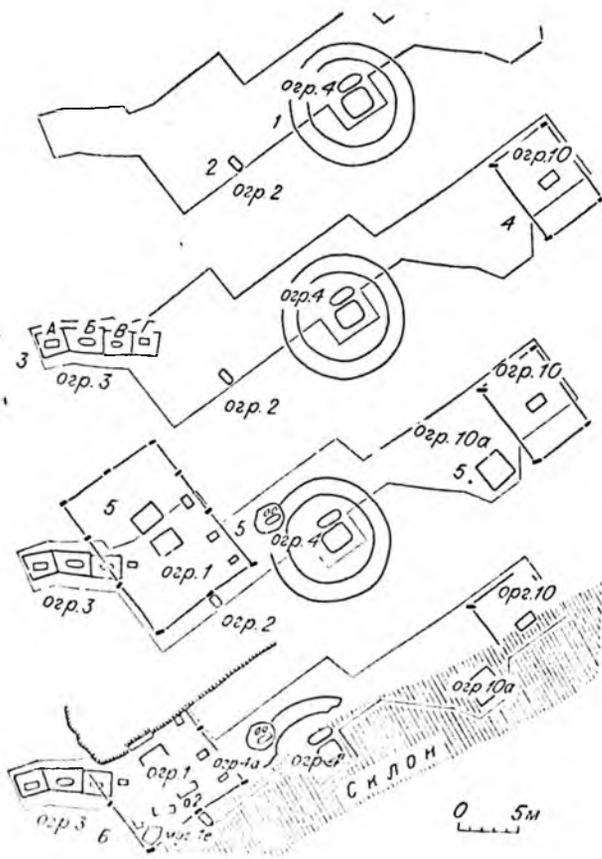

Рис. 9. Тепсей VIII. Последовательные этапы формирования могильника в средней его части:

1 — афанасьевская культура; 2 — окуневская культура; 3 — карасукская культура; 4 — подгорновский этап; 5 — сарагашенский этап; 6 — тепсейский этап.

сооружены 2 кургана — десятикаменный (огр. 1) и восьмикаменный (огр. 5) и 2 могилы без оград (4а и 10а). В ограде 1 обнаружили 2 большие коллективные и 3 дополнительные индивидуальные могилы (рис. 9, 5). Юго-западная стена ограды пересекла карасукскую могилу В, ее вертикальные плиты были поставлены поверх карасукской ограды и поверх плит покрытия разграбленной карасукской могилы В. Юго-восточная стена ограды 1 прошла совсем рядом с окуневской могилой (огр. 2). В промежутке между основными могилами и стенами ограды 1 выявлены еще 3 дополнительные индивидуальные могилы. В ту же эпоху, но несколько раньше или позже, сооружена могила в 2 м у северо-восточной стены ограды 1 (огр. 4а), при рытье ямы для нее была разрушена часть афанасьевской ограды. Могила сохранилась в неприкосновенности. В ту же эпоху далее на северо-восток, в 11 м от предыдущей могилы, устроена коллективная могила (огр. 10а), ограбленная после полного разложения трупов. Последние 2 могилы каменных оград не имели. В ограде 5, рас-

положенной в 30 м к юго-западу от ограды 1, были сооружены большая коллективная могила и 8 дополнительных. При устройстве юго-западной стены ограды, возможно, подверглась разрушению третья несохранившаяся стена карасукской ограды 6.

6. В IV—II вв. до н. э. после появления оград и могил сарагашенского этапа, но до сооружения могил тепсейского этапа, как и в Тепсее VII, на поверхность увала ветры навели слой песка толщиной до 70 см, покрывший все ранее созданные здесь низкие могильные ограды. Остались видимыми лишь высокие камни по углам тагарских каменных оград. Песок задерновался, и образовался почвенный слой толщиной 20 см, однако не такой темный, как погребенная почва, на поверхности которой обнаружены могилы сарагашенского этапа и более древние.

7. Во II—I вв. до н. э. (тепсейский этап, как и в Тепсее VII, на вновь образовавшейся поверхности террасы были сооружены 4 могилы со срубями в южной части пункта (рядом с огр. 7 и впускная в огр. 9), 3 могилы с каменными ящиками, впускные в ограде 1 (рис. 9, 6) и могила в ограде 5. Все они ограблены после полного разложения трупов, кроме не тронутой грабителями могилы 1е в ограде 1.

8. Еще в древности, но не раньше II—I вв. до н. э. и не позже VI—X вв. н. э., в ложбине, отделяющей увал от примкнувшей к горе, террасы, обозначенной пунктом Тепсей IX, образовался глубокий овраг, или промоина. Со временем крутые песчаные борта его сгладились, задерновались — овраг превратился в ложбинку. В процессе формирования ее пологих склонов одни памятники были повреждены, а другие, возможно, полностью уничтожены. В оградах 7—9 и 11 уцелели только нижние части могил. Большая ограда афанасьевской культуры не сохранилась более чем наполовину. Нижняя часть могилы 1 этой ограды вместе с останками в ней погребенного оказалась в почвенном слое, почти на поверхности увала. Плиты юго-восточной стены ограды 1 и каменного ящика окуневской могилы (огр. 2) повалились и оползли вниз по склону, а юго-восточная часть ограды 10 не уцелела. В процессе формирования ложбинки удобная для устройства могил площадка по гребню увала сократилась не менее чем на 8 м в ширину.

9. Несколько лет тому назад по гребню увала была прокопана для силоса траншея длиной 23, шириной 4 и глубиной 3 м. В бортах ее обнаружены остатки каких-то каменных могильных сооружений, а на бугре, образованном вынудой из нее землей, — кости человека и тагарская керамика. Траншеей уничтожена значительная часть исследованных нами оград 1 и 14.

ТЕПСЕЙ IX

В высокой части надпойменной террасы, у самой подошвы горы, рядом с Тепсеем VIII и параллельно ему, находится группа четырехкаменных подгорновских курганов-оград, насчитывающая 11 оград, расположенных в один ряд цепочкой. В 1968 г. М. П. Завитухиной раскопано 7 оград.

ТЕПСЕЙ X

На самом берегу Енисея, у начала пересыхающей протоки, воды весеннего половодья, подмывая террасу, образовали крутой яр высотой 2,5 м. Здесь в обрыве берега, в толще илесто-песчаных отложений так называемой высокой поймы были обнаружены 2 культурных слоя — внизу афанасьевский, наверху таштыкский. В 1968 г. раскопки на площади 32×5 м вела М. Н. Комарова.

ТЕПСЕЙ XI

На самой возвышенной крайней северной части террасы, занятой таштыкским могильником Тепсей III, находится обособленная группа могил кыргызского времени. На площади около 700 м² тесно расположены 5 или 6 сооружений типа чаа-тас и небольшие каменные могилы, число которых до раскопок назвать невозможно. В 1968 г. Л. В. Скалиной исследованы могила типа чаа-тас и рядом с ней расположенные 5 детских могил, а в 1976—1977 гг. — Ю. С. Худяковым 2 могилы типа чаа-тас и около 60 других разных могил, преимущественно детских.

ТЕПСЕЙ XII

По краю надпойменной террасы на берегу протоки, в 750 м к северо-западу от Тепсея III, в развеваемом ветрами дюнном всхолмлении в 1968 г. собран немногочисленный подъемный материал и расчищена неразвеванная небольшая часть землянки (М. П. Грязнов). Видимо, это остатки поселения карасукской культуры.

ТЕПСЕЙ XIII

В 500 м к северо-востоку от Тепсея III, тоже по краю надпойменной террасы, на песчаных выдувах найден зарытый в землю большой горшок афанасьевской культуры.

ТЕПСЕЙ XIV

В 500 м к северо-востоку от Тепсея III, на надпойменной террасе, в 100 м от ее края, по северному склону вершины поперечного ложка обнаружено несколько карасукских оград. Терраса в этом месте, как и в пунктах Т. VII и Т. VIII, покрыта равномерным слоем песка, под которым на глубине около 0,5 м залегает слой погребенной почвы. Как показали раскопки, на древней поверхности этого слоя и сооружались карасукские ограды. По-видимому, все они погребены под слоем навейного песка и потому обнаруживаются только по склону ложка, где песок с них смыт дождевыми водами. Вероятно, это окраина большого карасукского могильника, занимавшего площадь не менее 2 га и насчитывавшего, быть может, несколько сот оград. Другие части могильника обнаружены в пунктах Т. XV, Т. XVI и Т. XVIII. В 1968 г. в Тепсее XIV И. Витенковой раскопаны 2 ограды и в 1970 г. Н. А. Аванесовой — 4.

ТЕПСЕЙ XV

В северной высокой части надпойменной террасы, в 80—100 м к северо-востоку от Тепсея XIV, недавно образовался глубокий овраг. Он разрушил часть ограды большого тагарского восьмикаменного кургана, а ветры развевают уступ террасы с западной его стороны. В выдувах видны остатки разрушенных каменных могильных оград. Рассматриваемый участок террасы покрыт слоем навейного песка толщиной 80—90 см, поэтому на поверхности могильные сооружения не видны. Только верхушки столбовых камней восьмикаменного кургана едва возвышаются над современной поверхностью, да в колеях наезженной автомашинами дороги местами видны части каменных оград, в том числе одна большая, круглая, диаметром около 15 м, сложенная из плитняка, вероятно, карасукская или афанасьевская. В 1969—1970 гг. восьмикаменный курган был раскопан М. Н. Пшеницыной и датирован сарагашенским этапом. Овраг продолжает расти. В 1975 г. в его обрыве обнажились карасукская ограда 3 и ограда 2, отчасти развеянная ветрами. Обе ограды тогда же были раскопаны (М. П. Грязнов).

ТЕПСЕЙ XVI

К востоку от пункта Т. XV терраса постепенно повышается. Здесь ее поверхность неровная, и на одном из возвышенных участков, в 150 м к северо-востоку от Тепсея XV,

находится большой многокаменный курган тесинского этапа, отмеченный на плане местности как пункт Т. XVI. За ним на большом пространстве по направлению к северу памятники древности не обнаружены. Курган расположен там, где на довольно обширной площади (около 1 га), преимущественно к югу от него, во многих местах можно видеть ограды четырехкаменных курганов подгорновского этапа и среди них карасукские оградки. Очевидно, это северная окраина большого карасукского могильника, в состав которого входили пункты Т. XIV, Т. XV, Т. XVIII и все пространство между ними. Курганы же подгорновского этапа составляли еще один отдельный могильник. Большой тесинский курган исследован в течение последних двух полевых сезонов (1976 и 1977 гг.) М. Н. Пшеницыной. При этом были открыты погребенные им 2 подгорновских кургана и 2 карасукские ограды. Кроме того, в ограде кургана возле склепа обнаружены 4 тесинские могилы, а за оградой, под ее стенами, 23 такие же могилы с захоронениями в них преимущественно детей и подростков.

ТЕПСЕЙ XVII

На пониженной части надпойменной террасы, по направлению к реке от тесинского могильника Тепсей VII, в 30—40 м от него, на развесаемой поверхности песков виднелись небольшие группки камней, как оказалось, остатки разрушенных каменных покрытий могил. В 1970 г. здесь выявлено и раскопано 5 могил тесинского этапа на площади 12×5 м (М. Н. Комарова, М. Н. Пшеницына). Видимо, это продолжение тесинского могильника Тепсей VII. Какова была площадь этой части могильника, и сколько там находилось могил, осталось неизвестным.

ТЕПСЕЙ XVIII

В колеях наезженной автомашинами дороги и в некоторых выдувах к юго-западу от большого тесинского кургана Тепсей XVI обнажились частично или полностью каменные ограды могил карасукской культуры. Одна из них раскопана в 1970 г. (М. П. Грязнов). Это, очевидно, продолжение большого карасукского могильника, погребенного под слоем навейного ветрами песка, другие части которого были обнаружены в пунктах Т. XIV, Т. XV и Т. XVI.

ТЕПСЕЙ XIX

На краю затопленной теперь надпойменной террасы, примерно в 100 м к северо-западу от

Тепсей VIII, весной 1975 г. М. Л. Подольским были найдены 3 сосуда таштыкской культуры, поставленные вверх дном.

ТЕПСЕЙ XX

Тоже на краю террасы, в 80 м к северо-востоку от пункта Т. XIX, на размытой поверхности весной 1975 г. М. Л. Подольским обнаружена яма с керамикой, костями животных, угольками и пр.

ТЕПСЕЙ XXI

На возвышенной части террасы, у подножия горы, к востоку от Тепсей XIV, расположена обособленная группа восьмикаменных тагарских курганов. Раскопки не велись. Пункты раскопок у горы Тепсей охарактеризованы по состоянию их на лето 1968 г. На следующий год началось заполнение Красноярского водохранилища, и к полевому археологическому сезону 1969 г. воды Енисея затопили всю поверхность нижней террасы, в том числе и афанасьевское поселение в пункте Т. X. К концу полевого сезона 1970 г. под водой оказались и пониженные участки надпойменной террасы с расположенными на них пунктами Т. I, Т. II, Т. XIII, Т. XVII и значительная часть Тепсей III. Ежегодно уровень воды в Красноярском море понижается к весне на 10 м и более, а к середине июня поднимается до своей предельной отметки, поэтому волнами разрушается не только кромка берега, соответствующая наивысшему уровню воды, но идет интенсивная переработка всей широкой береговой полосы.

* *
*

Берега моря обращены в сторону господствующих здесь юго-западных ветров, а потому их подтачивают и волновой прибой, и непрерывное трение пригнанных сюда ветром стволов деревьев, пней, досок. Находящиеся в земле памятники не столько размываются волной, сколько сокрушаются под ударами бревен и стволов. Береговая линия с каждым годом все ближе подходит к подошве горы. На всем протяжении она представляет собой более или менее высокий отвесный обрыв, неуклонно продвигающийся на северо-восток. В южной части береговая линия достигла скалы, полностью уничтожив находившуюся на ее пути речную террасу. Со временем, очевидно, все оставшиеся неисследованными памятники у горы Тепсей поглотят волны Красноярского моря.

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

В четырех пунктах у подножия горы Тепсей обнаружены памятники афанасьевской культуры. Это могильник на площади двух смежных пунктов Т. VIII и Т. VII. В первом исследованы 2 могильные ограды, расположенные в 10 м одна от другой, во втором на расстоянии около 200 м к юго-западу от них—третья ограда, почти полностью уничтоженная на склоне мыска. Наибольший интерес представляет открытие первого на Енисее поселения афанасьевской культуры — Тепсея X. Кроме того, далеко от названных двух памятников в Тепсее XIII найден зарытый в землю большой горшок и в разных местах собраны немногочисленные каменные орудия (песты и колотушки), подобные тем, какие известны по находкам в погребениях афанасьевской культуры.

ТЕПСЕЙ VII

На юго-западной оконечности мыска, разрушаемой с одной стороны овражком, а с другой — развевающими террасу ветрами, среди оползающих по склону террасы плит от могил тесинского этапа, были обнаружены (1968 г.) фрагменты большого афанасьевского горшка. В 1976 г. при раскопках этого мыска выявились остатки круглой ограды (сохранилась четверть ее окружности) (см. рис. 6) и фрагменты двух сосудов — небольшого яйцевидного, орнаментированного полосами косых оттисков гребенки и большого неорнаментированного, часть черепков которого была собрана еще в 1968 г. Ограда сделана из плитняка, сохранившаяся часть сложена в 4—5 рядов на высоту до 40 см.

ТЕПСЕЙ VIII

Обнаружены и исследованы 2 ограды афанасьевской культуры — одна в северо-западном углу силосной траншеи (огр. 14), другая на пологом восточном склоне увала, рядом с десятикаменным сарагашенским курганом (огр. 4).

ОГРАДА 4. На поверхности склона увала виднелись развалы плитняка. Раскопками установлено, что это остатки могильной ограды (рис. 10).

Ограда круглая, сложена из плитняка, сохранилась лишь на одну четверть своей окружности. Диаметр ее предположительно достигал 10, ширина — почти 1 м. Стены сохранились на высоту до 40 см в 5—6 рядов плиток. Большая часть ограды и верхние части могил унич-

тожены в процессе формирования склона ложбины. Очертания могильных ям в песке не прослеживаются. Обнаружены 3 могилы, но, возможно, их было больше.

Могила 1. Расположена по склону увала, в почвенном слое, отчасти в дерновом. На глубине предположительно 40 см от поверхности древней погребенной почвы, в данном месте уничтоженной, встретился скелет (рис. 11). Кости скелета значительно разрушены и смещены, среди них имеются обугленные остатки дерева. В могиле был похоронен крупный мужчина 40—60 лет крепкого сложения. Он лежал на спине, головой на ЮЗ, левая нога согнута в колене и повернута направо, правая нога не сохранилась. Около колен, справа, найдены фрагменты большого горшка с приплюснутым дном.

В головах (к ЮЗ от черепа) несколько плит, назначение которых осталось неясным, и фрагменты другого такого же горшка, а также черепки третьего, орнаментированного слочкой, форма и размеры которого не установлены.

Могила 2. Находилась рядом с предыдущей. На глубине предположительно 70 см от поверхности древней погребенной почвы лежало несколько плит, занимающих площадь 180 × 80 см (см. рис. 11). Около них и отчасти под ними встретились лежавшие в беспорядке кости взрослого человека: череп плохой сохранности, лопатка, плечевая, крестец, ребра, позвонки. Среди них 2 фрагмента таких же горшков, как и в могиле 1, а может быть, и от тех же самых, и 4 роговых «гвоздика». На этом же уровне располагались угольки и большие полунствешные части бревен, местами обугленных, ориентированных преимущественно в направлении ЮЗ — СВ. Возможно, что это остатки покрытия находящейся ниже большой могилы. Не исключено также, что перед нами грабительский выброс из могилы 3 (в таком случае в этой могиле были погребены не 3, а 4 человека).

Могила 3. Еще ниже, на глубине предположительно 130 см от древней погребенной почвы, по-видимому, располагалась основная могила ограды, вероятно, квадратная, со сторонами по 200—250 см. В ее южной части в анатомическом порядке лежали кости ног трех мужских скелетов, в одном случае вместе с тазом (см. рис. 11). Погребенные лежали, видимо, головой на ЮЗ или З, на спине, с согнутыми в коленях ногами, повалившимися направо. Двое были помещены рядом, третий — поверх одного из них. Остальные кости оказались беспорядочно разбросанными, большинство костей отсутствовало. К западу от костей ног

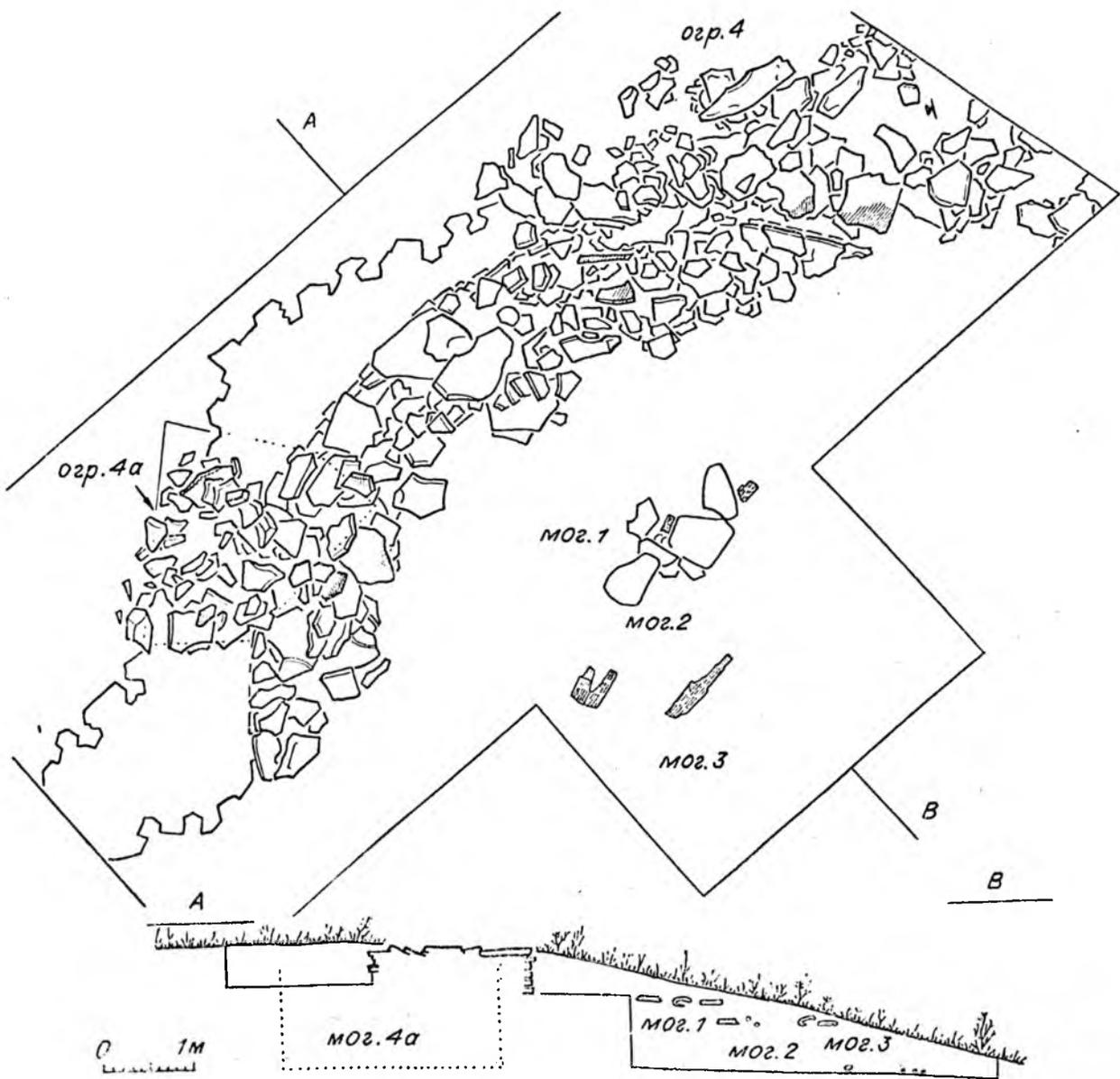

Рис. 10. Тепсей VIII. Ограды 4 и 4а. План и разрез сохранившейся части.

лежали в ряд 3 черепа без нижних челюстей, принадлежавшие мужчинам 30—40 и 40—60 (?) лет. Среди разрозненных костей обнаружили фрагмент черепа и нижнюю челюсть козули, а несколько выше, в заполнении могилы, — фрагмент плюсны и зуб коровы. По-видимому, в северном углу могилы находился большой яйцевидный остродонный горшок.

Последовательность сооружения могил в ограде представляется следующим образом. Основной, первой по времени, была могила 3. Спустя длительное время появилась могила 2 (поверх третьей), а уже потом могила 1. Время, разделяющее эти могилы, исчисляется го-

дами, а возможно, и десятками лет, в течение которых ранее сделанная могила могла заполниться землей.

ОГРАДА 14. Сильно разрушена бульдозером при рытье силосной траншеи. Сохранилась северная часть круглой ограды, сложенной из плитняка, и низ квадратной могильной ямы. Юго-западная часть могилы уничтожена бульдозером. Могила, возможно, еще в древности ограблена. В северо-восточной части сохранились неповрежденными кости таза и ног трех подростков, лежавших в ряд головой на ЮЗ. Ноги у всех были в свое время подняты вверх коленями, а затем повалились направо.

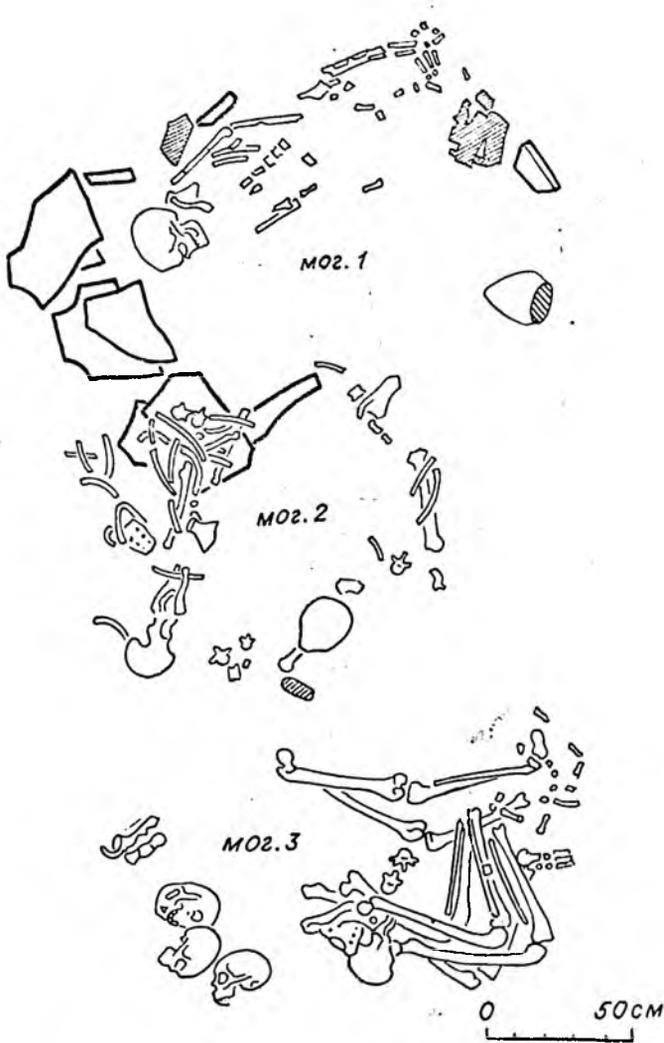

Рис. 11. Тепсей VIII. Ограда 4. План могил 1—3.

Вдоль северо-западной стенки могилы лежали переброшенные грабителями кости рук, ребра и некоторые другие человеческие кости и с ними метаподии и фаланги четырех ног овцы. В Сибири это первая находка остатков шкуры жертвенного животного в столь раннее время. Над погребением и на бортах ямы сохранились остатки наката из бревен, положенных продольно поверх ямы, со временем прогнувшихся и провалившихся вниз.

ТЕПСЕЙ X

Первое и пока единственное на Енисее поселение афанасьевской культуры — Тепсей X — открыто нами на крутом берегу основного русла реки, на краю трехметровой террасы, так называемой высокой поймы, затоплявшейся лишь в редкие годы исключительно высоких

паводков. Здесь Я. А. Шер заметил в обрыве обломки костей и несколько черепков, показавшихся похожими на тагарскую керамику. М. П. Завитухина произвела зачистку этого обнажения во всю толщу наслоений до слоя подстилающего галечника. При зачистке был выявлен очень бедный культурный слой поселения, но не тагарской, а таштыкской культуры, и совершенно неожиданно в самом низу песчано-илистых отложений открылся круглый очаг, выложенный песчаниковыми плитками, а около него — черепки от горшков афанасьевской культуры.

Раскопки поселения производились в 1968 г. Сначала была сделана зачистка обнажения на протяжении 48 м, а затем широкой полосой заложен раскоп (16×5 м) общей площадью 80 м² (М. Н. Комарова).

Стратиграфия на месте исследованного поселения одинакова на всем протяжении зачищенного участка обнажения (рис. 12). Считая сверху вниз, слои располагаются следующим образом (см):

1 — недавно навесанный песок, поросший травой, но незадернованный	10—30
2 — современная почва — окрашенная гумусом супесь	15—25
3 — серая супесь	35—50
4 — темно-серая супесь; в этом слое, преимущественно в его нижней части, содержатся остатки таштыкской культуры	60—70
5 — прослойки чистого песка, преимущественно линзовидные; они включены в нижние части слоев 4 и 8	1—10
6 — темный суглинок, слабо окрашенный гумусом, — древняя погребенная почва; в верхние ее горизонты включены небольшие линзовидные прослойки чистого песка (слоя 5)	20—30
7 — более темные тонкие линзовидные прослойки в погребенной почве	1—2
8 — серый суглинок	50—70
9 — углисто-сажистые прослойки — остатки кострищ	0—10
10 — серый суглинок (такой же, как в слое 8), содержащий остатки афанасьевской культуры, сосредоточенные главным образом в углисто-сажистых прослойках	25—40
11 — слой крупного галечника; преобладают гальки длиной 7—10 см	несколько метров

При раскопках слои именовались так: А — слои 2 и 3; Б — слой 4 (таштыкский); В — слои 6—8; Г — слои 9 и 10. Последний слой делился на две части: Г_в — верхний — от верхних сажистых прослоек до нижних; Г_н — нижний — от нижних сажистых прослоек до галечника. Раскоп был разбит на квадраты (2×2 м). Меридиональные ряды квадратов обозначались буквами а, б, в, широтные — арабскими цифрами 10—17 (рис. 13).

Процесс образования отложений на месте исследованной стоянки представляется в сле-

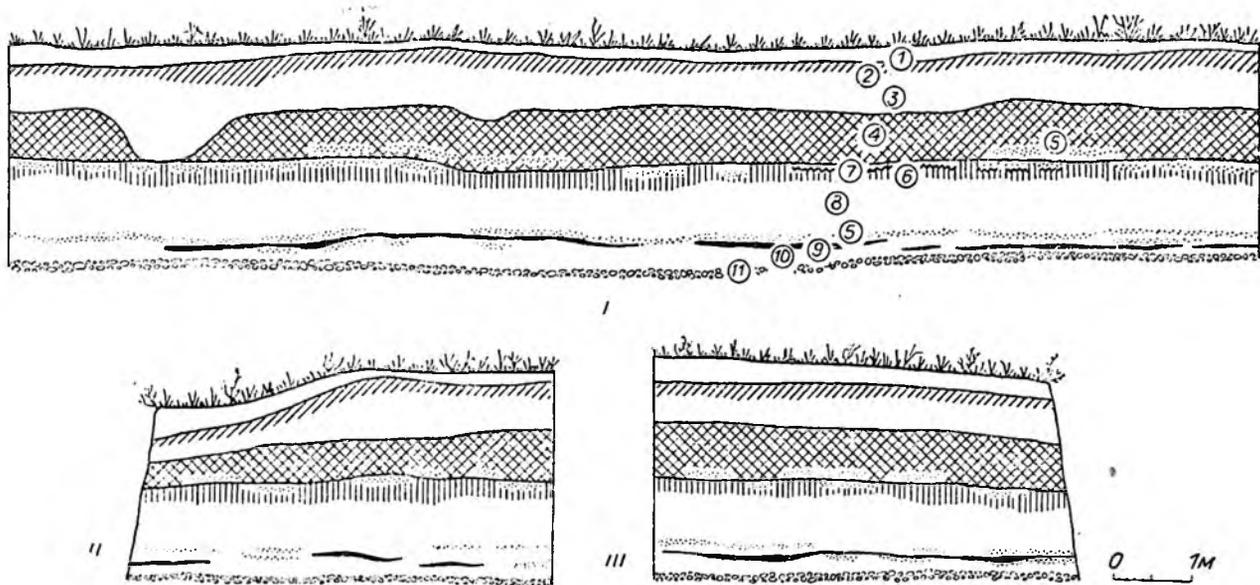

Рис. 12. Тепсей X. Разрезы по восточной (I), южной (II) и северной (III) стенкам раскопа.

дующем виде: галечник отлагался на дне пролежавшего здесь одного из основных русел, по которому ежегодно протекал стремительный весенний поток, настолько быстрый, что уносил все мелкие частицы, оставляя на дне только гальки величиной 7—10 см и заполняя свободные между ними пространства более мелкой галькой. Незадолго до появления на этом месте афанасьевцев русло быстрой весенней протоки переместилось. Здесь потекли спокойные воды, из которых оседали на дно мелкие частицы, образовавшие наслоения суглинка. Спустя какой-то довольно продолжительный период, за время которого отложился слой суглинка толщиной 100—120 см, наступил перерыв в накоплении осадочных материалов, на поверхности суглинка сформировался почвенный слой.

Культурные остатки афанасьевской культуры залегают с высоты 10—15 см над поверхностью галечника. Значит, афанасьевцы пришли на это место вскоре после того, как здесь начали отлагаться суглинки и поверхность русла протоки покрылась травяной растительностью. За время пребывания на рассматриваемой стоянке афанасьевцев суглинок успел отложиться всего на толщ в 15—30 см.

После некоторого перерыва процесс отложения речных наносов возобновляется, только на этот раз образуются супеси. Значит, снова здесь потекли быстрые воды, унося с собой глинистые частицы и оставляя тяжелые песчаные. Случилось это незадолго до прихода сюда таштыкцев, когда исследуемое место начало вновь заливаться внешними водами и стали отлагаться слои супеси. Культурные остатки

таштыцкого времени залегают в нижней части супесей, отложившихся толщей в 110—130 см. На этом прекратилось накопление осадочных отложений, и поверхностный слой преобразовался в почвенный. Покрывающий почву песок навеян ветрами недавно из продуктов разрушения подмываемого рекой обрывистого берега.

Культурный слой, содержащий остатки афанасьевской культуры, в северной части раскопа членился на две части. Здесь хорошо была видна нижняя углистая прослойка, выклинивающаяся на квадратах 15-го ряда. Верхняя углистая прослойка прослеживалась по всей южной половине раскопа и отчасти в северной, где она выклинивалась в 15-м ряду квадратов. В 16-м и 17-м рядах на ее уровне наблюдались лишь отдельные небольшие темные и темно-красные пятна — остатки кострищ. На уровне верхней углистой прослойки обнаружили немногочисленные культурные остатки, в том числе и каменный очаг 2 (см. рис. 13).

Очаг представлял собой круглую ямку диаметром 110, глубиной 15 см, выложенную тщательно подобранными плитками трапециевидной формы. Плитки уложены наклонно под углом 40° к горизонту. Верхние края их хорошо выровнены и находятся на линии верхней углистой прослойки.

Таким образом, очаг выглядел как плоское углубление на поверхности земли. Сверху шла углистая темно-бурая, местами почти черная прослойка толщиной 6—7 см, во многих местах сходящая на нет. Культурные остатки содержались в этой прослойке, а иногда встречались и в суглинке. К ним относятся горшечные че-

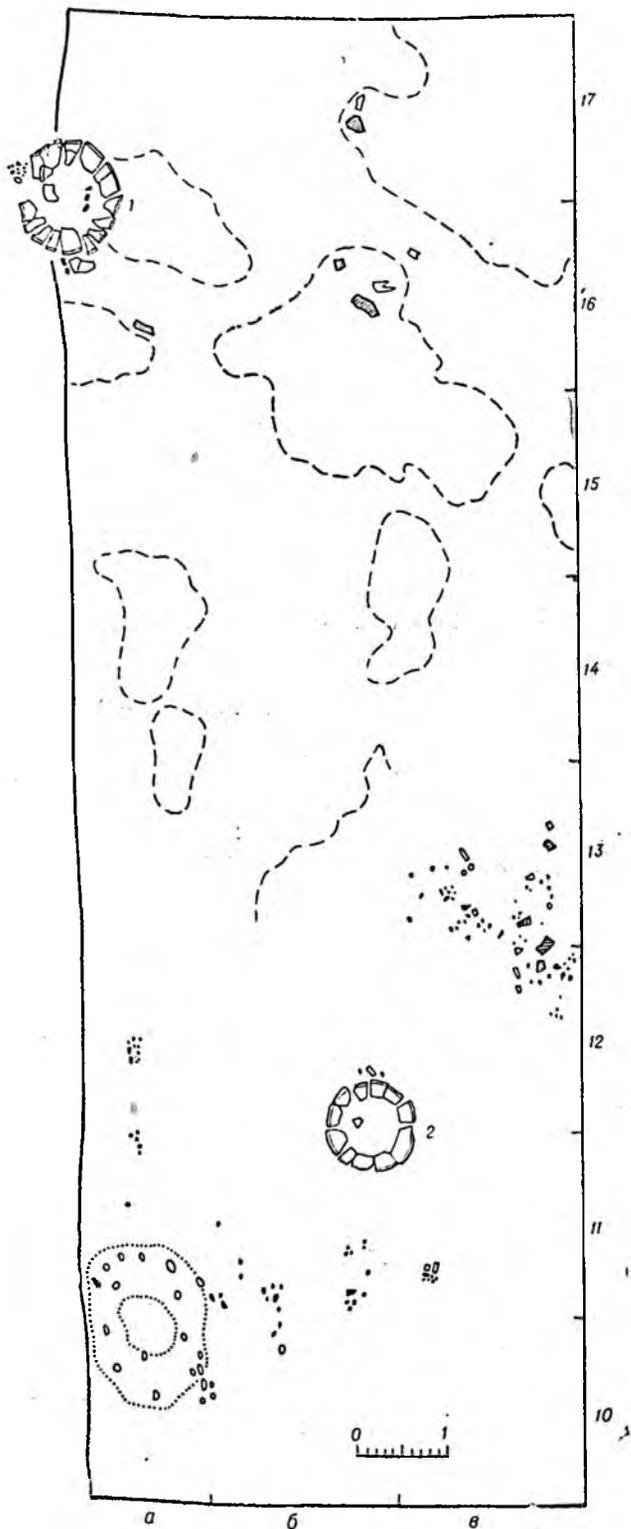

Рис. 13. Тепсей X. План раскопа.

репки, немного плохо сохранившихся костей животных, растрескавшиеся на огне камни, мелкие кусочки перегорелых костей, обломки

плиток из песчаника и галек. По площади раскопа культурные остатки распределялись неравномерно. Несколько обломков костей животных, каменных плиток и галек, разбросанных поодиночке, находилось в северной части раскопа, где горизонт отсутствовавшей здесь верхней прослойки определялся лишь по очажным плитам и прослоечке чистого песка. В квадратах 12, 13в, 10, 11а и 11б, т. е. к юго-западу и северо-востоку от очага 2, культурные остатки образовывали скопления отдельных мелких черепков и их групп, из которых удалось склеить крупные части сосудов, небольших кусков обугленного дерева и растрескавшихся на огне камней (до 20 кусков на 1 м²).

В нижней прослойке культурных остатков оказалось значительно меньше, и они не образовывали скоплений. Очаг 1 (см. рис. 13), устроенный совершенно так, как очаг 2, сохранился несколько хуже. Размеры его немного больше (диаметр 120 см). Выровненные верхние края плиток очага расположены на уровне нижней углистой прослойки. Плитки размещены более полого или, возможно, они оползли (под углом 25—30° к горизонту). В заполнении очага и совсем рядом с ним, на 10 см ниже его верхнего края, найдены фрагменты двух сосудов (см. рис. 13). Заполнение очага состояло из нескольких тонких чередующихся слоев чистого песка, глины с примесью песка и суглинки. Видимо, после того, как очагом перестали пользоваться, при первом же половодье находившиеся в нем угли и пепел были вымыты, и углубление очага в несколько приемов заполнилось прослойками песка, глины и суглинки, которые отложились из менявшего свою скорость водного потока.

Культурные остатки представлены черепками горшков, обломками костей животных, мелкими осколками перегорелых костей, гальками и растрескавшимися на огне камнями. Кроме того, к юго-востоку от очага, в квадрате 16б, обнаружили обломок шлифованного топора (рис. 14, 2) и кремневый посредник, а в квадрате 12а — так называемый «утюжок» из мелкозернистого кристаллического сланца (рис. 14, 5). Интересен тонкий первый скол с крупной гальки, использованный как скребок (рис. 14, 3; отмечен его рабочий край). Других каменных орудий, изготовленных техникой расщепления камня, не найдено. Не выявлено и следов обработки камня (отщепов, пластинок, осколков и т. д.).

Кости животных сохранились очень плохо. Многие из них настолько разрушены, что не поддаются определению. В двух углистых прослойках оказалось лишь 27 определенных костей и их фрагментов, из них 22 экз. — это зубы или фрагменты челюстей. Кости принад-

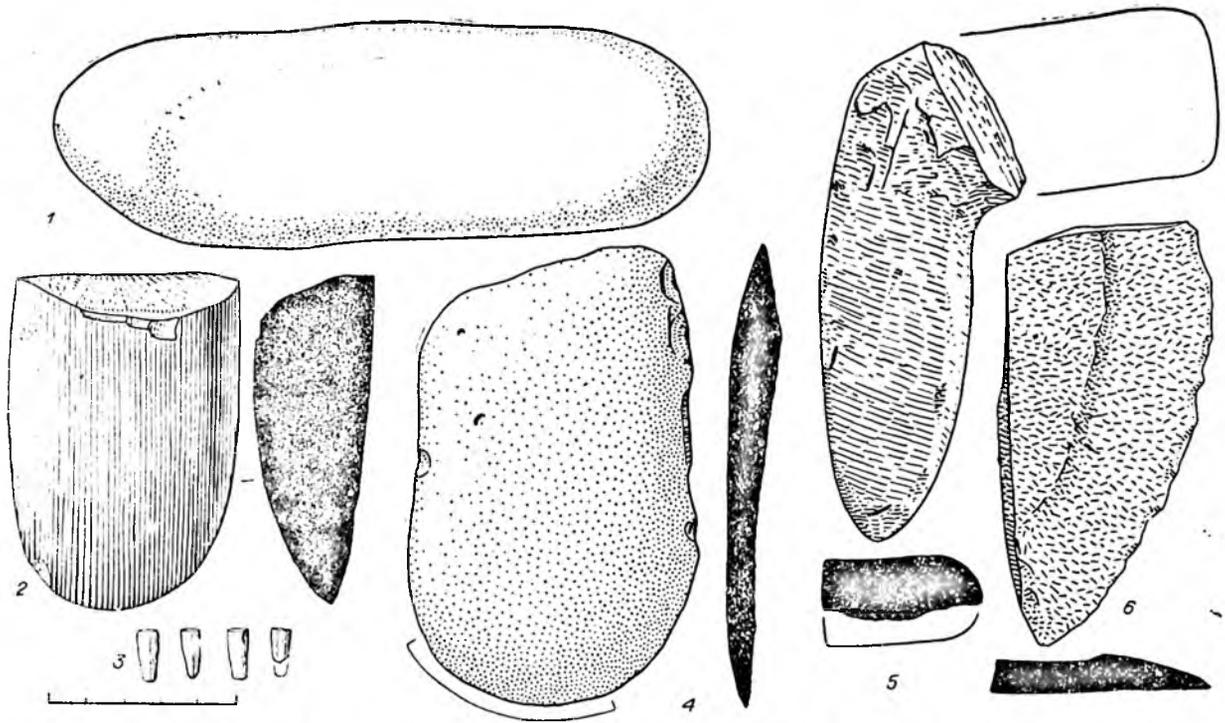

Рис. 14. Тепсей X. Каменные (1, 2, 4—6) орудия и костяные (3) изделия из нижнего слоя стоянки и из могил и из могил.

лежали трем видам домашних животных: корове — 4 обломка (нижняя челюсть, коренной зуб и метаподия); лошади — зуб (резец); овце — 22 обломка (19 зубов от 6 особей, нижняя челюсть, позвонок, предплюсна).

Стоянка афанасьевской культуры располагалась на краю в то время молодой, еще не сформировавшейся террасы, ежегодно заливаемой весенним половодьем. На этом ее участке только начали отлагаться речные наносы — плотный суглинок. Возможно, что здесь афанасьевцы жили лишь два летних сезона, и как след их пребывания остались две углистые прослойки, очаги и кострища, немного битой посуды, кости животных и другие отбросы. Весь обнаруженный в данном месте материал — афанасьевского типа. Керамика со стоянки такая же, какую находили в афанасьевских могилах — остродонные яйцевидные горшки и шаровидные или реповидные сосуды с орнаментом в виде елочки и ряда косых оттисков гребенки, покрывающих всю поверхность изделия. По изломам черепков отчетливо видно, что использовалась ленточная техника лепки сосудов. Особенно интересна находка каменного топора, «утюжка» и кремневого посредника, так как известно очень мало каменных орудий афанасьевской культуры.

Ценен, несмотря на плохую сохранность, остеологический материал. Число определен-

ных костей невелико, о составе стада судить трудно, тем не менее совершенно ясно, что скотоводство в афанасьевское время играло, может быть, более значительную роль, чем это принято думать. Отсутствие костей диких животных в культурном слое стоянки объясняется тем, что на берегу реки, у самой воды, можно было жить только летом после полного спада вешних вод. Вероятно, здесь селились на сезон рыбной ловли. Охотничьи угодья находились далеко, поэтому в культурный слой кости диких животных не попадали, а кости рыб не сохранились.

Наиболее ценно открытие в культурном слое каменных очагов. Подобного типа очаг в Сибири был известен давно — в верхнем палеолите и неолите. Его можно назвать древнейшим типом примитивной печи. Аккумулятором тепла являлись зола, угли и, возможно, песок, заполнявшие чашевидное углубление. В таком очаге удобно (во всяком случае, во много раз удобнее, чем на открытом костре) запекать пищу или варить ее в сосудах высокой формы (рис. 15, 1, 2). В чашевидном углублении в золе с песком долго сохраняются жар и тлеющие угли. В золу очага удобно ставить афанасьевские яйцевидные и неолитические круглодонные сосуды, по форме приближающиеся к яйцевидным. Возможно, такой конструкцией очага (чашевидной формы) и объясняется остро-

донность древнейшей неолитической и энеолитической глиняной посуды. В Сибири начиная с верхнего палеолита очаги выкладывали камнями. В неолите Восточной Европы очаг был без камней, но тоже чашевидной формы. Например, на неолитической стоянке Курмойла I в Карелии очаги, как правило, имели диаметр

линзы, покрытой слоем прокаленного песка толщиной 10—15 см.

Как и на горшках, обнаруженных в могилах афанасьевской культуры, на поверхности многих черепков из стоянки сохранился слой нагара или накипи. Накипь покрывает только верхнюю часть сосуда у его горла с внутренней

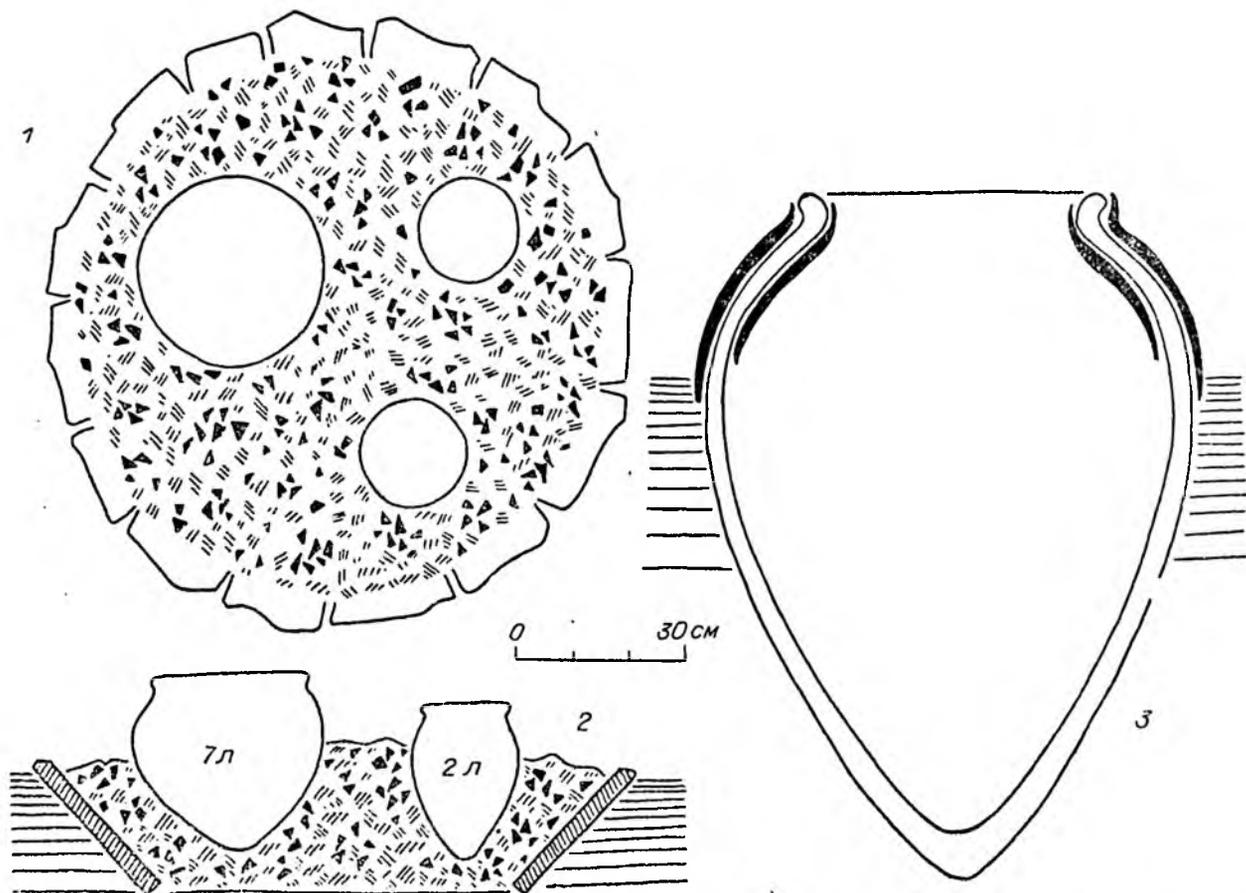

Рис. 15. Схема использования афанасьевской посуды на очаге (1, 2) и распределения нагара на сосуде (3).

100 и глубину 30—50 см (Гурина, 1961, с. 238—241).

Другой вид очага на афанасьевской стоянке представлен открытыми кострищами разных размеров и форм. На значительных участках они сливались в одну углистую прослойку. В них также, по-видимому, создавали толстый слой золы, углей и песка, в который ставили (втыкали) яйцевидные остродонные горшки и готовили в них пищу. В брошенном после ухода обитателей стоянки очаге оставался слой прокаленного песка, смешанного с золой и несгоревшими угольками. Во время паводка угольки и зола вымывались водой из верхних слоев кострища, а внизу сохранялись под остывшим песком. В результате в разрезе кострища выглядят в виде углисто-золистый

стороны и больше всего с наружной стороны, примерно на треть его высоты (рис. 15, 3). Отсюда также следует, что при варке пищи горшок погружали примерно на две трети его высоты в горячие золу, угли и песок очага. Выплескивавшаяся при кипении жидкость, содержащая органические вещества, прикипала к горячим стенкам горла и плечикам горшка. Если же она затекала ниже по стенкам горшка, то там на жару очага она сгорала без остатка.

ТЕПСЕЙ XIII

На краю надпойменной террасы, в 200 м к северу от афанасьевских могил в пункте

Т. VIII, в том месте, где с поверхности сдувается песок, М. Л. Подольский увидел круг, обрванный краями стоявшего в земле сложенного большого сосуда. Здесь были произведены раскопки на площади 8×5 м, а рядом с горшком выкопан глубокий шурф, однако никаких следов или остатков, связанных с этим сосудом, выявить не удалось.

Сосуд оказался крупной афанасьевской корчагой (наибольший диаметр 40 см), врытой острым дном в землю. Сохранилась нижняя ее часть. Сломалась корчага, вероятно, по месту соединения двух ее половин. При изготовлении больших афанасьевских сосудов верхнюю и нижнюю их половины формовали отдельно ленточным способом, а затем слепляли вместе. Место соединения этих частей сосуда оказывалось наименее прочным. По-видимому, в землю был зарыт целый сосуд, но затем его верхняя часть обломалась, и несколько черепков, в том числе и от венчика, упало на дно сосуда. Поверх черепков в сосуде лежала продолговатая галька длиной 18 см. Назначение сосуда осталось неясным. В землю он был вкопан с отверстием на дне, пробитым изнутри.

Очевидно, у подножия горы Тепсей афанасьевцы жили длительное время, повсюду оставив следы своего пребывания. Об этом же свидетельствуют и находки отдельных предметов афанасьевской культуры в других местах надпойменной террасы.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ В РАЗНЫХ ПУНКТАХ

Находки отдельных предметов афанасьевской культуры встречались как при раскопках, так и случайно на поверхности террасы.

ОКУНЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Вероятно, в Тепсее VIII, где раскопана одна хорошо сохранившаяся могила окуневской культуры, в свое время был целый могильник или, во всяком случае, ограда с несколькими могилами в ней. Однако здесь так много более поздних могильных сооружений, что, возможно, остальные могилы были уничтожены.

Каменный ящик могилы находился на склоне увала. Ящик несколько сместился и деформировался при образовании ложка. Вплотную к окуневской могиле примыкала каменная стена кургана сарагашенского этапа, тоже частично деформированная и смещенная. Могилу окуневской культуры исследовала в 1968 г. М. П. Завитухина, проведя раскопки только в

Тепсей 1. Каменная колотушка афанасьевского типа найдена в отвалах раскопов в 1967 г.

Она сделана из продолговатой речной гальки, рукоять ее оформлена «точечной» техникой, рабочий край сильно сбит.

Другая такая же колотушка обнаружена на скалистом склоне горы над пунктом Т. III в 40—50 м к юго-востоку от склепа 2. Отличается она от первой отсутствием на рукояти следов намеренной обработки. Использовалась удобная для держания в руке галька без какой-либо обработки. Рабочий край этой колотушки тоже сильно сбит.

Тепсей III. При разборке развала надмогильного сооружения могилы 28 был найден обломок (верхняя часть) каменной колотушки, сделанной «точечной» техникой из продолговатого речного валуна, — рукоять и «плечики» колотушки. На площади менее 20 м² были исследованы 2 погребения кыргызского времени — с конем и младенца вместе с бараном, 2 могилы и 2 ямки с поминальными приношениями таштыкской культуры, могила подгорновского этапа.

Следовательно, здесь неоднократно копались могильные ямы, устраивались надмогильные сооружения.

Возможно, что найденная нами колотушка в свое время была в каком-нибудь погребальном комплексе, а затем неоднократно перебрывалась и утратила связь с ним.

Но не исключено, что это выброшенный за ненадобностью предмет — ведь неподалеку от места находки располагалось поселение афанасьевской культуры Тепсей X и могильник Тепсей VIII.

пределах предполагавшегося ящика. Позднее здесь были произведены более широкие раскопки (М. П. Грязнов), а могила включена в общий раскоп.

Могила представляет собой каменный ящик из шести плит — по две плиты на длинных сторонах и по одной на торцовых. Размеры каменного ящика 150×70 см, высота 70 см, глубина могилы, вероятно, несколько больше. Дно выстлано плитами, что довольно обычно для памятников окуневской культуры (рис. 16).

На дне остатков погребения не оказалось, а на 20—30 см выше каменного пола на плоской поверхности лежал скелет человека в возрасте 16 лет, судя по вещам, — женщины.

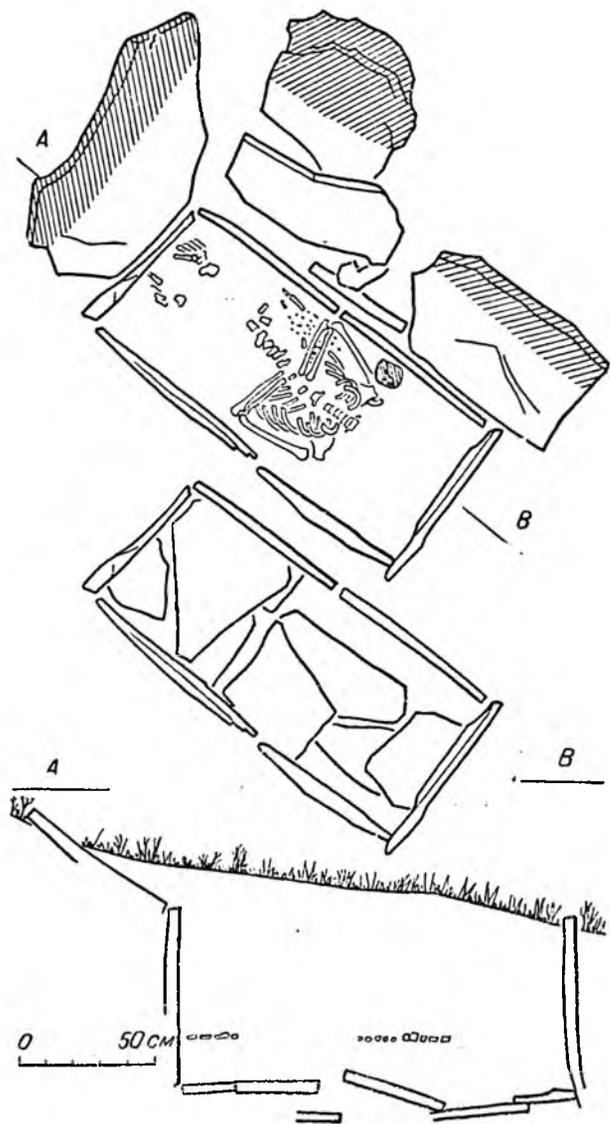

Рис. 16. Тепсей VIII. Ограда 2. План и разрез могилы.

Погребенная лежала на спине, колени подняты вверх, руки сложены на груди. Череп, тазовые кости и длинные кости ног были выброшены грабителями из могилы и исчезли, правая пяточная и таранные кости переброшены в область таза. Справа у плеча находился небольшой горшок (рис. 17, 4), а на уровне таза — игольник из птичьей кости с костяной иглой в нем (рис. 17, 1, 2) и бронзовое шило. Справа в области живота и нижней части груди рассыпались аргиллитовые мелкие, как бисер, бусы (92 экз.), 3 фигурные бусины и подвеска из клыка хищника (рис. 17, 3).

Могила по устройству, обряду погребения и инвентарю типично окуневская. Необычно лишь отсутствие ограды, но она, возможно,

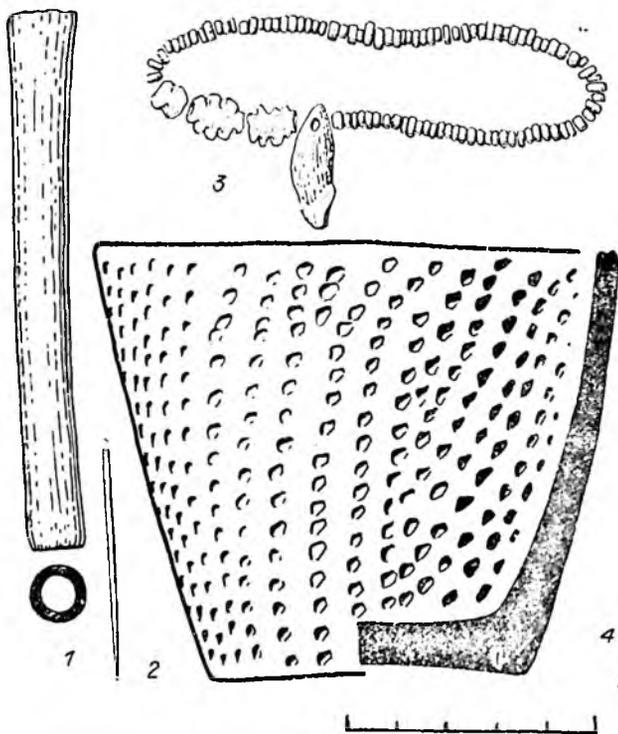

Рис. 17. Тепсей VIII. Ограда 2. Инвентарь погребения: 1, 2 — кость; 3 — камень (аргиллит) и зуб хищника; 4 — глина.

уничтожена при сооружении сарагашенской ограды, а также в процессе формирования склона увала. Новым представляется наличие белых аргиллитовых фигурных бус. Их можно сопоставить с желтыми стеатитовыми колечками, имеющими зарубки по внешнему краю, неоднократно встречавшимися в могилах окуневской культуры (Липский, 1954, рис. 36)¹, и с круглыми бусинами или бляшками тоже с насечками по внешнему краю, найденными в могиле окуневского облика в горах Норовлин в Монголии (Волков, Новгородова, 1973, с. 498; Волков, 1975, рис. 2). Возможно, что они в какой-то мере связаны с крестовидными белокаменными плоскими бусинками из близких по времени окуневским памятникам культур сапалли и заманбабинской в Средней Азии и далее на юго-запад (Аскарлов, 1962, рис. 2; 1973, табл. 30).

Приведенные аналогии позволяют высказать предположение, что окуневская культура, как и предшествующая ей афанасьевская, развивалась не в замкнутом кругу ближайших своих соседей, а во взаимодействии с культурами многих, порой далеких племен.

¹ А. Н. Липский ошибочно назвал эти колечки костяными и ошибочно же отнес их к афанасьевской культуре.

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

На конце пологого увала, идущего вдоль края надпойменной террасы, в Тепсее IV, во время разведочной поездки в 1966 г. были обнаружены и раскопаны 2 каменных ящика (М. П. Грязнов). Оба ящика оказались ограбленными в древности, покрытия их не сохранились.

Могила 1. Ящик, сложенный из 6 каменных плит. Его размеры 150×90 см, глубина 40 см. На дне в беспорядке лежали кости женщины 20—25 лет (обломки черепа с нижней челюстью, ключица, несколько ребер, локтевые, лучевые и мелкие кости). На носовых костях черепа сохранились следы окиси меди. Среди костей обнаружили несколько черепков сосуда баночного типа андроновской культуры.

Могила 2. Круглая ограда из вертикально поставленных плит, ее диаметр 4,5 м. Сохранилась лишь юго-восточная ее часть. В центре ограды — ящик, сложенный из 4 плит. Его размеры 190×60 (40) см, глубина 45 см. На дне в первоначальном положении лежали череп и кости правой руки двухлетнего младенца, погребенного, по-видимому, на правом боку, головой на СВ. На костях левого пред-

плечья остались следы окиси меди. Здесь же найдено несколько бронзовых бус.

Обе могилы типично андроновские по устройству ограды, каменному ящику, положению скелетов, по типу горшка и наличию бронзовых украшений (бусы, зелень на костях). Особый интерес представляет то, что андроновский могильник состоит не из десятков могильных оград, как обычно, а только из нескольких могил. Однако возможно, что раскопанными двумя захоронениями могильник не исчерпывается. Не исключено, что здесь были еще могилы, разрушенные позднее сооруженным таштыкским склепом или занесенные песком, а потому нами не обнаруженные. Однако, по всей видимости, их было немного. В небольшом по площади пункте Т. IV могло разместиться лишь не более 4—5 могил. В соседних же пунктах, где раскопками вскрыты значительные площади, андроновских могил не оказалось. Следовательно, можно сделать такой вывод: андроновские племена хоронили своих умерших не только на относительно обширных родовых кладбищах, но иногда и в небольших могильниках, как на Тепсее IV, рассчитанных на захоронение в них лишь нескольких человек.

КАРАСУКСКАЯ КУЛЬТУРА

На исследованной надпойменной террасе расположено несколько памятников карасукской культуры. Это, во-первых, большой, насчитывавший, вероятно, многие десятки, а может быть, и сотни карасукских оград могильник в пунктах Т. XIV—Т. XVI, Т. XVIII. Большая часть оград была завезена песком, и на поверхности виднелись только ограды в северной и южной частях могильника. Две цепочки — одна из четырех пристроенных друг к другу оградок, другая из двух — открыты при раскопке сарагашенских курганов в пункте Т. VIII. Недалеко от них, в пункте Т. VI, находится небольшой детский могильник. Наконец, на краю террасы, в крайней северной ее части, сохранились остатки сильно развеемого карасукского поселения в пункте Т. XII.

ТЕПСЕЙ VIII

ОГРАДА 3. На поверхности увала не сохранилось никаких следов ограды, сооружение полностью покрыл слой давно навейного вет-

рами песка. Ограда 3 обнаружена при раскопках ограды 1 сарагашенского этапа, которая была устроена частично поверх первой. Ограда 3 состояла из четырех пристроенных друг к другу в ряд прямоугольных оградок (рис. 18). Оградка могилы А сохранилась полностью, оградки могил Б и В в северной части повреждены бульдозером при рытье траншей для сиклоса, оградка Г либо разрушена при сооружении ограды 1, либо была сделана из нестойкого материала (дерева или дерна?), а потому не сохранилась. Ограда 3 сооружена из тонких вертикально врытых каменных плит. Верхний край ее неровен, плиты обломаны, и края их находятся частью в слое погребенной почвы, а частью возвышаются над ним на 10—20 см. Первоначальная высота стен ограды осталась невыясненной. Плиты западных стен оград над могилами А, Б и В несколько наклонены внутрь, а трех остальных стен — наружу. Это дает повод предполагать, что над могилами в свое время были возведены как-то небольшие земляные сооружения, потом расплывшиеся, заполнившие своей массой всю

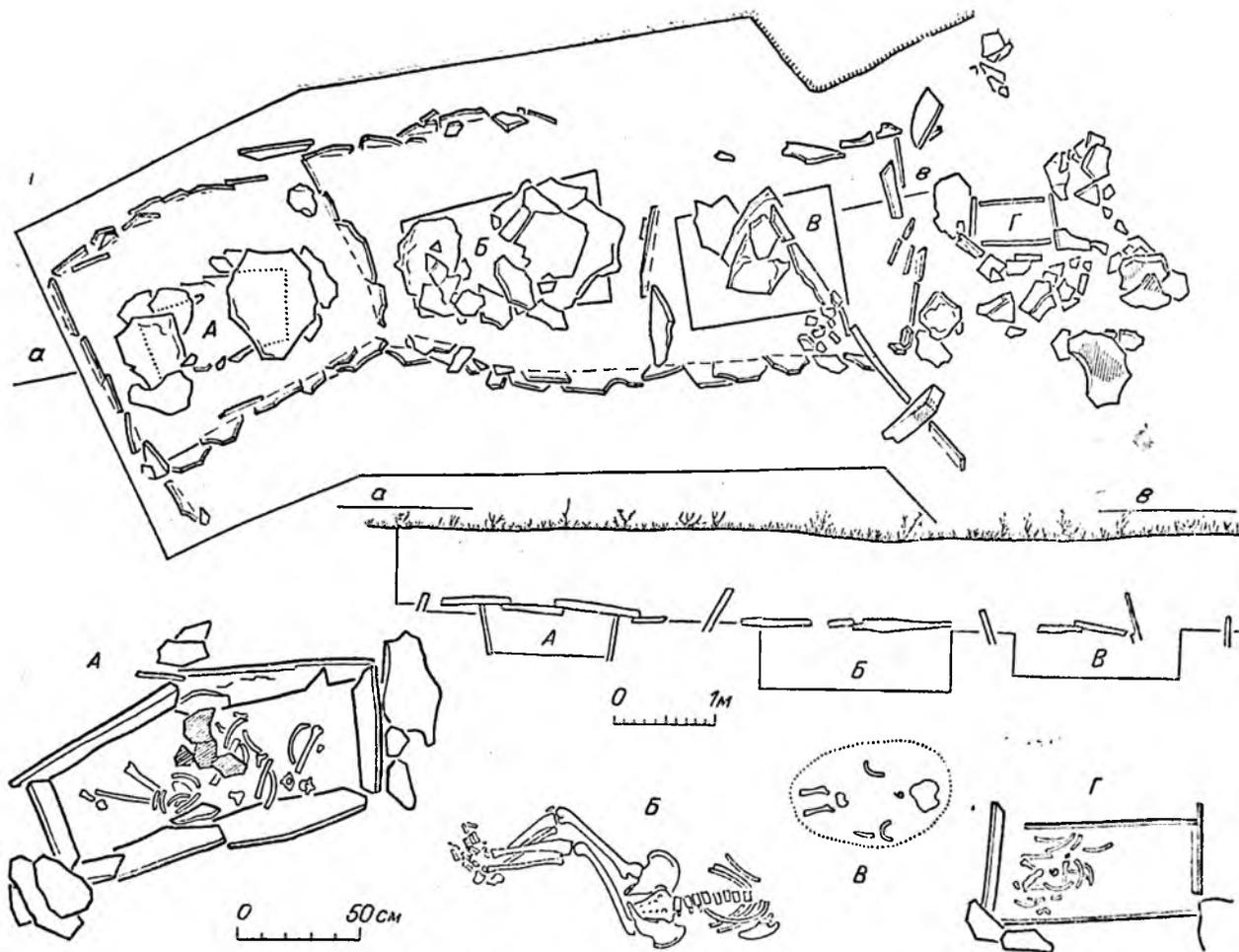

Рис. 18. Тепсей VIII. Ограда 3. План и разрез оград и планы могил А, Б, В, Г.

площадь каждой оградки и, наконец, отклонившие плиты стен наружу. Надо думать, что к западу от оградки над могилой А находилась еще одна оградка, которая была сооружена первой, затем к ней пристроена оградка могилы А, к ней — оградка Б и т. д. Оградки пристраивались к восточной стене предыдущих оградок.

Могила А. Размеры оградки 2,5×2 м. Посередине ее находился каменный ящик из шести плит, наклоненных наружу. Внутренние размеры ящика по дну 125×40 см, глубина 50 см от погребенной почвы. На поверхности погребенной почвы уцелело несколько плиток, оконтуривавших ящик. Покрытие состояло, видимо, из трех плит, две из которых сохранились на местах на концах могилы, а третья, средняя, выброшена грабителями. На дне в беспорядке лежали разрозненные кости подростка 9 лет. Череп с нижней челюстью, кости одной ноги и многие мелкие кости отсутствовали.

На дне нашли также обломки горшка (рис. 19, 2).

Могила Б. Размеры оградки 3×2,5 м. Ящика нет. Форма могильной ямы не установлена. На поверхности погребенной почвы покрытие из плит, нарушенное грабителями в западной его половине. На глубине 60 см от поверхности погребенной почвы обнаружен скелет взрослой женщины, не старой, но с болезненными изменениями на грудных и поясничных позвонках. Погребенная лежала на спине, головой на В, слегка оклонившись направо, кости ног ее слабо согнуты в коленях. Череп с нижней челюстью, кости предплечья и верхней части грудной клетки отсутствуют. В заполнении могилы оказался плохо сохранившийся диафиз бедренной кости другого взрослого человека и несколько плохой сохранности черепков от горшка с зигзаговым орнаментом (рис. 19, 1).

Могила В. Размеры оградки 2,5×2 м. Ящи-

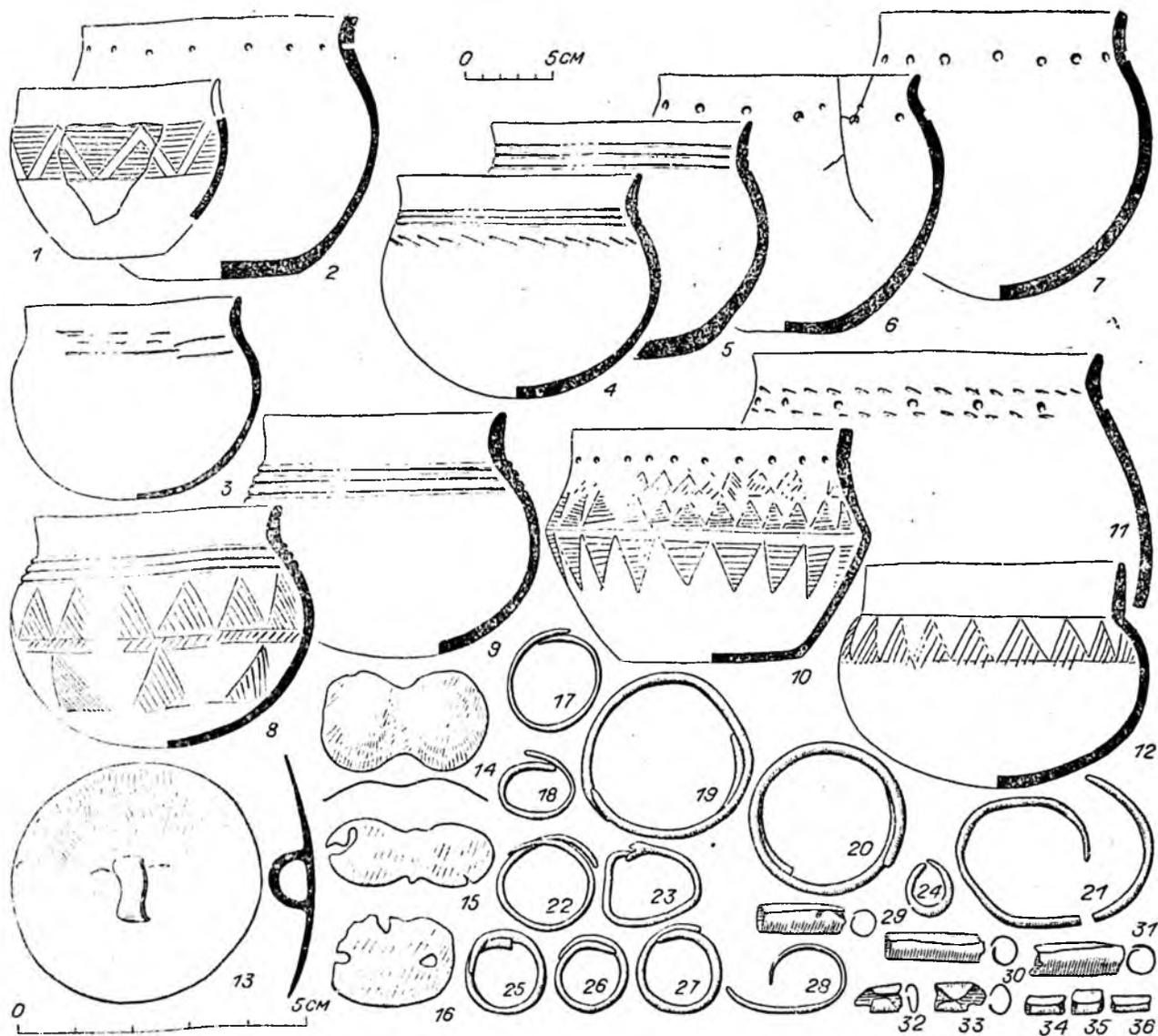

Рис. 19. Керамика и вещи из карасукских могил:

Tenceй VIII, огр. 3: 1 — мог. Б; 2 — мог. А; 17 — мог. Г; 20 — мог. В; огр. 6: 18, 19, 21 — мог. 1. *Tenceй XIV*: 3, 15, 22, 32 — огр. 2, мог. 2; 4-7, 16, 23, 28-31; 33 — огр. 2, мог. 1; 8, 9 — огр. 3; 11, 13, 14 — огр. 4; 24-27 — огр. 6, мог. 2. *Tenceй V*: 10 — огр. 3; 12 — огр. 2.

ка нет. Форма и размеры ямы не установлены. Покрытие из нескольких плит на поверхности погребенной почвы занимает площадь 160×100 см. На глубине 50 см находился скелет младенца 2 лет. Судя по положению бедренных костей и фрагментов черепа, погребенный лежал на спине, головой на В. Около черепа найдено бронзовое височное колечко с сомкнутыми концами (рис. 19, 20). Могила ограблена, вероятно, еще до сооружения ограды 1 сарагашенского этапа, так как она пересекает по диагонали могилу В и плиты ее стены врыты поверх плит покрытия и частично грабительского хода. Ограбление

произведено либо строителями ограды 1 до возведения ее стен, либо задолго до этого в более древнее время.

Могила Г. Ограда отсутствует. В центре предполагаемой ограды расположен каменный ящик из четырех хорошо подогнанных тонких плит. Размеры его 90×40 см, глубина могилы 40 см. На поверхности погребенной почвы сохранилась часть окаймляющих ящик тонких плит. К югу от ящика разбросаны плиты покрытия. На дне могилы встретились разрозненные кости двухлетнего младенца. Многих костей недостает, в том числе черепа и нижней челюсти. Среди костей обнаружили

бронзовое проволочное височное кольцо с незамкнутыми концами (рис. 19, 17). Могила ограблена.

Устройство оград и могил, положение погребенных, форма и орнамент горшков, височные кольца — все это типично для могильников карасукской культуры, ее первого, собственно карасукского, этапа. Несколько необычно лишь отсутствие в двух случаях каменных ящиков, хотя покрытие этих могил точно такое же, как если бы они здесь были. Странно и отсутствие ограды у могилы Г, однако по положению последней можно приблизительно определить размеры отсутствующей ограды.

ОГРАДА 6. На поверхности виднелись края каменного ящика и частично стены ограды. Состояла ограда из двух примыкающих одна к другой оградок (см. рис. 35). Юго-западная оградка имела размеры 4×4 м, северо-восточная — 4×3 м. Обе они были сооружены из тонких и некрупных плит песчаника. Юго-восточная стенка оградок не сохранилась. По-видимому, оградки имели продолжение к северо-востоку, разрушенное при сооружении ограды 5. В оградках находилось по одной могиле.

Могила 1. Располагалась в юго-западной оградке (рис. 20, 2). На поверхности выступали края каменного ящика, плиты покрытия которого были сброшены. Размеры ящика 195×95 см, глубина 85 см. Он сложен из массивных плит, отклонившихся наружу. На дне находился скелет мужчины старческого возраста, лежавший на левом боку, с вытянутыми

ногами, головой на ЮЗ. Кости правой половины скелета (рука, таз и нога) отсутствовали. На височных костях имелись бронзовые проволочные кольца (рис. 19, 18, 19, 21).

Могила 2. Каменный ящик размерами 180×80 см, глубиной 80 см, ориентированный по линии СЗ — ЮВ. В нем в беспорядке лежали разрозненные кости мужского (?) скелета. Череп, лопатка, ребра, локтевая, тазовая и мелкие кости отсутствовали. Вещей не оказалось.

Отсутствие глиняной посуды затрудняет датировку погребений. Наличие ряда других признаков позволяет предположительно отнести их к карасукской культуре. Это такие признаки, как оградка из тонких плит песчаника, индивидуальная для каждой могилы, трапециевидная форма ящика, положение погребенного на левом боку и характерные височные кольца, позднее карасукской эпохи не встречающиеся. Кольца изготовлены из бронзовой круглой в сечении проволоки почти в два с половиной оборота.

ТЕПСЕЙ XIV

На надпойменной террасе, но не на краю ее, а по склону пологого поперечного ложка, примерно в 500 м к северо-северо-западу от пункта Т. III, обнаружено несколько карасукских оград. Две из них были хорошо видны, присутствие же других угадывалось по наличию нескольких врытых вертикально плит. Нам удалось раскопать 6 оград (рис. 20, 1): 2 в 1969 г. (И. В. Витенкова) и 4 в 1970 г. (Н. А. Аванесова).

ОГРАДА 1. На поверхности виднелись обломанные верхние края тонких плит. Ограда прямоугольная (3×2,5 м), ориентирована по линии ЮЗ — СВ (рис. 21, 1). Особенности ограды в том, что ее северо-западная и юго-восточная стены длиннее соответствующих сторон огражденного пространства — длина их не 2,5, а 3 и 3,3 м. Концы этих стен выходят за пределы огражденного прямоугольника. В ограде одна могила. Каменный ящик размерами 145×50 см внизу и 160×65 см сверху сложен из четырех плит (рис. 22, 1), высота его 50 см, глубина могилы 60—75 см. Покрытие ящика состояло, по-видимому, из двух больших тонких плит. Могила ограблена, плиты покрытия разбиты. Обломки плиты юго-западной части могилы остались частично на месте. Большую часть этой плиты удалось собрать и определить ее форму и размеры — 140×125 см (рис. 22, 2). На дне ящика, около юго-западного его конца, находилась куча костей человека в возрасте 14—15 лет и животных. От скелета человека сохранились лопатки, ключица, грудина, все длинные кости ног, немного позвонков, ребер

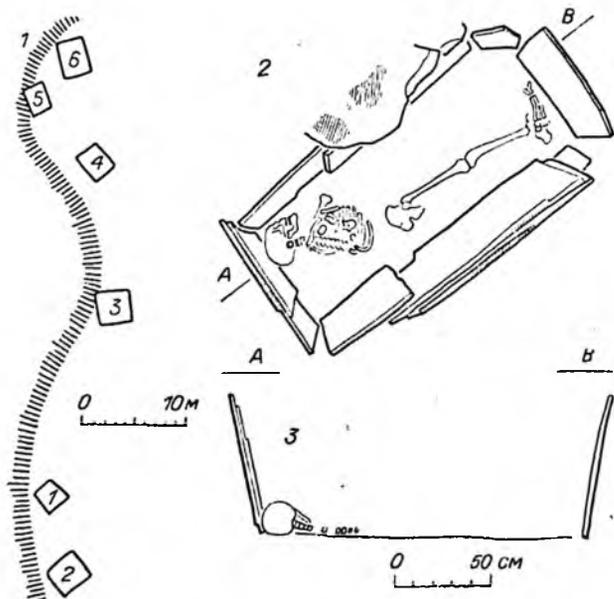

Рис. 20. План могильника Телсей XIV (1), план (2) и разрез (3) Телсей VIII, огр. 6, мог. 1.

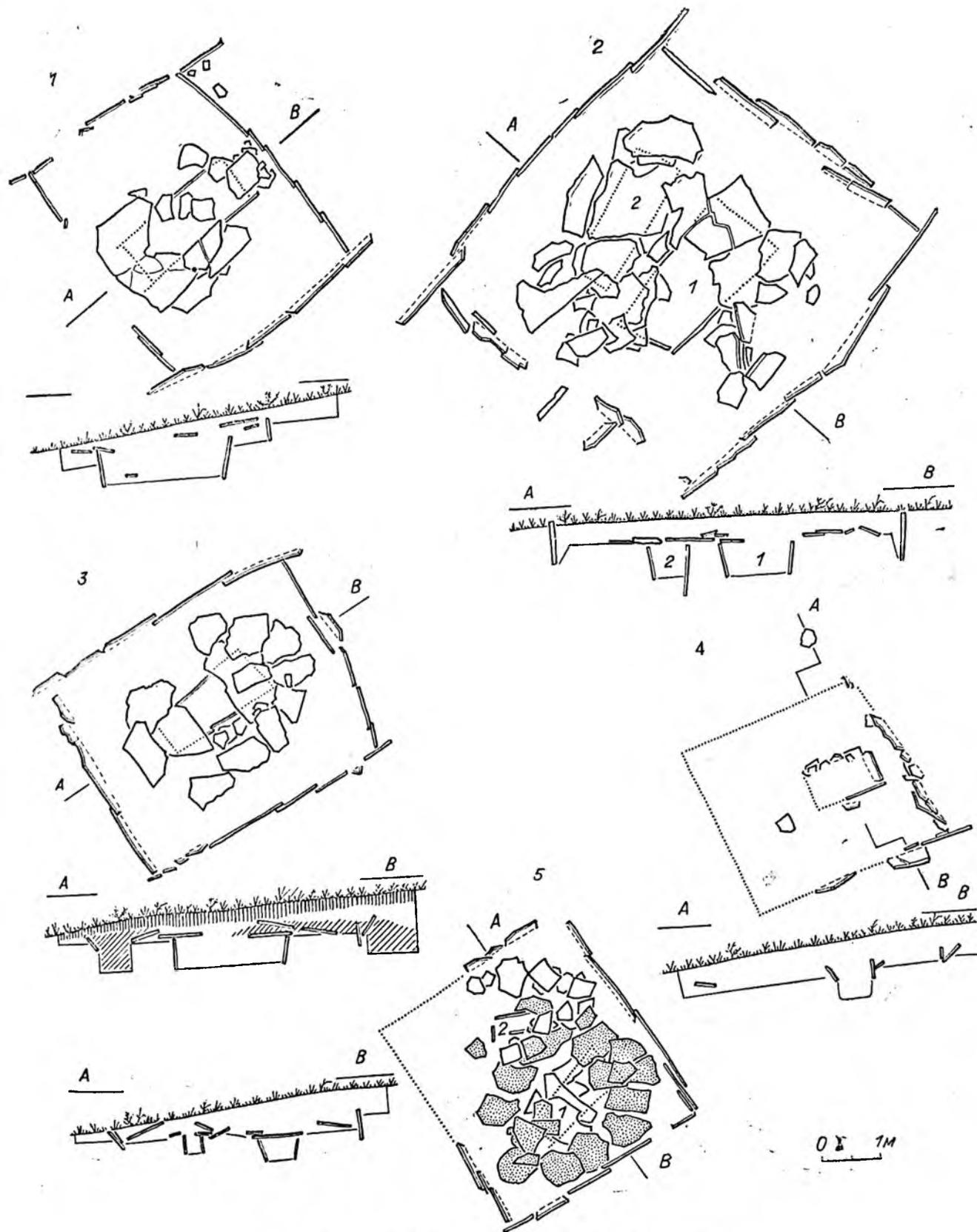

Рис. 21. Телсей XIV. Планы и разрезы карасукских оград:
 1 — огр. 1; 2 — огр. 2; 3 — огр. 3; 4 — огр. 5; 5 — огр. 6.

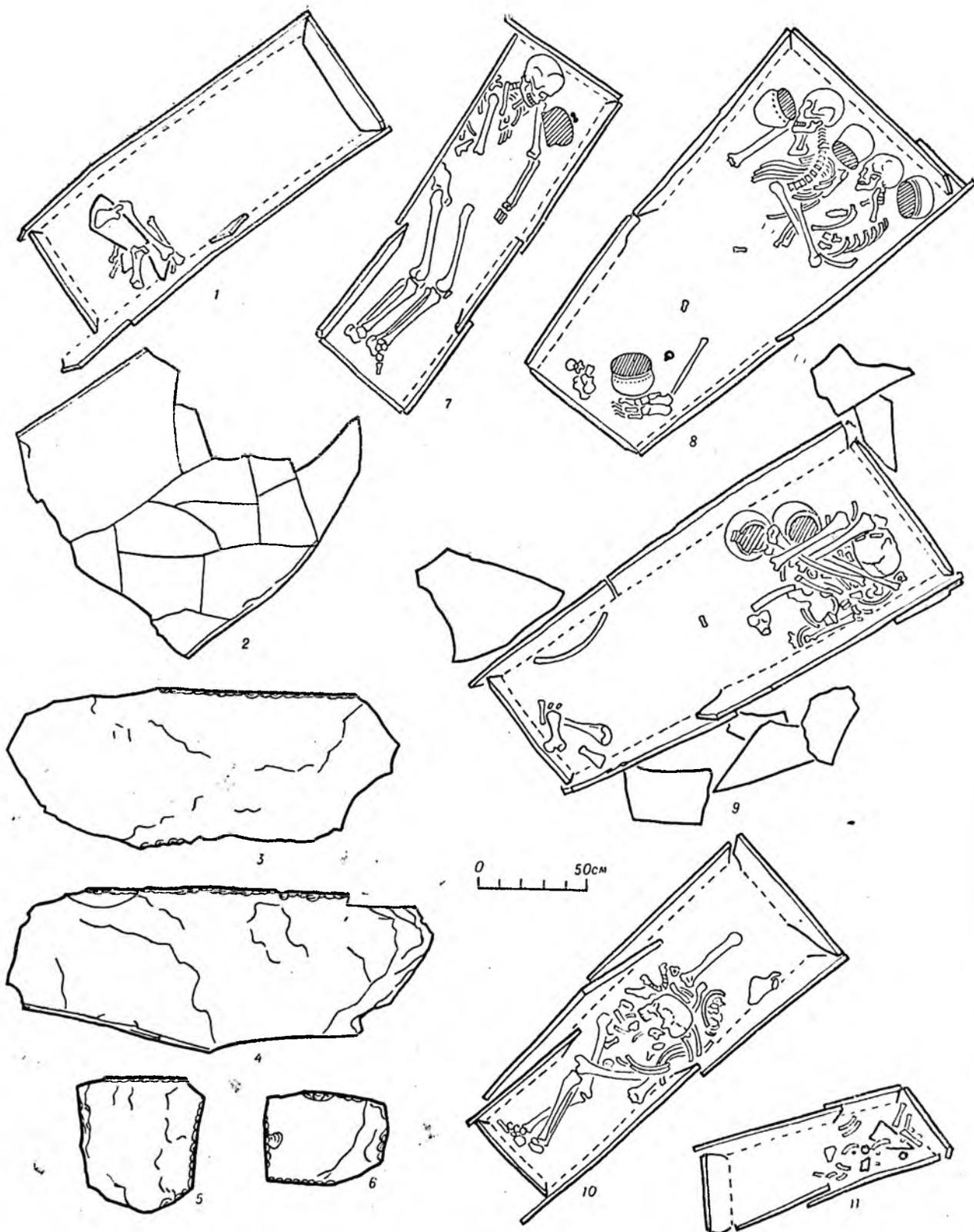

Рис. 22. Телсей XIV. Планы могил:

1 — огр. 1; 2—6 — детали каменного ящика в ней (2 — плита покрытия, 3 — северо-западная плита, 4 — юго-восточная, 5 — северо-восточная, 6 — юго-западная); 7 — огр. 2, мог. 2; 8 — огр. 2, мог. 1; 9 — огр. 3; 10 — огр. 6, мог. 1; 11 — огр. 6, мог. 2.

и мелких костей. На шейных позвонках видна медная зелень, вероятно, от серьги. Среди костей животных корове принадлежат бедро, голень, пятка, 4 членика грудины, обломок ребра и овце — обломок нижней челюсти. Вещей не обнаружено.

ОГРАДА 2. На поверхности виднелись края плит двух стен ограды (рис. 21, 2). Ограда — квадратная (4×4 м), состояла, как и первая, из тонких плит, концы ее северо-западной и юго-восточной стен тоже выходили за пределы огражденного прямоугольника. Верхние края плит обломаны, и судить о первоначальной высоте ограды мы не можем. В ограде две могилы — одна в центре, другая рядом, к северо-западу от нее. Обе могилы ограблены, но разными приемами.

Могила 1. Трапецевидный ящик из шести плит (рис. 22, 8). Его размеры 190×110 (70) см, высота 45 см, глубина могилы 70—80 см. Покрытие ящика из тонких плит разбито и разбросано грабителями, и лишь в северо-восточном (головном) конце могилы поломанные плиты покрытия остались на месте. В могиле обнаружили два скелета, оба лежали на правом боку, головой на СВ. Первый принадлежал мужчине 20—30 лет, на месте сохранились череп, грудная клетка, обе лопатки и правая плечевая кость; второй — мужчине (?) 20—30 лет, уцелели череп, часть грудной клетки, малая берцовая и кости стопы левой ноги. В головах погребенных стояли 3 горшка, четвертый — в ногах (рис. 19, 4—7). Возле первого скелета найдены бронзовая серьга, похожая на серьгу с раструбом (рис. 19, 23), 3 трубочки-пронизки и овальная нашивная тонкая пластинка (рис. 19, 16, 29—31), возле второго — бронзовые серьга и трубочка-пронизка.

Могила 2. Прямоугольный ящик из семи тонких плит. Его размеры 170×55 см, высота 40 см, глубина могилы 70 см. Покрытие из тонких плит. Грабители пробили небольшое отверстие в плитах северо-восточной части покрытия, сдвинув некоторые из них. Отверстие пробито ударами сверху, что подтверждается находкой полулунного осколка плиты, точно подошедшего к краю пробитого отверстия. На дне лежал скелет мужчины 20—25 лет, слегка повернутый на левый бок, прислоненный к северо-западной стенке ящика, ориентированный головой на ССВ (рис. 22, 7). По-видимому, грабитель только просунул руку в могилу и выбросил из нее незначительную часть костей — поясничные позвонки, крестец и одну тазовую кость, лучевую и часть локтевой, все остальное было не потревожено. В головах погребенного перед лицом находился горшок (рис. 19, 3), возле него — бронзовая пластинка в виде двух соединенных кружков (рис. 19, 15), у височной кости — проволоочное колечко

в 1,5 оборота (рис. 19, 22), а в потревоженной грабителем части могилы — обломок трубочки-пронизки (рис. 19, 32).

ОГРАДА 3. Прямоугольная (4,5×4 м), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На склоне ложка был виден только западный угол ограды (рис. 21, 3), остальную часть ее закрывал слой песка толщиной до 60 см. В центре ограды находилась могила, представлявшая собой трапецевидный ящик из шести плит, покрытый тремя поперечными плитами, средняя из которых выброшена грабителями. Размеры ящика 185×65 (50) см, высота 50 см (рис. 22, 9). Над могилой возвышался плоский холмик, покрытый, как панцирем, плитами. Судя по ним, размеры холмика были 3,5×2,8 см, а высота не менее 40 см. На дне ящика, в северо-восточной части, обнаружили груды костей человека — полный скелет мужчины 25—30 лет (не хватает левого бедра) и 2 горшка с нарядным орнаментом (рис. 19, 8, 9). Там же и в противоположном конце ящика, в его заполнении нашли кости молодой коровы (лопатка, ребра, плечевая, локтевая, бедренная, берцовая) и молодой овцы (лопатка, ребра, локтевая, бедренная, берцовая).

ОГРАДА 4. Квадратная (4×4 м), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На поверхности виднелись повалившиеся по склону плиты ее юго-западной стены. Ограда погребена под слоем песка толщиной до 40 см. В центре расположена могила — трапецевидный ящик из шести плит, размеры которого 170×85 (70) см, высота 50 см. Могила опустошена грабителями. На дне сохранились остатки скелета взрослого человека пожилого или старческого возраста, судя по экзостозам на позвонках и костях предплечья. Уцелели только плечевая, локтевая и лучевая кости, обломки бедренных, берцовых и немного мелких костей. Среди человеческих останков обнаружили бронзовые бляшки (рис. 19, 13, 14), цилиндрическую пронизку, обломки горшка (2) (рис. 19, 11) и кости овцы (лопатка, ребра, локтевая, бедренная и берцовая). Выше, над остатками плит покрытия, нашли метаподию и 2 ребра коровы.

ОГРАДА 5. Сильно разрушена, сохранилась только восточная ее часть. Вероятно, ограда была квадратной, размерами 3 (?)×3 м (рис. 21, 4). Внутри нее располагался прямоугольный ящик из плит, его размеры 110 (?)×60 см, высота 50 см. Покрытие не сохранилось. Могила опустошена грабителями. В ней уцелели лишь 2 позвонка взрослого человека пожилого или старческого возраста.

ОГРАДА 6. Прямоугольная (4×3 м), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Западный угол ее не сохранился. В ограде 2 могилы (рис. 21, 5).

Могила 1. Трапециевидный ящик из семи плит, покрытый четырьмя плитами. Его размеры 150×55 (40) см, высота 45 см. Две средние плиты покрытия несколько сдвинуты грабителями, но остались на месте. Над могилой, видимо, был земляной холмик высотой около 50 см, диаметром 3—3,5 м, покрытый тонкими плитами. На дне ящика обнаружили скелет женщины 25—40 лет. На своем первоначальном месте сохранились кости обеих ног (рис. 22, 10). Судя по их положению, погребенная лежала на спине, головой на СВ. Остальные кости и череп брошены грудой посередине могилы. На правой височной кости черепа и на первом шейном позвонке медная зелень, очевидно, от бронзовой серьги. Среди костей человека встретился обломок большой берцовой кости молодой овцы.

Могила 2. Маленький ящик неправильной формы из шести плит (рис. 22, 11). Его размеры 90×30 см, высота 35 см. Покрытие могилы не сохранилось. Над ней тоже возвышался холмик диаметром 2—2,5 м, высотой около 40 см, покрытый панцирем тонких плит, причем эти плиты в южной части налегали на панцирь первой могилы. Следовательно, сначала была сооружена могила 1, а затем, спустя какое-то время, могила 2. На дне в беспорядке лежали кости трехлетнего ребенка, а среди них — 4 бронзовых височных кольца (рис. 19, 24—27). Могила ограблена.

Рассмотренные 6 оград составляют южную окраину большого карасукского могильника. Их обнаружили лишь потому, что по склону овражка слой навесного песка был смыт и стены оград вышли на поверхность. Северная окраина могильника открыта нами в пункте Т. XV, а северо-восточная — в пунктах Т. XVI и Т. XVIII.

ТЕПСЕЙ XV

Здесь в 1969—1970 гг. был раскопан частично разрушенный оврагом сарагашенский курган (рис. 23, огр. 1). В 1975 г. в вершине оврага обвалилась часть карасукской ограды (огр. 3), а к западу от сарагашенского кургана, рядом с ним, ветрами развеяло другую карасукскую ограду (огр. 2). На дне большого котлована выдвигания в 20 м к северу от ограды 3 лежала грудa плит еще от одной ограды, уже полностью разрушенной ветрами, а еще дальше разбросаны плиты от нескольких других оград. Наконец, в 40 м к северо-востоку от ограды 1 виднелась часть большой круглой ограды (диаметр около 12—15 м), сложенной из плитняка. Возможно, это тоже могила карасукского времени. Раскопаны 2 карасукские могилы — ограда 2 (Н. А. Боковенко) и ограда 3 (Е. Л. Немировская).

ОГРАДА 2. Квадратная (4,5×4,5 м), ориен-

тирована по линии ЮЗ — СВ (рис. 23, 3). Западный угол ограды обрушен, а с большей ее части слой навесного песка (толщиной до 70 см) сдут, и поверхность древней погребенной почвы обнажена. Нами расчищена вся площадь ограды, кроме восточного угла. В центре ограды прямоугольный ящик, сложенный из девяти тонких плит. Его размеры 180×70 см, высота 50 см. Покрытие из плит, занимавшее площадь 3×2 м, раздвинуто посередине грабителями. В могиле находился скелет взрослой женщины. На дне, *in situ*, кости ног, правая тазовая, грудная клетка и кости обеих рук (без кистей). Остальные кости лежали выше, в заполнении могилы, но многих из них не хватало, отсутствовал и череп. Погребенная лежала на правом боку, головой на СВ, со слегка согнутыми ногами, прислоненная спиной к стенке ящика. Перед грудью, по-видимому, не сдвинутый со своего первоначального места, стоял горшок с нарядным орнаментом (рис. 19, 12).

ОГРАДА 3. Обнаружена в обрыве оврага. Большая ее часть обрушилась вниз, на месте остались две смежные стены и сама могила в северном углу ограды (рис. 23, 1, 2). Размеры ограды не менее 3×2 м. Над ней (над погребенной почвой) отложился слой навесного песка толщиной около 50 см. Возможно, что сохранившаяся могила не основная, а дополнительная — детская. Это прямоугольный ящик из пяти плит. Его размер 135×50 см, высота 40 см. От покрытия сохранились 2 плиты в северо-восточной части ящика. На дне находились кости подростка 8—10 лет. На своем месте остались череп, часть грудной клетки, правая рука; остальные кости, кроме нескольких ребер, отсутствовали. Погребенный лежал на правом боку, прислоненный спиной к стенке ящика, головой на СВ. Перед грудью располагался горшок с нарядным орнаментом (рис. 19, 10), около черепа — 2 бронзовых колечка (серьги) и пронизка.

ТЕПСЕЙ XVIII

Между большим тесинским курганом Тепсей XVI и пунктом Т. XV на поверхности террасы виднелись угловые камни четырехкаменных курганов, вероятно, подгорновского этапа, а в колеях наезженной автомашинными дорогами — карасукские ограды. Одна такая ограда раскопана в 1970 г. (М. П. Грязнов).

Ограда прямоугольная (4×5 м), ориентирована по линии ЮЗ — СВ. Стены ее полностью сохранились, лишь юго-западная уничтожена. В центре находился прямоугольный ящик из шести плит. Его размеры 180×50 см. Плиты покрытия были раскиданы грабителями и раздавлены колесами машин. На месте сохранилась только одна поперечная плита на юго-западном конце могилы. На дне обнаружили не-

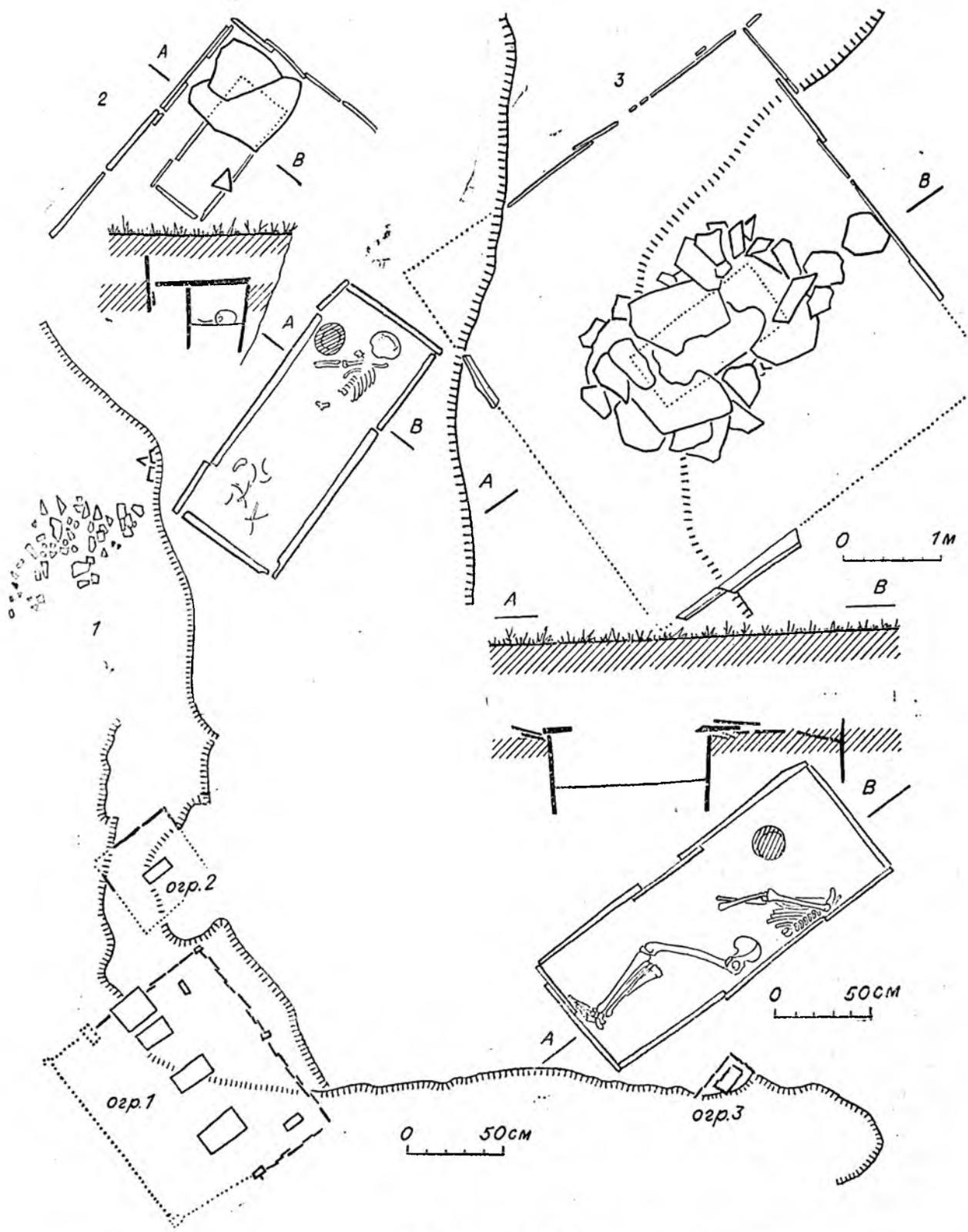

Рис. 23. Тепсей XV:

1 — общий план 1976 г.; 2 — план и разрез огр. 1 и план могилы в ней; 3 — то же, огр. 2. Чертежи обеих оград выполнены в одном масштабе.

многочисленные разрозненные кости взрослой женщины (?) и обломки ребра коровы. Вещей не было.

ТЕПСЕЙ XVI

При раскопках большого тесинского кургана М. Н. Пшеницына в 1977 г. обнаружила под его насыпью 2 карасукские ограды, однако материалы их не изучены и камерально не обработаны, а потому в настоящую публикацию не включены.

* *
*

Исследованные в первых трех пунктах одного большого могильника 9 карасукских оград в основном однотипны и относятся к обычным вариантам карасукских надмогильных сооружений. Ограды квадратные или близкой к квадрату формы, небольшие, со сторонами в 3—4 м. Все ограды сооружены из тонких вертикально врытых плит. Верхние края плит едва возвышались над поверхностью погребенной почвы, они обломаны и выветрены. Значит, еще до заноса могильника наваянными песками ограды уже имели тот вид, какой характерен для большинства карасукских могильников. Несомненно, что стены оград возвышались над поверхностью земли, но насколько они были высоки, неизвестно.

Обычно и устройство каменных могильных ящиков. Расчищенные сверху на уровне поверхности погребенной почвы и внутри, они производят впечатление очень аккуратно составленных из плит ящиков. На самом деле это прямоугольные или трапециевидные ямы, обложенные по стенкам гладкими плитами слоистого песчаника, минимально обработанными или совсем необработанными. Подбирались такие плиты, у которых хотя бы один край естественно гладко срезан по прямой линии. Вдоль длинных сторон ямы ставилась одна большая или две меньшие плиты гладким краем в уровень с поверхностью земли (рис. 22, 3, 4). При этом приходилось местами прокапывать узкие траншейки, если плиты превышали габариты ямы, или ставить дополнительные плитки, если оставались неприкрытые камнем участки. Короткие (или торцовые) стенки могилы укреплялись одной плитой. Поскольку она должна была иметь правильную прямоугольную или трапециевидную форму, два или три края плиты выравнивали частыми ударами. Получался мелко оббитый край, похожий на край ретушированных каменных орудий (рис. 22, 5, 6). Изнутри могила приобретала вид правильного ящика, а с внешней стороны выдавались ниже дна ямы и за пределами ее длинных стен неровные выступы плит.

Такое устройство карасукских каменных ящиков нами установлено в результате полной разборки могилы в ограде 2 могильника в пункте Т. XIV, а в 1966 г. — в могильнике Кюргенер I на левом берегу Енисея. В последнем пункте найдено и орудие, которым производилась оббивка краев плит, — это речной валун весом около 5 кг, длинный, овальный в сечении. Судя по следам сработанности, его держали двумя руками за один конец, а узким ребром другого конца били по краю обрабатываемой плиты. Этот огромный «отбойник» похож по форме и следам работы на некоторые афанасьевские колотушки.

В двух оградах (пункт Т. XIV, огр. 3 и 6) хорошо сохранилась каменная обкладка могильного холмика в виде панциря из плит. Наличие в карасукских оградах надмогильного сооружения мы предполагали по сохранившемуся над оградой более или менее значительному повышению поверхности земли (остатки расплывшегося холма) и по отклонению плит ограды изнутри наружу, что могло произойти лишь в том случае, если в какой-то период существования ограды уровень земли в ней был выше окружающей поверхности. В литературе наличие над могилой покрытых плитами холмиков не отмечалось, но много их встретилось нам в могильнике Барсучиха I в 1967 г. и Л. II. Зяблину в могильнике Малые Копены-3 в 1966 г. Последний неправильно их интерпретировал (Зяблин, 1977, кург. 94, 125, 126).

ТЕПСЕЙ VI

На террасовидном уступчике около устья Волчьего Лога, у самого подножия горы, расположен небольшой могильник, сильно разрушаемый естественным оползанием земли по склону и ежедневно проходящими здесь стадами овец. На поверхности земли виднеются плиты малых размеров оград и каменных ящиков. Плиты сильно наклонились по направлению склона, многие упали и постепенно скатываются вниз по нему. Определить число оград, их размеры и форму не удалось. Выяснили, что могильник сильно пострадал как от естественных процессов разрушения, так и, несомненно, от разграбления. Здесь раскопаны казавшиеся лучше сохранившимися 3 могилы. Раскопка велась только в пределах каменных ящиков.

Могила 1. Каменный ящик из четырех плит, ориентированный по линии ЮЗ—СВ. Его размеры 100×55 см, высота 40 см. Одной торцовой плиты недостает. Плиты продольных стенок сильно наклонились по направлению склона. На дне, в восточном его углу, лежали че-

реп с нижней челюстью, а в заполнении—ключица и плечевая кость подростка. Здесь же обнаружили 3 цилиндрические аргиллитовые бусинки.

Около могил 2 и 3 прослеживалась ограда из вертикально поставленных плит, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Хорошо сохранилась ее юго-восточная стенка и совершенно уничтожена северо-западная. Ширина ограды около 2,5 м, длина, вероятно, около 7 м. Могилы расположены посередине ограды в ряд, на расстоянии 150 см одна от другой.

Могилы 2. Прямоугольный ящик из шести плит, ориентированный по линии ЮЗ—СЗ. Его размеры по дну 170×70 см, высота 70 см. Плиты сильно наклонились по направлению склона. В заполнении и на дне в беспорядке располагались кости взрослого мужчины (черепа в обломках, плечевой и локтевой костей не было), кости овцы (лопатка, бедренная и большая берцовая) и фрагмент от сосуда без орнамента, но с характерным для керамики карасукской культуры профилем.

Могилы 3. Прямоугольный ящик из шести плит (одна не сохранилась), ориентированный по линии ЮЗ—СВ. Плиты тоже наклонены по склону. Размеры ящика по дну 120×50 см, высота 30 см. В заполнении находились кости ребенка 4 лет.

Могилы 4. Каменный ящик из семи небольших плит. Его размеры 130×60 см, высота 40 см. Ориентирован по линии ЮЗЗ—СВВ. Покрытие ящика не сохранилось. Ограда не прослеживалась. Могила ограблена. В заполнении лежало несколько длинных костей ребенка.

Раскопки в Тепсе VI показали, что могилы относятся к карасукской культуре (фрагмент венчика сосуда, аргиллитовые бусы, устройство ограды и могил). До недавнего времени нам были известны карасукские могильники лишь на открытых местах, содержащие большое количество могил. Но это уже третий случай в раскопках Красноярской экспедиции, когда могильник располагается по склону овражка и насчитывает не более десятка могил. Такие могильники были раскопаны в 1963 г. А. А. Гавриловой на р. Черновой и А. Н. Мелентьевым около д. Кокорево.

ТЕПСЕЙ XII

На краю надпойменной террасы, в 1 км к северо-востоку от могильника Тепсей III, в песчаных выдувах сосново-березовой рощицы, было обнаружено несколько черепков, грузило из гальки, бронзовая лапчатая подвеска карасукского типа и обломок литого браслета. На участке, где виднелся культурный слой, в 1968 г. велись раскопки (М. П. Грязнов).

На склоне выдува сохранился северный угол землянки на участке квадратной формы площадью немногим более 2×2 м. Землянка имела прямоугольную форму, ориентирована параллельно краю надпойменной террасы, т. е. по линии ЮЗ—СВ. Заполнение ее состояло из темно окрашенного песка с включениями золы, саж и разных мелких обломков керамики, костей животных, камней и пр. Обломки камней и часть фрагментов костей животных сохранили следы действия сильного огня. Глубина землянки не менее 80 см (точнее не определяется). На вскрытом участке выявлено 3 круглые ямки диаметром 30, 20 и 50 см, глубиной соответственно 70, 35 и 50 см. В этих ямках ничего не обнаружено.

Кроме упомянутых остатков, в заполнении землянки найдены также кусочки медного шлака и небольшое грузило, или подвеска, из продолговатой гальки. Керамика представлена немногими небольшими фрагментами: шестью тонкостенными черепками от венчиков не менее чем от четырех темно-серых лощеных горшков с хорошо выраженной шейкой. Горшки карасукского типа.

Костей животных немного, определены следующие: не менее двух особей коровы — взрослой и теленка (плечевая, 2 ребра, 2 позвонка, коренной зуб, пяточная, фаланга II), козы (кость предплюсны), косули (лопатка), мелких парнокопытных, ближе не определенных (2 ребра, локтевая, 3 позвонка).

Как ни мал материал с уцелевшей части поселения, все же он позволяет уверенно говорить о том, что карасукское население на Енисее жило, как и другие карасукские племена, в землянках, и не только на более позднем каменоложском этапе, но и на первом, собственно карасукском. Это значит, что мы можем надеяться найти в степях Енисея хорошо сохранившееся поселение с большими землянками, подобное исследованному нами поселению каменоложского этапа Каменный Лог II (Грязнов, 1965, с. 66).

ТЕПСЕЙ III

К каменоложскому этапу карасукской культуры в этом пункте можно отнести только отдельные черепки, найденные при раскопках двух могил кыргызского времени (9 и 11). Черепки небольшие, их немного, поэтому трудно решить, принадлежат ли они двум горшкам или более. Нет полной уверенности и в точности определения их культурно-исторической принадлежности. Керамика каменоложского и баиновского этапов имеет много общего, а найденные в Тепсе III черепки принадлежат таким формам, которые можно встретить в памятниках этих двух этапов.

ПОДГОРНОВСКИЙ ЭТАП

В исследованном микрорайоне у горы Тепсей наибольшая площадь занята курганами подгорновского этапа тагарской культуры. Компактный могильник находится в Тепсее IX. Это длинный ряд так называемых четырехкаменных курганов у самого подножия горы. Параллельно ему расположен еще более длинный ряд таких же курганов, протянувшихся по гребню плоского увала на 400 м, разделенного нами на пункты Т. IV, Т. VII и Т. VIII. Здесь, кроме курганов подгорновского этапа, много могил разных эпох — и более ранних, и более поздних. Дальше на северо-восток от пунктов Т. VIII и Т. IX у подножия горы на некотором возвышении находится большая группа восьмикаменных курганов, вероятно, также подгорновских (Т. XXI). Еще дальше, около большого тесинского кургана Т. XVI и под ним, обширная площадь занята четырехкаменными курганами. В последних двух пунктах (Т. XXI и Т. XVI) раскопок не производилось. Наконец, какое-то количество подгорновских курганов располагалось в Тепсее III, но при устройстве склепов, могил и поминальных сооружений таштыкской культуры и могил кыргызского времени они были сильно разрушены. При раскопках здесь обнаружено лишь несколько частично уцелевших могил. Три могилы в пункте Т. III и ограда 10 в Т. VIII раскопаны в 1968 г. М. П. Грязновым; могила 62 в Т. III в 1973 г. — М. Н. Пшеницыной; курганы 2 и 3 в Т. VII — Н. А. Боковенко в 1976—1977 гг.; все остальные погребения подгорновского этапа исследованы в 1968 г. М. П. Завитухиной.

ТЕПСЕЙ IX

Могильник состоит из 12 курганов, протянувшихся узкой полосой в направлении с северо-востока на юго-запад примерно на 150 м (рис. 24). Как и в соседних пунктах, терраса здесь покрыта слоем навееянного песка толщиной до 60 см. Только на некоторых курганах были отчетливо видны высокие камни оград, выступавшие на поверхность до 50 см в высоту, на других же каменные конструкции едва прослеживались на поверхности или их совсем

скрывала земля. Поэтому по отдельным камням не всегда можно было угадать направление оград. Плоские же насыпи курганов скрывались полностью под слоем песка. Юго-западная часть могильника разрушается и сейчас — заполнение оград развевается, могилы обнажаются.

Большинство курганов имело высокие камни только на углах ограды — это так называемые четырехкаменные курганы. Один из раскопанных курганов был восьмикаменным — высокие камни стояли не только на углах, но и на серединах сторон ограды. Курганы и могилы в них ориентированы с СЗ на ЮВ, поэтому направленность их в дальнейшем описании не указывается, кроме случаев с другой ориентировкой. Раскопано 7 курганов, в которых сохранилось 18 могил.

КУРГАН 1. Крайний северо-западный в могильнике. На поверхности виднелись лишь 3 угловых камня (рис. 25, 1). Ограда прямоугольная (6×9 м), построена из невысоких длинных плит. Угловые камни подклиены мелким плитняком. К середине северо-восточной стены ограды, с наружной стороны, приставлены под прямым углом 2 массивные плиты — возможно, это был вход в ограду. В ней 3 могилы. Четвертая, находящаяся за пределами ограды, в 3 м от нее, отнесена к кургану предположительно.

Могила 1. Центральная в ограде. Ее размеры 220×125 см, глубина 130 см. Вдоль трех стен прослеживаются остатки бревен от сруба. За срубом установлены вертикальные каменные плитки. От покрытия могилы сохранился развал мелкого плитняка, под ним крупные плиты на площади 280×240 см, лежавшие наклонно по краям ямы. В могиле находились кости мужчины 40—60 лет. Череп обнаружен в ее юго-западном конце, обе голени в сочленении со стопой — в северо-восточном конце, возможно, на первоначальном месте, остальные кости разбросаны по могиле. Погребенный лежал, видимо, головой на ЮЗ. В головах его находился большой глиняный сосуд и 3 бронзовые полусферические бляшки, в ногах — глиняная миска, в центре могилы — сердоликовая буси-

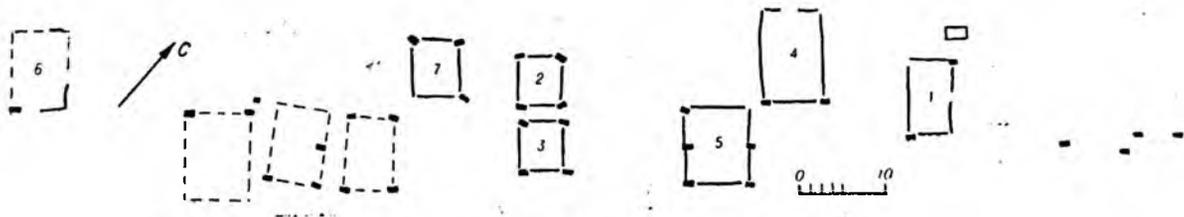

Рис. 24. Тепсей IX. План могильника.

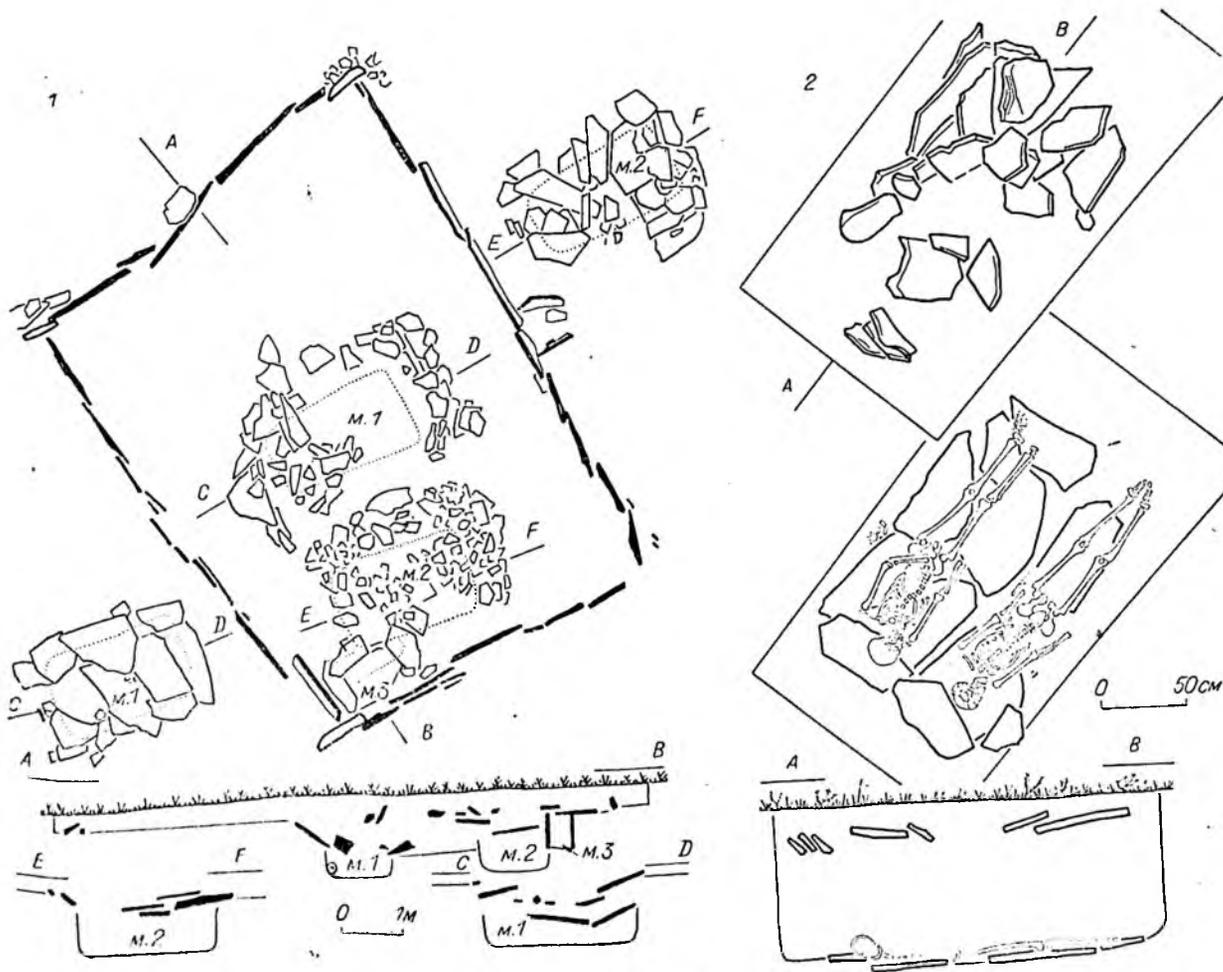

Рис. 25. Тепсей IX. Курган I:
1 — план и разрезы ограды; 2 — планы и разрез мог. 4.

на (рис. 26, 31, 34). Среди костей человека встретились кости лошади.

Могила 2. В юго-восточной половине ограды. Ее размеры 200×130 см, глубина 130 см. От сруба сохранились концы двух бревен в северном углу могилы. От покрытия остался развал мелкого плитняка, под ним — более крупные плиты на площади 270×200 см. В разных местах могилы в беспорядке были разбросаны кости женщины старше 60 лет (полный скелет, не хватает лишь лицевой части черепа). Среди них бронзовые полусферическая бляшка, бусина, трубочка и шило (рис. 26, 25, 32, 41, 43), глиняная миска, а также кости коровы и овцы.

Могила 3. В южном углу ограды на глубине 100 см. Каменный ящик размерами 115×45×50 см сделан из тонких плит песчаника, покрыт тонкими плитами (160×90 см). В нем находились кости ребенка 2—3 лет (обломки черепа, 2 бедренные и ребра), череп обнаружили в юго-западном конце. Вещей не было.

Могила 4. Расположена за пределами ограды, в 3 м от ее северного угла. Обнаружена по немногим торчавшим на поверхности камням. Это было покрытие из плиток, уложенных на площади 200×120 см (рис. 25, 2). Размеры ямы 220×130 см, глубиной 100 см. Погребение не нарушено, на дне, выстланном каменными плитами, находилось 2 скелета: мужчины 20—25 лет и женщины 30—40 лет. Мужской скелет лежал вдоль юго-восточной стенки, женский — рядом слева, оба на спине, головой на ЮЗ. Вещей не было.

Там, где до раскопок виднелось 8 камней, ограничивавших прямоугольник, вытянутый с северо-запада на юго-восток, оказались 2 самостоятельные ограды — курганы 2 и 3, расположенные рядом на расстоянии 1,3 м.

КУРГАН 2. Ограда (7,5×6 м) с невысокими стенами из тонких плит. Вокруг угловых камней много мелкого плитняка. В ограде 2 могилы (рис. 27, левый).

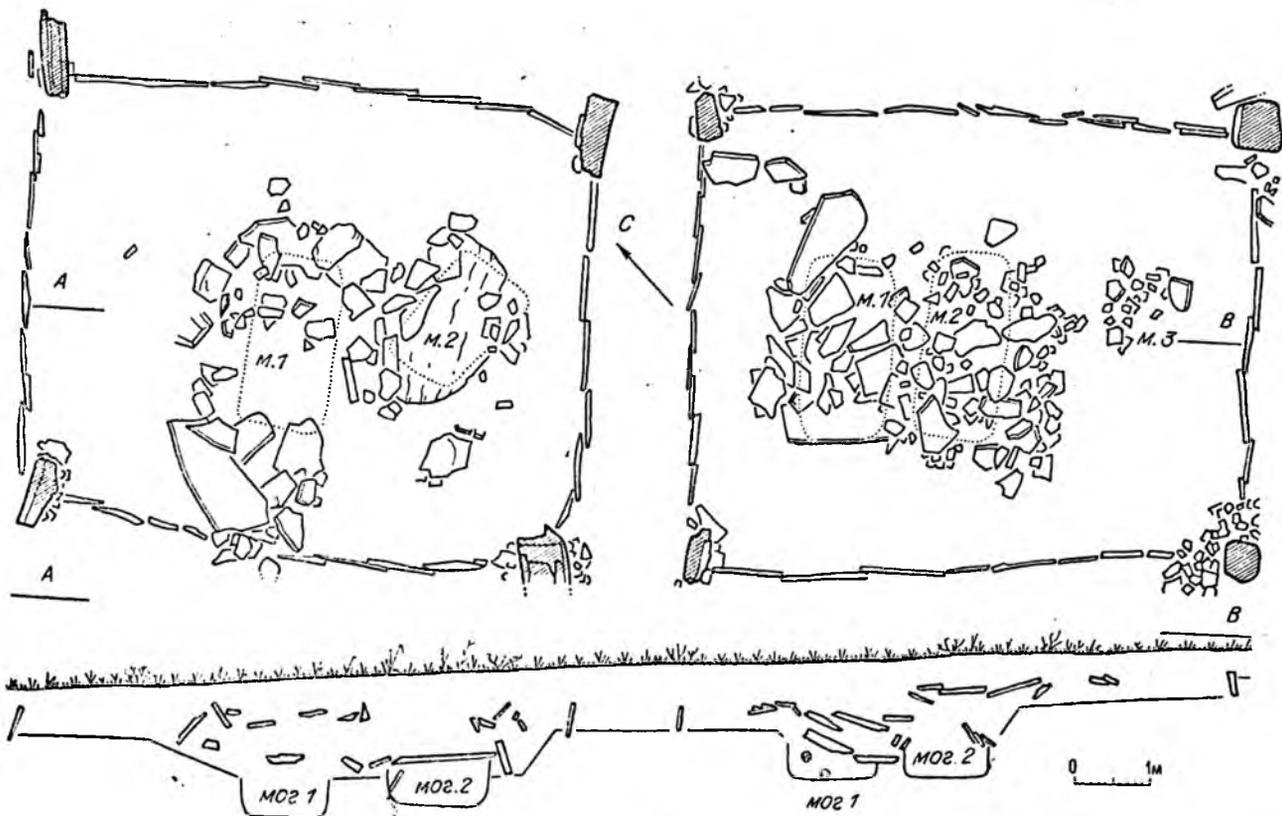

Рис. 27. Телсей IX. План и разрез курганов 2 (слева) и 3 (справа).

сруба — глиняную миску, в заполнении могилы — бронзовую полусферическую бляшку и обломок второй, 2 конические бронзовые бусины (рис. 26, 41). В разных местах могилы встретились кости коровы и овцы.

КУРГАН 3. По устройству аналогичен кургану 2. В ограде размерами 7,5×6 м располагались 3 могилы.

Могилы 1. В северо-западной половине ограды (рис. 27, правый). Ее размеры 230×130 см, глубина 155 см. Под плитами покрытия сохранились остатки дерева от сруба и вертикальные каменные плитки за его стенами. В могиле в беспорядке лежали кости мужчины 40—60 лет (полный скелет) и череп женщины 25—40 лет. В южном углу обнаружили глиняный сосуд (рис. 28, 4), у северо-западной стены — костяной нож (рис. 26, 28) и обломки трех бронзовых полусферических бляшек. При прокопке дна могилы найдены фрагменты 11 бронзовых бляшек и 2 бронзовые конические бусины. Среди остатков погребения были кости коровы.

Могилы 2. Центральная. Ее размеры 230×100 см, глубина 160 см. Остатки сруба сохранились в южном углу вдоль двух стен, он состоял не менее чем из 5 венцов. Между срубом и стенкой ямы стояли в вертикальном и наклонном положении каменные плитки. В мо-

гиле в беспорядке лежали кости женщины 25—40 лет. В юго-западной части могилы находился большой глиняный сосуд (рис. 28, 2) и в разных местах — 2 бронзовые бляшки, 4 бусины (рис. 26, 41) и кости овцы.

Могилы 3. У юго-восточной стенки ограды под небольшим слоем мелкого плитняка обнаружили обломки костей годовалого младенца. Могильная яма не прослеживалась. Вещей не было.

КУРГАН 4. Прямоугольная ограда (12×8,5 м) с тремя видимыми на поверхности камнями. Северный угловой камень упал, западный отсутствует (рис. 29). На поверхности выступают отдельные плиты двух стен. Ограда сооружена из небольших, но массивных плит, врытых на глубину 10—15 см (рис. 30). В ней 2 могилы.

Могилы 1. Центральная. Размеры ее 210×90 см, глубина 140 см. Вдоль двух стен сохранились остатки дерева от сруба. Покрытие сделано из крупных плит. В могиле в беспорядке лежали кости женщины 40—60 лет. В южном углу находился большой глиняный сосуд, в западном — глиняная миска, в заполнении — бронзовое шило, 2 пронизки, бляшка и 2 конические бусины (рис. 26, 26, 37, 41—43). При прокопке дна могилы найдена низка бус, лежавших в таком порядке: 4 аргиллитовые бу-

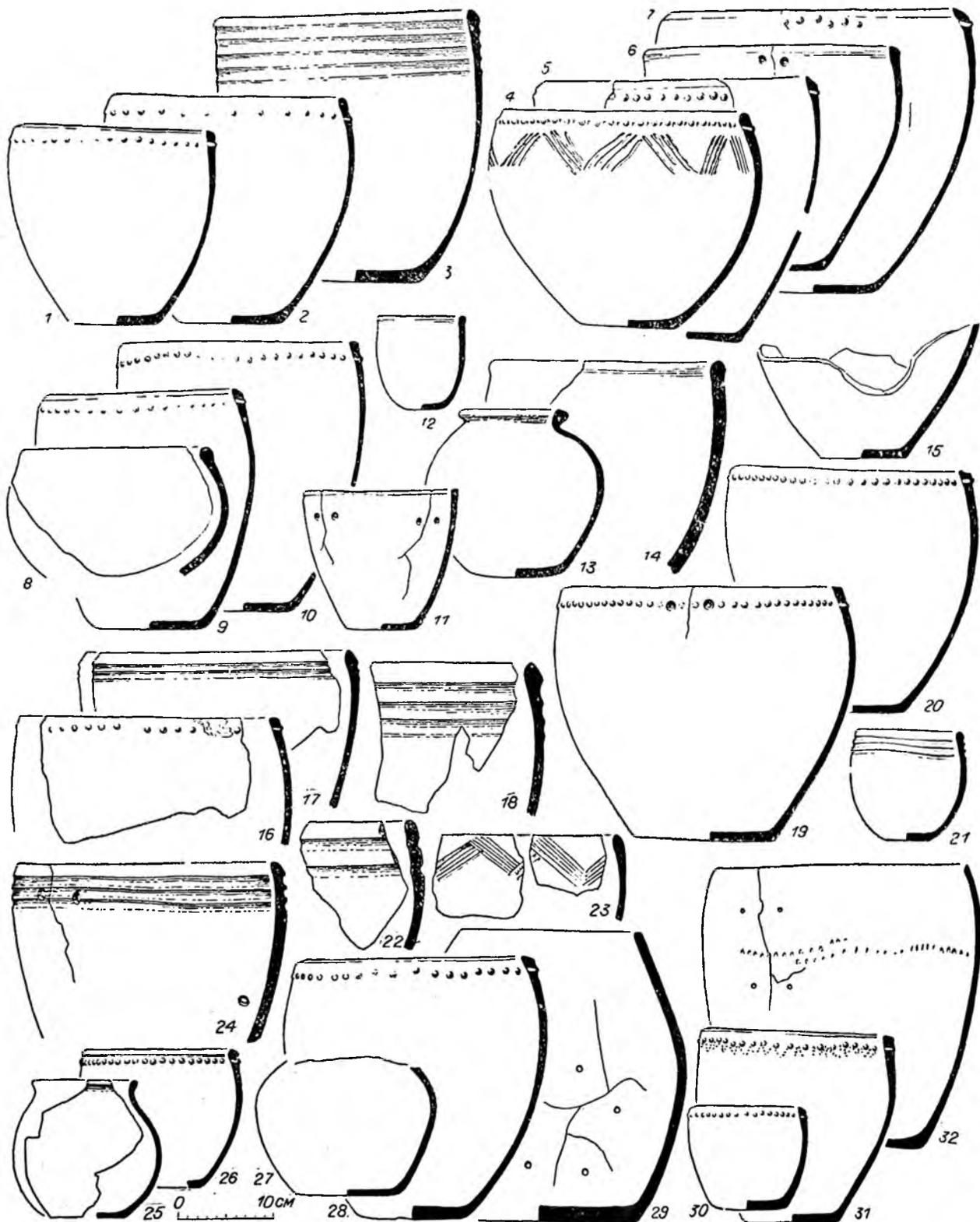

Рис. 28. Керамика из могил подгорновского этапа.

Tencey IX: 1 — к. 2, мог. 1; 2—к. 3, мог. 2; 3—к. 1, мог. 1; 4—к. 3, мог. 1; 5—к. 7, мог. 1; 6, 7—к. 7, мог. 2;
Tencey VIII: 1—9—огр. 1, мог. 2; 10 — огр. 4а, 11—15, 17—огр. 11, мог. 2; 12, 21—огр. 13; 13—огр. 12, мог. 7; 14—
 огр. 12, мог. 12; 16; 15, 19 — огр. 7, мог. 1; 16—огр. 8, мог. 2; 18—огр. 12, мог. 4; 20—огр. 8, мог. 1; 22—огр. 11, мог. 1;
 23—огр. 5, мог. 1; 32—огр. 7, под оградой (таштыкский). *Tencey III*: 24 — мог. 38. *Tencey VII*: 25 — к. 1, мог. 2; 26—
 к. 1, мог. 1; 27, 28 — к. 2, мог. 1; 29—к. 2, под оградой (таштыкский); 30, 31 — к. 2, мог. 66.

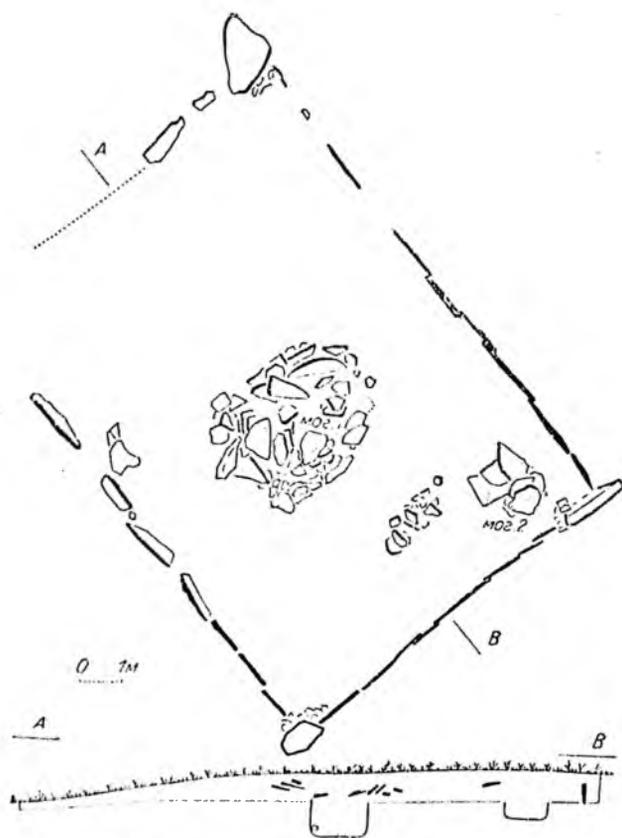

Рис. 29. Тепсей IX. План и разрез кургана 4.

сши, бронзовая пронизка, покрытая золотым листком, 4 бронзовые конические бусины, бронзовая пронизка и снова 4 аргиллитовые бусины. Встречены кости коровы и бедра овцы.

Могилы 2. В восточном углу ограды. Яма неправильной формы размерами 120×90 см, глу-

бина 110 см. Покрыта тремя большими плитами. В могиле лежали в беспорядке отдельные кости годовалого младенца (часть черепа, 2 плечевые, лучевая, локтевая, 2 большие берцовые, 2 ребра). Вещей не было.

КУРГАН 5. Восьмикаменный: на поверхности были видны 4 угловых и 3 простеночных камня высотой 15—40 см (рис. 31, 1), срединный камень юго-восточной стены обнаружен в процессе раскопок. У простеночного камня северо-восточной стены найден черепок, украшенный желобками. Ограда размерами 10×7,5 м сооружена из крупных плит песчаника. Северо-восточная стена укреплена снаружи контрфорсами. Вокруг высоких камней много мелкого плитняка. В ограде 2 могилы.

Могилы 1. Центральная. Размеры 270×120 см, глубина 145 см. Мелкий плитняк покрытия разбросан на широкой площади над юго-западной частью могилы. В могиле лежали в беспорядке кости мужчины 40—60 лет. На первоначальном месте находились кости ног, судя по которым, погребенный лежал головой на СВ. Вещей не было. Справа в ногах человека обнаружили кости лошади и овцы.

Могилы 2. В северо-западной половине ограды, размеры 215×110 см, глубина 160 см. Под небольшим слоем плитняка обнаружен череп ребенка 2—6 лет и 2 бронзовые бляшки. Ниже лежали более крупные плиты покрытия. Вдоль стен сохранились остатки сруба. В заполнении могилы и на дне находились в беспорядке кости мужчины 40—60 лет. Среди них встретился фрагмент глиняного сосуда с «елочным» орнаментом, кости лошади, коровы и двух овец. В северном углу ограды, вне могил, найдена кучка костей коровы — остатки от четырех кусков мяса.

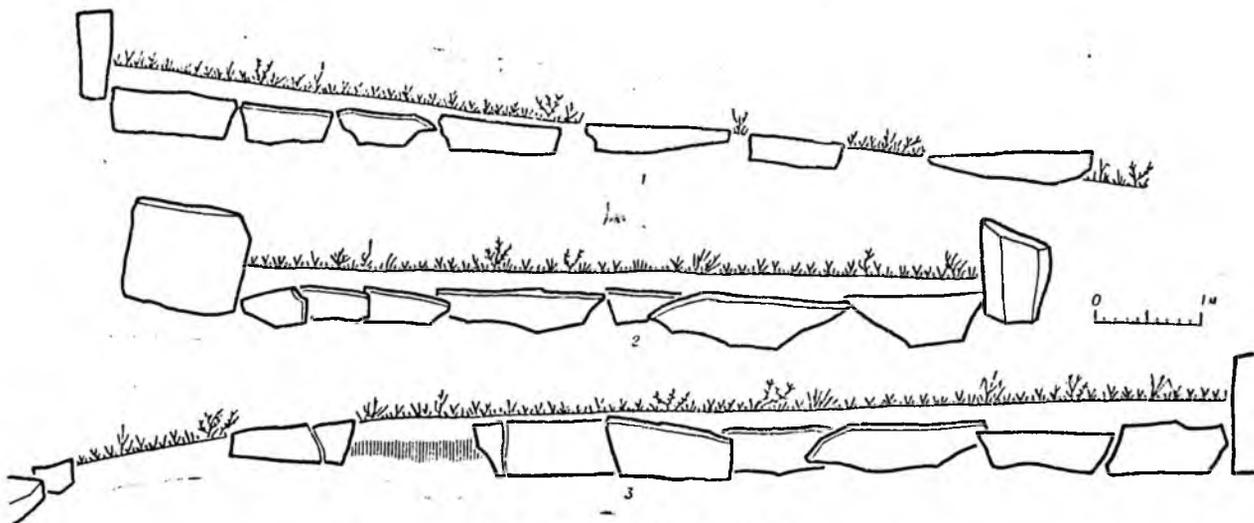

Рис. 30. Тепсей IX. Курган 4.
Фасады стен. 1 — юго-западной, 2 — юго-восточной; 3 — северо-восточной.

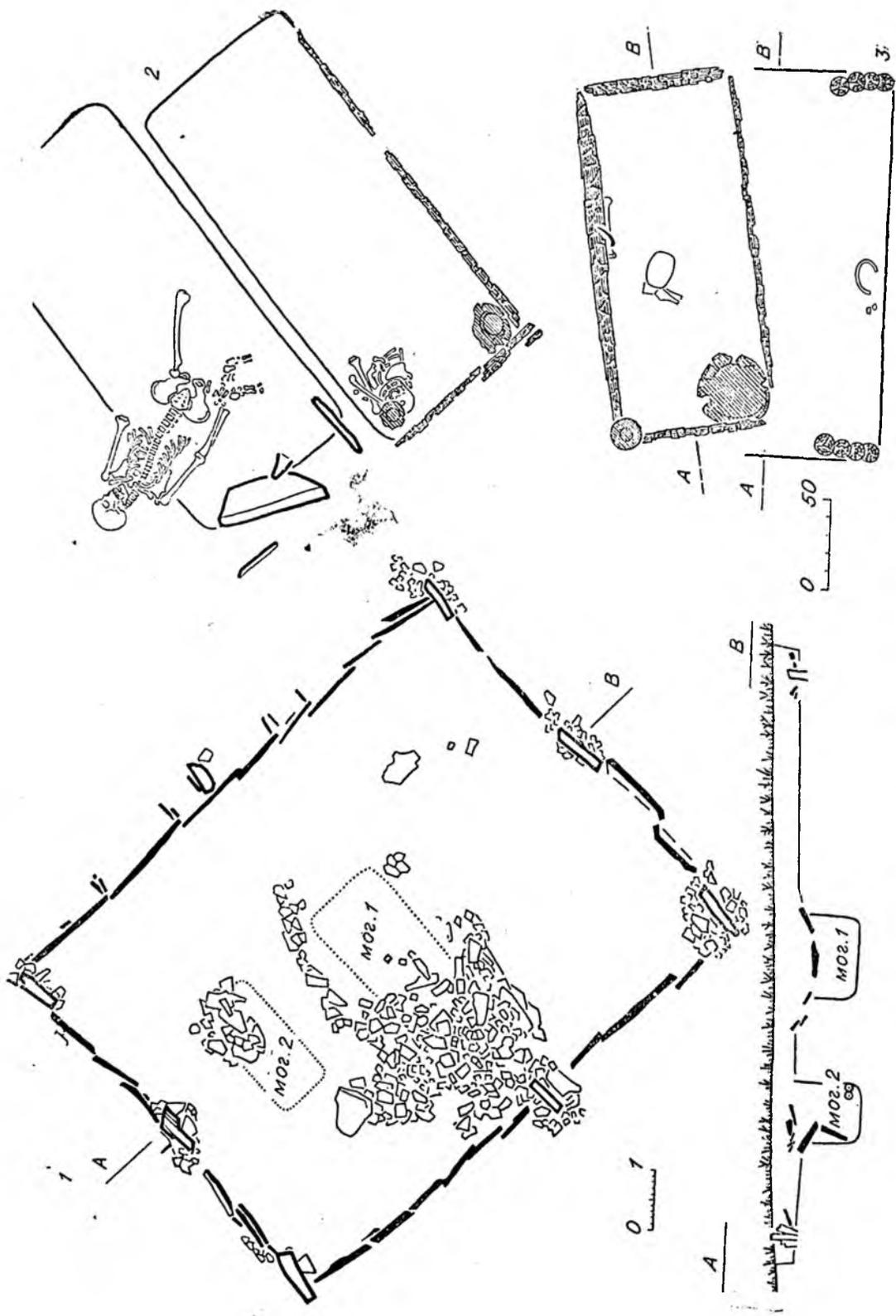

Рис. 31. Тепсей IX. План и разрез кургана 5 (1); планы могил 1 (2) и 2 (3) кургана 7.

КУРГАН 6. Крайний юго-западный. Ограда значительно разрушена. Сохранились восточный и южный упавшие угловые камни. На поверхности виднелись также части юго-восточной и северо-восточной стен. Размеры ограды предположительно 10×8 м. Раскапывались только могилы, расположенные в ряд с юго-востока на северо-запад.

Могила 1. Крайняя, юго-восточная, размеры 210×110 см, сохранилась на глубину 60 см. В углах могилы стояли вертикальные каменные столбики. Вдоль северо-западной стороны найдены незначительные остатки дерева и вертикальные каменные плитки. В могиле обнаружены неполные скелеты женщины 40—60 лет и подростка 10 лет. На дне на первоначальном месте лежали кости ног женщины, погребенной головой на ЮЗ. В заполнении могилы встретились бронзовые нож и бусина (рис. 26, 29, 35). На дне у северо-западной стенки лежали кости коровы и среди них находился костяной нож (рис. 26, 30). В западном углу могилы найдены черепки глиняного сосуда, украшенного рядом бугорков, и бронзовые полусферические бляшки (рис. 26, 38, 39).

Могила 2. Северо-западная. Ее размеры 250×130 см, нижняя часть могилы сохранилась всего на 20 см. Вдоль юго-восточной стены 2 вертикально поставленные плитки. В могиле обнаружили отдельные мелкие кости взрослого человека и кости коровы. В юго-западной части находилась глиняная миска, у юго-восточной стенки — бронзовый чекан (рис. 26, 33).

Могила 3. Центральная. Размеры 190×100 см, глубина 80 см. Вдоль северо-западной стенки стояла каменная плита. В могиле лежали отдельные кости взрослого человека пожилого возраста. В юго-западном конце найдены черепки глиняного сосуда, украшенного рядом бугорков, и обломки двух бронзовых бляшек. В могиле находились также кости животных: бедро коровы и лопатка овцы.

КУРГАН 7. На поверхности были видны 3 угловых камня, южный отсутствовал. Ограда прямоугольная (7,5×5,5 м), в ней 2 могилы.

Могила 1. Центральная. Размеры 220×100 см, глубина 150 см. Под верхним слоем было покрытие из некрупных плит, расположенных по овалу, в северной части могилы находилась большая плита (170×90×20 см), а в южной, под плитняком, — впускное погребение женщины 40—60 лет, лежавшей на спине, поперек могилы, головой на СВ, с поднятыми вверх коленями, стопы располагались у правой кости (рис. 31, 2). На дне могилы, в юго-западном ее конце, обнаружили кучку костей мужчины старше 60 лет, в южном углу — фрагменты большого глиняного сосуда (рис. 28, 5), в западном — глиняную миску.

Могила 2. Южнее первой, ориентирована по

линии 3—В. Размеры 200×80 см, глубина 145 см. Сверху был развал мелких плит покрытия. Остатки сруба прослежены вдоль всех стен (рис. 31, 3). На дне в беспорядке лежали кости женщины старше 60 лет. В южном углу найден большой глиняный сосуд, в западном — другой (рис. 28, 6, 7), под черепом — 3 бронзовые полусферические бляшки и костяной нож (рис. 26, 30а, 40). В могиле обнаружили кости коровы и овцы.

ТЕПСЕЙ VIII

Среди многих других могил и курганов различных эпох, расположенных по гребню длинного увала, 12 оград (курганов) принадлежат подгорновскому этапу. Все они четырехкаменные, иногда состоят из двух или трех пристроенных одна к другой оград (см. рис. 8). В 1968 г. на юго-восточном склоне раскопано 6 оград — 7—10, 12, 13 (ограда 10 вскрыта М. П. Грязновым, остальные — М. П. Завитухиной).

Все ограды в той или иной мере разрушены оползанием и размытием склона, только ограда 12 сохранилась полностью. Дно некоторых могил оказалось совсем близко от современной поверхности. Каменные стены оград 7—9 почти полностью уничтожены. В сильно разрушенных оградах 7—9 и 11 площадь памятника вскрывалась не полностью, а раскапывались только могилы. Как и в предыдущем могильнике, все ограды и могилы ориентированы по направлению с юго-запада на северо-восток.

ОГРАДА 7. Здесь только одна могила. Предположительные размеры ограды 9,5×8 м. От нее сохранились части юго-западной и северо-восточной стен и расщепленный восточный угловой камень. Могилы 2—4 находятся за пределами ограды и к ней не относятся. Они принадлежат тесинскому этапу и будут рассмотрены далее. На другой год после раскопок внутри ограды, около ее юго-западной стены, был замечен край глиняного сосуда. Здесь, на глубине около 20—30 см от поверхности, оказался прислоненный к стене большой горшок (рис. 28, 32), а возле него — пепел сожженного человека. Вероятно, это захоронение таштыкского времени.

Могила 1. Центральная. Размеры ее 230×150 см, глубина 60 см. Обнаружена по видимым на поверхности остаткам плит покрытия. Стенки могилы укреплены вертикальными каменными плитками, вдоль которых прослеживался древесный тлен. На дне лежал скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на ЮЗ. Не потревожены кости ног и череп, лежавшие вдоль юго-восточной стены, остальные кости были в беспорядке. В головах находились

большой глиняный сосуд и миска (рис. 28, 15, 19), в ногах справа, на 15 см выше дна могилы, — бронзовый вток (рис. 26, 3), в заполнении могилы — бронзовый наконечник стрелы, 2 бронзовые бляшки и костяная пронизка (рис. 26, 19, 20, 27). В ногах погребенного слева обнаружили кости лошади и овцы.

ОГРАДА 8. Сильно разрушена. Отдельные плиты были найдены на трех сторонах ограды. Ее предполагаемая длина 14 м. В ограде 4 могилы, расположенные в ряд.

Могила 1. Размеры 210×130 см, глубина 65 см. Вдоль стен располагались каменные плитки в несколько рядов, — по-видимому, забутовка между стенками ямы и несохранившимся срубом. В могиле в беспорядке лежали кости трех неполных скелетов взрослых (вероятно, мужчины и двух женщин) и младенца, на дне посередине — 3 черепа взрослых, в восточном углу — большой глиняный сосуд (рис. 28, 20). В заполнении могилы встретились глиняная миска, бронзовая пронизка (рис. 26, 4) и кости коровы.

Могила 2. Размеры 220×170 см, глубина 75 см. Как и у предыдущей, стенки обставлены каменными плитками. В могиле в беспорядке лежали кости женщины 30—40 лет, бедренная кость другого взрослого и обломок затылочной кости. В северном углу находилась глиняная миска, в заполнении — фрагменты большого глиняного сосуда (рис. 28, 16), бронзовые бляшка и бусина (рис. 26, 9, 14), у северо-западной стенки — кости коровы.

Могила 3. Имеет с могилой 2 общую северо-западную стенку. Размеры 190×130 см, глубина 65 см. В могиле в беспорядке лежали кости взрослого человека, вероятно мужчины (ключица, лучевая, большая и малая берцовые, несколько мелких костей стопы), и кости овцы. Вещей не было.

Могила 4. Форма и размеры ямы не установлены. На площади 120×110 см обнаружены отдельные кости женского (?) скелета (ключица, бедренная, большая и малая берцовые, таранная, ребра), среди них встретились черепки глиняного сосуда без орнамента.

ОГРАДА 9. Разрушенные остатки каменных конструкций прослежены на площади 10×6 м. Здесь раскопаны 2 могилы, обнаруженные по лежащим возле них большим плитам покрытия, оползшего вниз по склону.

Могила 1. Размеры 240×140 см. Сохранилась нижняя часть (50 см) ее заполнения. В могиле лежали в беспорядке кости не менее четырех человек — неполные скелеты двух взрослых (один из них женский), ребенка 3—4 лет и новорожденного. На дне на первоначальном месте находились кости голени взрослого, судя по их положению, лежавшего посередине могилы на спине, головой на ЮЗ.

В юго-западном конце обнаружен черепок. Кости ног женского скелета находились в юго-западном конце могилы выше дна и, возможно, относятся к впускному погребению. Возле них лежали черепки сосуда с коническим поддоном и кости козы.

Могила 2. Размеры 210×90 см. Остатки погребения обнаружены сразу в дерновом слое. Вдоль северо-западной стены могильной ямы сохранилось бревно от сруба, подclinенное каменными плитками, вдоль юго-западной стены — каменные плиты. В могиле находился скелет взрослой женщины, лежавшей на спине, головой на СВ. Кости ног были на первоначальном месте, череп отсутствовал. Найдены подвески из зубов кабарги и марала.

ОГРАДА 10. Расположена на склоне увала. На поверхности были видны угловой камень ограды, несколько плит на двух противоположных стенах и 3 плиты, покрывавшие могилу. Ограда разрушена более чем наполовину. Ее размеры 4 (?)×2,7 м. Верхние края плит у стен сохранились хорошо, их высота 15—20 см над древней поверхностью. В центре ограды располагался каменный ящик, сложенный из четырех тонких плит и нескольких мелких. Его размеры 160×80 см внизу и несколько меньше наверху. Высота ящика, а следовательно, и глубина могилы от древней поверхности равна 50 см. От покрытия сохранилась одна массивная плита, остальные разбиты и сброшены. Могила ограблена. На дне лежал скелет женщины 40—50 лет, погребенной вдоль юго-восточной стенки ящика, на спине, головой на ЮЗ. Непотревоженными были только кости ног ниже колена, остальные находились преимущественно в южном углу ящика. Обе бедренные кости и часть мелких отсутствовали. В ногах, видимо, на своем первоначальном месте, лежали кости коровы. Около черепа найден просверленный клык кабарги (рис. 26, 17), около костей коровы — белая аргиллитовая бусина (рис. 26, 8), а в заполнении могилы — черепок сосуда баночной формы с желобчатым орнаментом и медная полусферическая бляшка (рис. 26, 21).

ОГРАДА 11. В развешенной части увала по склону ниже ограды 5 на поверхности виднелись плиты. Под ними оказалась нижняя часть могилы, рядом — другая могила и неподалеку — вертикально врытая плита, вероятно, угловой камень ограды. Можно предполагать, что здесь была ограда размерами около 5×5 м с двумя могилами посередине.

Могила 1. Разрушена выдувом, границы ее не установлены. На площади 220×130 см найдено несколько костей взрослого человека (фрагменты нижней челюсти, 2 ребра, 2 позвонка, фаланга) и новорожденного (бедренная, большая берцовая, ребра). В юго-запад-

ной части ямы обнаружили черепки, украшенные желобками (рис. 28, 22), бронзовые бляшку, бусину и пронизку (рис. 26, 5, 10, 15), бедро овцы.

Могила 2. Формы и размеры ее не установлены. Была покрыта массивной плитой треугольной формы (180×140×30 см). На северо-западной части плиты процарапаны изображения фантастических птиц. Под плитой найдены остатки погребения. Вдоль северо-восточной стены сохранились остатки дерева от сруба. Кости взрослого человека старше 40 лет разбросаны в беспорядке на площади 220×150 см (верхняя и нижняя челюсти, бедро, большая берцовая, обломок таза, 2 ребра). В юго-западной части могилы нашли черепки двух сосудов, украшенных желобками (рис. 28, 11, 17). В могиле обнаружили кости коровы (бедро) и овцы.

ОГРАДА 12. На поверхности возле угловых камней были видны плиты ограды и развалы от покрытия могил. Здесь оказались 3 прямоугольные ограды, пристроенные одна к другой, и еще одна (огр. 13) в 2 м от предыдущих (рис. 32). Первой, по-видимому, была сооружена квадратная ограда (6×5,5 м) в южной части этого комплекса могил. На углах стояли высокие камни. В ней находились 3 могилы (1, 2 и 8). Внутри ограды, в 1,5 м от юго-восточной стены, параллельно ей, были врыты вертикально 2 плиты,— вероятно, остатки прежней стены, разрушенной при возможной перестройке ограды. На упавшей северной угловой плите лежали чуть прикрытые песком черепки глиняного сосуда, орнаментированного желобками. К северо-западной стене этой ограды пристроена вторая ограда размерами 9×5,5 м, также содержащая 3 могилы (3—5). К ее северо-восточной стене примыкала третья ограда размерами 5×4 м с двумя могилами (6 и 7).

Могила 1. Размеры 190×100 см, глубина 110 см. Каменные плитки покрытия занимали площадь 350×200 см. Под ними встретились 2 большие плиты, опустившиеся в могилу. Вдоль ее стен сохранились незначительные остатки бревен от сруба, обставленного снаружи плитками. На дне могилы в ее юго-западном конце лежали кучей кости женщины 40—60 лет, на первоначальном месте находилась только голень со стопой (рис. 33, 1). Судя по их положению, женщина погребена головой на ЮЗ. В южном углу могилы обнаружили глиняную миску, среди костей человека — кости овцы.

Могила 2. В южном углу ограды находился каменный ящик размерами 85×60 см, глубиной 40 см, а в нем разрозненные кости трехлетнего ребенка.

Могила 3. В северо-западной части второй

Рис. 32. Тенсей VIII. План ограды 12 и 13.

ограды. Размеры 230×130 см, глубина 100 см. Плитки покрытия разбросаны. Вдоль трех сторон сохранились остатки дерева от сруба, укрепленного снаружи плитками в несколько рядов (рис. 33, 2). В могиле в беспорядке были разбросаны разрозненные кости пожилого мужчины, череп отсутствовал. Среди костей обнаружены черепки сосуда без орнамента, кости овцы и астрагал коровы.

Могила 4. В центре той же ограды. Размеры 240×130 см, глубина 110 см. Развал плиток от покрытия сливался с развалами соседних могил 3 и 5. Вдоль двух стенок ямы уцелели остатки вертикально стоящих плиток. В могиле лежали в беспорядке кости женщины 40—60 лет и новорожденного (рис. 33, 3), среди них — черепки от днища и венчика сосуда (рис. 28, 18), 2 бронзовые бляшки, биконическая бусина (рис. 26, 11, 16), кости коровы и овцы.

Могила 5. К северо-западу от предыдущей. Размеры 230×150 см, глубина 130 см. Сверху сохранился развал плитняка, вдоль трех сторон могилы — бревна от сруба, снаружи заклиниенные вертикальными плитками. Скелет женщины 40—60 лет был нарушен. Череп, позвонки и ребра в юго-западной части могилы, по-видимому, сохранили первоначальное поло-

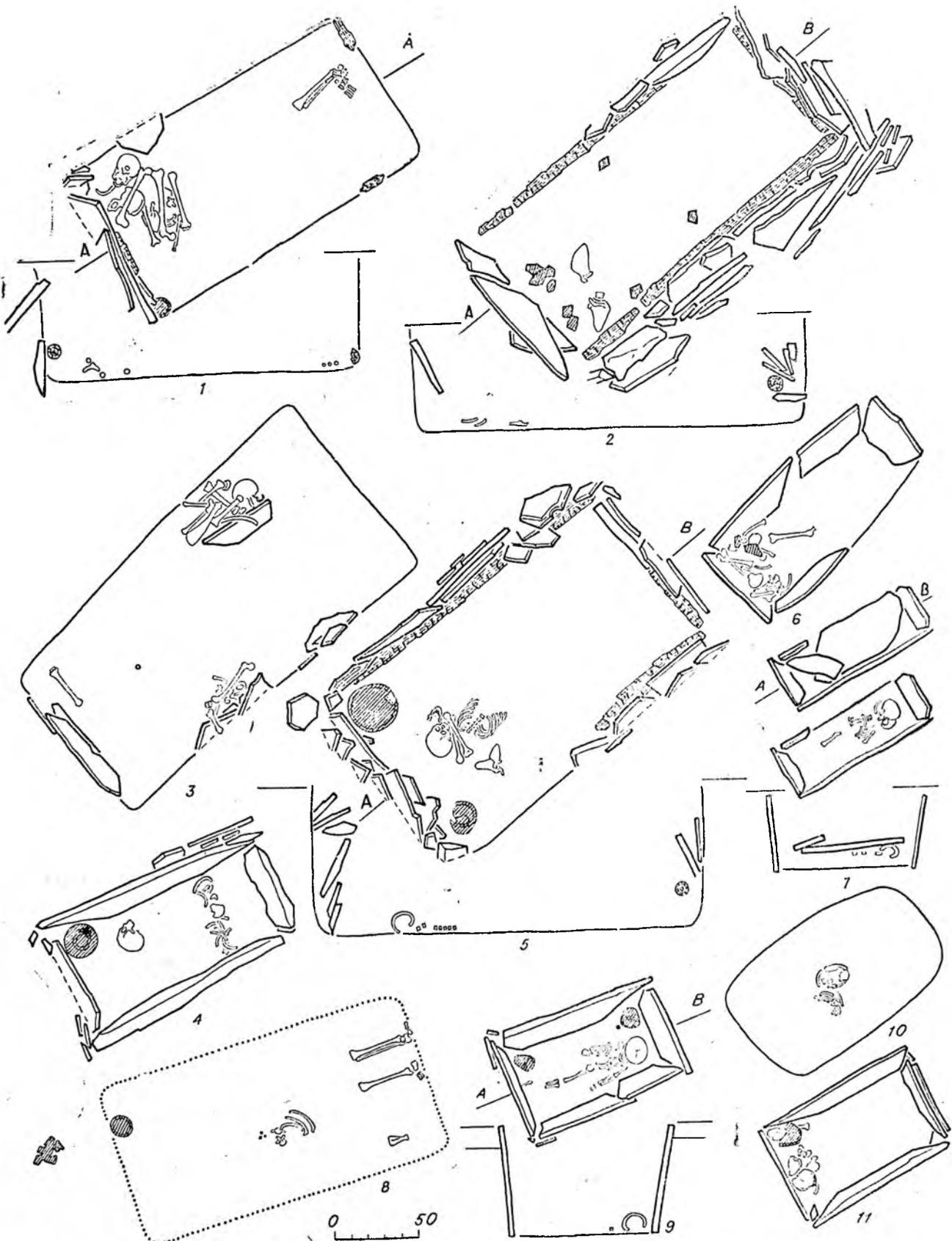

Рис. 33. Телсей VIII. Планы и разрезы могил в оградах 12—13:

1 — мог. 1; 2 — мог. 3; 3 — мог. 4; 4 — мог. 7; 5 — мог. 5; 6 — мог. 6; 7 — мог. 14; 8 — мог. 8; 9 — огр. 13; 10 — мог. 15; 11 — мог. 16.

жение (рис. 33, 5). Погребенная лежала, очевидно, головой на ЮЗ. Остальные кости человека и кости животных были разбросаны в беспорядке на разных глубинах. В головах обнаружили 2 глиняных сосуда: слева большой, орнаментированный бугорками, справа — небольшой без орнамента (рис. 28, 8, 10). В заполнении найдены бронзовые биконическая бусина и пронизка, покрытая золотым листком (рис. 26, 7, 12). На 50 см выше дна могилы встретился фрагмент красноглиняной чашечки, вероятно, попавший сюда из могилы 6, где найдены черепки от нее. В могиле нашли кости коровы.

Могилы 6. Находилась в третьей оградке — пристройке. Представляла собой каменный ящик, размеры которого 145×65×70 см, глубина 110 см. Северный угол его покрывала плита. В юго-западном конце ящика в беспорядке лежали кости подростка 9 лет (рис. 33, 6); среди них — обломки днища большого сосуда и фрагменты красноглиняной чашечки, склеившиеся с черепком от нее, найденным в могиле 5, и несколько костей коровы и ягненка.

Могилы 7. Располагалась рядом с предыдущей. В ней был каменный ящик размерами 140×80×85 см, глубиной 100 см. Плиты покрытия разбросаны грабителями. В ящике в беспорядке лежали кости подростка 7 лет (рис. 33, 4). В западном углу могилы обнаружили глиняный сосуд (рис. 28, 13), в заполнении — бронзовую двухчастную бусину (рис. 26, 13) и бедро овцы или козы.

Могилы 8. В южной оградке, близ могилы 1. Форма и размеры не установлены. Покрытие отсутствовало. На глубине 105 см в северо-восточной части ямы на первоначальном месте лежали кости ног ниже колена взрослой женщины, ориентированной головой на ЮЗ, череп отсутствовал (рис. 33, 8). В головах находилась нижняя часть глиняного сосуда, остальные черепки которого лежали в 50 см к юго-западу от могилы (рис. 28, 9). Найдены бронзовая пронизка, аргиллитовая и 2 пастовые бусины (рис. 26, 6). Среди остатков погребения обнаружили кости козы и 2 нижние челюсти соболя или хоря.

ОГРАДА 13. Небольшая, размеры ее 2,6×2,7 м, расположенная рядом с оградой 12; они вскрыты единым раскопом. На поверхности были видны каменные столбики, стоявшие по углам оградки, сложенной из тонких мелких плит. В центре располагалась детская могилка — каменный ящик размерами 100×65×65 см, а в нем — скелет двухлетнего ребенка, лежавшего на спине, головой на СВ (рис. 33, 9). Справа в головах находился глиняный сосудик, в ногах — другой (рис. 28, 12, 21), рядом с первым — бронзовая бляшка (рис. 26, 18).

Между оградками 12 и 13 и к северо-востоку от оградки 13, вне оград, располагались 3 могилы (14—16).

Могилы 14. За северо-восточной стеной оградки 13 лежали плиты на площади 140×140 см, под ними — каменный ящик размерами 95×35×45 см. В ящике находился скелет годовалого младенца, лежавшего на спине, головой на СВ (рис. 33, 7). Вещи отсутствовали.

Могилы 15. У восточного угла третьей пристройки. Покрыта плитами в несколько рядов на площади 180×140 см. В яме размерами 120×75 см на глубине 100 см нашли кости годовалого младенца, лежавшие кучкой посередине (рис. 33, 10), среди них была лопатка овцы.

Могилы 16. Около западного угла оградки 13. Представляла собой каменный ящик размерами 100×65×30 см (рис. 33, 11). На дне в юго-западном конце были разбросаны в беспорядке кости младенца и большой глиняный сосуд (рис. 28, 14).

ТЕПСЕЙ VII

Здесь в 1968 г. раскопан один курган. Значительная часть его рухнула в овраг, а уцелевшая сохранилась не полностью — некоторые плиты оградки отсутствовали. В 1975 г. при сплошной раскопке могильника тесинского этапа М. П. Грязнов вскрыл детскую могилку (33), которая находилась за оградой кургана, но, несомненно, была с нею связана, как и ограда 13, а также могилы 14—16 в Тепсее VIII. В 1976—1977 гг. здесь были раскопаны еще 2 кургана (2 и 3), но материалы их еще не обработаны, и описание их не дается.

КУРГАН 1. Сохранились северо-западная и частично северо-восточная стены оградки, каменные плиты которых значительно выступали над поверхностью (рис. 34). Предполагаемые размеры оградки 9,5×6 м. К середине северо-восточной ее стены была пристроена оградка размерами 2,2×1,7 м. В основной оградке открыто 2 могилы (1 и 3), в пристройке — одна (мог. 2) и еще одна — за оградой (мог. 33).

Могилы 1. У северо-западной стены оградки. Ее размеры 220×105 см, глубина 90 см. Вдоль северо-западной стены сохранилось бревно от сруба. В могиле в беспорядке лежали кости двух человек — мужчины старше 60 лет и женщины 20—40 лет. Череп мужчины находился в западном углу на глубине 40 см, остальные его кости — в заполнении по всей могиле. Многие кости женского скелета плохой сохранности (череп, локтевая, лучевая, малая берцовая) обнаружили на дне. Здесь же были разбросаны по всей могиле черепки глиняного сосуда (рис. 28, 26).

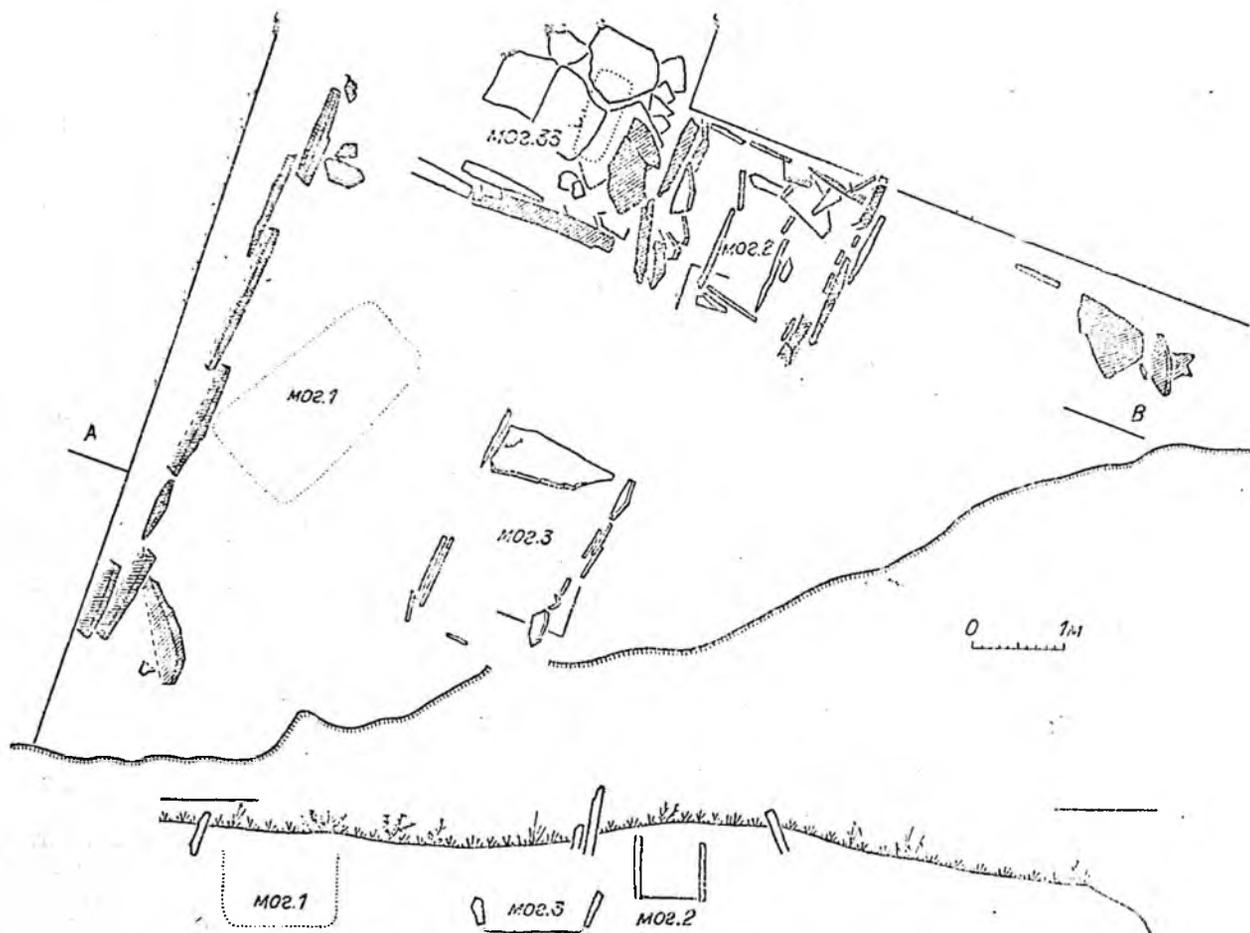

Рис. 34. Тепсей VII, курган I. План и разрезы.

Могила 2. Располагалась в пристройке. Внутри обнаружили каменный ящик размерами 140×70 см, глубиной 80 см, в нем в беспорядке лежали кости ребенка двух лет, обломки глиняного сосуда (рис. 28, 25) и кости овцы.

Могила 3. В центре основной ограды. Размеры 225×150 см, глубина 100 см. Вертикально стоящие каменные плитки околесивали могилу. Остатков погребения не обнаружено.

Могила 33. Находилась за оградой, в углу между западной стеной пристройки и северной стеной основной ограды; представляла собой покрытие из трех больших массивных плит и нескольких меньших, плотно уложенных на площади $1,7 \times 1,5$ м. Под ними находилась яма размерами 90×45 см, глубиной 70 см. На дне лежал скелет младенца 7 месяцев на спине, головой на ССВ. Вещи отсутствовали.

О датировке кургана можно судить по найденным глиняным сосудам. Один из них баночной формы черного цвета со слегка срезанным наружу венчиком, по краю украшенный плотным рядом бугорков (рис. 28, 26). Второй — с округлым венчиком, отогнутым верх-

ним краем, плавно переходящим в тулово (рис. 28, 25). Оба сосуда относятся к началу подгорновского этапа, чему не противоречит и конструкция ограды с пристройкой.

ТЕПСЕЙ III

Могилы подгорновского этапа здесь на поверхности земли не были видны, их обнаружили при раскопках более поздних могил таштыкской культуры и кыргызского времени. Не было или не сохранились и каменные ограды. Это объясняется либо тем, что ограды оказались разрушенными и уничтоженными при сооружении могил в последующие периоды, либо тем, что здесь было не обычное нормально действующее кладбище, а хоронили в этом месте лишь в каких-то отдельных случаях особые категории умерших, не соблюдая всех установленных правил.

В 1968 г. М. П. Грязновым раскопаны 3 могилы подгорновского этапа (13, 35, 38) и в 1973 г. могила 62 — М. Н. Пшеницной.

Могила 13. В южном углу сплошного раскопа, около таштыкского склепа, сохранилось несколько вертикально вкопанных плит. На поверхности виднелись 2 такие плиты, образующие угол ограды или могильного ящика. В процессе раскопок открылись еще вертикально поставленные плиты — остатки какого-то могильного сооружения: определить его формы и размеры не удалось. Возле угла, образованного вертикальными плитами, на глубине 50 см найден бронзовый нож с фигуркой хищника на рукояти (рис. 26, 22). Среди камней в почвенном слое встречены обломки костей коровы (лучевой, локтевой, метаподии, позвонка и зуб) и овцы (нижней челюсти, таза, метаподий, ребер и позвонков), но к могиле, вероятно, они не относятся.

Могила 35. Обнаружена при раскопке двух смежных могил таштыкской культуры — 22 и 23. Внутри находился каменный ящик, сложенный из пяти больших плит и нескольких мелких. Его размеры 180×110 см, высота 60 см. Глубина могилы 80 см. Ящик ориентирован по линии ЮЗ—СВ. В северо-восточном его конце обнаружен скелет мужчины 30—40 лет, лежавший поперек могилы, головой на ЮВ, на правом боку, завалившийся грудью и лицом вниз. Кости ног и левая тазовая отсутствовали, вероятно, они выброшены грабителями. Человек, видимо, был погребен в скорченном положении, с поджатыми к груди коленями. Перед его лицом лежала медная пронизка (длина 12, диаметр 0,4 см), около таза — астрагал овцы. У стенки ящика, перед животом погребенного, на глубине 10—15 см выше дна могилы, найдено несколько косточек младенца. В заполнении ящика встретились неопределимые обломки костей животных и 2 черепка, один из которых украшен рядом бугорков у венчика.

Могила 38. Каменный ящик размерами 190×90 см, высотой 40 см. Глубина могилы 70 см. Торцовые стенки ящика образованы каждой тонкой плитой, одна продольная стена составлена из нескольких плит, другая не сохранилась. В могиле лежали разрозненные кости женщины 40—60 лет (черепная коробка, 2 ключицы, 2 лопатки, все кости рук, бедренная, большая и 2 малые берцовые и др.), среди них — черепки горшка с характерным для подгорновского этапа желобчатым орнаментом (рис. 28, 24), днище от другого горшка, приспособленное под плоску, и кости овцы (лопатка, бедренная и обломок нижней челюсти). Под черепом открыли 2 бронзовые полусферические бляшки с отверстием посередине (рис. 26, 1). В верхних слоях заполнения могилы оказалось 8 астрагалов овцы и козули.

Могила 62. Обнаружена на размытой волнами поверхности в 3,5 м от северо-западной

стены склепа. Здесь прослеживались остатки разрушенного каменного ящика размерами около 190×100 см. Покрытие смыто водой. На дне лежал полный скелет (кроме костей левой голени и стопы) женщины старческого возраста, на спине, головой на ЮЗ. У пояса находились клык кабарги и бронзовый «вкладышевый» нож (рис. 26, 2, 23), справа у бедра — кости двух овец.

Случайная находка. В могиле 9 кыргызского времени остатки основных захоронений находились на уровне древней поверхности. В грунте обнаружено темное пятно. На дне ямы были остатки перегорелых костей человека и кости барана, а выше, в заполнении — бронзовое шило, к остаткам погребения, видимо, не относившееся. Оно типично подгорновское, с четкой моделированной шейкой и плоской круглой шляпкой (рис. 26, 24).

Серия раскопанных на Тепсее курганов подгорновского этапа дала нам обычную, характерную для этого периода, картину. Следует только отметить некоторые детали, позволяющие уточнить и дополнить наши представления по некоторым еще слабо освещенным в литературе вопросам. Во-первых, на Тепсее совершенно отчетливо удалось проследить, что в отличие от намогильных оград карасукской культуры, высоких, со стенами высотой до 1 м и даже до 1,5 м, тагарские ограды были низкими и не могли иметь какого-либо практического значения. Во всех случаях на Тепсее можно было видеть, что верхние края плит ограды сохранили свой первоначальный вид и возвышались над поверхностью земли своего времени на 10—20 см. Они имели лишь декоративное значение как какое-то символическое ограждение отведенного погребаемым людям участка земли. Особенно это хорошо видно на примере кургана 4 в могильнике Тепсей IX, где некоторые плиты ограды имели вид каменных брусев размерами до 130×25×15 см — они даже не вкапывались в землю, а просто укладывались на поверхности степи (см. рис. 30).

Интерес вызывает состав погребенных в разных могилах одной ограды. Обычно в ограде одна могила занимает центральное место, остальные располагаются на пространстве между нею и стенами ограды. В исследованных на Тепсее курганах в центральной могиле, как правило, погребен взрослый человек, иногда с младенцем (4 случая — мужчины, 4 — женщины, 5 — пол не определен, 2 — дети). В дополнительных могилах обычно погребено также по одному человеку, иногда по два. В семи случаях это женщины, в трех — мужчины, в трех — пол не определен, в четырех — дети. Следовательно, ограду сооружали для взрослых, а для многих женщин и детей

особую ограду не делали — их хоронили в дополнительных могилах в уже существовавших оградах. Только в двух случаях для двух-, трехлетних детей сделали индивидуальные, всего в 4 и 5 м² ограды (Т. VII, огр. 1, пристройка, и Т. VIII, огр. 13).

Таким образом, по структуре кладбище на подгорновском этапе сильно отличается от карасукских кладбищ. В карасукское время, как правило, для всех погребаемых строили индивидуальную ограду — и для взрослых, и для детей. Часто оградки, особенно детские, пристраивали к ранее сооруженным оградкам. На подгорновском этапе также практиковалась пристройка оград одна к другой, но чаще для новых погребаемых ограду не делали, а устраивали их захоронение в уже имевшихся оградах. На Тепсее, судя по тем оградкам, в которых точно установлены состав и расположение могил, индивидуальные ограды сооружены только для 15 человек, а 16 человек погребены в дополнительных могилах, иногда по 2 в одной могиле.

Отличен от карасукского времени и состав заупокойной пищи. При раскопках на Тепсее точно учитывался состав костей животных в могилах (см. Приложение 2).

В 30 могилах обнаружены кости 22 овец, 16 коров, 4 лошадей и 2 коз. При этом в 15 могилах были кости коровы, в 3 — лошади, в одной — лошади и коровы и только в 11 могилах — кости овцы или козы. Очень постоянен

состав костей. Это, как правило, кости от 5 кусков мяса — лопатка, несколько ребер, членики грудной кости, бедренная и большая берцовая кости. Правда, полный комплект этих костей сохранился только в 19 случаях, но ведь все могилы ограблены, многих костей человека и животных не хватает. Очевидно, они выброшены грабителями, а потому не сохранились. Костей других животных, кроме перечисленных, в могилах не встречается.

Вероятно, мы вправе предполагать, что при похоронах каждый раз устраивалось пиршество — тризна. При этом 19 раз были принесены в жертву корова либо лошадь или оба животных и только 11 раз — овца. В карасукское же время почти всегда при похоронах резали овцу и очень редко корову или лошадь. Умершему каждый раз клали в могилу 5 строго определенных кусков мяса. Так же поступали и в карасукское время, но оставляли 4 куска мяса. На подгорновском этапе в могилу стали класть еще и кусок жирной грудинки с костью. На подгорновском этапе жертвоприношения барана и козы составляют 54%, коровы и лошади — 46%. Интересно, что обычай устройства тризны и приношений мяса умершему строго регламентирован. Постоянен не только набор кусков мяса, всегда это было к тому же мясо от правой половины животного. Только в одном случае все кости овцы были левые и в пяти — часть костей правые, а часть — левые.

САРАГАШЕНСКИЙ ЭТАП

Памятники сарагашенского этапа расположены в нескольких пунктах, но компактного могильника этого времени у подножия горы Тепсей, видимо, не было. Отдельные курганы, а иногда и несколько в одном пункте находятся на разных участках надпойменной террасы, например, в Тепсее VIII. Возможно, и в других местах были не одиночные курганы, а их группы. Так, в Тепсее XV курган полностью погребен под слоем навейного песка и не виден на поверхности. Возможно, что рядом с ним есть еще такие же скрытые песком курганы. Группа восьмикаменных курганов, расположенных между пунктами Т. VIII и Т. XVI, отнесенная выше к подгорновскому этапу, может быть, принадлежит сарагашенскому этапу. До раскопок уверенно решать вопрос о их датировке только по внешнему виду весьма затруднительно.

На Тепсее VIII в 1968 г. М. П. Грязнов исследовал десятикаменный курган (огр. 1) и 2 бескурганные могилы (огр. 4а и 10а), а М. П.

Завитухина — восьмикаменный курган (огр. 5). На Тепсее XV восьмикаменный курган в 1969—1970 гг. раскопан М. Н. Пшеницыной.

ВОСЬМИКАМЕННЫЙ КУРГАН В ТЕПСЕЕ VIII

В южной половине могильника центральное место занимал восьмикаменный курган, обозначенный на планах и именуемый в отчетах экспедиции как ограда 5. Восьмикаменными принято называть тагарские курганы, в ограде которых, кроме четырех угловых камней, стоят еще 4 высоких камня посередине каждой стороны ограды. Рассматриваемый курган был погребен под слоем навейного песка. До раскопок виднелись угловой и 2 промежуточных камня, а также верхние края плит у двух стен ограды. Ограда прямоугольная (12,5×10 м), ориентирована по линии ЮЗ — СВ. Сооружена из относительно толстых

плит песчаника (рис. 35). Стены ее не превышали 20 см, а угловые и промежуточные камни в свое время поднимались на 50—60 см над поверхностью земли (рис. 36). Теперь они либо полностью скрыты под землей, либо едва выступают на поверхности. Плиты в южном углу, в отличие от остальных плит ограды, небольшие и тонкие; они вкопаны неглубоко, в настоящее время отклонились наружу. Вероятно, это остатки стен более древней карасукской ограды 6, включенные строителями в в конструкцию ограды 5.

В средней части ограды расположена малая квадратная ограда (5×5 м), ориентированная по линии 3—В. Ее северная стена нарушена могилкой 2 — плиты оградки опустились в эту могилку. Сооружена она из тонких плит, верхняя часть которых обломана, а края сглажены в процессе выветривания. Первоначальная высота стен была значительно большей, чем основной ограды. Малая ограда, по-видимому, древнее основной. Однако остатков погребения в ней не сохранилось, оно, очевидно, полностью уничтожено при устройстве могилы 1. Возможно, это ограда карасукской могилы, разрушенной сарагашенской могилкой.

В кургане 11 могил, из них 2 основные (мог. 1 и 2), занимающие центральное место в ограде.

Могила 1. Размеры 200×160 см, глубина

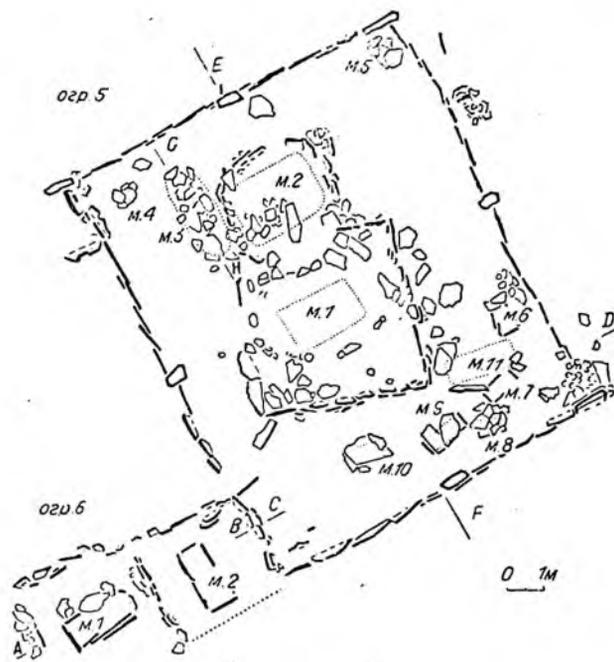

Рис. 35. Тепсей VIII. План оград 5 и 6.

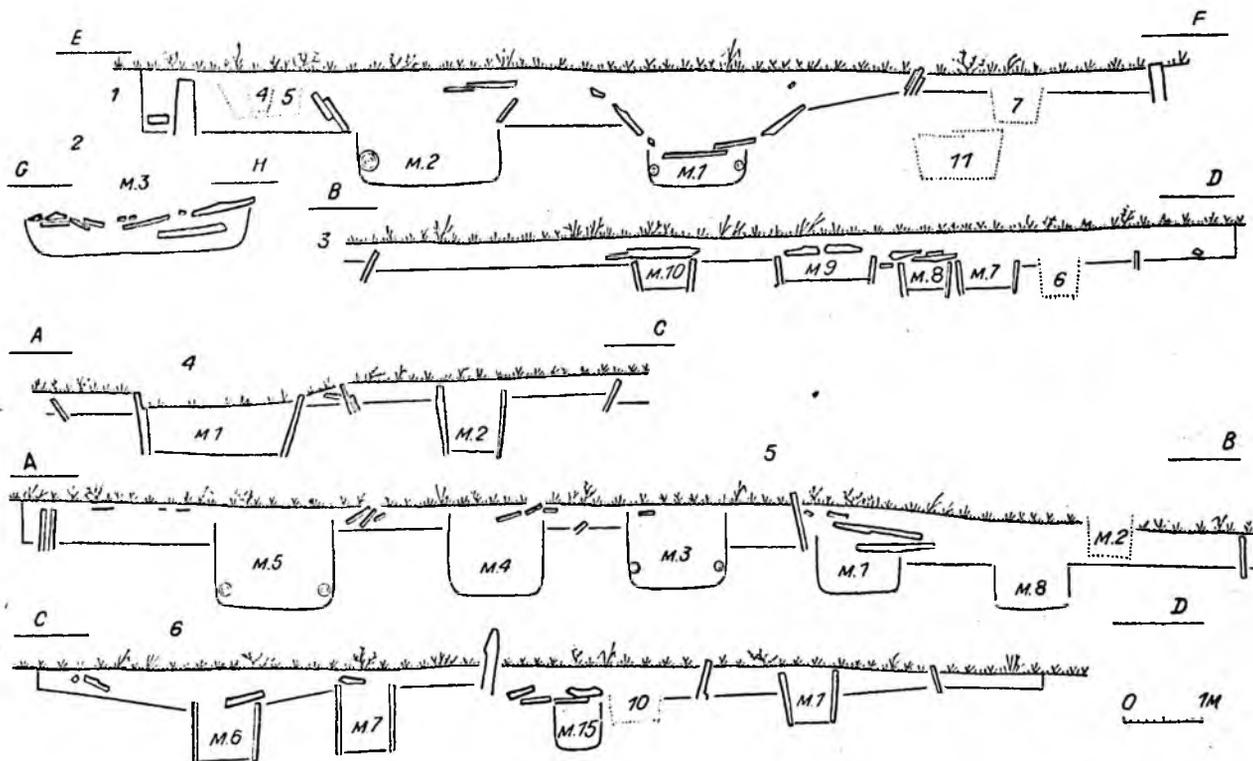

Рис. 36. Тепсей VIII. Разрезы оград 5 (1—3), 6(4), 12 (5) и 13 (6)..

140 см. Вдоль стен сохранилось по одному бревну от сруба. Покрытие имеет вид развала мелких плит на площади 4,5×3 м. Под ним по краям могилы и в ее заполнении более крупные плиты. Могила ограблена. В ней сохранились кости четырех человек — мужчины 20—25 лет, двух взрослых мужчин (?) и взрослой женщины (?). На дне в первоначальном положении лежали кости ног двух мужчин (?): у юго-восточной стены скелет 1, у северо-западной — скелет 2. Погребенные расположены на спине, головой на ЮЗ. В южном углу обнаружена глиняная миска, у правого бедра скелета 2 — костяной крючок (рис. 37, 20), в заполнении могилы — костяной наконечник стрелы (рис.

37, 19), бронзовые трубочка и бусина, 10 аргиллитовых бусин, 2 бусины из темного камня и стеклянная (рис. 37, 22), черепки от венчика сосуда (рис. 28, 23) и от днища. В северном углу, в ногах скелета 2, встретились кости коровы.

Вне сруба найдены 2 компактные группы костей скелета 3 (мужчина 20—25 лет): одна за северо-западной стеной (череп, длинные кости рук и ног, тазовые и ребра человека и тут же бедро и голень коровы), среди костей — бронзовые чекан, вток, зеркало (рис. 37, 18, 21, 23) и черепок от венчика сосуда с линейным орнаментом; вторая группа — за юго-западной стеной (нижняя челюсть, предплечье в сочле-

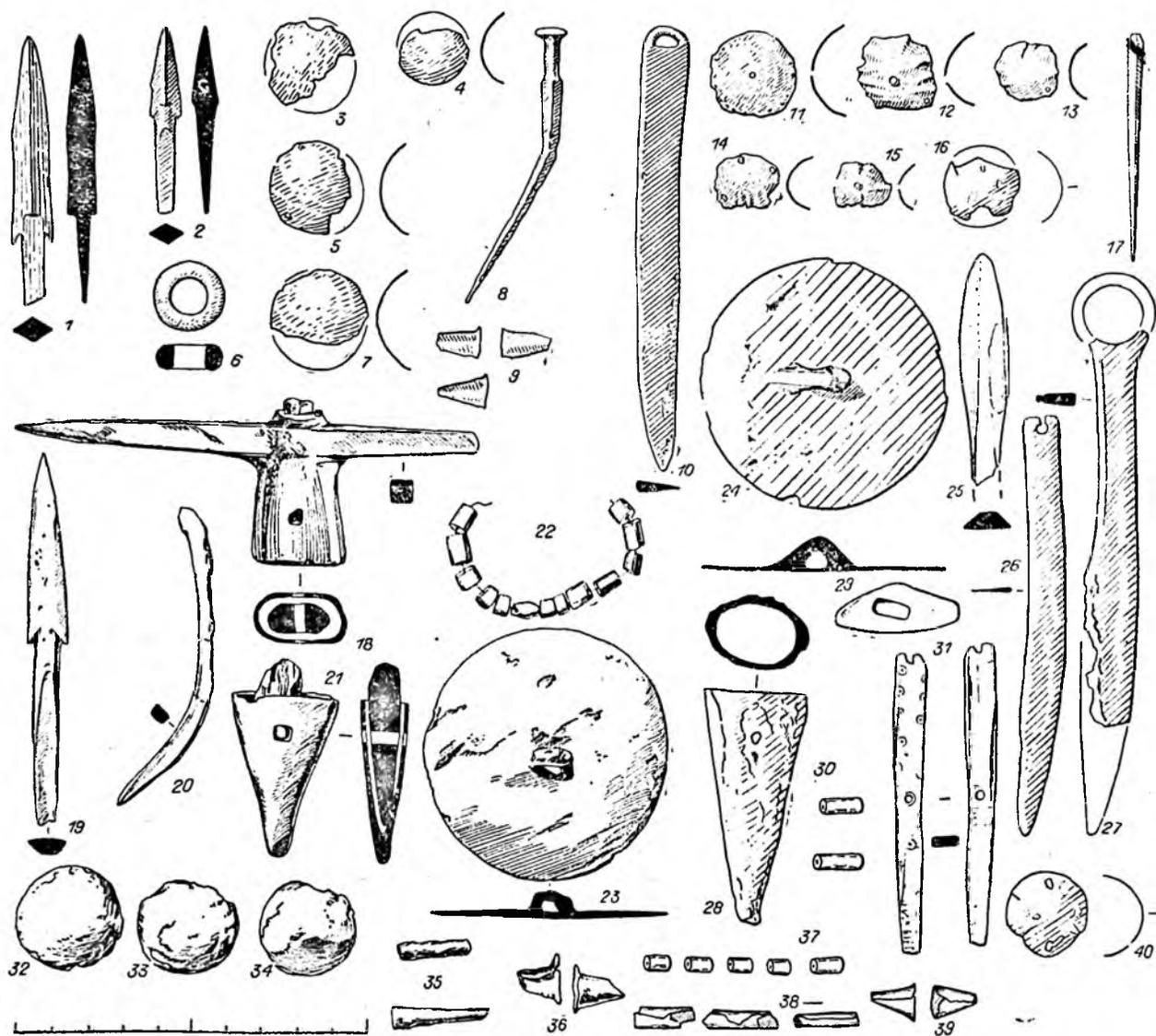

Рис. 37. Вещи из могил сарагаишского этапа:

Тенесей VIII: 1—9 — о-гр. 1, мог. 2; 10 — о-гр. 4а, 11—15, 17 — о-гр. 10а; 18—23 — о-гр. 5, мог. 1; 32—36 — о-гр. 5, мог. 2. Тенесей XV, 16, 26, 27, 40 — о-гр. 1, мог. 4, 24, 25, 28, 29 — о-гр. 1, мог. 1; 30 — о-гр. 1, мог. 2; 31, 37—39 — о-гр. 1, мог. 3.

нении с костью, позвонки в сочленении с ребрами). Кости этого скелета были выброшены из могилы либо грабителями, либо при последующих захоронениях. Произошло это, вероятно, вскоре после погребения, когда труп не успел полностью разложиться (кости руки и части грудной клетки еще прочно держались на связках). Кости скелета 4 (женщина?) находились в заполнении могилы.

Могила 2. Размеры 240×180 см, глубина 140 см. Остатки сруба сохранились вдоль всех стен, вдоль юго-западной стены — части трех венцов сруба. Сруб подклинен мелкими плитками. Плиты покрытия лежали на площади 3,2×2,5 м в наклонном внутрь положении. Могила ограблена. В ней в беспорядке были разбросаны кости двух скелетов: мужчины и женщины 40—60 лет, а кроме того обнаружены череп и лопатка второго мужчины (?). На дне могилы лежали обломки трех черепов и три глиняные миски. В разных местах могилы найдены 4 бронзовые бляшки, 3 бусины, 2 трубочки-пронизки, фрагмент бронзового шила и обломок стеклянной бусины (рис. 37, 32—36). В заполнении могилы оказались кости лошади и овцы.

Могила 3. Примыкает с юго-запада к могиле 2. В отличие от основных могил она ориентирована с СЗ на ЮЗ, перпендикулярно к ним. Размеры ее 250×100 см. Покрытие (280×100 см) состояло из некрупных плит. Сразу же под ним обнаружены остатки погребения (рис. 38, 1). Вдоль стенок могилы тянулись вертикально поставленные плитки, на северо-западной и северо-восточной стенках сохранились остатки дерева. На дне посередине лежал скелет ребенка 7 лет, на спине, головой на ЮВ, ноги «ромбом» (видимо, ноги были подняты коленями вверх, а затем упали по сторонам). Поверх детского скелета располагался скелет женщины 40—60 лет, лежавшей на спине, головой на ЮВ, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. В ногах погребенных находился скелет ребенка 6 лет, головой ориентированный тоже на ЮВ. Вещи отсутствовали.

Могила 4. В западном углу ограды находился каменный ящик размерами 50×20×20 см, а в нем — скелет новорожденного младенца, головой на СВ (рис. 38, 2). Этот ящик был вставлен в другой несколько больший ящик (70×60×60 см). Под ними в беспорядке разбросаны кости годовалого ребенка. Вещей не было.

Могила 5. В северном углу ограды находился каменный ящик размерами 150×110×30 см, ориентированный по линии З—В (рис. 38, 3). Ящик покрывали плиты (100×70 см), а под ними лежали череп и длинная кость шестимесячного младенца. Вещи отсутствовали.

Могила 6. Вдоль северо-восточной стены

ограды был поставлен каменный ящик размерами 90×45×35 см, ориентированный по линии СЗ—ЮВ. Покрытие сохранилось над северо-западной его частью. На дне лежал скелет ребенка 3 лет, головой на ЮЗ (рис. 38, 4). Вещей не было.

Могила 7. Каменный ящик размерами 90×50×35 см, ориентированный по линии ЮЗ—СВ (рис. 38, 8). В ящике лежали в беспорядке кости шестимесячного младенца. Вещей не было.

Могила 8. Близ юго-восточной стены ограды располагался каменный ящик размерами 90×50×30 см, покрытие (120×90 см) составляли мелкие плиты. В ящике находился скелет младенца 6 месяцев, лежавший на спине, головой на ЮЗ (рис. 38, 6). Вещей не было.

Могила 9. Каменный ящик размерами 110×40×35 см ориентирован по линии СВ—ЮЗ (рис. 38, 9). Покрытие его состояло из двух плит. На дне встретилась ключица взрослого человека. Остатков погребения ребенка не сохранилось.

Могила 10. Каменный ящик размерами 75×45×30 см покрывала плита размерами 120×40 см, ориентирован по линии ЮЗЗ—СВВ. На дне находилось 2 скелета младенцев, лежавших рядом, на спине, головами на ЮЗЗ (рис. 38, 7). Вещи отсутствовали.

Могила 11. У восточного угла малой ограды на глубине 130 см находился каменный ящик размерами 210×100×45 см, а в нем — скелет женщины 40—60 лет, лежавший на спине, головой на ЮЗ (рис. 38, 5). Сооружена ранее могил 6 и 7, ящики которых вклиниваются в нее.

ДЕСЯТИКАМЕННЫЙ КУРГАН И ДВЕ МОГИЛЫ В ТЕПСЕЕ VIII

Десятикаменные курганы как особую архитектурную форму отметил еще В. В. Радлов в 1884 г., отнеся их к третьему типу своей классификации могильников на Енисее. Камни на таком кургане, отмечал он, «расположены по сторонам прямоугольника следующим образом: четыре камня стоят по углам его, на коротких сторонах помещено только по одному, а на длинных — по два камня» (Радлов, 1895, с. 150).

Во время разведочной поездки 1964 г. в борту вырытой для силоса траншеи была обнаружена могила, более чем наполовину уничтоженная бульдозером. Раскопка оставшейся части и осмотр места ее нахождения показали, что она располагалась в центре десятикаменного кургана, погребенного под слоем навесного песка, и относится к сарагашенскому этапу (М. П. Грязнов). В 1968 г. этот кур-

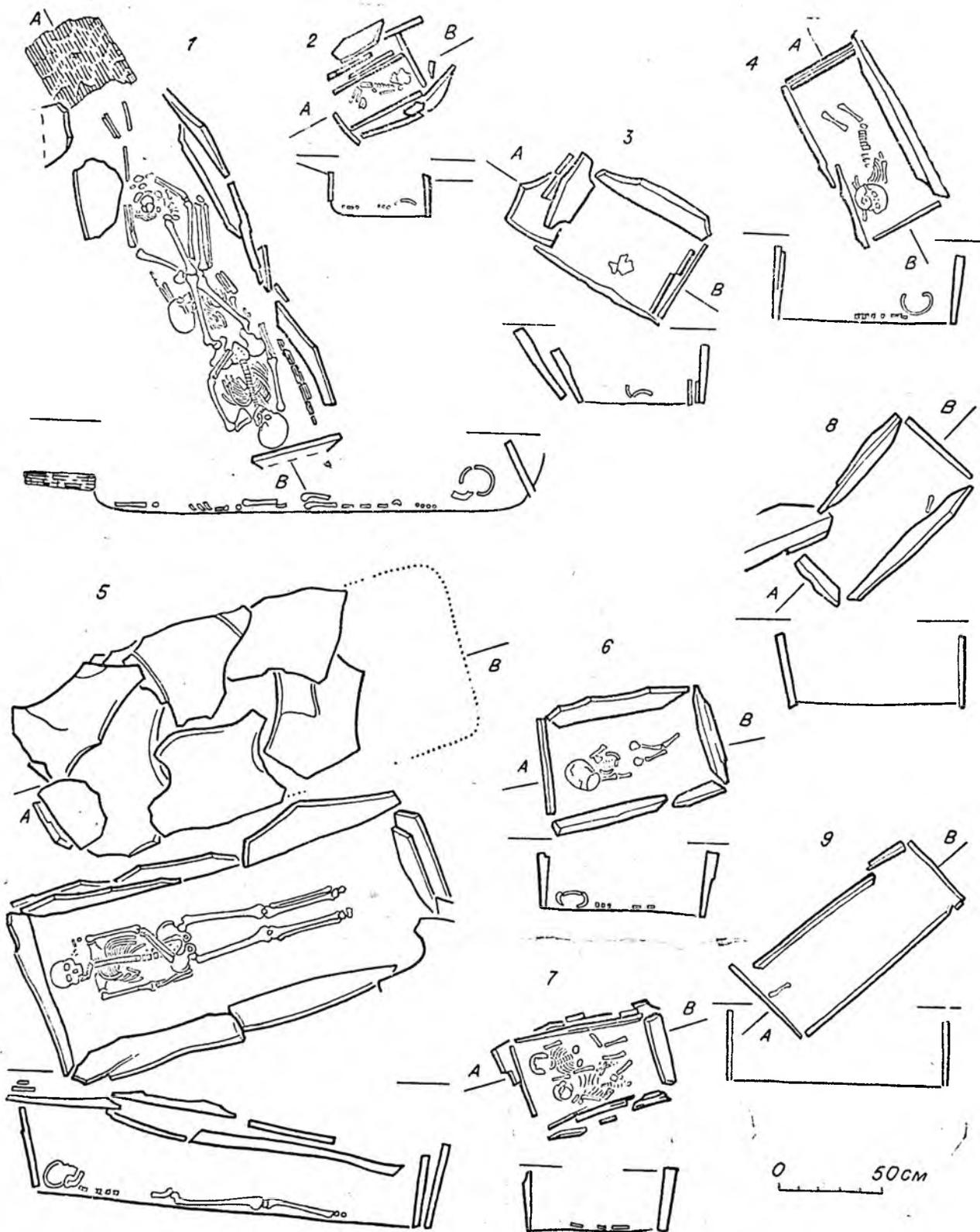

Рис. 38. Тепсей VIII. Планы и разрезы могил в ограде 5:
 1—мог. 3; 2—мог. 4; 3—мог. 5; 4—мог. 6; 5—мог. 11; 6—мог. 8; 7—мог. 10; 8—мог. 7; 9—мог. 9,

ган был полностью раскопан Н. А. Авансесовой и получил название «ограда 1». Поблизости от него Л. В. Скалиной вскрыты 2 могилы того же времени — ограды 4а и 10а.

ОГРАДА 1. На поверхности виднелись лишь верхушки высоких камней-стел большой прямоугольной ограды (2 угловых и по одному на юго-западной и юго-восточной стенах ограды) и часть повалившихся по склону увала плит юго-восточной стены (рис. 39). Камень северо-восточной стены был полностью скрыт в земле. В борту траншеи в разрезе виднелась плита северо-восточной стены ограды, часть могилы 1 и кем-то опустошенный небольшой каменный ящик могилы 3 (рис. 40). Сохранившуюся часть ограды (несколько больше половины) вскрыли полностью. Ограда размерами 14×10 м составлена из вертикально врытых плит. Высокие плиты-стелы поставлены по углам. Посередине коротких сторон ограды было еще по высокой плите, а по длинным сторонам — по 2 плиты (всего 10 высо-

ких камней-стел). Плиты стен ограды, давно уже погребенные под слоем навесного песка, не имели заметных следов выветривания и разрушения. Это редкий случай, когда ограда на значительном протяжении сохранила свой прежний вид. Стены ее возвышались на 20—30 см над поверхностью земли, а плиты-стелы — на 60—75 см.

В центре ограды находились 2 основные могилы, расположенные рядом, на расстоянии 80 см одна от другой (мог. 1 и 2). Над ними была земляная насыпь, покрытая сверху плитняком. Вдоль северо-восточной стены ограды располагались 3 каменных ящика, закрытых на уровне погребенной почвы плитами (мог. 3, 1а и 1б). Их соорудили, по-видимому, в существовавшем тогда проходе между основными могилами, имевшими вид относительно небольших холмиков; и стеной ограды. В южном углу ограды и параллельно юго-восточной ее стене открыты еще 4 могилы, тоже в виде каменных ящиков (мог. 1е, 1д, 1г и 1в), но ямы

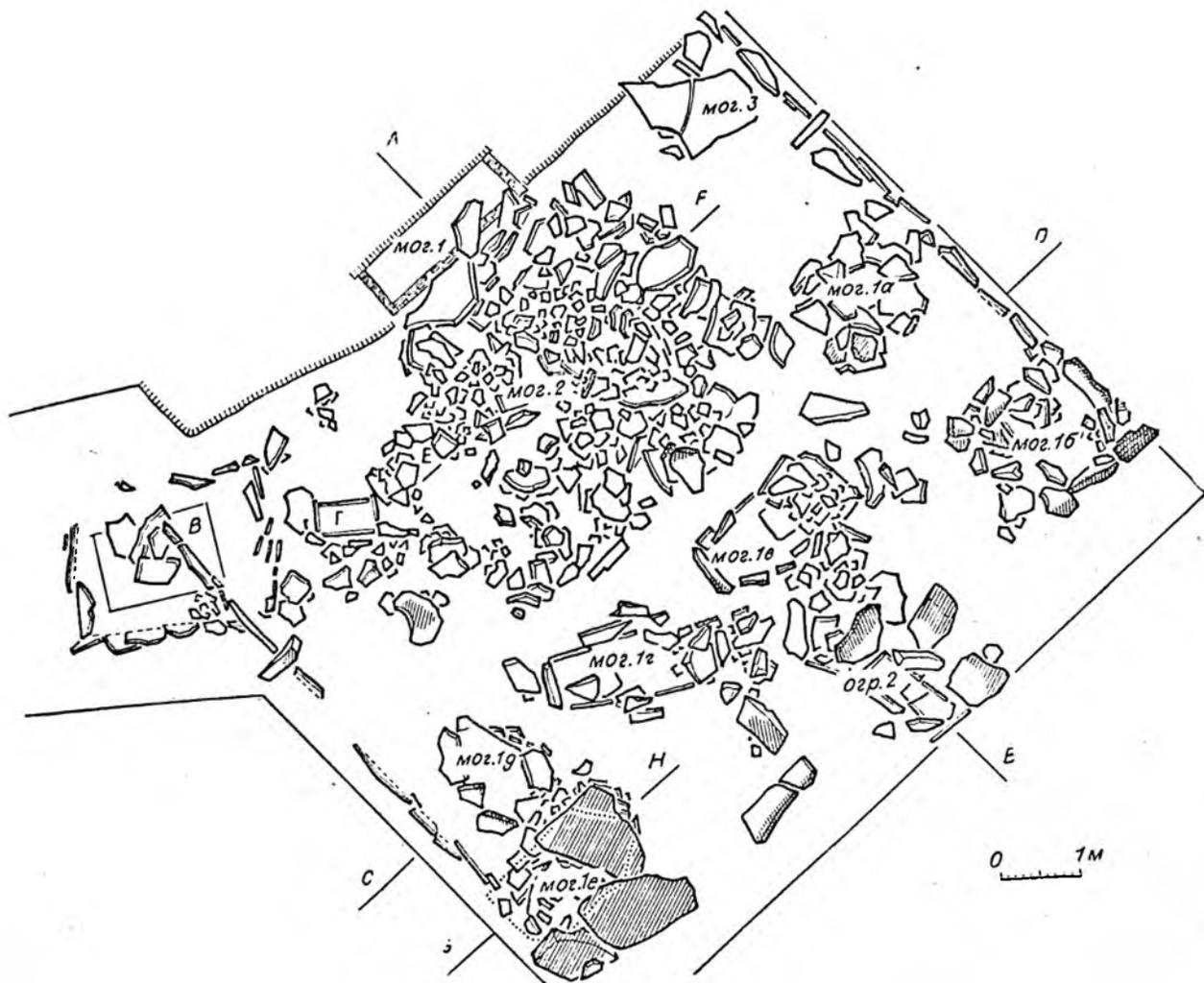

Рис. 39. Тепсей VIII, ограда 1. План.

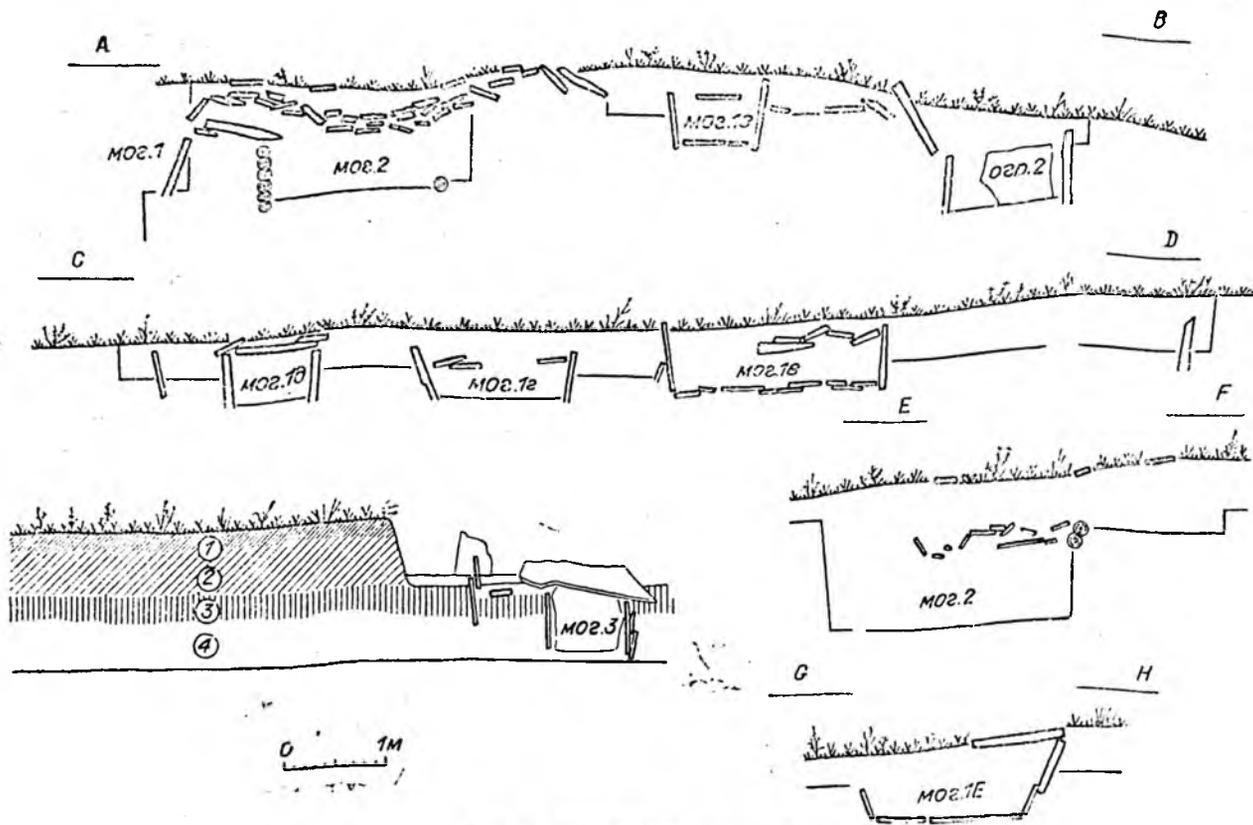

Рис. 40. Тепсей VIII, ограда 1:

Разрез стенки траншеи: 1—современная почва, 2—навеянный песок, 3—погребенная почва, 4—материк.

для них вырыты с поверхности слоя навеянного песка. Верхние края плит ящиков достигли современной поверхности, покрытия их разрушены и разбросаны. Надо полагать, что вскоре после сооружения ограды кургана, его двух основных и трех дополнительных могил увал был занесен 70-сантиметровым слоем песка, и только после этого появились 4 последние могилы, датированные тесинским этапом.

Могила 1. Раскопана в 1964 г. Сохранилась третья или четвертая часть площади могилы вдоль ее юго-восточной стенки. Длина могилы 240 см, а ширина, по аналогии с другими курганами, вероятно, несколько меньше, глубина 110 см от поверхности погребенной почвы. В яме сохранился сруб в 4—5 венцов из тонких бревен, рубленный в лапу. Над срубом уцелело много плитняка, очевидно, от каменного покрытия поверх исчезнувшего деревянного наката. Погребальная камера сохранилась на участке площадью 210×50 см (внутренние размеры). На этом участке встречены останки не менее 5 человек: в восточном углу могилы лежали в анатомическом порядке кости грудной кетки, плечевые, лопатки взрослого человека (1), рядом — череп человека (2) юношеского возраста и нижняя челюсть (под стопую

взрослого), рядом с грудной клеткой первого костяка в южном углу могилы — кости ног ниже колена еще одного взрослого (3), очевидно, к нему же относятся крестец, тазовая кость, 2 плечевые, бедренная и нижняя челюсть взрослого мужчины (?); поверх последней группы костей лежали в анатомическом порядке 2 поясничных позвонка, части тазовых костей и длинные кости ног подростка 12—14 лет (4); около восточного угла, у стенки могилы обнаружили скелетик младенца (5) до 1 года. Между костями ног взрослого и подростка найдено бронзовое шило.

Могила 2. Основная, находилась рядом с предыдущей. На глубине 80 см от поверхности погребенной почвы открыли сруб из тонких (диаметр 9—12 см) бревнышек. Его размеры 230×150 см, предполагаемая высота 80 см. На уровне погребенной почвы шел накат из бревен диаметром 20—30 см, уложенных поперек могилы, а поверх него земля слоем до 30 см, покрытая плитняком в несколько слоев. В момент раскопок надмогильное сооружение представляло собой холмик диаметром около 5—6 м, высотой до 70 см, с западной посередине глубиной до 50 см. Холмик, как и вся ограда, был засыпан песком, но на современной поверхности увала над могилой сохрани-

Яма небольшая западинка глубиной около 20—25 см. Могила ограблена и, по-видимому, уже после занесения ограды песком, т. е. на тесинском этапе или еще позже. В могиле в беспорядке лежали разрозненные кости не менее 7 человек: мужчины 40—60 лет (полный скелет); мужчины 40—60 лет (череп, таз, кости ног и некоторые другие); мужчины 30—40 лет (череп, плечевая, бедренная); взрослого мужчины (?) (большая берцовая); женщины 40—60 лет (полный скелет); женщины (?) 40—60 лет (череп, плечевая, локтевая, бедренная, большая берцовая); подростка 9 лет (полный скелет). Среди костей людей тоже в беспорядке были разбросаны кости двух овец, козленка и четырех коров — остатки 16 кусков мяса от 7 животных. Можно предположить, что в могиле были погребены 7 человек и для каждого из них зарезано по одному животному. В беспорядке находились в могиле и сопровождающие погребенных вещи: сосуд баночной формы без орнамента сарагашенского типа, 2 миски, сделанные из днщ старых сосудов; бронзовый и костяной наконечники стрел, бронзовые шило, 7 полусферических бляшек, 4 пронизки, 2 пары биконических бус и роговое колечко (рис. 37, 1—9).

Могила 3. Исследована в 1964 г. Частично разрушена траншеей и кем-то опустошена. Это был каменный ящик из тонких плит, прикрытый тоже тонкими плитами на уровне погребенной почвы. Ширина его (или длина?) 80 см, высота 60 см.

Могила 1а. Ящик из 5 плит (рис. 41, 1). Его размеры 100×60 см, глубина 60 см. На уровне погребенной почвы он был покрыт плитами, размеры наибольшей из них 110×50 см. Могила ограблена. В ящике разбросаны в беспорядке кости двух годовалых младенцев. Вещей не было.

Могила 1б. Ящик из 6 тонких плит. Его размеры 90×35 см, глубина 40 см от уровня погребенной почвы. Покрыт тонкими плитами в несколько слоев, наибольшая из них — 90×60 см. На дне могилы находились кости трех младенцев — годовалого и двух новорожденных (рис. 41, 3). Кости первого располагались в анатомическом порядке. Он лежал на спине, головой на ЮЗ. Кости двух других были в беспорядке, местами поверх костей первого. Справа, в головах у годовалого младенца, обнаружили миску, сделанную из нижней части горшка.

Описание более поздних могил, впущенных в курган на тесинском этапе (мог. 1в, 1г, 1д и 1е), дается ниже, в главе о тесинском этапе.

ОГРАДА 10а. На поверхности склона увала виднелся торчащий на 15 см столбообразный камень. При раскопке обнаружилась квадрат-

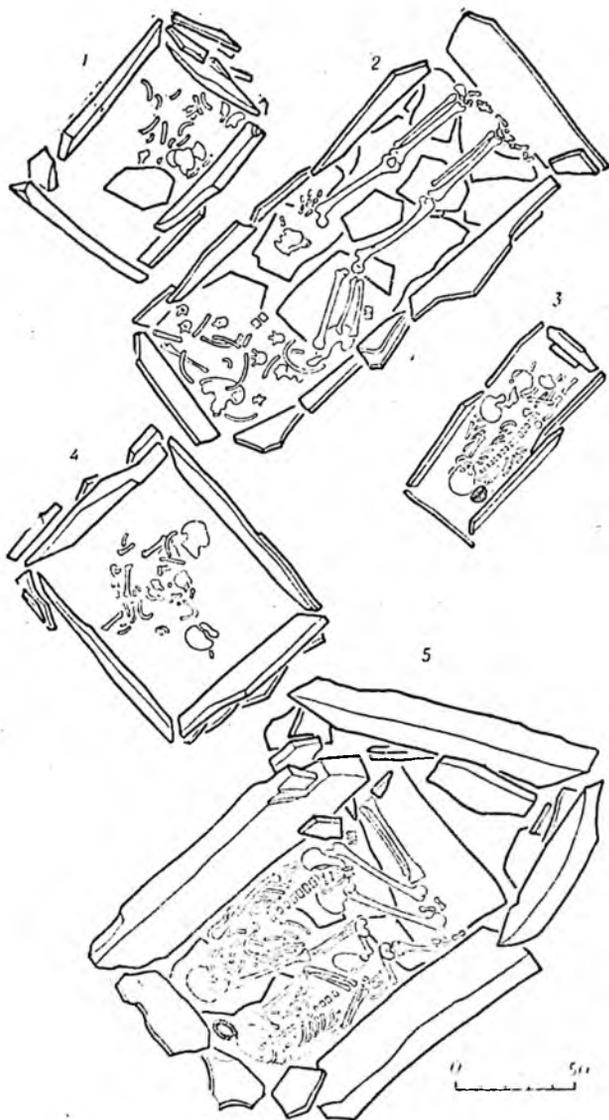

Рис. 41. Тенсей VIII, ограда 1:
Планы впускных могил: 1 — мог. 1а, 2 — мог. 1в,
3 — мог. 1б, 4 — мог. 1д, 5 — мог. 1е.

ная могила (250×220 см), ориентированная по линии ЮЗ—СВ (рис. 42, 2). Глубина ее 40—60 см от поверхности склона и, вероятно, около 80 см от уровня древней погребенной почвы. Возле дна вдоль стен местами сохранились остатки одного-двух бревен, сруба выше, тоже вдоль стен — мелкие плитки, не образовавшие, однако, регулярной кладки. Возможно, это была закладка или забутовка плитками свободного пространства между стенками ямы и несохранившимся срубом. Покрытие не уцелело. Посередине могилы, несколько ближе к северному углу, был вкопан в пол почти вертикально стоявший камень, возвышавшийся над дном могилы на 70 см. В могиле обнаружены кости

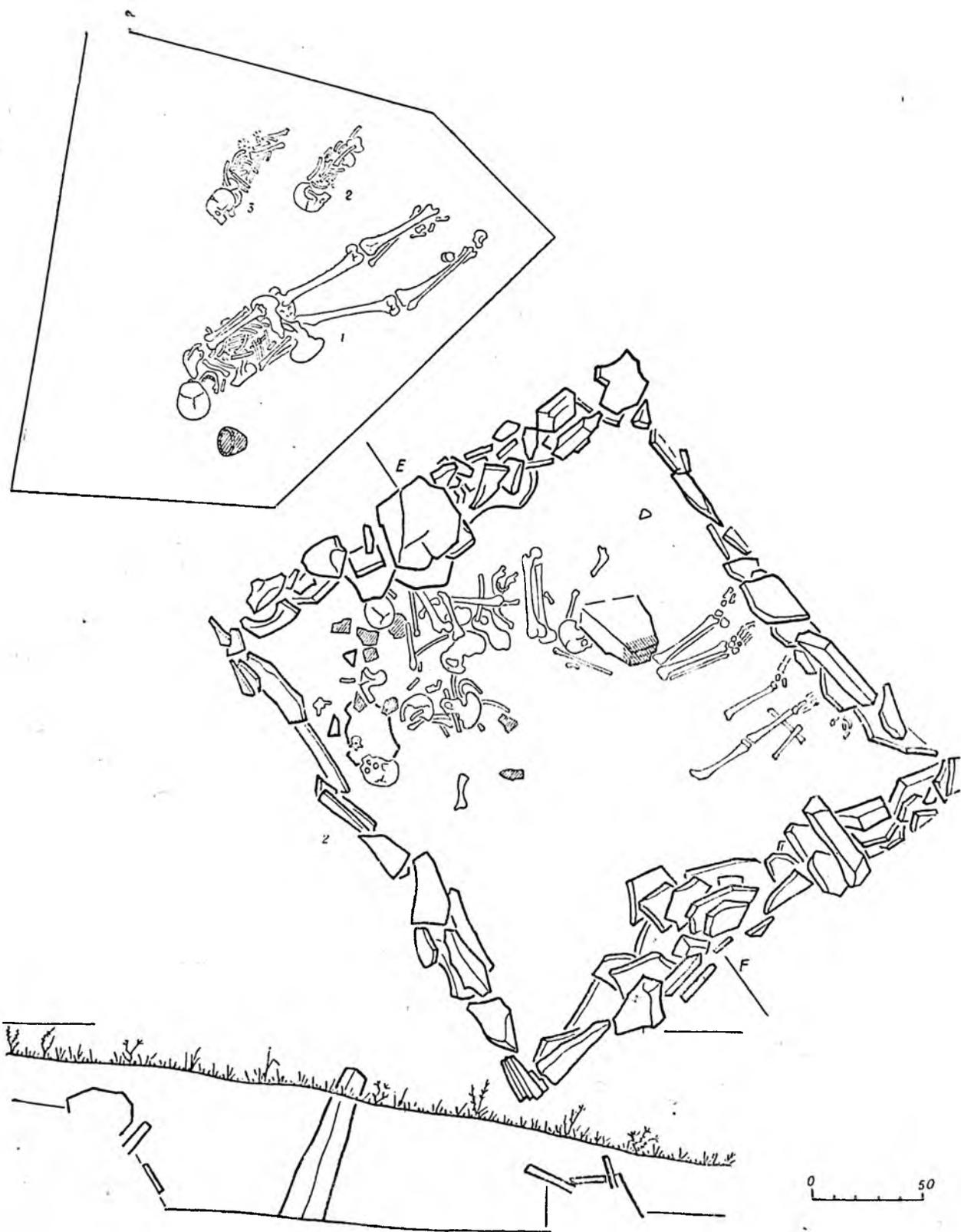

Рис. 42. Тепсей VIII:
 1—план захоронений в ограде 4а; 2—план и разрез ограды 10а.

четырёх человек: мужчины 40—60 лет, женщины 40—60 лет и подростков 13 и 7 лет. Кости скелетов сохранились полностью, не хватало лишь некоторых мелких костей. Могила была ограблена в то время, когда трупы уже полностью разложились. Основная масса костей в беспорядке лежала в западном углу могилы, начиная с глубины 20—30 см от современной поверхности. Только в восточном углу на дне

На сарагашенском этапе социальная структура общества была достаточно сложной, и это отразилось в погребальных обрядах. Если для рядовых членов общины устраивали большие коллективные могилы (родовые склепы), вокруг которых сооружалась ограда, и в этих же оградах, но в индивидуальных могилах, хоронили затем детей, а иногда и взрослых, то для каких-то более знатных лиц делали фа-

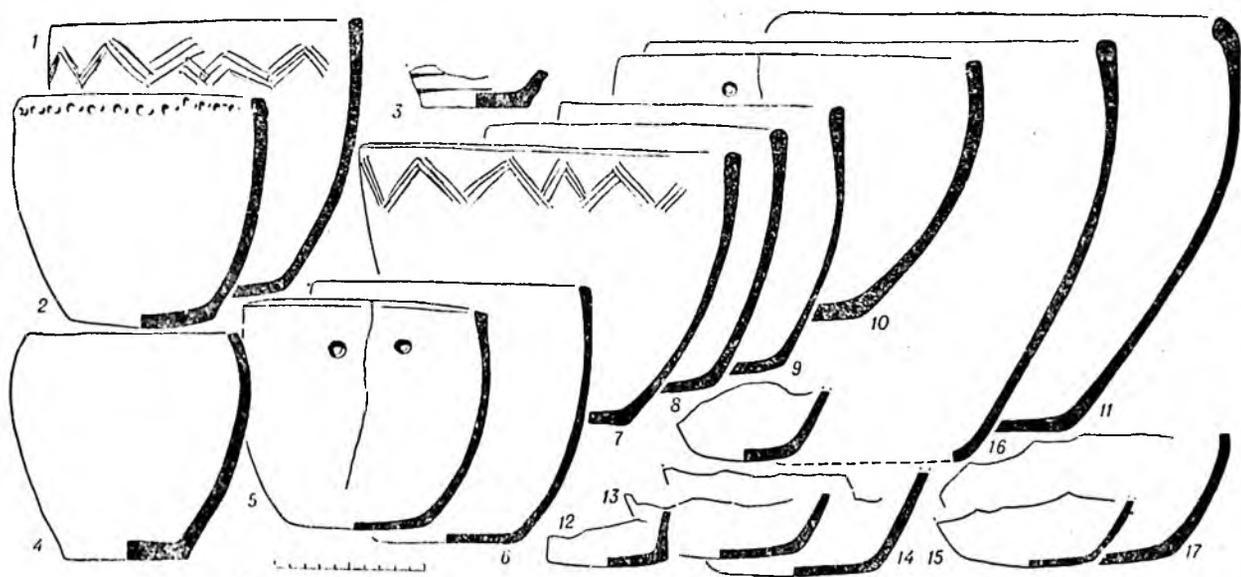

Рис. 43. Керамика из могил сарагашенского этапа:

Тенсей VIII: 4 — огр. 4а; 5, 6 — огр. 10а; 11 — огр. 1, мог. 2. Тенсей XV, ограда 1: 1, 2, 9, — мог. 4, 3 — мог. 3 или 4, 7, 8, 12, 13 — мог. 1, 10, 15 — мог. 3; 14, 16, 17 — мог. 2.

могилы на своем первоначальном месте находились кости ног двух подростков. Судя по их положению, 13-летний подросток был погребен посередине могилы, на спине, головой на ЮЗ, а 7-летний — рядом с ним, справа, в таком же положении. В южном углу могилы под плитками найдены бронзовые шило (рис. 37, 17) и 2 полусферические бляшки. Еще 3 такие же бляшки (рис. 37, 11—15) и фрагменты двух горшков (рис. 43, 5, 6) обнаружены в западном углу среди костей.

Устройство могилы, погребальный обряд, керамика и вещи обычны для сарагашенского этапа. В этом отношении раскопанная могила ничем не примечательна и ничего нового не дает. Несколько необычно и интересно отсутствие ограды, поскольку для тагарской культуры характерны каменные прямоугольные ограды. Такие коллективные могилы без ограды в раскопках Красноярской экспедиции встречаются третий раз: две такие сильно разрушенные могилы были случайно открыты в Сарговом улусе (Грязнов, Комарова, 1966, с. 15) и Барсучихе (Пшеницына, 1968, с. 181).

мильные кладбища. Там в больших оградах хоронили в отдельных могилах мужчину с женщиной. И, наконец, какую-то категорию лиц хоронят в коллективных могилах, не сооружая для них монументальных каменных ограды.

ОГРАДА 4а. Название ограды условно, поскольку она отсутствует. На поверхности погребенной почвы сохранились лишь остатки каменного покрытия могилы в виде небольшого навала плитняка на площади 2×2 м, имевшего подтреугольную форму (см. рис. 10). Могила отчасти врезалась в афанасьевскую ограду, разрушив ее на участке размерами 2×1 м. Форму и величину могильной ямы проследить не удалось, хотя в средней ее части провалившиеся плиты покрытия доходили почти до дна. На глубине несколько более 1 м на одном уровне лежали кости трех скелетов (рис. 42, 1). Похоронены ли они в одной могильной яме или в отдельных, рядом расположенных ямах — установить не удалось. К тому же захоронены здесь не трупы умерших, а освобожденные от мягких тканей кости.

Костяк 1 принадлежал мужчине 25—30 лет.

Кости уложены в анатомическом порядке, но с некоторыми отклонениями и не все, а только крупные. Положение костяка: на спине, головой на ЮЗ. Череп повернут основанием вниз, а рядом с ним находилась нижняя челюсть. Затем следовали 2 лопатки: слева — правая, справа — левая, за ними слева и справа положены по плечевой, лучевая и локтевая кости. Плечевая кость в одном случае лежит головкой вверх (к черепу), в другом — головкой вниз (к ногам). Между лопатками и плечевыми костями были сложены кучкой все позвонки и 23 ребра (одного не хватало). Далее примерно на своих местах, но не в сочленении, разместили кости таза, а за ними — бедренные (передней стороной вниз, а тыльной навверх). Кости голеней находились на своих местах, но правая малая берцовая была перевернута верхним концом вниз. Наконец, кучками размещались по несколько костей стопы, причем левая и правая таранные кости перепутаны. Недостаёт многих мелких костей стопы и всех костей кистей обеих рук. Устроители похорон, таким образом, хорошо знали порядок расположения костей, но сложить их в сочленении не сумели. В головах погребенного, справа, находился темно-серый баночный горшок (рис. 43, 4); около верхней половины скелета — бронзовый нож (рис. 37, 10), который, к сожалению, своевременно при разборке могилы не заметили и обнаружили уже в выбро-се земли из этого места.

Костяк 2 принадлежал ребенку 4 лет. Кости были сложены кучкой удлиненной формы, многих из них недостаёт (обеих лучевых, больших берцовых, тазовой и малой берцовой, многих позвонков и мелких костей). В юго-западном конце кучки находился череп.

Костяк 3 принадлежал ребенку 5 лет. Кости тоже были сложены удлиненной кучкой в направлении с ЮЗ на СВ, череп обнаружили в юго-западном конце. Не хватало плечевой кости и многих мелких.

Черепы всех трех скелетов были пробиты острым орудием: у молодого мужчины имелось 5 пробоин, сделанных орудием с четырехгранным острием размерами 12×12 мм, у четырехлетнего ребенка была квадратная (17×17 мм) пробоина на лобной кости, на черепе пятилетнего — 3 пробоины в лобной части орудием, форма и размеры боевой части которого не установлены. Погребенные были убиты бронзовым и железным чеканами ударами в лоб — мужчина одним орудием, четырехлетний ребенок — другим, с более толстым ударным стержнем.

Интересные наблюдения дают погребения в ограде 4а. Время их определяется по горшку (его можно отнести и к сарагашенскому, и к тесинскому этапу) и по бронзовому ножу (да-

тирован сарагашенским этапом). Принадлежат погребения, несомненно, сарагашенскому этапу, хотя устройство могилы и обряд погребения совершенно не свойственны ни сарагашенскому этапу, ни тагарской культуре вообще. Это какой-то особый случай погребения.

На кладбище сарагашенского этапа в Тепсее VIII, где погребено 35 человек (15 в огр. 1, 16 в огр. 5 и 4 в огр. 10а), в 2 м от десятикаменной ограды обычного типа устроена могила, в которой захоронены, очевидно, одновременно взрослый мужчина и двое детей, убитые одинаковым способом — ударами боевого оружия в лоб. Невероятно, чтобы все они были убиты в бою. Здесь надо предполагать какое-то ритуальное умерщвление, подобное тем, какие в разных вариантах и при различных обстоятельствах применялись, например, зулусами во время правления Чака (Риттер, 1968). И погребены мужчина и дети по-особому. Их кости отпрепарированы, а затем аккуратно сложены в могилу, устроенную необычным способом, за пределами оград, в которых хоронили нормально умерших людей. Исследованная нами могила даёт представление об одном из варварских обычаев, характерных для периода военной демократии у скотоводческих племен.

Все описанные могилы, кроме одной, ограблены, и кости животных в них сохранились не полностью. Тем не менее можно предполагать, что состав и характер заупокойной пищи на сарагашенском этапе оставались такими же, как и на подгорновском.

В трех коллективных могилах сохранились остатки от 10 принесенных в жертву животных: 5 коров, 3 овец, козленка, лошади. Судя по составу костей, умершим клали в могилу те же 5 кусков мяса, как это было и на подгорновском этапе. Очевидно, сохранился и прежний обряд тризн.

ВОСЬМИКАМЕННЫЙ КУРГАН В ТЕПСЕЕ XV

На поверхности степи были видны края плит небольшого детского каменного ящика. Предполагалось вскрыть этот ящик, однако раскопки его привели к открытию большой каменной ограды, невидной на поверхности. Раскопку этого памятника в 1969 г. вел М. П. Грязнов, а в 1970 г. — М. Н. Пшеницына.

Исследованный курган (огр. 1) погребен толстым слоем навешанных песков мощностью до 80—90 см, на поверхности которых сформировался нормальный почвенный покров. Ограда, насыпь и столбообразные камни по углам и серединам стен оказались полностью скрытыми под землей. Курган и окружающая его площадь с юга интенсивно разрушаются

оврагом, ежегодно увеличивающимся в длину и ширину, с запада — ветрами, развевающими песок, образуя глубокие обширные котловины выдувания, и отлагающими его по сторонам в виде песчаных бугров, поросших травой, но не задернованных. В скором будущем этот археологический памятник смоят волны водохранилища.

Раскопками вскрыта ограда размерами 12×11 м, ориентированная по линии ЮЗ — СВ, сооруженная из вертикально поставленных плит, возвышавшихся в свое время над поверхностью земли на 20—30 см (рис. 44). По углам ограды стояли массивные столбообраз-

ные камни (сечение почти 50×40 см, высота до 70 см над уровнем древней поверхности степи). Такие же камни были посередине каждой из стен. Плоская расплывшаяся насыпь кургана высотой до 80 см полностью покрывала стены ограды и нижнюю часть угловых и промежуточных камней. Южную часть ограды уничтожил овраг. Все плиты юго-западной стены и примыкающих участков двух смежных стен снесены протекающими по оврагу потоками.

В овраге находились 4 основные большие могилы (мог. 1—4) и 4 детские впускные могилы в каменных ящиках, в том числе могила

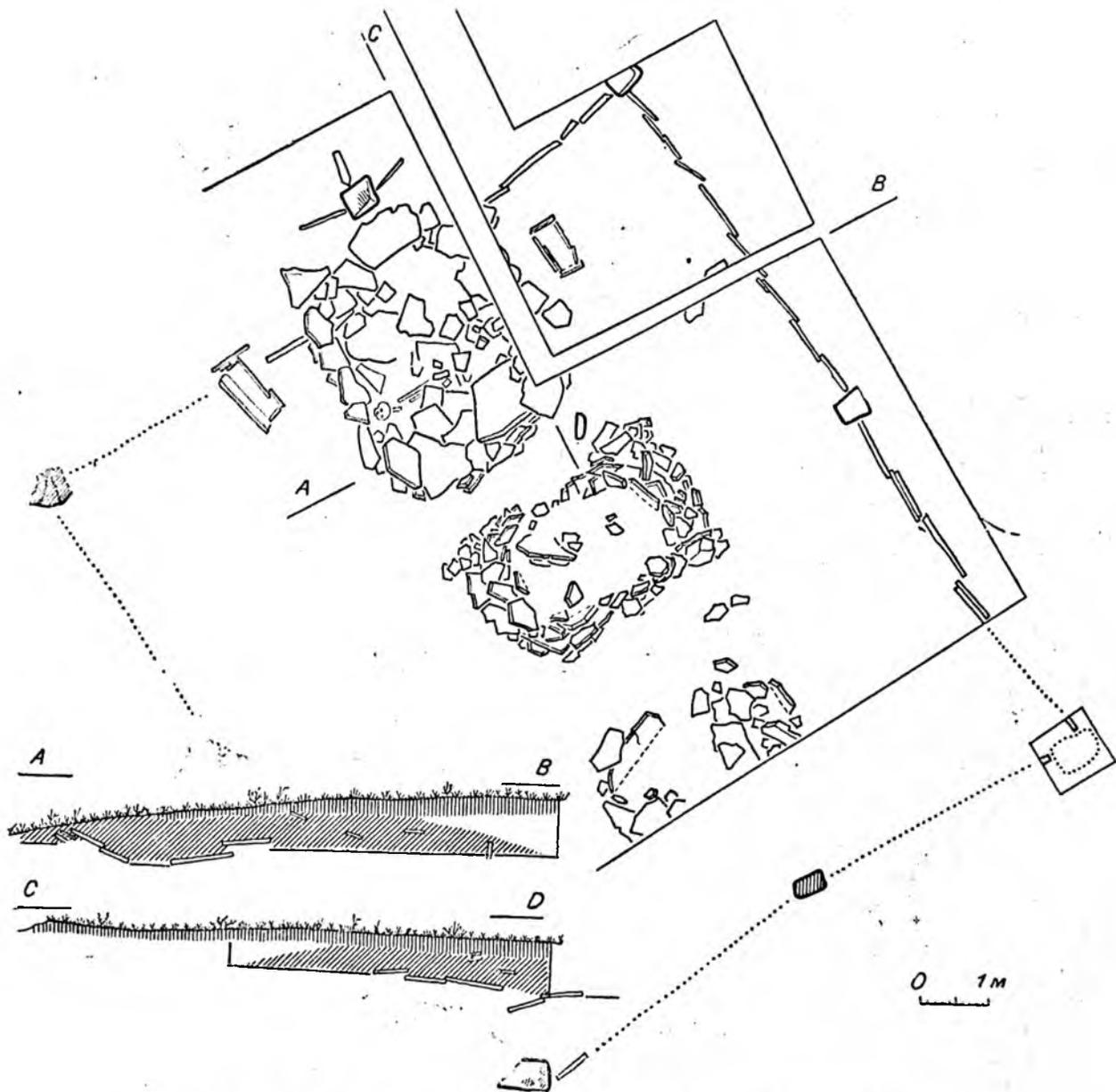

Рис. 44. Тепсей XV, ограда 1. План и разрезы ограды. Раскопки 1969 г.

6, с которой и началось исследование кургана. Основные могилы располагались в ряд по линии СЗ — ЮВ и ориентированы в направлении ЮЗ — СВ (рис. 45). Первой была устроена, по-видимому, могила 2, затем к юго-востоку от нее — могила 1, а к северо-западу — могилы 3 и 4. Последней сооружена могила 4, которая в ограде не помещалась, для ее устройства средний столбовой камень северо-западной стены и часть самой стены были перенесены на 1,2 м к северо-западу. Детские погребения в каменных ящиках впущены позже. Все они находились выше слоя погребенной почвы в насыпи кургана. Могилы ограблены.

Могила 1. Прямоугольная (220×130 см, глубина 1 м). На уровне погребенной почвы обнаружили покрытие из нескольких массивных каменных плит толщиной до 10 см, поверх которых лежал слой менее крупных плит (рис. 46, 2). Средняя часть покрытия прогнулась и опустилась вниз. Среди плит найдено донце сосуда цилиндрической формы (рис. 43, 12).

В яме был сруб не менее чем в 2 венца, остатки которого сохранились вдоль ее длинных сторон. Юго-западная стенка могилы уничтожена оврагом. Уцелело 5 бревен потолка.

В могиле погребены 2 человека. На дне, в центре сруба на месте лежали длинные кости ног женщины 16 лет, погребенной головой на СВ. Выше, в заполнении, найдены череп, плечевая, кости предплечья и левая тазовая кость. Между бедренными костями встретилось массивное бронзовое зеркало (рис. 37, 24).

У северо-западной стенки сруба, ближе к западному углу, открыли кучку костей скелета мужчины 30—40 лет (2 бедренные, 2 берцовые, лопатка, крестец и плечевая). Среди них были кости левой стопы в сочленении с малой берцовой. Левая тазовая кость лежала возле головок бедренных костей женщины. За стенкой сруба, рядом, но на 20—30 см выше, нашли еще несколько костей того же скелета (берцовая, локтевая, ребра, позвонки) и бедренную кость овцы. Вверху, в заполнении, находились череп, лопатка, плечевая, лучевая кости, позвонки и ребра этой же женщины, а среди них — кости взрослой овцы (берцовая) и ягненка (лопатка, бедренная и большая берцовая). В первой группе костей мужчины обнаружен бронзовый вток (рис. 37, 28), а рядом, за стенкой сруба, — костяные наконечник стрелы и застежка (рис. 37, 25, 29), бронзовая полусферическая бляшка и обломки глиняного сосуда баночной формы (рис. 43, 7). Среди бревен потолка найдены обломки другого такого же сосуда (рис. 43, 8), глиняная миска (рис. 43, 13) и фрагменты двух бронзовых полусферических бляшек с остатками ткани.

Могила 2 (рис. 46, 3). Центральная, прямоугольная (230×110 см), глубиной 110 см. На торцовых бортах прослеживались концы продольных бревен. Борты ямы были выложены небольшими плитками. Поверх них и бревен лежали 3 массивные плиты толщиной около 20 см (160×110; 170×70 и 170×110 см), покрытые менее крупными плитами в несколько слоев. В яме имелся сруб, остатки которого лучше сохранились вдоль северо-восточной стенки (4 венца).

У юго-западной стенки сруба обнаружено нагромождение костей от двух почти полных скелетов: мужчины 40—60 лет и женщины 30—40 лет. В других местах могилы найдены обломки обеих лучевых и берцовой кости женщины и часть лучевой кости мужчины, а в заполнении — ребра и позвонки обоих погребенных и, кроме того, обломки трех лопаток других скелетов (возможно, они попали сюда из соседних могил).

На дне и в заполнении в беспорядке лежали кости от двух коров — молодой (лопатка, бедренная, большая берцовая, таранная, пяточная) и еще более молодой (лопатка, бедренная, 3 ребра), а также взрослой овцы (лопатка и бедренная). На дне, в северном углу сруба и в центре, встретились обломки большого глиняного сосуда (рис. 43, 16), в западном углу — глиняная миска (рис. 43, 14), в заполнении — 2 аргиллитовые цилиндрические бусины и обломки двух бронзовых полусферических бляшек (см. рис. 37, 30).

Среди верхних плит покрытия могилы открыли кости скелета мужчины 40 — 60 лет (нижняя челюсть, обломок плечевой, пястная), двух коров (большая берцовая молодой особи, эпифиз большой берцовой другой молодой особи) и ягненка (бедренная). В могиле, таким образом, находились кости двух молодых коров, взрослой овцы и ягненка, а среди них — обломки стенок и дна двух глиняных сосудов (рис. 43, 17).

Могила 3 (рис. 46, 1). Прямоугольная (230×30 см), глубиной 90 см. Борты ямы выложены небольшими плитками, на которых сверху помещены 2 массивные плиты толщиной 8 см, а на них — слой мелких плит. Плиты разбиты грабителями. В яме был сруб размерами 180×90 см. Сохранились остатки продольных бревен потолка. Пространство между стенками ямы и срубом заполняли вертикально поставленные плиты. На дне обнаружили длинные кости ног двух погребенных: мужчины (?) 25—30 лет (центральный скелет) и женщины (?) 25—30 лет (слева, у стенки сруба). Погребенные лежали, видимо, на спине, головой на ЮЗ. От мужского скелета остались непотревоженными еще кости правого предплечья. В заполнении и на дне в беспорядке

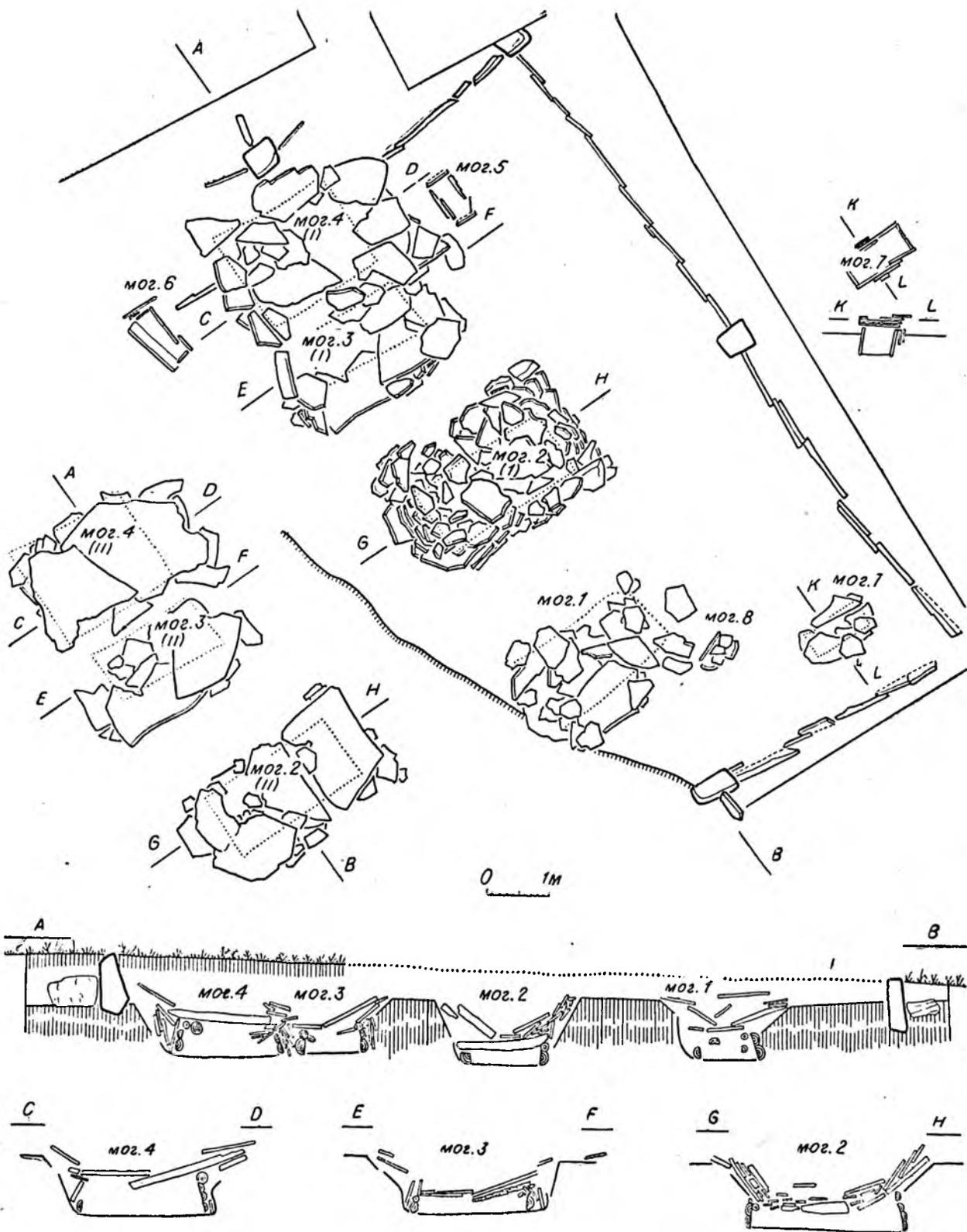

Рис. 45. Тепсей XV, ограда 1. План и разрезы ограда. Раскопки 1970 г.

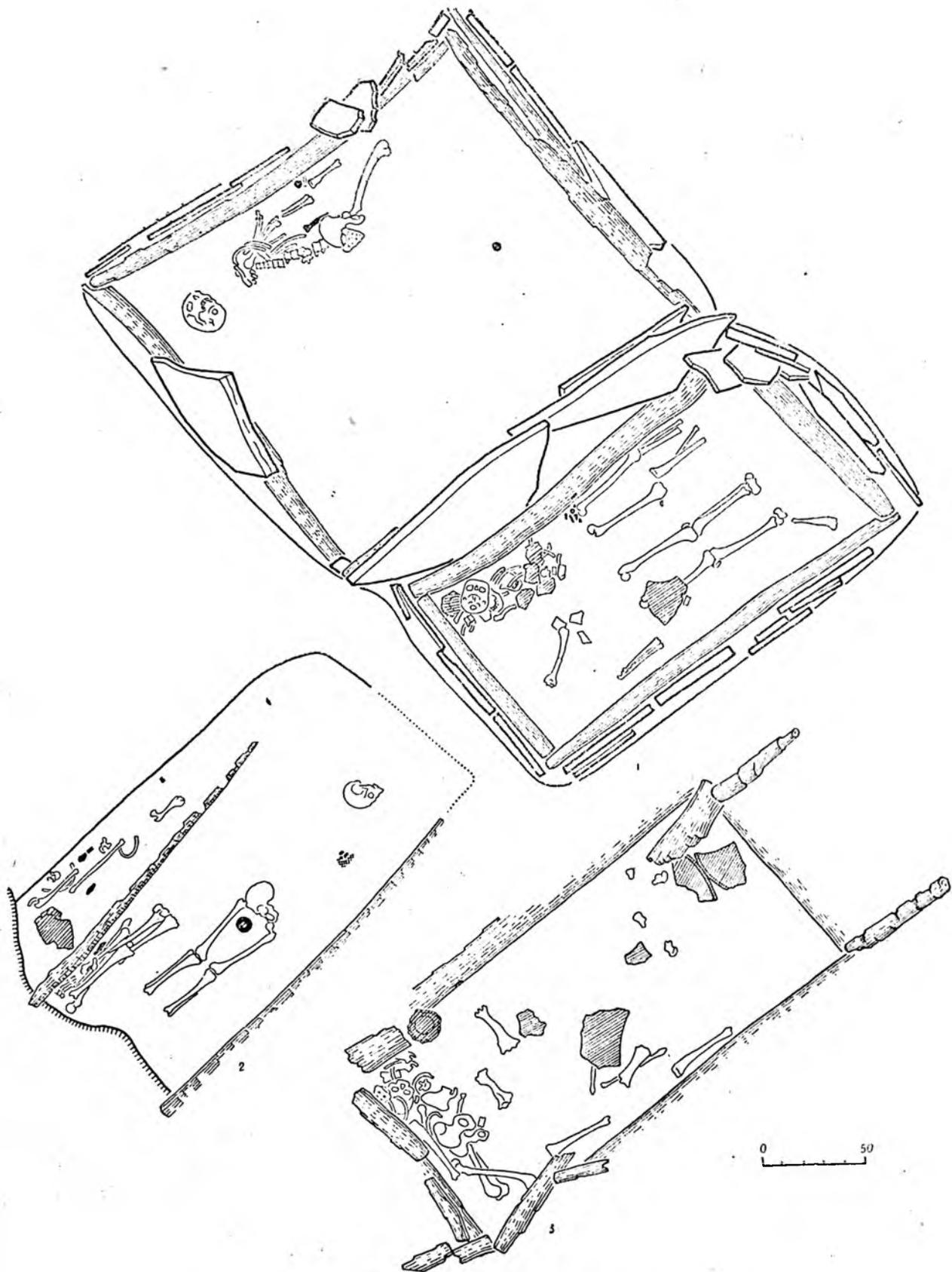

Рис. 46. Тепсей XV, ограда 1. План могил:
 1 — мог. 3 и 4; 2 — мог. 1; 3 — мог. 2.

были разбросаны остальные кости этих скелетов: черепная коробка, 2 нижние челюсти, крестец и 2 тазовые, 4 ключицы, 2 локтевые, ребра, позвонки, плечевая.

В западном углу и на правом бедре мужчины находились обломки глиняного сосуда баночной формы (рис. 43, 10) и днище другого сосуда (рис. 43, 15), у головки левого бедра женщины — 4 бронзовые конические бусины, 3 пронизки и 5 аргиллитовых цилиндрических бусин (рис. 37, 37—39), у правого колена — постоянной головной нож (рис. 37, 31).

Могила 4 (рис. 46, 1). Смежная с предыдущей и сходная по устройству. Яма подквадратной формы (230×200 см), глубина ее 90 см. На северо-восточном борту сохранились концы продольных бревен покрытия, поверх них по бортам ямы — слой небольших плиток, а на них 2 массивные плиты толщиной 10 и 14 см (140×160 и 160×180 см), покрытые сверху плитняком. Среди верхних плит покрытия обеих могил, слившегося воедино, найдены кости не менее четырех погребенных: череп и другие кости женщины 40 — 60 лет, несколько костей взрослого мужчины, бедренная кость юноши, бедренная и 2 тазовые кости ребенка 5 лет. Здесь же находились кости животных — молодой овцы (лопатка, тазовая, бедренная, большая берцовая), куски гнилого дерева и черепки не менее трех глиняных сосудов (рис. 43, 3). Нам не удалось установить, к какой из двух могил относятся эти кости и черепки, вероятно, большая их часть — из могилы 4, где погребено не менее семи человек.

В могиле имелся сруб размерами 200×180 см не менее чем в 3 венца, рубленный в обло без остатка. Пространство между стенками ямы и срубом заполняли вертикально поставленные плиты. В заполнении могилы обнаружили куски бревен потолка, обломки плит покрытия и разрозненные кости детей в возрасте 3, 5 и 10 лет, женщины 18—25 лет, юноши 16 лет и мужчины 40—60 лет. Здесь же встретились отдельные кости трех молодых овец (3 бедренные, 3 большие берцовые, лопатка, тазовая, 2 ребра и некоторые мелкие) и коровы (?) (ребро, 2 плюсневые).

На дне, у северо-западной стенки сруба, находился неполный скелет мужчины 40—60 лет. На первоначальном месте сохранились позвоночник, часть грудной клетки, кости левых руки и ноги и некоторые другие. Судя по их положению, погребенный лежал головой на ЮЗ. Череп того же скелета оказался в западном углу могилы. Слева у таза располагались бронзовые нож (рис. 37, 27), полусферическая бляха и кости овцы (большая берцовая и ребро). В заполнении могилы найден еще один бронзовый нож (рис. 37, 26) и 2 бронзовые полусферические бляшки (рис. 37, 16, 40),

У северо-западной стенки поверх мужского скелета стояли 2 сосуда баночной формы (рис. 43, 1, 2), черепки третьего встретились за пределами могильной ямы у ее северо-восточного борта (рис. 43, 9).

Могила 5. В северном углу ограды, около могилы 4 обнаружили каменный ящик (80×50 см, высота 30 см) из тонких плит. Торцовые стенки образованы одной плитой каждая, продольные — двумя. Дно ящика находится приблизительно на уровне погребенной почвы, а сам он полностью скрыт в насыпи кургана. Покрытие состояло из нескольких тонких плит. В ящике лежал скелет двухлетнего младенца, на спине, головой на ЮВ, частично потревоженный. Вещей не было.

Могила 6. Каменный ящик (95×40 см) располагался у северо-западной стены ограды, ближе к западному углу. Для его устройства часть этой стены была перенесена на 40 см к северо-западу. Покрытие не сохранилось. Верхние края плит ящика виднелись на поверхности. Сложен он из 5 вертикально врытых плит. На дне лежал скелет младенца, на спине, головой на СЗ. Кости правой руки и часть ребер были переброшены в северный угол могилы. Вещи отсутствовали.

Могила 7. В восточном углу ограды находился каменный ящик размерами 100×50 см, высотой 50 см, сложенный из 6 вертикально поставленных плит (по одной на торцовых стенках, по две — на продольных) и покрытый плитами в 3 слоя. В заполнении и на дне в беспорядке лежали кости ребенка 4 лет. Среди плит покрытия встретился нижний эпифиз большой берцовой кости коровы. Вещи отсутствовали.

Могила 8. У восточного угла могилы 1 располагался каменный ящик размерами 55×30 см, дно которого было на уровне погребенной почвы. Покрывало ящик несколько небольших плит. На дне и в заполнении обнаружили части черепа и трубчатые кости новорожденного. Вещей не было.

Всего в 8 могилах этого кургана выявлены кости не менее 17 человек. Три могилы содержали парные погребения, одна — коллективное и четыре — одиночные детские. Взрослые погребены на спине, головой на ЮЗ, в одном случае — на СВ (мог. 1); дети — один головой на ЮВ, другой — на СЗ.

Четыре основные могилы сходны по своему устройству: прямоугольные ямы размерами приблизительно 230×130 см, глубиной около 1 м. В одном случае (коллективная могила) форма ямы близка к квадрату (230×200 см). В ямах имелся низкий сруб (около 40 см) из полубревен диаметром по 10—20 см, стесанных с внутренней стороны. Число венцов сруба (2—4) зависело от диаметра бревен. Прост-

ранство между стенками ямы и срубом в двух случаях заполнено мелкими плитками. Борты могильных ям выложены мелкими плитками. Ямы покрывались несколькими крупными плитами, в двух случаях под ними сохранились остатки бревенчатого потолка. Поверх плит укладывалось несколько слоев плитняка.

Детские могилы представляют собой небольшие каменные ящики, сооруженные из вертикально поставленных плит. Все они вписаны в насыпь кургана.

Инвентарь сохранился в четырех основных могилах. Глиняная посуда представлена, включая фрагменты, не менее чем 11 сосудами. Из них 7 целых плоскодонных горшков баночной или близкой к ней формы, 2 миски, изготовленные из днщ старых горшков, и сосуд цилиндрической формы с оббитым верхним краем. Орнаментированы только 3 сосуда: два — резным зигзагообразным орнаментом под венчиком и один — полосой из чередующихся «жемчужин» и небольших ямок. Более половины обнаруженных сосудов имеют типичное для подгорновского этапа утолщение по краю венчика. Бронзовый инвентарь состоит из двух ножей (с кольчатым навершием и пластинчатый с отверстием в рукояти), втока, зеркала, полусферических бляшек, пронизок. Кроме того, найдены изделия из кости: головной орнаментированный нож, наконечник стрелы и пряжка, а также аргиллитовые бусины.

Рассматриваемый курган по своим размерам, конструкции ограды и погребальных камер, по керамике, типам бронзовых орудий и украшений и, наконец, по преобладанию парных погребений мог бы быть отнесен к переходному подгорновско-сарагашенскому типу, комплексы которого выделены М. П. Завитухиной в самостоятельный хронологический этап (Завитухина, 1968а, с 14—16), названный ею и М. П. Грязновым биджинским по харак-

терным курганам на р. Бидже, раскопанным А. Н. Липским (Липский, 1966, с. 312—317). Но по другим признакам курган ближе к сарагашенским.

Восьмикаменные ограды курганов встречаются в широких хронологических пределах: от подгорновского до сарагашенского этапов. По размерам рассматриваемый курган уступает сарагашенским.

Устройство погребальных камер характерно как для биджинских памятников, так и для сарагашенских. Например, смежные могилы 3 и 4 имеют близкую аналогию в сарагашенском кургане 3 на оз. Сарагаш (Грязнов, Пшеницына, 1966, с. 62—74). Парные захоронения также характерны и для биджинских и для сарагашенских курганов. Керамика представлена в основном типичными тагарскими формами — сосуды баночной формы и миски. При этом можно отметить некоторые архаические черты, присущие еще подгорновскому этапу: утолщение по краю венчика и орнаментация «жемчужинами» (Грязнов, 1968, с. 189). Один из найденных сосудов имеет цилиндрическую форму и известен только в могилах биджинского этапа (Завитухина, 1968а, с. 14—16).

Бронзовый инвентарь кургана крайне ограничен, так как могилы ограблены. Среди находок наиболее характерны ножи: с кольчатым навершием получили распространение в сарагаше, пластинчатые с отверстием в рукояти хорошо известны по подгорновским и биджинским памятникам (Грязнов, 1968, с. 189).

Курган могильника Тепсей XV можно с одинаковым успехом считать и биджинским и сарагашенским. Это пример того, что определить конкретный этап памятников тагарской культуры иногда нелегко. Случаи, когда трудно решить, к какому из двух смежных по времени этапов относится рассматриваемый памятник, нередки.

ТЕСИНСКИЙ ЭТАП

Исследования на Среднем Енисее погребальных памятников, проведенные за последние 18 лет главным образом Красноярской экспедицией, дали возможность внести важные дополнения, а порой и существенные изменения в представления об этапе, переходном к таштыкской культуре, получившем название тесинского (Грязнов, 1968, с. 191—194; Пшеницына, 1975а, с. 150). Он представлен тремя типами погребальных памятников, которые отражают сложность социальной структуры общества того времени и его этническую неоднородность, — традиционными большими

курганами-склепами, грунтовыми могильниками, содержащими от 8 до 100 и более захоронений, и значительными группами небрежно сделанных могил рядом со склепом или на более древних кладбищах («впускные захоронения»).

На Среднем Енисее раскопано не менее 400 могил, составлявших отдельные могильники, и впускных захоронений. Третья часть их исследована в пяти пунктах археологического микрорайона у горы Тепсей: Т. I — 3 могилы и остатки тризн, Т. III — 4 могилы, Т. VII и Т. XVII, представлявшие собой единый мо-

гильник,— 107 могил, Т. VIII — 7 могил и Т. XVI—склеп и вокруг него 27 могил. Всего вскрыто 148 могил. Раскопки велись в течение семи полевых сезонов под руководством Я. А. Шера (1967 г.), М. П. Грязнова (1968—1970, 1975—1977 гг.), М. П. Завитухиной (1968 г.) и М. Н. Пшеницыной (1976—1977 гг.).

ТЕПСЕЙ I

В самой узкой южной части надпойменной террасы на поверхности выступали беспорядочно расположенные камни — бутовые и плитняк. Оград или каменных ящиков до раскопок проследить не удалось. В 1967 г. Я. А. Шер на площади около 60 м² исследовал 7 могил, а в 1968 г. М. П. Грязнов расширил раскоп в северо-восточном направлении, вскрыв 70 м².

Могила 1. Каменный ящик размерами 130×50 см, глубиной 110 см. На дне находился скелет ребенка 4—5 лет, лежавший на левом боку, головой на ЮВ. Здесь же встретились череп и ребра барана, железный нож и 2 глиняных сосуда — баночной и четырехгранной формы (рис. 47, 7, 11). На глубине 65 см за юго-западной стенкой ящика лежали лопатка, тазовые и длинные кости юг взрослого, за пределами юго-восточной стенки — кости младенца и глиняный четырехгранный сосуд (рис. 47, 8). Ящик заполняли плиты, поверх которых имелся второй ряд вертикальных плит, образующий как бы другой, несколько больший (150×100 см) ящик. Покрытие состояло из мелких плит. В заполнении обнаружили череп, ключицу и кости рук взрослого человека, мелкие кости барана, обломки глиняного сосуда баночной формы (рис. 47, 13), костяную поделку и 2 клыка животного.

Могила 2. Овальная яма (120×80 см), ориентирована по линии З — В. Покрыта небольшими плитами. На глубине 60 см были кости животных, угольки, черепки.

Могила 3. Каменный ящик (110×60 см, глубина 75 см), ориентированный по оси СЗ—ЮВ. Покрыт массивной плитой. В заполнении выявлено 3 слоя горизонтально лежавших плит. Среди них находились отдельные кости человека, черепная коробка подростка 8 лет и обломки керамики. На дне обнаружили глиняный сосуд баночной формы (рис. 47, 12).

Могила 4. Овальная яма длиной 70 см, стенки которой обрамляли вертикально поставленные плиты. Глубина ямы 80 см. На дне лежала каменная плита со следами охры, на ней — 2 коленные чашечки человека.

Могила 5. Под плоской каменной выкладкой (100×55 см), на уровне древней поверх-

ности выявлены зольные пятна, разрозненные кости животных и мелкие фрагменты керамики.

Могила 6. Ограда (200×170 см) из вертикально поставленных плит, ориентированных по оси СВ—ЮЗ. На глубине 60 см по всей ее поверхности сохранились угли, зольные пятна, отдельные кальцинированные кости и мелкие черепки.

Могила 7. Овальная яма (180×80 см), ориентированная на ЗЮЗ — ВСВ. Вдоль ее бортов тянулся ряд крупных плоских каменных плит. Находок в яме не оказалось.

Могилы 1, 3, 4, таким образом, представляют собой небольшие каменные ящики, покрытые мелкими и крупными плитами, в которых было погребено не менее 6 человек. Могилы 2, 5 и 7 предстали в виде овальных ям глубиной до 60, длиной 100—180 см. Их покрывали небольшие каменные плиты. В ямах найдены лишь кости животных, угли, зольные пятна и черепки. Возможно, это не могила, а остатки поминальных тризн. К этому типу памятников относится, вероятно, и могила 6. Здесь в относительно большой каменной ограде тоже выявлены только зольные пятна, отдельные кальцинированные кости и черепки.

Инвентарь обнаружен лишь в двух могилах. Он представлен пятью глиняными сосудами (3 баночной формы и 2 четырехгранные), железным ножом, костяной поделкой и двумя клыками животного.

По всей площади северо-восточной половины раскопа была сделана зачистка грунта на глубину до 50 см. Могильных ям не обнаружено. В почвенном слое встретились лишь камни, иногда образующие бесформенные скопления. Среди них найдено 78 черепков не менее чем от 11 неорнаментированных глиняных сосудов баночной формы, недоделанный костяной наконечник стрелы (рис. 48, 18) и обломок круглого рогового острья. Попадались обломки костей животных (не менее чем от 3 коров, 5 овец, 2 лошадей и козули). Возможно, перед нами нарушенные остатки поминальных тризн. Наконечник стрелы, острие и черепки могли происходить из уничтоженных в могильнике тесинских могил. Набор костей животных не имеет характера погребальной пищи. Вполне вероятно, что это остатки тризн, а может быть, и что-нибудь иное.

В пункте Т. I на площади в 130 м² открыты 3 могилы в виде каменных ящиков и остатки тризн тесинского этапа. Могильник интересен тем, что здесь, возможно, обнаружен ранее неизвестный тип памятников — остатки тризн («поминальнички»). Зародившись на Енисее, по-видимому на тесинском этапе, обычай устраивать поминальные тризны продолжает свое развитие в последующую тацтыкскую эпоху,

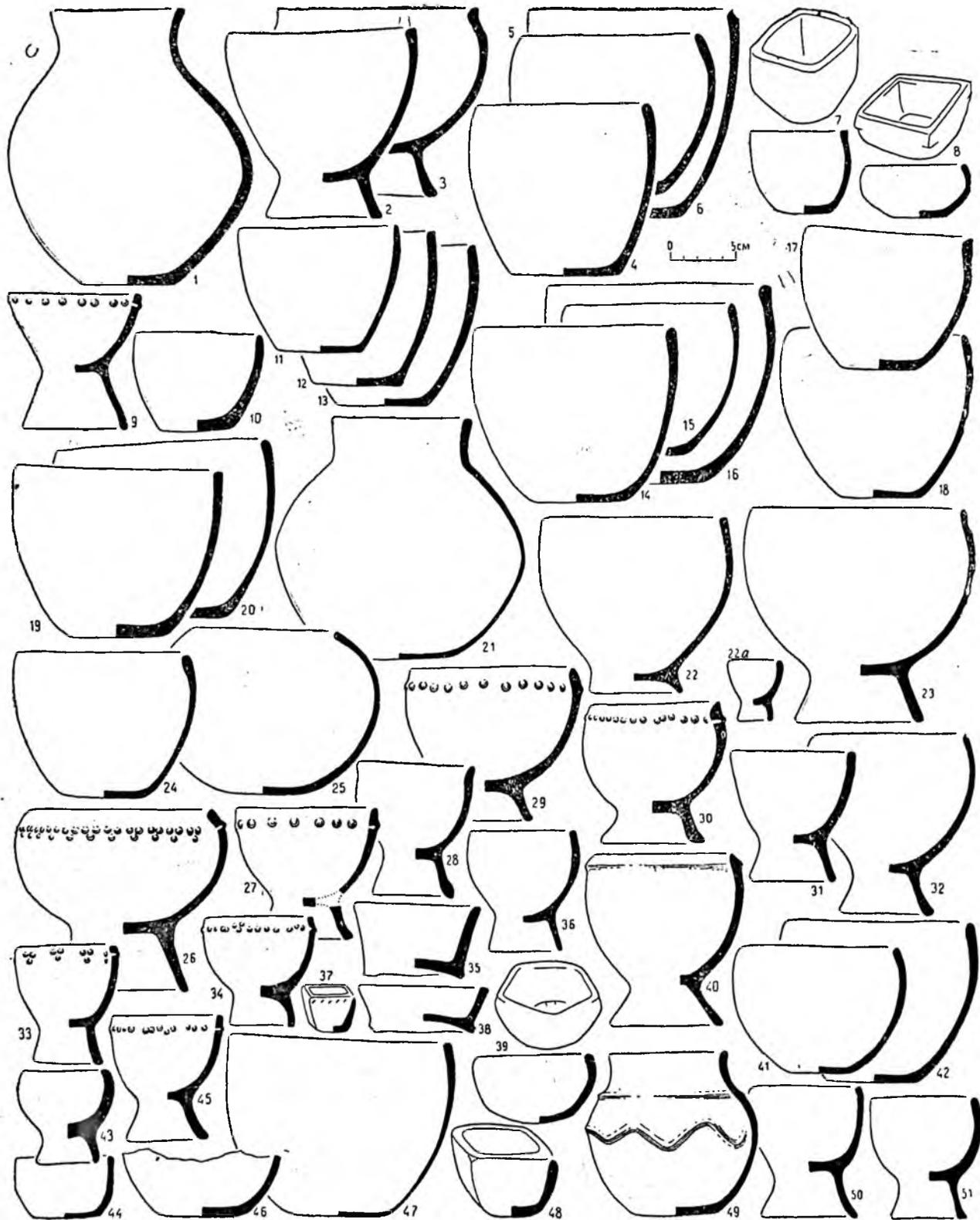

Рис. 47. Керамика из тесинских могил:

Тенсей I: 7, 8, 11, 13 — мог. 1, 12 — мог. 3. Тенсей III: 1 — мог. 16, 2, 3, 6 — мог. 24, 4 — мог. 16, 5 — мог. 25. Тенсей VII: 14, 21, 35 — мог. 72, 15, 20, 25 — мог. 59; 16 — мог. 60; 17, 18 — мог. 75; 19, 22, 38 — мог. 110; 22a — мог. 14; 23, 24, 46 — мог. 73; 26 — мог. 10; 27 — мог. 13; 28 — мог. 16; 29 — мог. 79; 30 — мог. 9; 32 — мог. 45; 37, 44 — мог. 30; 36 — мог. 11; 40 — мог. 58; 41 — мог. 2; 42 — мог. 3; 43 — мог. 32; 44 — мог. 34; 45 — мог. 19; 47, 49 — мог. 74; 48 — мог. 49; 50 — у мог. 6; 51 — мог. 42. Тенсей XVII: 31 — мог. 3; 33 — мог. 2; 39 — мог. 1. Тенсей VIII: 9 — о-гр. 7, мог. 4; 10 — о-гр. 1, мог. 16.

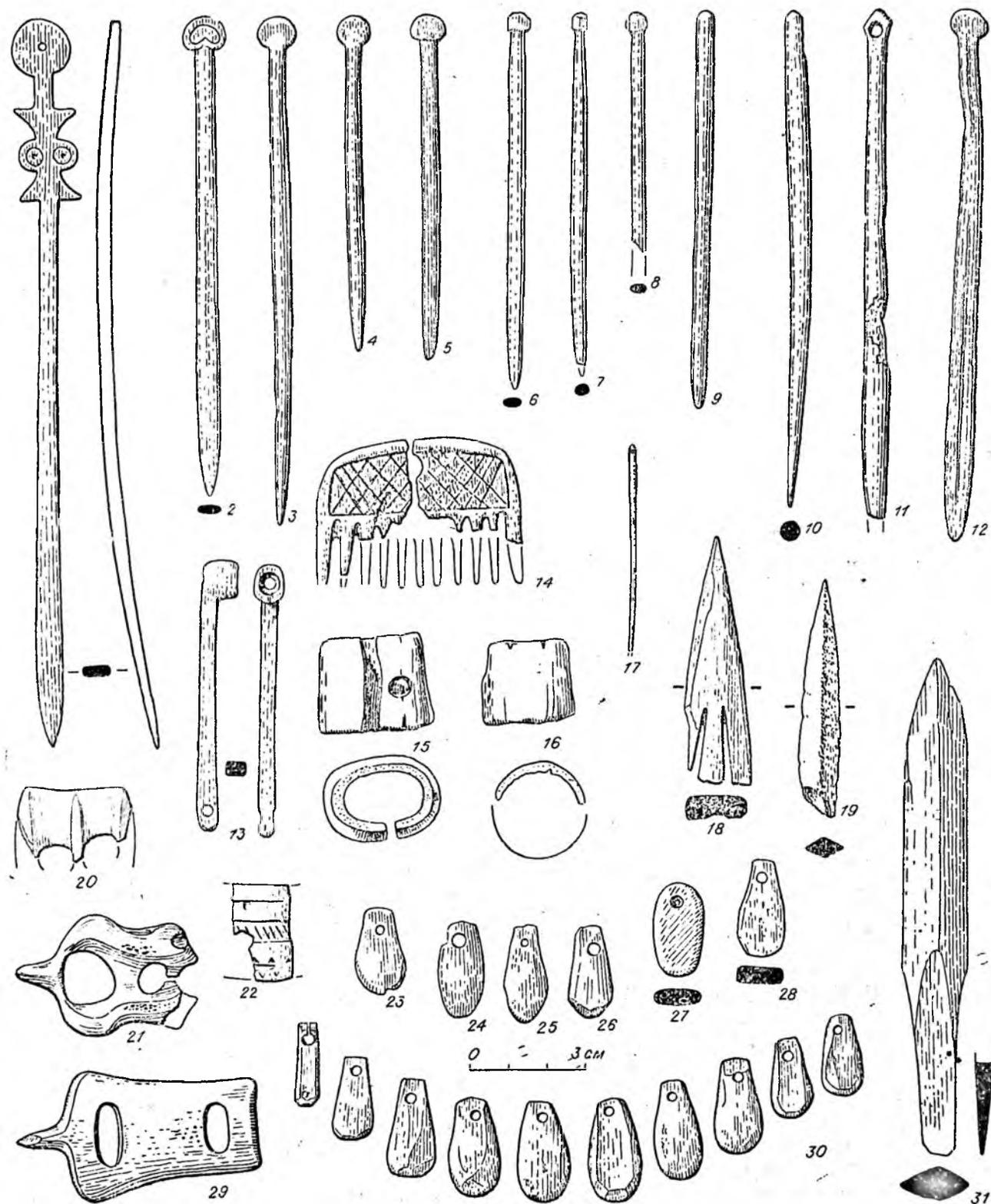

Рис. 48. Роговые и костяные изделия из теснинских могил:

Тесней VII: 1 — мог. 73; 2 — мог. 36; 3, 4, 9 — мог. 10; 5, 20 — мог. 8; 6-8, 13, 28, 30 — мог. 28; 10 — мог. 70; 14 — мог. 26; 15, 16 — мог. 75; 17 — мог. 32; 19 — мог. 50; 22 — мог. 7; 23-26 — мог. 107. 27 — мог. 39; 31 — мог. 30; 11 — Т. III, мог. 24 B; 12 — Т. VIII, орп. 7, мог. 4; 18 — Т. I; 21 — Т. XVI; 29 — Т. XVII, мог. 5.

что подтверждают захоронения многочисленных поминальных приношений в таштыкских могильниках Тепсей III и IV.

ТЕПСЕЙ III

В 1968 г. М. П. Грязнов при исследовании большого таштыкского склепа среди окружающих его могил других эпох обнаружил 4 могилы тесинского этапа (мог. 16, 24А, 24В и 25), не имевших внешних признаков и выявленных лишь в процессе раскопок большой площади.

Могила 16. Каменный ящик (120×120 см, глубина 80 см¹), ориентированный по линии СВ—ЮЗ. Погребено не менее 6 человек — трое взрослых, подросток 14 лет (плечевая кость), ребенок 4 лет (почти полный скелет), новорожденный (ключица). Судя по нижнечелюстным костям, все взрослые были преклонного возраста (40—60 лет). Один из них — женщина, пол других не определен.

Северо-восточная половина ящика в нижней части разделена вертикальными плитами на два отделения. В северо-западном отсеке на дне найдены раздавленный глиняный сосуд баночной формы (рис. 47, 4) и отдельные кости человека (крестец и несколько мелких), в юго-восточном на выстланном тонкими плитами дне — глиняный кувшин (рис. 47, 1) и кости человека (лопатка, крестец, 6 ребер в сочленении, лобная кость ребенка и др.).

Выше, под почвенным слоем, на глубине 15—20 см, также в северо-восточной половине ящика, в полном беспорядке лежали кости нескольких человек и обломки костей животных — лошади и коровы.

Могила 24. С северо-западной стороны большого таштыкского склепа, у стены его каменной ограды и частично под ней, обнаружено несколько могил тесинского этапа и таштыкской культуры, расположенных одна над другой. Ниже могилы рассматриваются в порядке последовательности их сооружения от более ранних к поздним и обозначаются литерами А, В, С, D, E. Могилы А и В — тесинские, остальные — таштыкской культуры.

Могила 24А. Размеры около 200 × 100 см, глубина 130 см, ориентировка ЮЮЗ — ССВ. Продольные стенки ямы обставлены плитами. Покрытие из небольших плит. На дне, у юго-восточной стенки лежал скелет женщины 20—25 лет, головой на ЮЮЗ (рис. 49, 5). Верхняя его половина находилась на правом боку, лицом к стене, нижняя — животом вниз. Ноги были согнуты в коленях и заломлены назад так, что ступни оказались на тазе. Левая рука

согнута в локте и прижата к груди. Центральное положение в могиле занимает скелет взрослого мужчины, лежавшего на спине, головой на ССВ. Не хватает черепа и всех костей правой половины, кроме костей ноги ниже колена. Возле левого плеча мужчины обнаружен череп взрослой овцы. Видно, первой была погребена женщина. Довольно скоро после этого был похоронен и мужчина, при этом еще не совсем разложившийся труп женщины отодвинули в могиле в сторону, к стенке, а мужчину положили посередине. Несколько позднее, когда труп мужчины полностью разложился, а кости потеряли связь друг с другом, здесь же устроили вторую могилу (24В).

Могила 24В. Располагалась на 10—15 см выше дна предыдущей. При ее сооружении северная половина ящика могилы 24А была разрушена, а череп мужчины и большая часть костей правой стороны его тела выброшены. Могила в виде каменного ящика (200×100 см, высота 40—50 см), ориентированного по линии В — З. Вдоль его северной стенки сохранились 2 вертикальные плитки и одна — вдоль восточной (рис. 49, 4). На дне находились костяки двух погребенных, оба лежали на спине, головой на В: левый (южный) принадлежал женщине 40—60 лет, правый (северный) — мужчине старше 40 лет с сильными патологическими изменениями в поясничной части позвоночника. В головах женщины обнаружены 2 глиняных сосуда — обломки горшка баночной формы и целый на коническом поддоне (рис. 47, 2), за ее черепом — нижнюю челюсть овцы. У мужского скелета череп отсутствовал.

На 10—20 см выше лежал еще один полный скелет молодой женщины 20—22 лет, погребенной на левом боку, головой на СЗ, руки и ноги были прижаты к груди (рис. 49, 3). Между ее бедрами и тазом находился глиняный сосуд на поддоне (рис. 47, 3) и справа — в анатомическом порядке крестец и 4 поясничных позвонка взрослого человека. Судя по положению этих костей, погребенный лежал на спине, головой на В. Возможно, к нему относился глиняный сосуд баночной формы, опрокинутый вверх дном примерно посередине восточной стены могилы (рис. 47, 6). Возле сосуда найдены железные нож и стержень с кольцевым навершием (рис. 50, 15). На этом же уровне в беспорядке были разбросаны кости человека (тазовая взрослого, части черепа и обе большие берцовые подростка 9 лет), кости овцы (скелет новорожденного ягненка, лучевая, пястная и плюсневые кости, 3 фаланги и череп молодой овцы) и роговая булавка (рис. 48, 11).

Можно предположить, что вначале были погребены мужчина и женщина, вскоре один

¹ Глубина могилы измеряется от уровня древней поверхности.

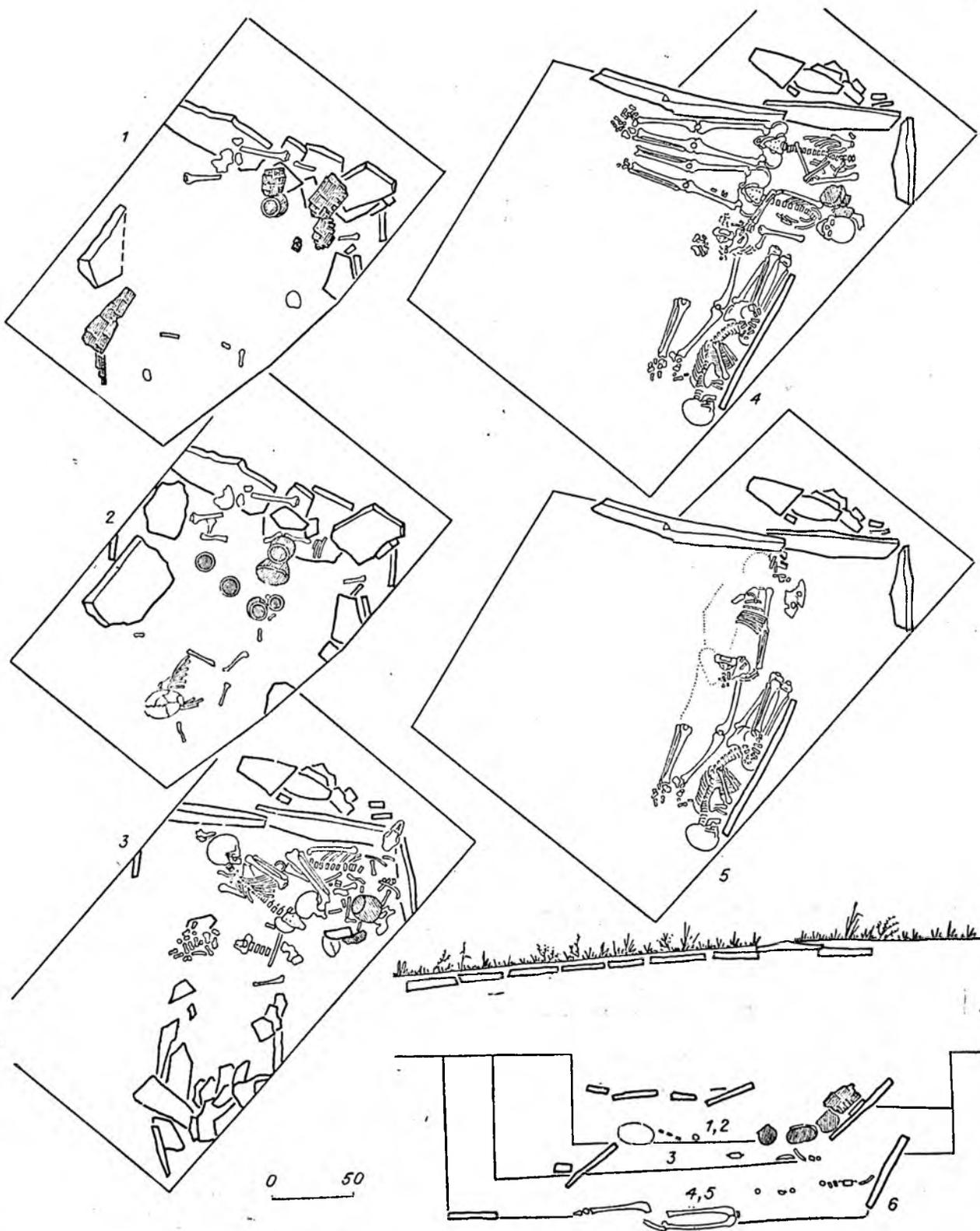

Рис. 49. Тепсей III. Планы и разрезы могил:
 1, 2 — мог. 24С—Е; 3, 4 — мог. 24В; 5 — мог. 24А; 6 — мог. 24А—24Е (разрез).

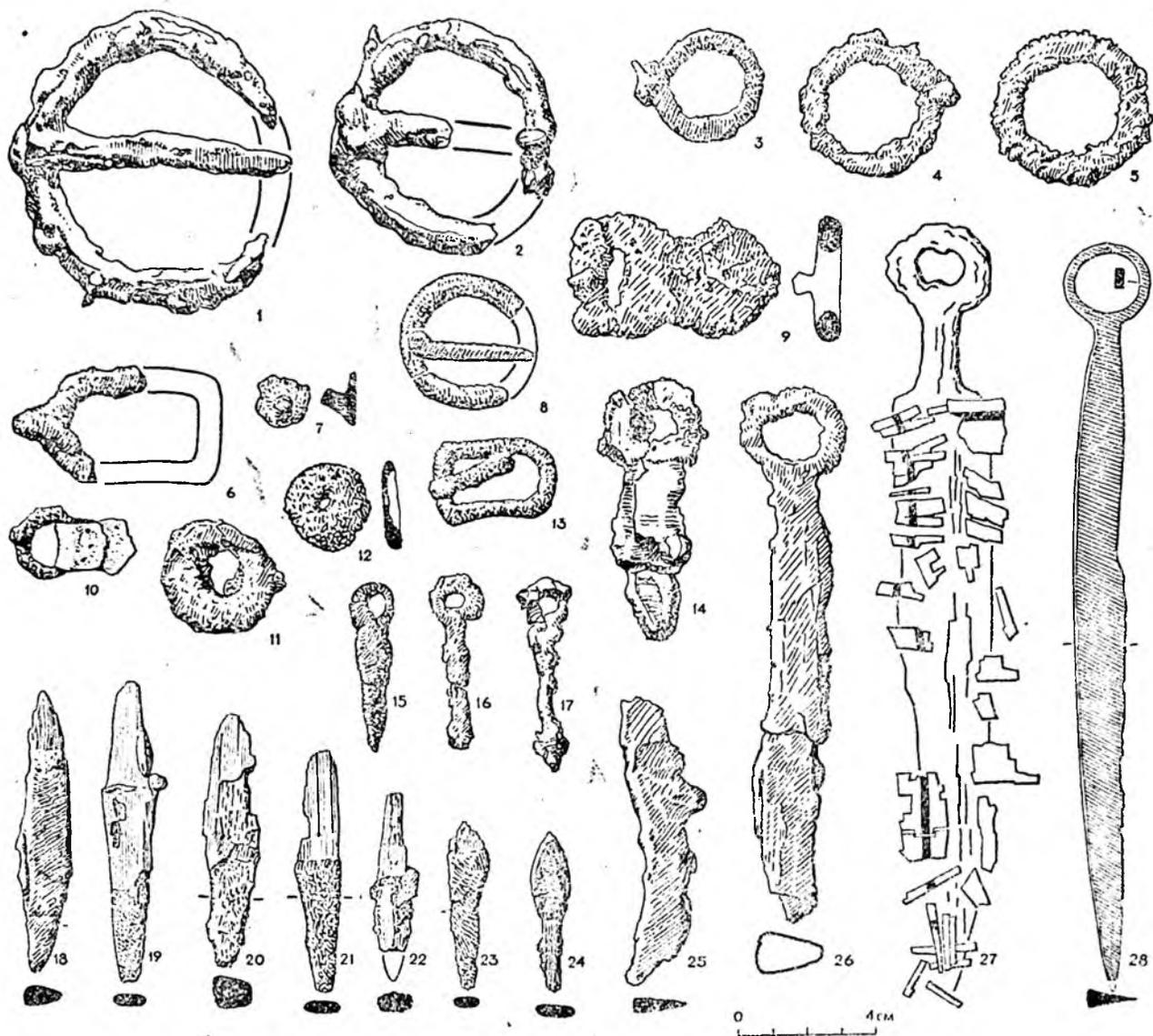

Рис. 50. Железные изделия из теснских могил:

Tensey VII: 1, 2 — мог. 75; 3 — мог. 17; 4 — мог. 109; 5, 25 — мог. 73; 8, 27 — мог. 3; 9 — мог. 30; 10, 23 — мог. 16; 14, 17 — мог. 59; 16 — мог. 72; 18 — мог. 11; 19 — мог. 7; 21 — мог. 13; 26 — мог. 74. *Tensey XVII:* 12, 20 — мог. 3; 13 — мог. 2; 22 — мог. 4. 6, 7, 11, 24 — Т. VIII, огр. 7, мог. 2; 15 — Т. III, мог. 24В; 28 — случайная находка поблизости от пункта Т. XVI.

после другого, затем, когда каменный ящик заполнился землей, туда же положили сверху взрослого и подростка. Позднее, когда последние 2 трупа полностью разложились, на их месте захоронили молодую женщину в скорченном положении, удалив из могилы большую часть костей взрослого и подростка, а также череп лежавшего на дне могилы мужчины, перевернув горшок, который относится, вероятно, к находившемуся выше взрослому или подростку. Всего в могиле было погребено 5 человек — 2 женщины, мужчина, взрослый человек и подросток 9 лет. Выше над этими двумя могилами распола-

гались еще 3, относящиеся к таштыкской культуре (рис. 49, 1, 2). Они будут рассмотрены в следующей главе.

Могила 25. Под развалом плит большого таштыкского склепа обнаружили выкладку из небольших каменных плит (ее диаметр около 3 м). Под ней на глубине 1 м оказался скелет ребенка 4 лет, лежавшего на спине, головой на ЮЗ. В головах — глиняный сосуд баночной формы (рис. 47, 5). Среди плит покрытия встретились обломки костей лошади, коровы и козули.

Три могилы были устроены в виде ящиков квадратной или прямоугольной формы из вер-

тикально поставленных плит. Глубина их от 80 до 180 см, размеры 120—200 см в длину, 100—120 см в ширину. Сверху могилы покрывали небольшие каменные плиты, а в одной плитами было выстлано дно.

В описанных четырех могилах погребено не менее 14 взрослых и детей разного пола и возраста. Все погребенные лежат либо на спине с вытянутыми ногами (5 случаев), либо на правом или левом боку с согнутыми в коленях ногами (по одному случаю). Ориентированы головой на В или З с некоторыми отклонениями к С или Ю. Кости от положенной в могилу мясной пищи не встречались. Находки во всех могилах костей концов ног животных (лошади, коровы, козули) и черепов с костями концов ног овцы, видимо, представляют собой остатки шкур жертвенных животных, убитых во время поминальных тризн.

Сопровождающий погребенных инвентарь представлен семью глиняными сосудами — тремя баночной формы, двумя на коническом поддоне и кувшинообразным. Фрагмент венчика еще одного сосуда, возможно баночной формы, украшен полосой из подтреугольных вдавлений. Обычно горшки стояли у головы погребенного.

ТЕПСЕЙ VII

Топография и стратиграфия могильника нами рассмотрены в разделе о пунктах раскопок. Здесь только отметим, что более древние памятники (афанасьевская ограда и 3 кургана подгорновского этапа) сооружены с поверхности погребенной почвы, а могилы тесинского этапа, после того как терраса была покрыта слоем песка толщиной до 60 см, — с современной поверхности.

Раскопки велись в течение 6 полевых сезонов (1968—1970, 1975—1977 гг.). Юго-западная часть могильника вскрыта сплошным раскопом площадью около 650 м². Было исследовано в общей сложности 102 могилы. Не имея возможности дать полное описание всех исследованных могил, приведем лишь некоторые характерные примеры.

Мои́ла 7 (рис. 51, 4). Выявлен сруб. Размеры могилы 190×75 см, глубина более 80 см, ориентировка СВ—ЮЗ. Вдоль продольных стен имелось по 2 бревна, вдоль торцовых — по бревну. Вдоль юго-западной стенки, снаружи, стояли вертикально врытые плитки. Здесь же сохранились остатки плит от покрытия. На дне обнаружены пепел от сожженного человека, железные нож (рис. 50, 19) и пластинка, бронзовые обойма и кольцо (рис. 52, 15, 20), обломок костяной орнаментированной накладки (рис. 48, 22).

Мои́ла 20 (рис. 51, 3). Сруб в один венец, 180×75 см, глубина более 80 см, ориентирован по линии СВ—ЮЗ. На дне лежал потревоженный скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на СВ. На месте остались длинные кости ног. В заполнении встретился череп со следами прижитненной трепанации. Вещи отсутствовали.

Мои́ла 28 (рис. 51, 2). Сруб в 2 венца из жердей, 200×80 см, глубина более 1 м. Сохранились остатки такого же потолка, покрытого берестой в 4 слоя. На дне лежал скелет женщины 18—20 лет, на спине, головой на СВ. На месте остались кости ног, правая плечевая и левое предплечье. Находки: 3 роговые булавки возле скелета, 4-я — в заполнении (рис. 48, 7) и еще 2 — на дне (рис. 48, 6, 8). В головах слева обнаружены костяная подвеска в виде миниатюрной трубочки (рис. 48, 13), около правой ступни глиняное пряслице (рис. 52, 24); 11 костяных подвесок, имитирующих клык марала, — 5 на дне и 6 на уровне покрытия (рис. 48, 28, 30); две бусины — из стекла и аргиллита; слева в ногах круглая коробочка из бересты с орнаментом, фрагменты железных предметов, в том числе прямоугольной пряжки (?).

Мои́ла 30 (рис. 51, 6). Сруб в один венец из жердей, 220×80 см, ориентирован по линии З—В. Сохранились остатки потолка из таких же жердей, покрытых берестой. Сверху имеется покрытие из каменных плит, среди которых найден роговой наконечник стрелы (рис. 48, 31). На дне лежал скелет мужчины 25—40 лет, на спине, головой на В. На месте остались кости ног ниже колена. Большая часть костей отброшена поверх южной стенки сруба, среди них оказалась железная пряжка (рис. 50, 9). В ногах умершего, слева, находились 2 глиняных сосудика: четырехгранный (рис. 47, 37) и на поддоне (рис. 47, 34).

Как уже отмечалось выше, в юго-западной части могильника, на мыске располагалась обособленная группа более богатых тесинских могил. Поверхность террасы здесь сплошь покрыта беспорядочно разбросанными камнями — это развалы разрушенных грабителями надмогильных сооружений. Только в одном месте можно было видеть очертания прямоугольной ограды, или выкладки (мог. 3). И лишь после раскопок удалось уловить на составленном в 1968 г. плане этой части могильника очертания каменных развалов над могилами 60, 72, 73 и 75.

Мои́ла 3. На поверхности была видна каменная кладка в виде прямоугольника (340×230 см) с небольшой западной посередине. Это покрытие могилы из плитняка, уложенного по ее бортам стенкой в несколько рядов, а в центре — в один-два ряда плит. Вероятно,

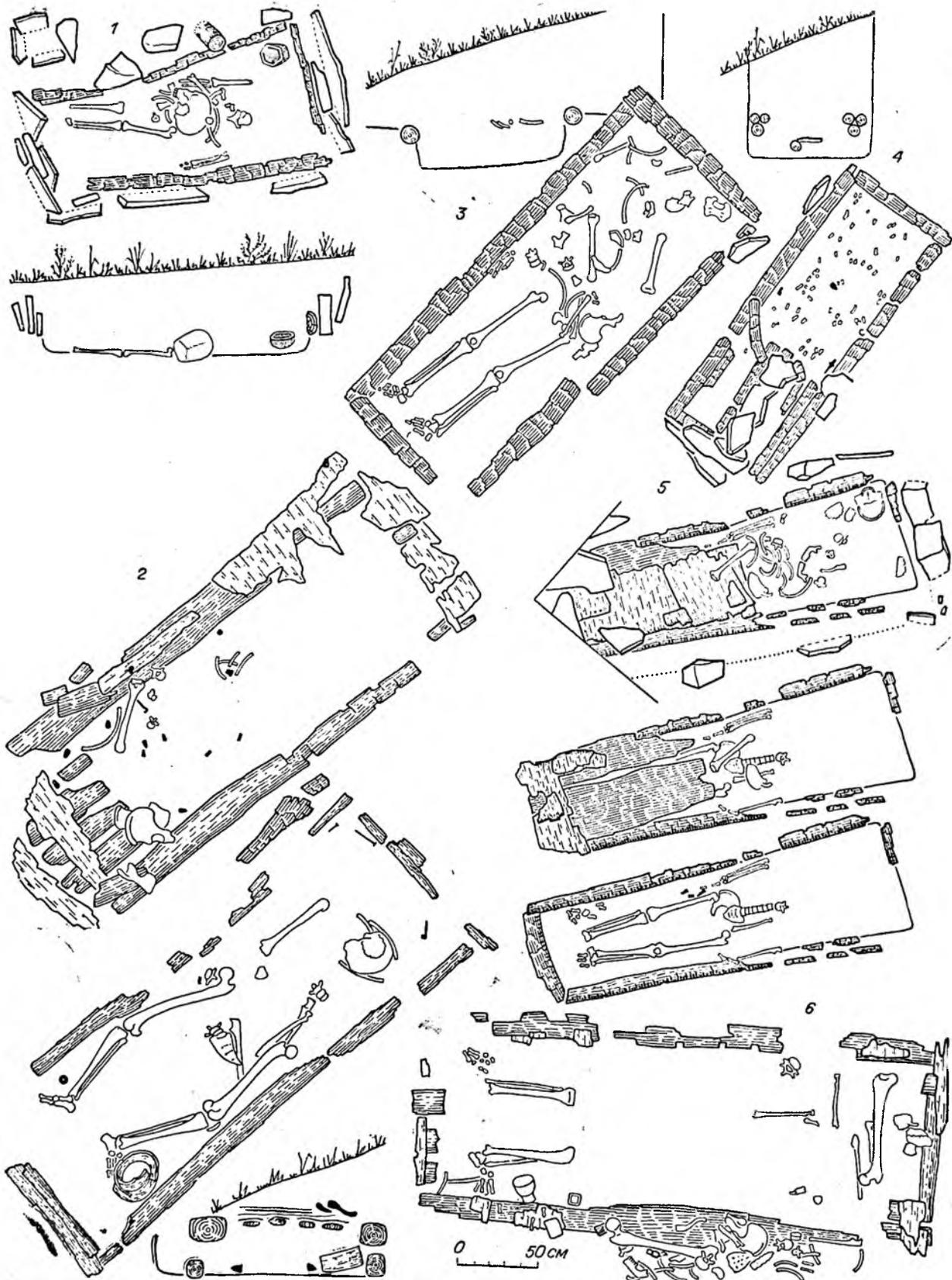

Рис. 51. Тепсей VII (1) и XVII (2—6). Планы и разрезы могил:
 1 — мог. 1; 2 — мог. 28; 3 — мог. 20; 4 — мог. 7; 5 — мог. 15; 6 — мог. 30.

покрытие находилось на деревянном настиле, остатки которого провалились внутрь могилы. Размеры могильной ямы 180×130 см, глубина 130 см, ориентирована по линии С—Ю. На дне сохранились остатки сруба в 2 венца. Размеры сруба 150×180 см, высота 30 см. Вдоль длинных сторон стенки сруба тянулись вертикальные плитки. На пол настлано 4—5 продольных досок. На дне обнаружили 2 глиняных баночной формы сосуда: в юго-западном углу и у западной стенки (рис. 47, 42), желез-

ные кинжал в ножнах, покрытых лаком (рис. 50, 27), нож и кольцо. В заполнении нашли железную круглую пряжку (рис. 50, 8), бронзовые кольцо (рис. 52, 25), 2 ложечковидные застежки (рис. 52, 10, 12) и 2 бляшки-пуговицы (рис. 52, 7, 8). Никаких следов костей не обнаружено. Вероятно, это был кенотаф. Если горшки, кинжал, нож и кольцо сохранились в могиле на месте, то можно предполагать, что кукла, условно изображавшая погребаемого

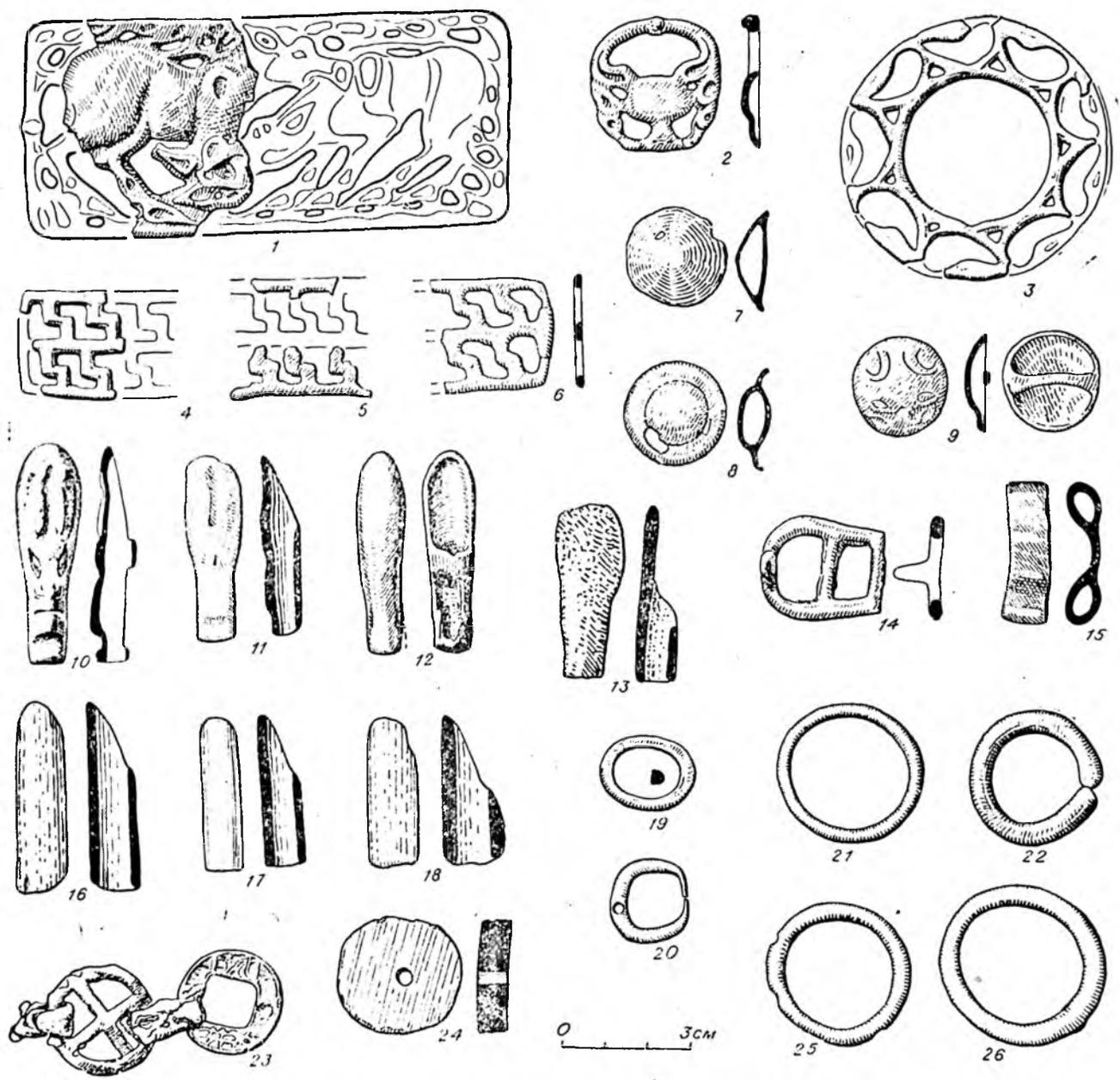

Рис. 52. Принадлежности одежды погребенных в тесинских могилах:

Тесей VII: 1 — мог. 25; 2, 6, 9 — мог. 39; 3, 7, 8, 10, 12, 25 — мог. 3; 4, 5, 18 — мог. 59; 11 — мог. 109; 13, 22 — мог. 24; 14 — мог. 16; 15, 20 — мог. 7; 16, 17, 23 — мог. 75; 24 — мог. 28. 19 — Т. XVII, мог. 3; 21, 26 — Т. VIII, гр. 7, мог. 2. (13 — изделие из железа; 16—18 — из рога; 24 — из глины; остальные — из бронзы).

человека, была положена в могиле головой на Ю.

Могила 60 (рис. 53). Овальная входная яма, размеры 175×60 см, глубина 90 см², ориентирована по линии В—З. В ее южной стенке имелся вход в подбой (175×85 см, глубина 90 см), заложенный наклонно поставленными крупными и более мелкими каменными плитами (толщина заклада 30 см). Торцовые стенки подбоя были укреплены вертикально поставленными плитами. На дне в анатомическом порядке лежали ребра и фрагмент височной кости взрослого, круглая берестяная коробочка, глиняный баночный сосуд (рис. 47, 16), железные кольцо и обломок ножа (?).

Могила 72 (рис. 53). Овальная входная яма, размеры 190×60 см, глубина 130 см, ориентирована по линии С—Ю. Сверху закрыта массивной каменной плитой, а ниже — более мелкими, уложенными в несколько слоев. В ее западной стенке имелся вход в подбой (190×90 см, дно его на глубине 150 см), заложенный 7 наклонно поставленными крупными плитами, покрытыми со стороны входной ямы полотнищем бересты. На дне было полотнище бересты в 2 слоя, с завернувшимися краями. На нем лежали железный обломок кольца, клинок ножа, стерженек с кольчатым навершием (рис. 50, 16), кристалл горного хрусталя, 7 стеклянных бусин, обрывки кожаных ремешков. В южной части могилы обнаружили 2 глиняных сосуда: кувшинообразный и баночной формы (рис. 47, 14, 21) и берестяную коробочку с орнаментом, в которой лежали глиняная плошка — поддон от кубка (рис. 47, 35) и небольшая берестяная коробочка с тремя отделениями и крышкой. В одном из этих отделений найдены кусок краски, астрагал и пятчатая кость овцы, в другом — 2 куска минерала. Остатков костей человека в могиле не было. В заполнении выявили 2 голени новорожденного парнокопытного.

Могила 75. Входная яма, размеры 180×60 см, глубина 150 см, ориентирована по линии С—Ю. В ее западной стенке имелся вход в подбой (135×110 см, дно его на глубине 190 см), заложенный наклонно поставленными плитами. На дне лежал скелет подростка 13—14 лет, на спине, головой на Ю (погребение *d*). Слева, у черепа, находился глиняный сосуд баночной формы, в нем — 2 обломка ребра овцы, в ногах — череп и кости концев ног овцы (остатки от шкуры жертвенного животного), у пояса — 3 железные пряжки с подвижным язычком: большая (рис. 50, 1) и 2 малые, нож с остатками деревянных ножен, а также 2 роговые ложечковидные застёжки

² Глубина могил 60, 72 и 75 указана от поверхности погребенной почвы.

(рис. 52, 16, 17). Вход в подбой заложен плитами.

В том же подбое, но выше, на глубине 140 см, лежал скелет подростка 7 лет, на правом боку, головой на Ю (погребение *c*). Сверху он, видимо, был закрыт шкурой овцы, от которой сохранились на месте череп и кости четырех ног. В ногах погребенного находился глиняный сосуд баночной формы (рис. 47, 17), у черепа — астрагал овцы с просверленным отверстием, на поясе — бронзовая круглая ажурная бляшка, соединенная кожаным ремешком с монетой «ушу», — остатки пояса погребенного (рис. 52, 23). Для этого захоронения был вырыт новый вход в подбой — на 50 см выше основания прежнего и так же закрыт рядом наклонно поставленных плит. На глубине 60 см, над погребением подростка 7 лет, в подбоя каменного ящика, с дном, выложенным плитками, обнаружили остатки захоронения годовалого младенца, лежавшего головой на С (погребение *b*). На глубине 35 см, над захоронением младенца, лежал скелет мужчины старческого возраста, на спине, головой на Ю (погребение *a*). На поясе имелись 3 железные круглые пряжки с подвижным язычком: большая (рис. 50, 2) и 2 малые, 2 костяные обоймы (рис. 48, 15, 16) и железная пластинка-накладка. Сверху погребенный был покрыт слоем плит.

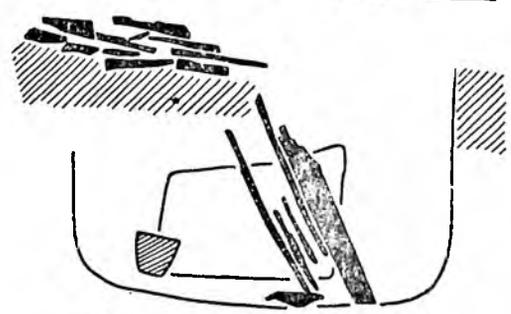
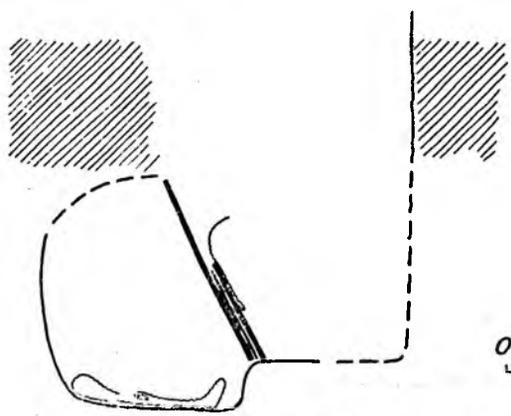
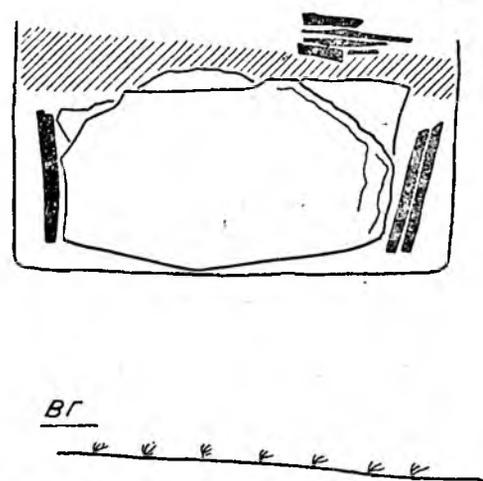
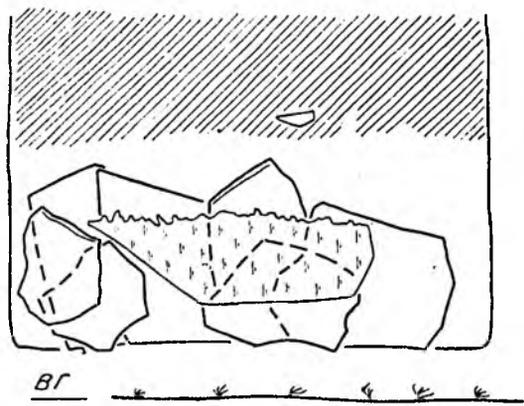
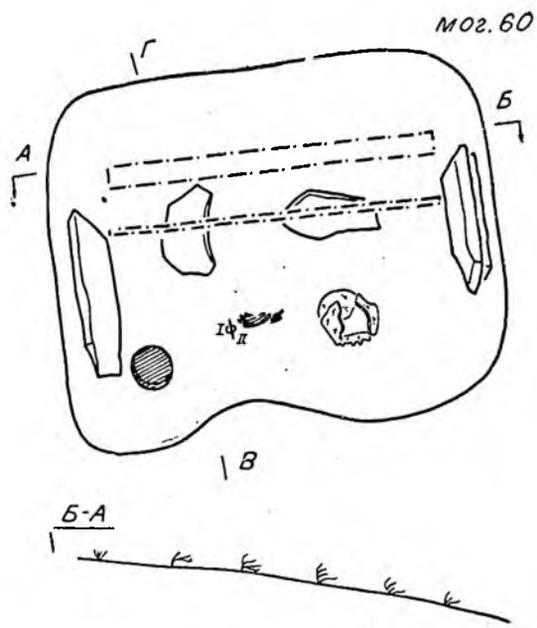
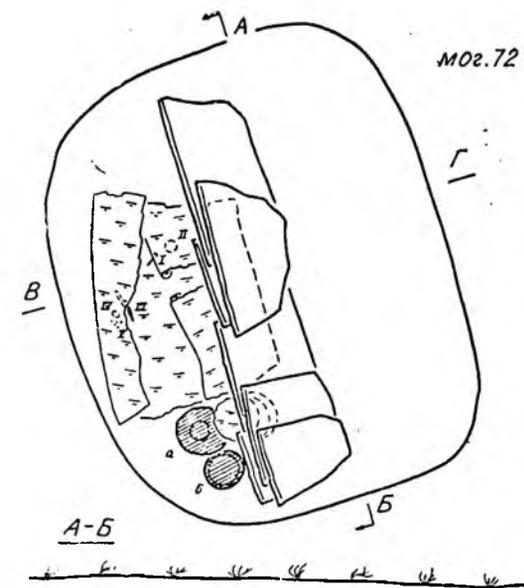
Младенец и мужчина захоронены не в подбое. По верху подбоя вначале был погребен младенец в каменном «ящике», а спустя какое-то время — мужчина, которого положили на поверхности погребенной почвы. Первоначально труп его покоился горизонтально. Когда земля над подбоями осела вниз, погребенная почва соответственно прогнулась и посередине опустилась на 35 см вниз. С ней вместе опустился вниз и скелет мужчины, причем концы его ног и плечи оказались значительно выше таза и поясницы, а череп скатился к тазу.

ТЕПСЕЙ XVII

Совсем рядом с предыдущим пунктом на пониженной части той же террасы открыто 5 тесинских могил. Их, безусловно, было значительно больше. Несомненно, это продолжение того же могильника, основная часть которого располагалась в Тепсее VII. В 1970 г. здесь на разрушенной ветрами и овцами поверхности террасы можно еще было видеть остатки каменных покрытий могил. Теперь вся эта часть террасы находится под водой, а могильник, видимо, полностью уничтожен.

Могила 1 (рис. 51, 1). Сруб в один венец, 135×65 (50) см, глубина более 40 см³, ориен-

³ Глубина всех пяти могил указана от разрушенной поверхности террасы.

0 50 CM

Рис. 53. Тепсей VII. Планы и разрезы могил 60 и 72.

тирован по линии З — В. Вдоль стенок снаружи вертикально поставлены плитки. На дне лежал потревоженный скелет ребенка 6 лет, на спине, головой на ВЮВ. На месте остались длинные кости ног и левого предплечья. Справа в головах стоял пятигранный горшочек (рис. 47, 39).

Могилы 2. Сруб в один венец, 130×50 см, глубина более 40 см, ориентирован по линии В — З. Вдоль продольных стенок вертикально поставлены плитки. Сохранились 6 продольных досок покрытия и на нем фрагменты бересты, а поверх него — каменные плитки в 1—3 слоя. На дне лежал скелет ребенка 6 лет, на спине, головой на В. На месте сохранились кости голени и левая бедренная. В северо-восточном углу обнаружили глиняный кубок (рис. 47, 33), среди костей в восточной части могилы — железную пряжку (рис. 50, 13).

Могилы 3. Покрытие из небольших плит в 1—2 слоя. Под ним на глубине 60 см лежал потревоженный скелет мужчины 25—30 лет, головой на СВ. На месте остались кости голени, остальные разбросаны в беспорядке. Среди них находились глиняный кубок (рис. 47, 31), бронзовое кольцо (рис. 52, 19) и железные кольцо и нож (рис. 50, 12, 20).

Могилы 4. Сруб в один венец, 160×60 см, глубина более 85 см, ориентирован по линии СВ — ЮЗ. Вдоль стенок снаружи вертикально были поставлены плитки. На дне лежал потревоженный скелет подростка 10 лет, на спине, головой на СВ. На месте остались кости таза и ног, остальные разбросаны в беспорядке. Среди них найдены фрагменты железного ножа (рис. 50, 22).

Могилы 5. Сруб в два венца, 170×75 см, глубина более 80 см, ориентирован по линии СВ — ЮЗ. Сохранилось покрытие из небольших плит. На дне лежал потревоженный скелет подростка (мужчины?) 12 лет, на спине, головой на СВ. На месте находились кости ног и правого предплечья. В заполнении оказалась костяная пряжка (рис. 48, 29).

ТЕПСЕЙ VIII

В могильнике раскопаны 7 тесинских могил — 4 из них, впущенные в ограду кургана сарагашенского этапа (огр. 1), исследованы М. П. Грязновым и 3, расположенные рядом с оградой 7 подгорновского этапа, — М. П. Завитухиной.

ОГРАДА 7. Около нее с северо-восточной стороны в ряд располагались 3 тесинские могилы (2—4), одинаково ориентированные по линии СВ — ЮЗ.

Могилы 2. Размеры 240×130 см, глубина 110 см. На дне сруб в один венец. В углах со-

хранились остатки вертикальных столбов, на которые, видимо, опирались бревна от потолка, поверх него настланы были листы бересты (уцелели фрагменты) и каменные плиты. Дно выложено плитами. На них размещен потревоженный скелет мужчины 25—40 лет, на спине, головой на СВ. На месте остались кости ног и левого предплечья с кистью. В головах находился глиняный сосуд с обломанным поддоном, у пояса, справа — круглая железная пряжка (рис. 50, 11). Справа и слева от скелета найдено по бронзовому кольцу (рис. 52, 21, 26). В заполнении выявили железные наконечник стрелы (рис. 50, 24), обломок прямоугольной пряжки с боковым выступом (рис. 50, 6), обломок ножа и гвоздевидную бляшку (рис. 50, 7).

Могилы 3. Располагалась на склоне, верхняя часть ее уничтожена. Сруб в один венец, 160×90 см. Сохранилось покрытие из плит. В заполнении и на дне обнаружили пережженные кости человека и обломки небольшого горшка.

Могилы 4. Тоже располагалась на склоне, сохранилась только нижняя часть. Уцелели остатки сруба в один венец, 190×90 см. Вдоль его продольных стен снаружи вертикально были поставлены плитки. На дне лежал потревоженный скелет женщины 30—40 лет, головой на СВ. На месте остались кости голени. В головах найден глиняный кубок (рис. 47, 9), а за черепом — роговая булава (рис. 48, 12).

Все 3 могилы устроены в виде срубов. В одной из них стенки сруба снаружи укреплены вертикально поставленными плитами (мог. 4). Могилы покрыты мелкими плитами. В одном срубе довольно хорошо сохранились продольные бревна потолка с фрагментами бересты на них (мог. 2). В могиле 2 пол выстлан плитами.

Состав погребенных таков: в двух могилках — по одному взрослому человеку (мужчина и женщина), в одной — пережженные кости человека (мог. 3). Все погребены одинаково — на спине, головой на СВ, в головах поставлены глиняные сосуды. В женской могиле за черепом оказалась роговая булава, в мужской, у пояса скелета, — железная пряжка и, видимо, бронзовые кольца.

Погребальный инвентарь: 3 глиняных сосуда, 2 литых бронзовых кольца, 2 железные пряжки — прямоугольная с боковым выступом и круглая, железные черешковый наконечник стрелы, гвоздевидная бляшка, нож (в обломках) и роговая булава.

По своему топографическому положению, устройству, положению погребенных, инвентарю эти могилы — продолжение могильника Тепсей VII, рассмотренного выше.

ОГРАДА 1 (см. рис. 39 и 40). Десятикамен-

ный курган сарагашенского этапа. В южном углу его ограды и в юго-восточной части обнаружены 4 впускные могилы тесинского этапа (1 *в* — *е*) в виде каменных ящиков. Верхние края плит ящиков находятся на уровне современной поверхности. Покрытия их нарушены. Как уже отмечалось выше, вскоре после сооружения ограды и могил сарагашенского этапа терраса в этом месте была занесена 70-сантиметровым слоем навейного песка, после чего и были устроены тесинские могилы. Ямы для них вырыты с поверхности слоя навейного песка.

Могила 1в (см. рис. 41, 2). Прямоугольный ящик (170×60 см, глубина 65 см), сложенный из плит. Ориентирован по линии СВ — ЮЗ. Покрытие из плит нарушено. Дно выстлано тонкими плитами. На дне лежал потревоженный скелет взрослого мужчины, на спине, головой на ЮЗ. На месте остались кости ног, левой кисти и правого предплечья. Вещей не оказалось.

Могила 1г. Прямоугольный ящик (190×70 см, глубина 70 см), сложенный из плит. Ориентирован по линии В — З. Покрытие не сохранилось. В заполнении найдены остатки костей взрослого человека и младенца 1 — 2 лет. Вещей не было.

Могила 1д (см. рис. 41, 4). Прямоугольный ящик (80×70 см, глубина 70 см), сложенный из 4 плит. Ориентирован по линии СЗ — ЮВ. На дне лежали разрозненные кости полного скелета годовалого младенца. Вещей не было.

Могила 1е (см. рис. 41, 5). Ящик в форме пятиугольника, сложенный из нескольких толстых плит. Покрытие из таких же плит. Размеры по дну 130×70 см, глубина 60—90 см. Ориентирован по линии СВ — ЮЗ. Дно выстлано тонкими плитами. На дне находилось 2 скелета: мужчины 30—40 лет и женщины (?) 16—17 лет, лежавшей на спине, с высоко поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. У мужчины прорублена левая височная кость, а череп искусственно деформирован. В головах стоял глиняный сосуд баночной формы (рис. 47, 10). Между скелетами в области живота найден обломок костяного трехгранного наконечника стрелы.

Все 4 могилы устроены в виде каменных ящиков из вертикально поставленных плит. Три из них прямоугольные, один — пятиугольный. Покрытие из плит. В двух могилах дно выстлано тонкими плитками. Состав погребенных: в одной могиле — мужчина и женщина, в другой — взрослый и младенец, в третьей — мужчина, в четвертой — младенец. Все погребенные лежали на спине, с вытянутыми ногами, в одном случае с поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. В среднем глубина могил 70 см, длина 140, ширина 70 см.

В трех могилах вещей не обнаружено, а в одной оказались глиняный сосуд баночной формы и обломок костяного трехгранного наконечника стрелы.

ТЕПСЕЙ XVI

В 500 м на северо-восток от Тепсей VIII находился одиночный тесинский курган с земляной насыпью диаметром 24 м, высотой около 1,5 м. В основании насыпи имелись массивные столбообразные плиты. Курган исследован М. Н. Пшеницыной в 1976—1977 гг.

В его квадратной ограде (18×19 м, высота 1,2 м) из крупных вертикально поставленных плит, дополненных сверху кладкой из плитняка, в глубокой яме обнаружен склеп-сруб (внутренние размеры 23 м²). Сруб, окружавший его тын, пол, потолок и двухслойный накат над ямой сделаны из толстых бревен диаметром по 35—50 см. Склеп сожжен. В его восточной половине устроены 2 яруса дощатых «полатей». На полу и на «полатах» погребено не менее 30 человек. Черепа их, как правило, моделированы глиной и превращены в своего рода глиняные «головы», схематично передающие черты лица умершего. Склеп ограблен. Найдено лишь 5 глиняных кубков и сосуд баночной формы. Немногочисленный сопровождающий инвентарь обычного тесинского типа.

Под стенами ограды кургана пристроены 23 могилы того же времени, преимущественно детские. Это были подобия небольших каменных ящиков. Внутри ограды выявлены еще 4 такие же могилы.

Материалы раскопок этого кургана еще не изучены, они явятся объектом специального исследования и публикации.

* *
*

Раскопки 148 могил в археологическом микрорайоне у горы Тепсей дали весьма разнообразный материал, позволяющий сделать попытку восстановить картину погребального обряда, существовавшего у населения последних веков до нашей эры на Среднем Енисее, хоронившего умерших не в традиционных больших курганах-склепах, а в отдельных индивидуальных могилах, составлявших целые кладбища. На Тепсее исследовано не менее трех таких могильников: Т. I, где вскрыты 3 могилы и остатки поминальных тризн, Т. III, где выявлены 4 могилы, и, наконец, Т. VII и Т. XVII с частью пункта Т. VIII, составлявшие один большой могильник, где раскопано 110 могил. Какую-то часть умерших хоронили в стороне, в родовом склепе и под его стенами в пункте Т. XVI (27 впускных захоронений) или в мо-

гйлах, для сооружения которых использовали стенки оград и могил более древних эпох (четыре могилы, впущенные в огр. 1 сарагашенского кургана в пункте Т. VIII).

Умерших, как правило, погребали либо в прямоугольном, реже (2 случая) трапециевидном небольшом срубе в 1—3 венца, стенки которого снаружи укреплялись вертикально поставленными плитками, либо в овальной грунтовой яме, или же в глубокой яме с подбоем и в ящике из вертикально поставленных плит. В могильнике Тепсей VII и XVII срубы составляют 37,4% (41) всех имеющихся могил, грунтовые ямы — 30% (33), ямы с подбоем — 5,4% (6) и ящики — 12,7% (14)⁴. В ряде случаев устройство могил выявить не удалось — 14,5% (16). Вероятно, это были овальные ямы или срубы, их внутренние размеры обычно составляли около 150×60 см, глубина 90 см. Впускные захоронения чаще всего совершались в каменных ящиках (Т. VIII и Т. XVI). Сверху могилы покрывали каменными плитами в 1—3 слоя. В срубах под каменным покрытием иногда имелись остатки уцелевшего дощатого потолка, закрытого листьями бересты (13 случаев). Дно могилы выстилалось каменными плитками (в ящиках — 8 случаев, в срубе — 1) или досками (в одном срубе). Покойника укладывали на спину с вытянутыми ногами, иногда на левый или правый бок с согнутыми в коленях ногами (по 2 случая). В двух могилах умершие погребены в позе сидящего человека (Т. VIII и Т. XVI). Строгой закономерности в ориентировке не наблюдается. Погребенные чаще лежали головой на В, реже на З с отклонением к С или Ю. В некоторых случаях покойника заворачивали в полотнище из бересты (3 случая — в могилах с подбоем, 3 — в рядовых). Иногда могилу использовали в течение длительного времени, последовательно хороня в ней от двух-трех до семи человек взрослых и детей, укладывая их друг на друга нередко в одинаковом положении. Так, в одну могилу с подбоем (Т. VII, мог. 75) последовательно были погребены 4 человека, а в могилу с каменным ящиком (Т. III, мог. 24А и 24В) — 7 человек. При этом размеры могил не зависят от числа погребенных в них.

Своеобразие могильника Тепсей VII заключается в том, что в отличие от других тесинских кладбищ, известных теперь уже более чем в 20 пунктах, в нем мало характерных для данного времени повторных захоронений (Пшеницына, 1975б, с. 8, 15). Более половины

умерших (63%) погребено в индивидуальных могилах. Какую-то часть покойников начинают хоронить по обряду трупосожжения — в 7 могилах (Т. VII, мог. 7, 40, у мог. 39 и др.; Т. VIII, огр. 7, мог. 3) погребен пепел сожженного человека.

Состав погребенных в могилах таков. В 62 индивидуальных могилах хоронили как взрослых (25 случаев), так и детей (37 случаев). Если в могиле погребены 2 человека, то чаще всего это либо взрослый с ребенком (5 случаев), либо подросток с ребенком (1 случай). В трех случаях были захоронены 2 ребенка и только в двух — мужчина с женщиной и 2 женщины. В трех могилах погребено по 3 человека — 2 взрослых и ребенок. В одной могиле с подбоем последовательно захоронены 4 человека — подросток, ребенок, младенец, мужчина, но это были по сути дела 4 индивидуальных захоронения, совершенные на одном месте.

Умерших, судя по составу находок, хоронили в одежде и с некоторыми вещами. В головах, реже в ногах, ставили один, иногда два глиняных сосуда с жидкой пищей. У пояса, в мужских и женских погребениях, находились железные ножи, кольца, пряжки и ложечковидные застёжки, обычно железные, иногда бронзовые или роговые. В женских погребениях, кроме того, обнаружены нарядные берестяные корбочки с туалетными принадлежностями, костяные иглы, глиняные прислица, железные шилья и стерженьки с кольцевидным навершием, в мужских — костяные и железный наконечники стрел. Всех взрослых и детей украшали ожерельями и браслетами из цветного стекла, а также костяными, реже каменными подвесками. Встречались бусы из сердолика и бирюзы. В женских могилах находили роговые булавки и гребни — предметы туалета по уходу за волосами.

При погребенных обычно остатков мясной пищи не было. В двух могилах Тепсей VII (34 и 45) встречались кости молодой козы и в трех (74, 75, 109) — овцы, в каждой — череп и кости концов ног: остатки шкур жертвенных животных. В могиле 75 одну шкуру овцы положили в ноги умершему подростку, другой, по-видимому, закрыли ребенка. В трех могилах (24, 59, 110) находились кости овцы (лопатка, позвонки, ребра, нижняя челюсть и др.), в одной — кости концов четырех ног лошади. Надо полагать, что похороны сопровождалась принесением в жертву животных — овцы, реже козы или лошади, мясо которых съедали, а шкуру с оставленными в ней черепом и костями ног укладывали в могилу вместе с покойником или оставляли где-то около могилы и тогда кости животных не сохранялись. Обильная тризна являлась, возможно, неотъ-

⁴ Все приводимые здесь и далее подсчеты сделаны на материалах раскопок по 1976 г. включительно. Материалы 1977 г. еще не обработаны и в подсчеты, кроме добавления количества исследованных в 1977 г. могил, не включены. Представленную нами картину эти материалы существенно изменить не могут.

емлемой частью сложной погребальной церемонии. Видимо, с таким обычаем связано широкое распространение в последующую таштыкскую эпоху еще одного типа памятников — остатков поминальных тризн — «поминальничков» (Кызласов И. Л., 1975, с. 30—47).

Могильник Тепсей VII дает свидетельства о появлении в этот период среди населения социальной прослойки, занимавшей в обществе какое-то более высокое положение. Эту категорию лиц хоронили на отдельном участке кладбища, на мысу, в стороне от погребений рядовых членов общины, в глубоких ямах с подбоем, вход в который закладывали наклонно поставленными большими плитами. Таких могил только 7. Одно захоронение из этой группы совершено в срубе с монументальным каменным надмогильным сооружением (мог. 3). К сожалению, все могилы, за исключением 75, потревожены грабителями. Однако и по сохранившимся здесь вещам можно видеть, что некоторые принадлежности одежды и украшения, положенные с умершими, отличаются относительным разнообразием и нестандартностью. В этих могилах и в одной неграбленной детской (мог. 39) найдены бронзовые ажурные пряжки-пластины с решетчатым орнаментом, пряжка с изображением головы быка и пуговка с мордой зверя, ажурная пряжка со стилизованным изображением ветвей дерева, ложечковидная застежка с головой сайги, единственный экземпляр железного книжала в ножнах, покрытых пленкой черного лака. В могиле 75 у пояса ребенка обнаружена бронзовая ажурная бляшка, соединенная кожаным ремешком с монетой «ушу». Более разнообразны здесь набор украшений и предметы туалета: из этих могил происходят 5 нарядных берестяных коробочек с туалетными принадлежностями, роговая булава с эффектно оформленным фигурным навершием, кусок горного хрусталя, ожерелья из большого количества стеклянных бус, красивая треугольная каменная подвеска и роскошная агатовая бусина. Многие из этих вещей неизвестны на Среднем Енисее в предшествующие эпохи и находят себе полные аналогии в хуннских комплексах Забайкалья. Для остальных могил в целом характерно однообразие сопровождающего инвентаря, в большинстве уже известного по другим тесинским памятникам на Среднем Енисее.

Глиняная посуда составляет наиболее многочисленную серию погребального инвентаря. Найдено не менее 58 целых сосудов, из них 22 баночной формы и столько же кубковидных (см. рис. 47). Аналогичной формы сосуда в виде банок встречены в Большом Тесинском кургане (Tallgren, 1921, fig. 3, 3; Дэвлет, 1961, рис. 2, 21—24), в погребениях тесинских мо-

гильников Карасук V и Барсучиха IV (Пшеницына, 1964, рис. 48, 9—19), Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 4, 1—4 и др.), а также в кургане I у Мохова улуса (Левашева, 1958, рис. 2, 11).

Сосуды баночной формы характерны для всех этапов тагарской эпохи, к ее концу они уменьшаются в размерах (Киселев, 1951, табл. XXVII, 1—9, 13). Близкие к ним по форме банки попадают и в раннеташтыкских комплексах (Кызласов, 1960, рис. 11, 3, 7; рис. 26, 4; Грязнов, 1971, рис. 2, 1—8). Кубковидные сосуды впервые получают распространение на сарагашенском этапе (Киселев, 1951, табл. XXVII, 33; Грязнов, 1968, с. 192) и продолжают свое существование в раннеташтыкский период (Кызласов, 1960, с. 41; Грязнов, 1971, рис. 2, 10—12).

Пять сосудинок были многогранными: миниатюрные квадратные и пятиугольный с уплощенным дном и прямым обрезом венчика (рис. 47, 7, 8, 37, 39, 48). Такой же формы многогранные сосуды найдены в могильнике Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 4, 9), в Большом Тесинском кургане (Tallgren, 1921, fig. 3, 13), в кургане 8 на оз. Кызыл-Куль и в кургане у д. Алтайской (Кызласов, 1960, рис. 15, 3; 29, 9). Они появляются и получают широкое распространение на тесинском этапе, а в раннеташтыкскую эпоху встречаются редко (Кызласов, 1960, с. 50 и рис. 25, 5).

Три сосуда были кувшинообразными: два с шаровидным туловом и плоским дном (рис. 47, 21, 49), аналогичные сосуда из Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 4, 5), третий — с округлым туловом, несколько вздутыми боками и слегка отогнутым венчиком (рис. 47, 1). Аналогий ему в других тесинских комплексах нет. Эта форма на Среднем Енисее появляется впервые на тесинском этапе и продолжает свое развитие в таштыкскую эпоху (Кызласов, 1960, с. 45).

Один сосуд имел сферическое тулово и небольшое плоское дно (рис. 47, 25). Он подобен найденному в Карасуке V (Пшеницына, 1964, рис. 48, 17). На предшествующих этапах таких форм сосудов не отмечалось. Один миниатюрный сосуд чашеобразный. Аналогии ему не известны. Миска, сделанная из старого горшка (рис. 47, 46), аналогична таким же из могильников Карасук V (Пшеницына, 1964, рис. 48, 12) и Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 4, 19). Этот тип мисок был широко распространен на всех этапах тагарской культуры. На тесинском этапе бытовал обычай использовать поддоны от кубковидных сосудов в качестве сосудинок для косметики (рис. 47, 35, 38).

Пятая часть всех сосудов орнаментирована. Девять из них, украшенные под венчиком бу-

горчатым орнаментом, — баночной формы и 8 кубковидных (рис. 47, 9, 26, 27, 29, 30, 33, 34, 45). Бугорчатый орнамент, появившийся в конце карасукской эпохи, получил широкое распространение в раннетагарское время (Грязнов, 1968, с. 193), причем наиболее характерен он для тагарских могильников правобережья Енисея (Дэвлет, 1966, с. 11). Такая же закономерность в распространении бугорчатого орнамента прослеживается и на тесинском этапе. В Большом Тесинском кургане найден кубковидный сосуд, украшенный рядом бугорков под венчиком (Дэвлет, 1961, рис. 1, 3). В раннетагтыкское время этот орнамент крайне редок (Кызласов, 1960, с. 73). Два сосуда украшены гладким налепным валиком: кубковидный — по венчику (рис. 47, 40) и кубшинообразный — у основания шейки в сочетании с валиком по тулову в виде «волны» (рис. 47, 49). Подобные сосуды, орнаментированные гладкими валиками, известны в тесинском могильнике Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 4, 5, 10—15) и один в Большом Тесинском кургане (Дэвлет, 1961, рис. 1, 2). В лесостепной полосе юга Сибири этот орнамент встречается на сосудах из могил II—I вв. до н. э. (Мартынов и др., 1971, с. 187; Дэвлет, 1964, рис. 2, 6, 8). Гладкий налепной валик на керамике широко применялся в скифское время в Туве (Кызласов, 1958, табл. II, 45, 47) и на Алтае. В более позднее время он был характерен для сосудов хунну (Davydova, 1968, fig. 10, 1). На Среднем Енисее гладкий налепной валик впервые появляется и получает широкое распространение лишь в могилах и склепах тесинского этапа. В таштыкскую эпоху он известен только на самом раннем ее этапе (Кызласов, 1960, рис. 18, 1; Грязнов, 1971, рис. 2, 12). Один четырехгранный сосуд украшен по венчику полосой из подтреугольных вдавлений — тычковым орнаментом (рис. 47, 37). Такой орнамент неизвестен в тагарское время, а в таштыкскую эпоху наиболее распространен (Кызласов, 1960, с. 61).

Предметы вооружения и орудия труда представлены железным кинжалом в ножнах, наконечниками стрел — железным втульчатым (рис. 50, 24) и тремя костяными, железными ножами, стерженьками и шилом, костяной иглой и обломком острия, глиняным пряслицем. Железный кинжал с кольцевым навершием на короткой рукояти в ножнах, от которых сохранилась пленка черного лака с продольной красной чертой, уникален (рис. 50, 27). Аналогий ему нет. Костяные наконечники стрел — плоский с черешком и двумя жальцами (рис. 48, 18) и черешковый (рис. 48, 31) относятся к типам, характерным для сарагашенского этапа тагарской культуры (Грязнов, Пшеницына, 1966, с. 62, 66, 68). В раннетагтыкских

склепах тоже встречались костяные наконечники стрел, по форме сходные со стрелами сарагашенского этапа (Кызласов, 1960, рис. 31, 1—6).

Обнаружены железные ножи трех типов: пластинчатые прямые с кольцевидным навершием — не менее 5 (рис. 50, 14, 26, 28); с вогнутой спинкой — один (рис. 50, 25); черешковые — не менее 7 (рис. 50, 18—23). Ножи с кольцевидным навершием найдены во всех известных тесинских комплексах (Tallgren, 1921, fig. 4, 10; Левашева, 1958, рис. 2, 13; Кызласов, 1960, рис. 29, 3; Пшеницына, 1964, рис. 48, 1; 1975а, рис. 3, 17, 19, 21). Подобные им ножи встречены в Иволгинском городище (Davydova, 1968, fig. 16, 36), в погребениях II—I вв. до н. э. Шестаковского могильника (Мартынов и др., 1971, с. 157—1958) и в могилах березовского этапа II—I вв. до н. э. на Верхней Оби (Грязнов, 1956, табл. XXVI, 12, 13). Кольчатые ножи, изготовленные способомковки (Гришин, 1960, с. 181—182), копирующие форму тагарских бронзовых, впервые появляются на Енисее на тесинском этапе и становятся для него характерными. В таштыкскую эпоху их уже нет. Нож с вогнутой спинкой аналогичен двум другим, найденным в Барсучихе I (Пшеницына, 1975а, рис. 3, 15—16). Черешковые ножи присущи для погребений последующей таштыкской эпохи (Кызласов, 1960, рис. 30, 8, с. 87).

Три железных стерженька с кольцевидным навершием — шилья (рис. 50, 15—17) — аналогичны таким же из Иволгинского городища (Давыдова, 1956, рис. 18, 2, 3) и из могильника Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 3, 18).

Принадлежности одежды (застежки, кольца, пряжки, пуговицы, нашивные бляшки) представлены типами, не известными на Среднем Енисее в предшествующие эпохи, но они находят полные аналогии в хуннских комплексах Забайкалья — Иволгинском городище и могильнике, Дэрестуйском могильнике и др.

Ложечковидные застежки представлены 9 экземплярами — 3 роговые, 3 бронзовые, 2 из них со стилизованным изображением головы сайги, 3 железные (рис. 52, 10—13, 16—18) — и аналогичны многочисленным роговым и бронзовым застежкам из Иволгинского городища (Davydova, 1968, fig. 14, 34—42, fig. 17, 20, 21) и могильника, а также Дэрестуйского могильника (Талько-Грынцевич, 1902, с. 40, табл. IIa и a'). Такие же железные и роговая застежки найдены в тесинских могильниках Карасук V (Пшеницына, 1964, рис. 48, 2) и Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 3, 11, 13).

Кольца обнаружены бронзовые и железные. Из 6 бронзовых 2 сделаны из толстой проволоки с сомкнутыми концами (рис. 52, 20, 22)

и 4 литые (рис. 52, 19, 21, 25, 26). Подобные им найдены в могильнике Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 5, 14, 15) и в хуннских: Дэрестуйском (Руденко, 1962, рис. 41, ж) и Иволгинском (Давыдова, 1971, рис. 5, 17).

Найдено также не менее 9 железных колец, круглых в сечении (рис. 50, 3, 5, 12). Диаметр их от 2,5 до 6 см. Видимо, они были принадлежностями верхней и нижней одежды. Аналогичные им имеются в могильниках Карасук V и Барсучиха IV (Пшеницына, 1964, рис. 48, 3, 6, 7). Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, рис. 5, 17) и на Иволгинском городище (Давыдова, 1956, рис. 18, 4).

Железные пряжки (не менее 18 экз.) представлены тремя типами: восьмеркообразными, прямоугольными и круглыми. Наиболее многочисленны круглые с подвижным язычком — 12 экз. (рис. 50, 1, 2, 8, 11). Прямоугольных с тем же способом крепления с ремнем выявлено 2 (рис. 50, 13), пряжек с боковым выступом — 1 восьмеркообразная (рис. 50, 9), 2 круглые (рис. 50, 4, 10) и прямоугольная (рис. 50, 6).

Аналогичные круглые пряжки с подвижным язычком отмечены в Иволгинском городище (Давыдова, 1968, fig. 16, 1, 3) и в Большом Тесинском кургане (Tallgren, 1921, fig. 4, 6). Восьмеркообразные и прямоугольные пряжки с боковым выступом найдены в Барсучихе I (Пшеницына, 1975а, рис. 5, 1, 8) и в погребениях прохоровской культуры Поволжья и Южного Приуралья конца IV—II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 25, 4, 15, 16). Круглые и прямоугольные пряжки с подвижным язычком в прохоровское время известны лишь в единичных экземплярах. Восьмеркообразные и круглые с боковым выступом появляются в этих комплексах на рубеже IV—III вв. до н. э. и широко бытуют в III—II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 40 и табл. 25, 1—4, 7, 8—15, 31—33). На Енисее железные пряжки впервые появляются лишь на тесинском этапе. В таштыкскую эпоху восьмеркообразные пряжки с боковым выступом встречаются только в грунтовых могилах изыхского этапа, круглые же с подвижным язычком продолжают бытовать вплоть до III в. н. э. (Кызласов, 1960, с. 37, 39, рис. 28, 24, табл. IV, 60).

Бронзовых пряжек 2: с изображением головы быка и подпрямоугольная с округленной передней стороной, обе с боковым выступом (рис. 52, 2, 14). Близки к ним бронзовые пряжки Косогольского клада (Нащекин, 1967, с. 163—164) и Дэрестуйского могильника (Сосновский, 1935, рис. 6, 1).

Костяных пряжек тоже 2. Одна сделана из второго шейного позвонка овцы (рис. 48, 21), другая — роговая с двумя овальными отверстиями и боковым выступом (рис. 48, 29), ана-

логичная пряжке из Иволгинского городища (Давыдова, 1968, fig. 13, 5).

К пряжкам относятся также фрагмент бронзовой ажурной прямоугольной пластины с барельефным изображением поединка коней (рис. 52, 1) и 3 обломка двух пластин того же типа, но меньших размеров с решетчатым орнаментом (рис. 52, 4—6). Прямые аналогии этим вещам встречены в хуннских могильниках Забайкалья: в Дэрестуйском — 4 аналогичные пластины с изображением поединка двух коней (Сосновский, 1935, рис. 6, 3), в Иволгинском в могиле II в. до н. э. на поясе погребенной — 2 пластины того же типа. Новая находка позволила, наконец, установить назначение рассматриваемых пластин: они являлись поясными пряжками (Давыдова, 1971, рис. 2, 7, с. 98—105). Аналогичные пластины отмечены в Косогольском клада (Нащекин, 1967, с. 163—164). На Среднем Енисее эти поясные пряжки-пластины, известные до недавнего времени лишь по случайным находкам (но в большом количестве), появляются и бытуют на тесинском этапе. Таштыкская эпоха представлена только одним фрагментом подобной пряжки (раскопки Э. Б. Вадецкой, могильник Новая Черная V, мог. 5). В Туве пряжки-пластины подобного типа известны пока тоже не раньше II в. до н. э. (Савинов, 1970, с. 104—108, рис. 51).

Бронзовых пуговиц найдено 3: конусовидная, округлая и с изображением морды зверя (рис. 52, 7—9). У всех на оборотной стороне имеется петелька. Подобные пуговицы обнаружены на Иволгинском городище (Давыдова, 1968, fig. 17, 14, 16, 17) и в могильнике (Давыдова, 1971, рис. 5, 18, 19, 30).

Бронзовых ажурных круглых бляшек 2. Одна со стилизованным изображением ветвей дерева (рис. 52, 3) — аналогична двум подобным бляшкам из Дэрестуйского могильника (Руденко, 1962, рис. 41, л) и бляшке из могильника Барсучиха I (Пшеницына, 1975а, с. 159, 161). Другая бляшка, найденная на поясе погребенного, была соединена ремешком с бронзовой монетой «ушу» (рис. 52, 23). Последняя является первой такой ранней находкой в погребальных комплексах на Среднем Енисее. Поскольку монета плохо сохранилась, определить время ее выпуска можно только ориентировочно. По заключению д-ра ист. наук М. В. Воробьева, она относится к выпуску начиная от 113 г. до н. э. (о монетах «ушу» см.: Воробьев, 1971, с. 15—28). В данном случае она использована как деталь поясного набора.

Предметы туалета и украшения представлены роговыми булавками, гребнем, берестяными шкатулками, бусами и подвесками. Найдено 15 роговых булавок в виде круглых стерж-

ней с уплощенным и заполированным острием: по одной с фигурным навершием и отверстием в нем и сердцевидным навершием (рис. 48, 1, 2), 3 — с округлыми плоскими головками (рис. 48, 3, 4, 12), 4 — с грибовидными головками (рис. 48, 5—8), 1 — с утолщенным верхним концом и отверстием в нем (рис. 48, 11), 2 — с гладким заполированным верхним концом (рис. 48, 9—10), 3 — в обломках. На Среднем Енисее они характерны в основном для тесинских погребений. В таштыкское время получили распространение булавки другого типа (Кызласов, 1960, рис. 36, 5, табл. IV, 57). Только 3 булавки, подобные тесинским, обнаружены в раннеташтыкских могильниках (Кызласов, 1960, рис. 36, 6, 7), одна из них — с роскошным фигурным навершием в виде двух козлов (Вадецкая, 1975, с. 175, рис. 2). Аналогии тесинским булавкам в других районах Сибири неизвестны. Роговой гребень имел прямоугольную форму и резной геометрический орнамент (рис. 48, 14). Гребни довольно широко бытовали на Среднем Енисее на всем протяжении тагарской эпохи (Гришин, 1960, с. 189). В погребениях таштыкской культуры они не встречаются.

Найдено 7 берестяных коробочек с туалетными принадлежностями. Коробочки прошиты ремешками, которые образуют несложный орнамент. Есть экземпляры с резным орнаментом и неорнаментированные. Аналогичные им имеются в Большом Тесинском кургане (Tallgren, 1921, fig. 7, 8), в Барсучихе I (Пшеницына, 1975а, рис. 3, 1) и в Шестаковских курганах (Мартынов и др., 1971, рис. 14, 2—9), рис. 15, 5, 7, рис. 146—149). В могилах сарагашенского этапа изделия из дерева и бересты неизвестны. Они впервые появляются в тесинских погребениях и продолжают существовать в таштыкскую эпоху (Кызласов, 1960, с. 105—107).

Бусы, изготовленные из цветной стекловидной массы, чаще всего белого или голубого цвета, иногда позолоченные, встречены в довольно большом количестве. Чаще всего они круглые.

На Енисее такие бусы впервые появляются в погребениях конца сарагашенского этапа, получают широкое распространение на тесинском этапе и продолжают бытовать в раннеташтыкскую эпоху. При этом формы их становятся все более разнообразными (Кызласов, 1960, с. 84, 109—110). В одной из могил найдена плоская трапецевидная бусина из агата, подобная роскошной агатовой бусине из Иволгинского могильника. Встречаются бусины из бирюзы (1) и сердоликовые граненые (2). В погребениях Дэрестуйского могильника обнаружены аналогичные тесинским бусы из сер-

долика и позолоченные из стекла (Сосновский, 1935, с. 170).

Рассмотренные особенности погребального инвентаря и приведенные ему аналогии позволяют с полным правом относить тепсейские могильники к тесинскому этапу, датируемому II—I вв. до н. э. (Грязнов, 1968, с. 191—194; Пшеницына, 1975б, с. 24—25). При этом следует отметить, что могильник Тепсей VII, а также составляющие с ним единое целое Тепсей XVII и ограда 7 Тепсей VIII по некоторым чертам погребального обряда (появление обряда трупосожжения, относительное преобладание индивидуальных погребений в срубах, а не характерные для тесинского этапа повторные захоронения, разнообразие форм сосудов с преобладанием кубковидных, наличие большой серии черешковых ножей и т. п.) в отличие от других тесинских могильников Среднего Енисея уже довольно близки грунтовым могилам изыхского этапа таштыкской культуры, датируемого Л. Р. Кызласовым серединой I в. до н. э.—началом I в. н. э. (Кызласов, 1960, с. 98—115). Теперь нам представляется более правильным не ограничивать время существования тесинского этапа серединой I в. до н. э. Однако новые факты пока не позволяют провести более точную границу между концом тесинского этапа и началом таштыкской культуры.

Анализ погребального обряда указывает на наличие генетической связи памятников тесинского этапа с предшествующими им сарагашенскими. Конструкция срубов в могильнике Тепсей VII сходна со срубами сарагашенского этапа (Грязнов, Пшеницына, 1966, с. 67—68). Сохраняется также старый тагарский обычай погребения умерших в каменных ящиках, только упрощенных и меньших размеров. Новое — грунтовые ямы и подбон в них. Основные 2 типа сосудов — банки и кубки, наиболее многочисленные в погребениях, а также оружие (наконечники стрел, кинжал), орудия труда (ножи, шилья), часть украшений и предметов туалета являются дальнейшим развитием форм, распространенных еще на предшествующем, сарагашенском, этапе тагарской культуры, а иногда и в более раннее время. Детали одежды (пряжки, застежки, нашивные бляшки, кольца, пуговицы) и некоторые из украшений и предметов туалета (булавки, бусы, берестяные шкатулки) относятся уже к типам, не известным в предшествующие эпохи, но в большинстве своем аналогичные подобным вещам из хуннских комплексов Забайкалья. Результаты спектрального количественного анализа 12 предметов из тесинских погребений Тепсей (бронзовых пряжек, колец, пуговиц, застежек), целой серии бронзовых поясных пряжек и других вещей того же типа из

Косогольского клада и из случайных находок в минусинских степях, а также идентичных им вещей из хуннских памятников Забайкалья, сделанного С. С. Миняевым, позволили ему прийти к выводу о местном производстве такого типа вещей, найденных на Среднем Енисее. Таким образом, детали одежды, изготовленные из бронзы, по форме были одинаковыми и даже идентичными с забайкальскими, но и там и тут они были местного изготовления, появились одновременно и развалились, очевидно, синхронно. Широкое распространение на Среднем Енисее во II—I вв. до н. э. принадлежностей одежды и украшений, одинаковых с хуннскими, несомненно, связано с историческими событиями — созданием на рубеже III и II вв. до н. э. в степях Северной Монголии и Забайкалья державы хунну и ее экспансией на соседние территории, в частности, в Минусинскую котловину, которая в это время, видимо, попала под контроль хунну, находясь от них в какой-то форме зависимости.

Состав и типы инвентаря тесинских погребений Тепсея еще раз подтверждают уже име-

ющиеся в литературе указания на одновременность существования в этот период трех типов погребальных памятников: больших курганов-склепов, могил, либо составляющих отдельные могильники, либо устроенных внутри оград и могил более древних эпох, что отражает сложность социальной структуры общества того времени, а также, скорее всего, и его этническую неоднородность.

Публикуемые материалы содержат новые дополнительные факты, подтверждающие вывод о том, что на Среднем Енисее на завершающей фазе развития тагарской культуры — тесинском переходном этапе — в среде тагарских племен начали складываться и получать свое развитие все основные элементы, характерные в дальнейшем для таштыкской культурной общности. В свете изложенного тесинский этап в развитии культуры племен Среднего Енисея предстает сегодня как самостоятельная и сложная по существу происходивших в этот период процессов эпоха, отразившая, видимо, первое проникновение каких-то новых этнических элементов в среду тагарского населения минусинских степей.

ТАШТЫКСКАЯ КУЛЬТУРА

Наиболее многочисленны и разнообразны на Тепсее памятники таштыкской культуры. Они дали самые ценные, совершенно новые материалы по изобразительному искусству и погребальным обрядам. Необычен и чрезвычайно интересен сложный комплекс погребальных памятников в Тепсее III. Центральное место здесь занимают 2 больших и малый склепы с массовыми захоронениями в них останков людей, расположенные на наиболее возвышенном участке пункта. Вокруг склепов находится множество индивидуальных детских могил, а к юго-западу от них — ряды каменных плит, поставленных вертикально перед ямками с остатками поминальных приношений.

В 100 м к северо-востоку от склепов, по другой сторону оврага, в Тепсее IV, обнаружили еще один малый склеп, к юго-западу от него — ряд вертикальных плит с поминальными приношениями, а к северо-востоку, по-видимому, 2 ритуальных захоронения людей. Для удобства будем называть его склеп 4.

Другой небольшой склеп располагался в стороне на пониженной части террасы в 50 м к северо-западу от предыдущего. Его сильно развеяли ветры, верхняя часть оказалась разрушенной, плитняк крепиды и покрытия развалился по сторонам. Думалось, что склеп полностью разрушен, но после его затопления зимой 1969—1970 гг. вода размыва песок по

бокам, и стало ясно, что нижняя половина склепа еще сохранилась. Однако проводить раскопки склепа уже почти невозможно, так как он лишь весной на короткое время выходит из-под воды.

Далее на север, тоже на пониженной части террасы (в пункте Т. XIX), после размыва ее водой сохранились небольшие останцы с культурными остатками таштыкского времени. Происхождение их пока представляет загадку.

Еще дальше, в Тепсее XX, была обнаружена тоже загадочного происхождения яма с керамикой таштыкского типа и костями животных.

Основные исследования велись в пунктах Т. III и Т. IV. Здесь раскопаны 4 склепа — 2 больших и 2 малых, открыто большое количество индивидуальных, преимущественно детских, захоронений и раскрыты сплошным раскопом 5 участков поминальников.

Основная часть памятников у подножия горы Тепсей находилась в пункте Т. III. Они составляют сложный погребальный комплекс, в котором удалось исследовать разные виды захоронений и остатки поминальных тризн. Доминирующее положение в могильнике занимали 3 склепа. Самый большой из них (склеп 2) располагался в центральном месте террасы, второй, тоже большой (склеп 1), — в 30 м к юго-западу от него. Третий, малый, по площа-

ди в 4 раза меньший предыдущих (склеп 3), находился рядом со вторым в 3 м к северо-западу от него. Судя по положению склепов на местности, сначала был сооружен склеп 2, основной в могильнике, на самом удобном и видном месте. Другой такой же склеп (1) пришлось соорудить в стороне, несколько ниже по гребню слабо возвышенной гряды, а малый склеп — рядом с основным по склону гребня. Надо представить себе такую последовательность сооружения склепов. Первым появился склеп 2, а занимающий по отношению к нему подчиненное место малый склеп 3 — после него. Возможно, еще позже был сооружен склеп 1. Такой вывод основан на топографическом положении склепов и других элементов могильника, а это противоречит хронологическим определениям, предложенным И. Л. Кызласовым в его статье о поминальниках таштыкской эпохи (Кызласов И. Л., 1973, с. 41).

СКЛЕП 1

Второй по величине, расположен в юго-западной половине могильника. Среди окружающих его могил и поминальных камней занимает центральное положение (см. рис. 3). На поверхности виднелось лишь пологое возвышение, прямоугольное в плане, размерами приблизительно 13×14 м, высотой до 70 см. Посередине его была широкая западина глубиной до 70 см. Возвышение имело форму широкого прямоугольного вала, вся поверхность которого усеяна камнем (плитняком). В основании вала во многих местах проступали края каменной крепиды, сложенной из плитняка. Склеп ориентирован по линии с ЮЗ на СВ. На юго-западной стороне вала, на расстоянии 1,8 м от стены ограды, возвышались 2 вертикально поставленные плиты: одна на 80 см, другая на 1 м. Они как бы указывали место входа в склеп.

Склеп исследован в 1968 г. М. П. Грязновым. Раскопку склепа вел студент-археолог И. Портнягин. Полностью была раскопана юго-западная половина склепа. Сначала вокруг нее была вскрыта полоса шириной 3 м, удален развал крепиды и слой погребенной почвы до поверхности материка. В результате этого обнажены и зачищены стены крепиды, а на окружающей площади раскопа открыты и исследованы 2 могилы около юго-восточной стены ограды (мог. 26, 27) и 6 могил возле северо-западной стены (мог. 24А—Е, 25). При этом выяснилось, что северо-западная стена крепиды сооружена поверх юго-восточного угла могилы 24А тесинского этапа, а также поверх развала надмогильного сооружения могилы 24С таштыкской культуры (см. рис. 49).

Значит, склеп был сооружен не в первые годы существования здесь таштыкского могильника, а спустя довольно значительное время, вероятно, через несколько десятков лет, когда некоторые первые могилы на кладбище уже развалились и имели вид забытых, поверх которых можно было соорудить склеп.

Крепида была сложена из плитняка, хорошо подогнанного на наружной стороне, и имела вид плотной гладкой кладки. Плиты длиной 30—60 см (часто до 1 м и больше) уложены в сухую кладку без раствора. Стены сохранились на высоту до 50—60 см. Юго-западная стена разрушена сильнее, и в ней остались местами лишь 2—3 ряда плит высотой 20—30 см. Можно предполагать, что первоначальная высота крепиды была около 80—100 см:

Внешние размеры склепа: ширина 13,3, длина 14,4 м. Толщина крепиды, вероятно, достигала почти 50—80 см. В стенах крепиды ничего похожего на вход в склеп не наблюдалось. Учитывая размеры обнесенного стенами пространства (около 150 м²), кубатуру современного каменно-земляного кольцевого возвышения над могилой, могильной ямы и бревенчатого наката над ней, надо предполагать первоначальную форму надмогильного сооружения в виде усеченной пирамиды, с вертикальными каменными стенками высотой около 1 м и плоской вершиной высотой около 2 м. В эту пирамиду было уложено большое количество камня-плитняка, но первоначальное положение и его роль в конструкции остались невыясненными.

Котлован для склепа был площадью 8×7 м, глубиной 130 см. Стены его обставлены тылом из бревнышек диаметром в среднем по 15 см (рис. 54). Вплотную к тыну поставлена клеть из толстых бревен диаметром 30—35 см, уложенных в 2 венца. Бревна в углах не врублены, а сложены в клетку. Чтобы длинные 7—8-метровые бревна не провисали, в промежутке между ними поставлены чурки высотой около 30 см, по 2—3 на каждой стене. Таким образом, получились толстые бревенчатые стены полуметровой толщины. Пол и потолок склепа тоже бревенчатые. Склеп сгорел. Огромная масса дерева (не менее 50 кубометров древесины) горела под землей при недостатке кислорода, поэтому значительная ее часть превратилась в звонкий уголь, какой получают в угольных ямах. Лучше сохранились стены и прилегающие к ним части пола и покрытия. В центральной части на значительных участках все дерево сгорело дотла.

Представляется, что склеп был устроен следующим образом. Пол сделан из гладких бревен диаметром в среднем по 15 см, плотно уложенных по направлению СЗ — ЮВ. Основной ему служили 3 матицы (бревна диаметром

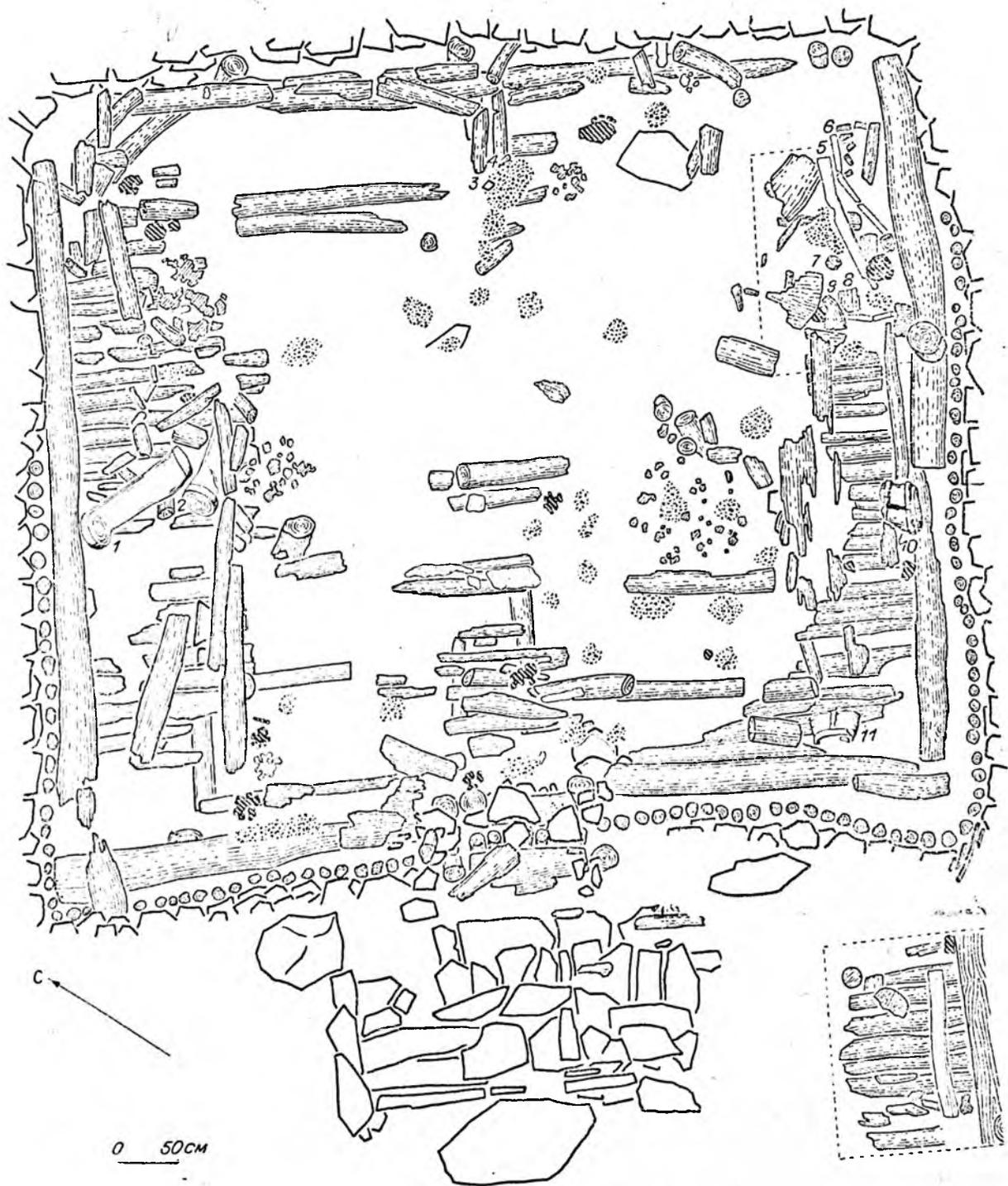

Рис. 54. Тепсей III. План склепа 1.

по 20 см), положенные на расстоянии 2,5 м одна от другой перпендикулярно к бревнам пола (см. рис. 54). Потолок сохранился значительно хуже — бревна прогнулись, посередине опустились до пола, значительная их часть полностью сгорела. Можно, однако, видеть, что потолок был настлан из бревен диаметром 20—25 см, уложенных параллельно бревнам пола.

Вдоль юго-восточной и северо-западной стен склепа на бревенчатый пол были поставлены столбы диаметром 30 см, по 4 — 6 столбов вдоль каждой стены, на расстоянии несколько более 1 м от них. Сохранились только основания столбов. Вероятно, они служили опорой для двух матиц (диаметром 30 см), лежавших поверх столбов вдоль стен (относительно хорошо сохранилась матица около северо-западной стены, как это видно на рис. 54). Таким образом, получились как бы галереи вдоль двух стен склепа шириной около 1 м. Эти матицы были, вероятно, опорой для бревен потолка. Нигде не удалось проследить, как вязались концы бревен потолка со стенами.

Для строительства склепа использовались бревна из лиственницы. На потолке во многих местах уцелели слои бересты. Сохранилась она и на наружной стороне тына. Можно предположить, что весь склеп сверху и с боков плотно укрывался берестой. Возможно, это были шитые проваренные полотнища, что, однако, достоверно проследить не удалось.

Внутреннее помещение склепа представляло собой площадь в 7×6 м, разделенную на 3 части — центральную (приблизительно 30 м²) и 2 боковые галереи (по 6 м² каждая).

Вход в склеп находился посередине юго-западной стены. Начинаясь он двумя вертикальными плитами, поставленными на высоте 50 см над поверхностью погребенной почвы. Ориентированные плоскими сторонами поперек направления входа, эти плиты образовывали как бы стенку протяженностью 2,2 м с просветом посередине в 70 см. Возможно, однако, что стенка была глухой, без просвета, на что указывает наличие небольшой плитки, врытой вертикально по линии первых двух плит. Может быть, это остатки стоявшей здесь третьей большой плиты. Перед стенкой с юго-запада лежала горизонтально большая тонкая плита размерами 120×60 см — порог, за стенкой шел ступенчатый спуск к склепу. Пять ступенек облицованы горизонтально положенными плитками. Эта пологая лестница шириной 2 м по бокам была обложена рядом плиток, служивших, возможно, основанием каких-то боковых стенок, ограждавших вход. Нижняя ступенька располагалась на уровне верхних краев стен склепа.

Как был устроен вход в деревянной части

строения склепа, осталось неизвестным. В бревенчатой стене не было входного проема, но имелись дополнительные столбы, более толстые, чем бревенная тына (до 30 см), расположенные против боковых стенок ступенчатого спуска. Выяснить их конструктивное значение не удалось. Видимо, входной проем делался в потолке склепа. Приспособлений же для спуска в склеп либо не было, либо они не сохранились.

Раскопка склепа велась в такой последовательности. Сначала по всей площади юго-западной половины удалили насыпь и развал сооружения до уровня бревен покрытия. Полученный разрез зафиксировали через середину склепа. После этого удалили насыпь и развал сооружения до того же уровня на северо-восточной половине склепа. И, наконец, произвели разборку завалившихся в могилу бревен, а затем расчистку остатков погребений на полу склепа.

Ни в разрезе, ни при разборке заполнения погребальной камеры — земли, камня и горелого дерева — достоверные следы ограбления могилы не отмечены. Следов грабительской воронки и выброса земли из ямы не обнаружено. Тем не менее нельзя утверждать, что склеп не был ограблен. Впечатление такое, что после пожара, случившегося в склепе, никто его не раскапывал. Лишь одно место вызывает сомнения, о чем будет сказано ниже. Если же склеп и был ограблен до пожара, то следы грабительского хода могли быть уничтожены обвалами горящего покрытия склепа.

Плоское ровное углубление над склепом следует рассматривать как результат обвала надмогильного сооружения. Бревенчатый потолок рухнул вниз не сразу, а, по-видимому, по частям — по мере сгорания падали вниз то одни бревна, то другие, то в одном месте, то в другом. Вместе с бревнами валились вниз и покрывавшие их земля и камни. В результате этого огонь в разных частях склепа был неравномерным. К моменту раскопок бревна покрытия оказались в разных положениях и на различных уровнях. Значительная часть их сгорела дотла. Можно было проследить только их общее положение с северо-запада на юго-восток.

Учитывая, что клеть была поставлена поверх бревенчатого пола и сложена она в 2 венца из бревен диаметром 30—35 см, можно определить внутреннюю высоту погребальной камеры примерно в 120—140 см — это соответствует глубине котлована (130 см). Потолок камеры, вероятно, настился поверх краев котлована.

Конструкция сооружения выше потолка камеры осталась не вполне ясной. В центре котлована прямо над бревнами потолка лежала

почти чистая земля с небольшим количеством плитняка. Не исключено, что центральная часть надмогильного сооружения была земляной. Во всяком случае камней здесь было мало. Множество их лежало над бортами котлована, причем располагались они не в первоначальном положении, а как бы завалились сюда сверху по направлению от периферии к центру. Это, несомненно, развал какого-то сооружения, возможно, значительно отличающегося от того, что представлено выше при рассмотрении каменной крепиды надмогильного сооружения раскопанного склепа.

Остатки всего погребенного в склепе находились на дне в слое перегорелой земли, золы и обугленной древесины. Толщина этого слоя колебалась от нескольких до 20—30 см. Около входа отдельные фрагменты и разного рода остатки встретились на высоте до 60—70 см от пола. Не следы ли это работы все-таки побывавших здесь грабителей?

Число погребенных в склепе точно не установлено. Большая часть погребенных кремирована, и в могилу положен их пепел. На плане отмечено 33 кучки пепла (см. рис. 54). Однако это не точно соответствует числу сожженных. Вероятно, их было несколько меньше, так как в некоторых случаях при обвалах горящего потолка отдельные кучки пепла могли разделиться на 2 и даже на 3 части. Но могло быть и так, что некоторые кучки пепла рассыпались по более значительной площади и, таким образом, оказались неучтенными. Мы отмечали только компактные массы пепла. Все это позволяет считать, что в склепе был погребен пепел приблизительно 30 человек.

Состав всех кучек пепла тщательно рассмотрен. Это кальцинированные мелкие осколки костей в основной своей массе меньше 1 см, но среди них часто встречались и более крупные фрагменты длиной 5—10 см, а иногда и до 15 см. В 17 случаях из 33 совершенно определенно установлено, что это кости взрослого человека. Ни разу нельзя было даже заподозрить наличие осколков костей животных или детей. Это дает право предполагать, что сожженно подвергались лишь взрослые люди.

Пепел, как правило, лежал более или менее плотным слоем, покрывая площадь от 15×15 до 50×30 см, прямо на обожженном дне склепа или в слое перегоревшей земли и углей. Возле северо-западной и юго-восточной стен, в галереях, где сохранился бревенчатый обугленный пол и множество других обугленных вещей, кучки пепла были более компактными и находились среди массы обугленной травы. В некоторых местах сохранившиеся фрагменты обугленной ткани как бы ограничивали собой кучки пепла. Впечатление такое, что пепел был завернут в ткань или, что веро-

ятнее, насыпан в мешочек, сшитый из ткани. Трава тоже была не просто рассыпана, уложена или как-то расстелена по полу склепа, а, как это удалось проследить в двух случаях по остаткам ткани и кожи, заполняла собой мешочки, от которых сохранились лишь незначительные фрагменты. В одном случае удалось взять из обугленной массы органических материалов сшитую из кожи «трубку» диаметром 6 см, набитую травой, сохранившуюся в длину на 20 см.

По наблюдениям при раскопках таштыкского могильника Барсучиха II и по аналогии с известными находками А. В. Адрианова в 1903 г. на горе Оглахты, нами было высказано предположение, что пепел сожженного человека в таштыкское время зашивали в куклу, сделанную в натуральный рост человека, и хоронили ее в могиле. Это предположение подтверждают раскопки в склепе на Тепсее и находки Л. Р. Кызласова на горе Оглахты в 1969 г. Там обнаружили 2 куклы, сшитые в натуральную величину из кожи и набитые травой, с вложенными в них мешочками с пеплом сожженного человека. Такой обычай был, по-видимому, широко распространен. Исследователи таштыкских склепов уже неоднократно отмечали, что кучки пепла находятся в специальных «гнездах», свитых из травы, или просто в «толстом слое сгоревшей травяной подстилки». Очевидно, это остатки обуглившихся, но не сгоревших кукол. Подобный обычай практиковался, вероятно, и в иные времена у других племен и народов. Например, можно предполагать его существование в эпоху бронзы у андроновцев Казахстана (Грязнов, 1970, с. 37).

Около входа на полу и несколько выше находились разрозненные кости мужчины, обгорелые (но некальцинированные), в крупных обломках, в юго-восточной галерее, недалеко от целой маски — сильно обгорелый череп взрослого человека. Это были остатки погребенных в склепе трупов взрослых людей, не подвергнутых обряду трупосожжения.

Количество погребальных масок точно не установлено. Только возле юго-восточной стены сохранилась почти полностью одна маска (X). Остальные найдены в обломках; они были разбросаны в склепе поодиночке и группами. Отмечены 9 групп, в каждой можно было бы предположить наличие обломков одной маски. В действительности оказалось, что во многих из них содержались фрагменты разных масок. Установить число находившихся в склепе масок можно только путем точного подсчета числа сохранившихся отдельных деталей масок. Нами собраны следующие части масок по группам, записанным как отдельные маски: I — несколько обломков, среди них крупный

фрагмент — правая щека и глаз, нос и рот; II — несколько обломков; III — среди многих обломков нос с верхней губой, нос со ртом, 3 уха, горло; IV — много обломков, среди них фрагмент, содержащий нос, рот и правую щеку, отдельно еще 2 носа и правое ухо; V — несколько небольших фрагментов, в том числе нос с верхней губой и подбородок; VI — мелкие обломки, в том числе нос; VII — необгорелые фрагменты плохой сохранности, среди них рот и левый глаз; VIII — много мелких фрагментов, среди них 2 уха, правое и левое, рот; IX — большой плохо сохранившийся фрагмент; X — почти вся маска в обломках.

Кроме того, много обломков масок собрано отдельно и в других местах склепа. В западном углу среди многих фрагментов оказалось 2 левых глаза и правый, 2 левых уха и 3 правых, 2 носа, 2 рта и подбородок, горло двух или трех масок. Возле северо-западной стены склепа обнаружили глаз, 2 левых и 3 правых уха, 5 носов, 2 рта, горло от четырех масок; в северном углу — нос, правое ухо, горло; в восточном углу — 2 носа, 3 рта, правое ухо, глаз, лоб; около восточной стены — правый глаз, щеку и лоб, правый глаз и щеку, левое ухо; в разных местах склепа — 3 левых глаза, 2 левых и 4 правых уха, нос, 3 подбородка, горло.

В общей сложности, помимо полной маски X, в склепе найдены уши и рты не менее чем от 15 масок и носы не менее 19 масок. Значит, наличие 20 масок в склепе совершенно достоверно. Возможно, их было несколько больше, но, очевидно, ненамного.

Все маски по технике изготовления одинаковы. На обратной их стороне видны отпечатки поверхности кожи, швов и складок. Очевидно, маски лепились на сшитой из кожи болванке, имеющей форму гладкого овала с выделенным выступом подбородка. Моделируя лицо, мастер накладывал более толстый слой пластической массы на надбровье, щеки, подбородок. Нос делался приставным. Дополнительно налеплялись уши и губы. Но, может быть, маски изготовляли не на болванке, а на сшитой из кожи и травы кукле? Лицевую часть кожаной головы куклы моделировали из белой глины и раскрашивали. В таком случае это были не маски в обычном понимании слова, а лицевая часть головы куклы, исполненная из глины. Тогда это такие же моделированные из глины головы, как и глиняные головы из тесинских склепов (Пшеницына, 1975в, с. 44—49; Мартынов, 1974, с. 237—240; Rieth, 1974, taf. 8, 1—4), только лепились они не на черепе умершего, а на кожаной голове куклы.

Материал, из которого изготовлялись маски, не определен. Это был какой-то материал типа вязкой глины, но не жидкий гипс. Маски не отливались, а лепились. Судя по уцелевшим

от огня фрагментам, вся масса маски первоначально была белой. Обгорелые фрагменты приобрели темно-серый цвет, а их масса превратилась в черепок, похожий на горшечный.

Маски раскрашивались, но краска сохранилась лишь на необгорелых фрагментах. Только на четырех фрагментах масок можно видеть характер раскраски. В одном случае это спиралевидный рисунок, в другом — ряд параллельных кривых линий (тоже спираль?) и в двух — «запятая» на щеках. По форме и раскраске маски такого же типа, что и опубликованные С. В. Киселевым (Киселев, 1951, табл. XLI—XLIII). Маска X, лучше сохранившаяся, очень похожа на маски из склепа на Сарагашенском увале вблизи Батеней (Отчетная выставка, 1924, рисунок на с. 11, правый).

Связь масок с определенными кучками пепла или фрагментами кукол и остатками костей человека не установлена.

В разных местах и тоже вне связи с определенными останками погребенных находились в склепе глиняные сосуды. Все они были разбиты, части одного сосуда оказались разбросанными далеко друг от друга. Приводим перечень керамики из склепа, на плане (см. рис. 54) они помечены косой штриховкой:

- 1) большая корчага емкостью 32 л — возле восточной стены (рис. 55, б, 3);
- 2) то же, емкостью 24 л — к югу от центра склепа (рис. 55, б, 4);
- 3) нарядный горшок со сливом и прямым горлом — в западном углу (рис. 55, б, 7);
- 4) то же, восстановлена только верхняя половина (рис. 55, б, 2);
- 5) горшок без выделенного горлышка, восстановлен частично по черепкам (рис. 55, б, 5);
- 6) горшок с низким горлышком и сосковидными бугорками на плечиках — в северном углу (рис. 55, б, 1);
- 7) небольшой сосуд баночной формы, восстановлена только верхняя половина (рис. 55, б, 6);
- 8) то же, без орнамента, восстановлена половина сосуда по всей его высоте;
- 9) крышка (?) или сосуд своеобразной формы в виде диска с цилиндрической чашей на нем (подобный см.: Кызласов, 1960, рис. 12, 4);
- 10) отдельные фрагменты не менее 10 горшковидных и баночной формы сосудов с несложным орнаментом или без орнамента. Среди них фрагмент конического поддона и черепок с налепным ушком.

Всего, таким образом, в склепе было не менее 19 сосудов. Только 3 из них удалось собрать полностью и 6 частично. От 10 сосудов сохранились лишь небольшие фрагменты. Вероятно, это результат деятельности грабителей, выбросивших значительную часть керамики из склепа.

Кости животных, большей частью обугленные (но некальцинированные), находились

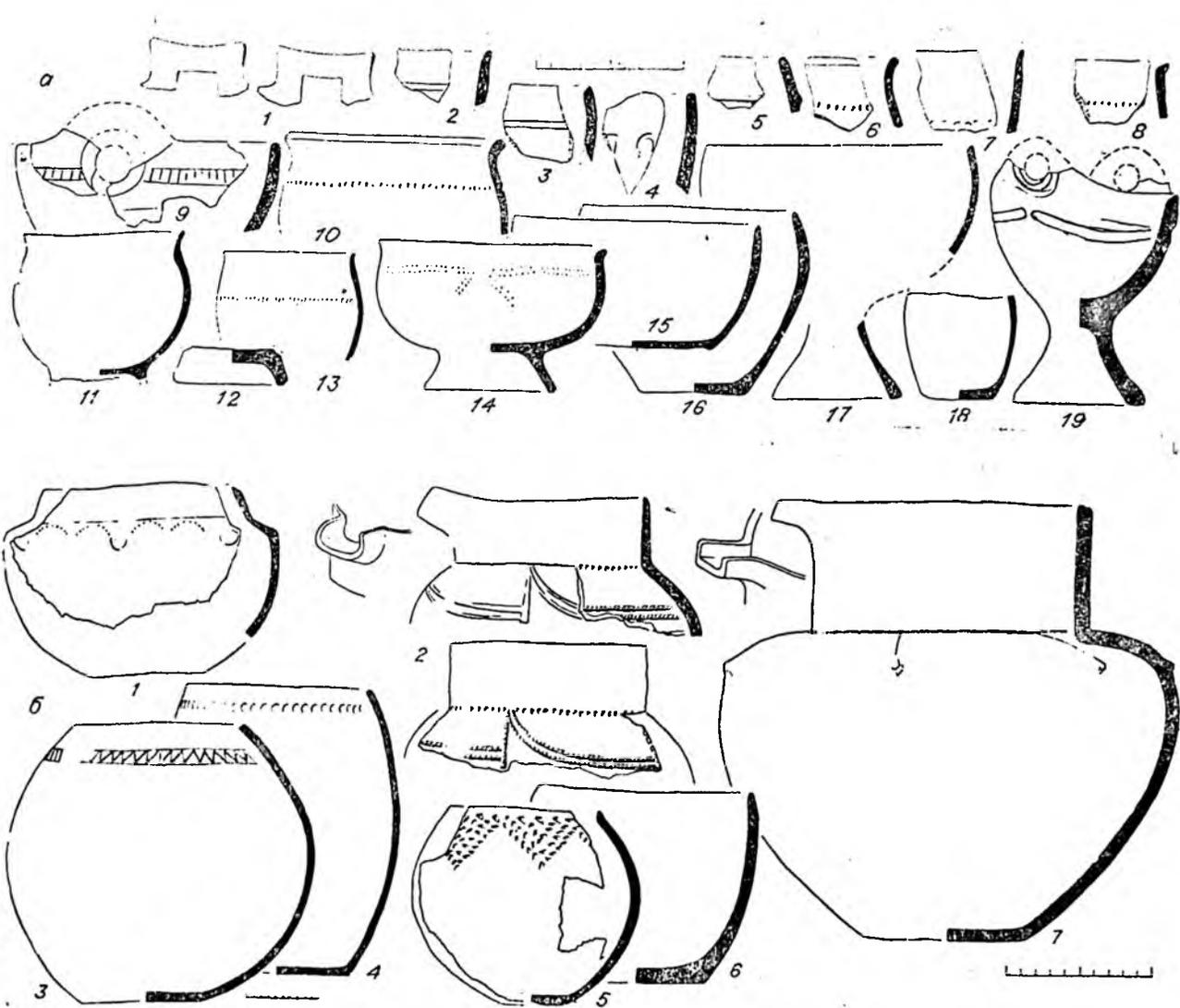

Рис. 55. Тепсей III. Керамика из склепов 1 (б), 2 (а).

преимущественно в средней части склепа. Поскольку в таштыкских склепах они, как правило, не являются остатками положенной в могилу пищи, мы приводим их перечисление не по видам животных, а по категориям: 23 лопатки, из них 16 овцы (не менее 10 особей), 1 козы, 1 косули; 52 астрагала, из них 7 овцы и 45 косули: на 3 астрагалах косули были вырезаны различные знаки (рис. 56, 37—39), 9 — с круглыми отверстиями, 1 — с зарубками по боковому краю и 4 овечьих астрагала — со сточенным боком; 5 астрагалов и 4 пяточные кости коровы (не менее 3 особей): их надо рассматривать как положенные в могилу условные части (пятка) жертвенного животного, о чем будет сказано ниже при описании малых склепов; 5 фаланг I (бабки) лошади не менее двух особей.

Остальные немногочисленные кости можно рассматривать как остатки положенной в могилу пищи: 7 плечевых костей (не менее 5 особей), большая берцовая, крестец и пяточная овцы, обломок большой берцовой кости косули, 2 позвонка и фрагмент таза мелкого парнокопытного, ближе не определенного. Все эти кости находились разрозненно в разных местах и не были приурочены к каким-либо предметам или определенным частям склепа.

Металлические, костяные и каменные предметы в склепе немногочисленны. Вот их перечень: 1) парные бронзовые головки коня, 4 из них более массивные, литые (рис. 56, 2, 8, 20, 22), остальные тонкие, вырезанные из бронзовых пластинок; 2) бронзовые кольцо и колесико, оба литые (рис. 56, 24, 25); 3) три бронзовые маленькие пряжки с неподвижным

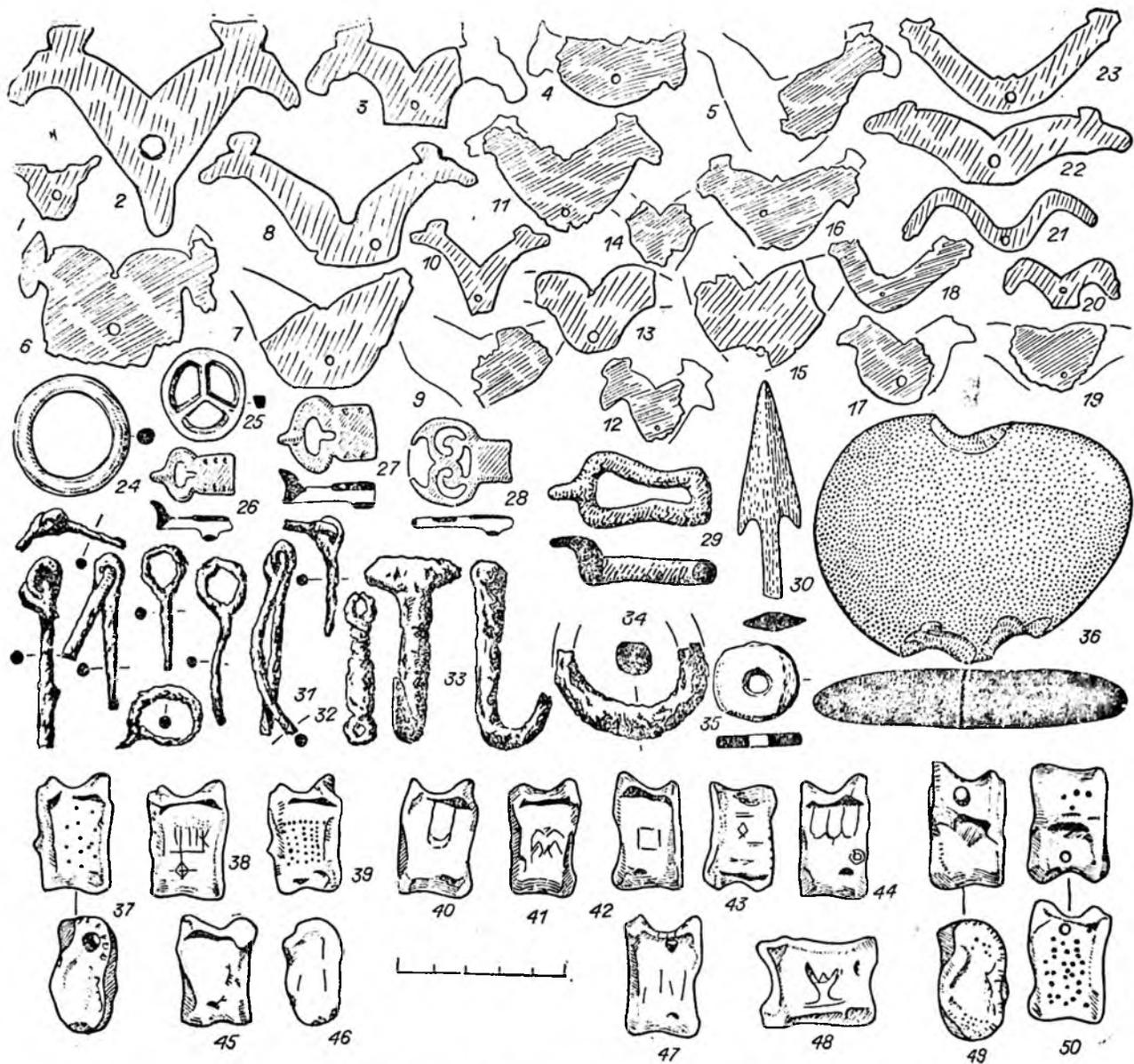

Рис. 56. Тrepсей III. Вещи, обнаруженные в склепах:

Изделия: 1—28 — бронзовые; 29, 31—34 — железные; 33 — из кости; 35, 36 — каменные. Астрaгалы: 37—39 — склеп 1; 40—44 — склеп 3; 45, 46 — склеп 4; 47 — мог. 40; 48, 49 — мог. 42; 50 — мог. 2.

крючковидным язычком (рис. 56, 26—28); 4) железная пряжка с таким же язычком (рис. 56, 29); 5) два обрывка тонких золотых листков; 6) железные миниатюрные удила, изготовленные из тонкой проволоки, обломки не менее 10 экз. (рис. 56, 31); 7) железный крючок (рис. 56, 33); 8) железный витой стерженок (рис. 56, 32); 9) обломок железного кольца или круглой пряжки диаметром 4,5 см (рис. 56, 34); 10) несколько обломков различных железных предметов — ножей (?), скобок, обойм; 11) костяной наконечник стрелы (рис. 56, 30); 12) песчаниковое пряслице (рис.

56, 35); 13) каменное грузило из плоской гальки-плитки (рис. 56, 36).

В склепе, несомненно, было много деревянной и берестяной посуды и утвари, но уцелело лишь незначительное количество, преимущественно вдоль стен в массе обугленного дерева. Некоторые предметы утвари сохранились почти полностью, большая же часть — в отдельных фрагментах, причем часто настолько мелких, что по ним невозможно определить, частью какого предмета они являлись, поэтому некоторые из них могли не привлечь наше внимание. Реставрация этих вещей тре-

бует большого труда и много времени. Пока она не завершена, оставшаяся часть вещей детально не изучена и точное число предметов, их форма и размеры окончательно не установлены. Следующий ниже перечень найденных в склепе деревянных предметов по окончании реставрации может быть дополнен и в отдельных случаях исправлен:

7 — круглое деревянное дно от сосуда или коробки с деревянными (?) стенками, пришитыми четырьмя ремешками, найдено в юго-восточной галерее (рис. 58, 9).

8 — такое же деревянное дно или крышка, обнаружен предмет там же;

9 — фрагмент деревянной крышки (?) от круглого сосуда или коробки диаметром около

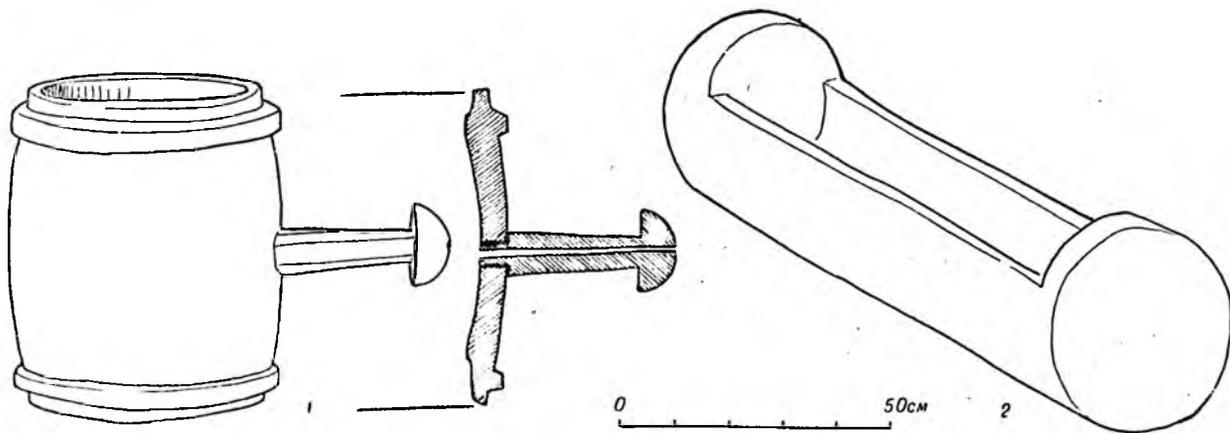

Рис. 57. Тепсей III, склеп 1:

1 — деревянный бочонок; 2 — корыто (реконструкция).

1 — две (длиной 1 м) долбленные колоды или корыта (рис. 57, 2). Лежали в галерее, посередине северо-западной стены (см. рис. 54, 1 и 2);

2 — долбленный бочонок со вставными днищами и длинным носком посередине (рис. 57, 1). Стоял прислоненный к юго-восточной стене склепа (см. рис. 54, 10). Раздавлен и раскололся на много мелких частей;

3 — фрагмент дна и стенок такого же бочонка в северо-западной галерее, поверх колоды 2 (см. рис. 54);

4 — берестяной кошель в южном углу склепа размерами 40×25×15 см (см. рис. 54, 11);

5 — деревянный кубок очень своеобразной формы — трехгранный, с треугольным устьем, на двух треугольных ножках (рис. 58, 1—5). Вся наружная поверхность его покрыта шахматным узором — квадратные клетки, оклеенные полосками соломы (?), чередуются с гладкими клетками. Обнаружен примерно на середине юго-восточной галереи, рядом с маской. Половинка подобного предмета была уже найдена ранее в одном из таштыкских склепов, но поверхность его излома была в древности выстругана ножом, вещь казалась целой, но непонятной (Кызласов, 1960, с. 121, рис. 38, 2). Теперь установлено, что это лишь половинка предмета, назначение которого (как и самой половинки) для нас остается неясным;

6 — ножка предмета, подобного предыдущему;

15 см. На лицевой стороне имеется резной орнамент в виде четырехлепестковой сетки-розетки. Найден в юго-восточной галерее;

10 — фрагмент деревянной крышки от овальной коробки. Орнамент в виде глубоко врезанных спиралевидных линий (рис. 58, 8). Встречен в юго-восточной галерее;

11 — фрагмент деревянного донца от овальной шкатулки, ширина 7, длина не менее 15 см. Стенки прикреплялись ремешками. Лежал в юго-восточной галерее;

12 — фрагменты еще одной деревянной шкатулки — донца и стенки. Обнаружены в юго-восточной галерее;

13 — фрагмент деревянной чашечки. Найден там же;

14 — планка 1, трехгранная, с рисунками. Сохранилась в мелких фрагментах. На одной стороне звери (маралы) и человек, на другой — всадники, на третьей — пешие воины (рис. 60, 1—3). Находилась в центре склепа, близко к северо-восточной стене;

15 — планка 2, с рисунками — фрагмент длиной 44 см. На одной стороне звери (лось и медведь), на другой — воины, конь и другие изображения (рис. 59, 1—2). Найдена там же;

16 — планка 3, с рисунками — 2 фрагмента длиной 42 см. На одной стороне звери (маралы и лось), на другой — воины, медведь и другие изображения (рис. 59, 3—4). Обнаружена там же. Один конец ее лежал параллельно вплотную с концом предыдущей планки на

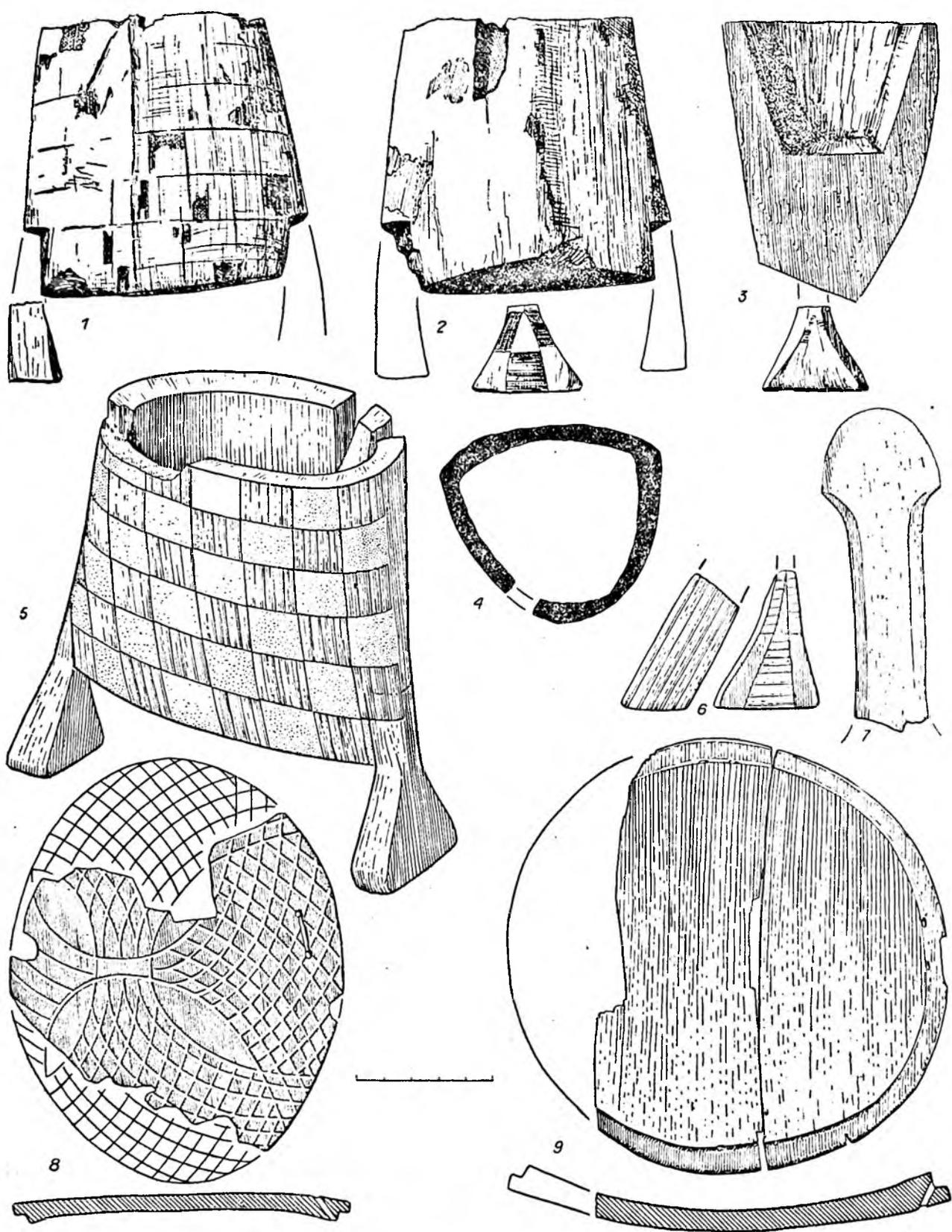

рис. 58. Тепсей III, склеп 1:

Деревянные предметы: 1 — «кубок» на двух ножках; 2 — он же с другой стороны и его ножка; 3 — он же, в разрезе; 4 — он же, в сечении сверху; 5 — он же, реконструкция; 6 — ножка такого же «кубка»; 7 — ручка от планки с рисунками; 8 — крышка от коробки; 9 — донце от сосуда или коробки.

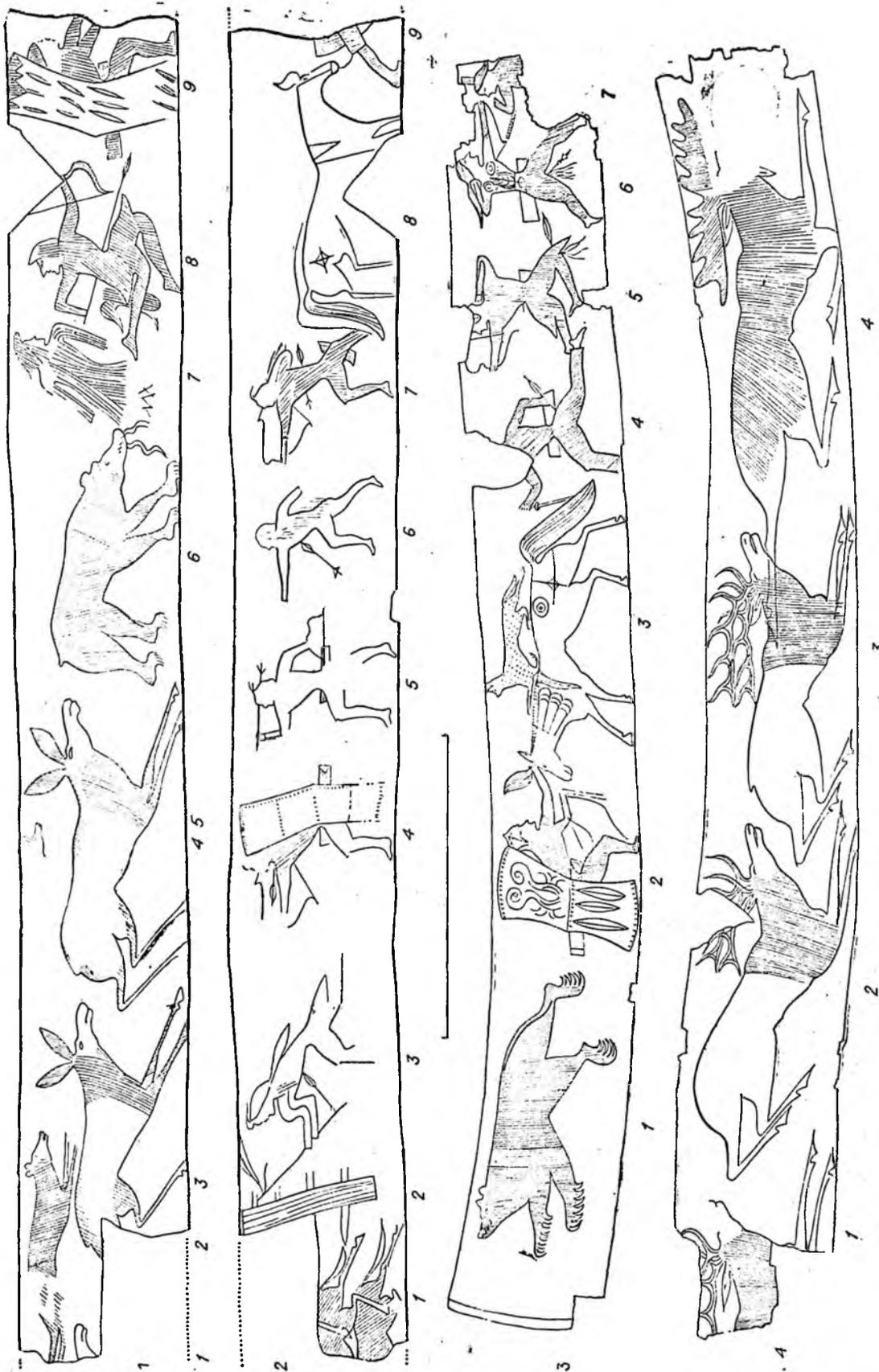
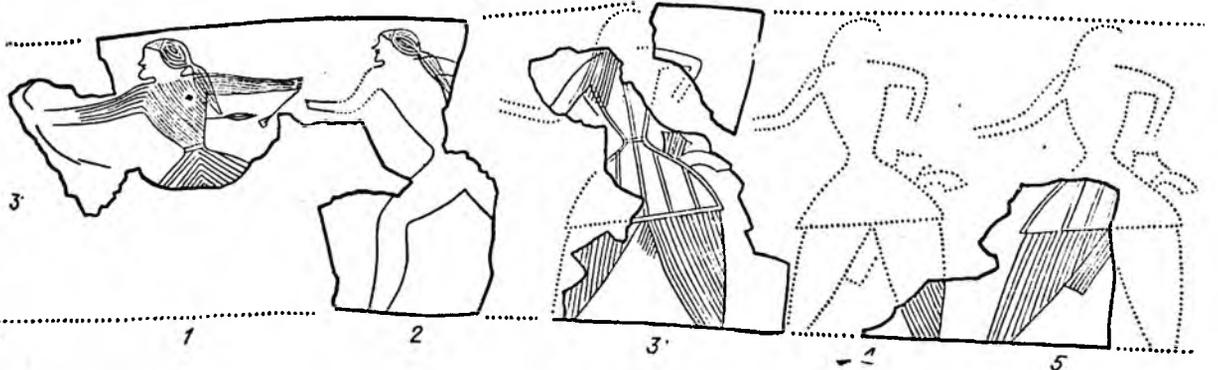
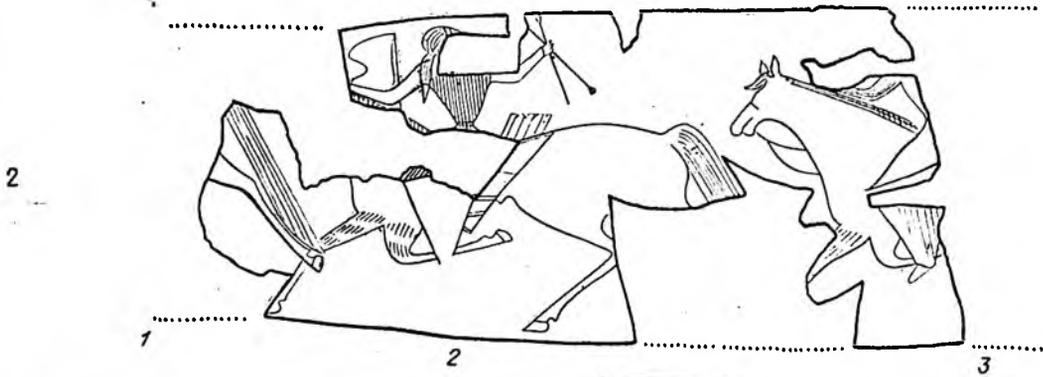
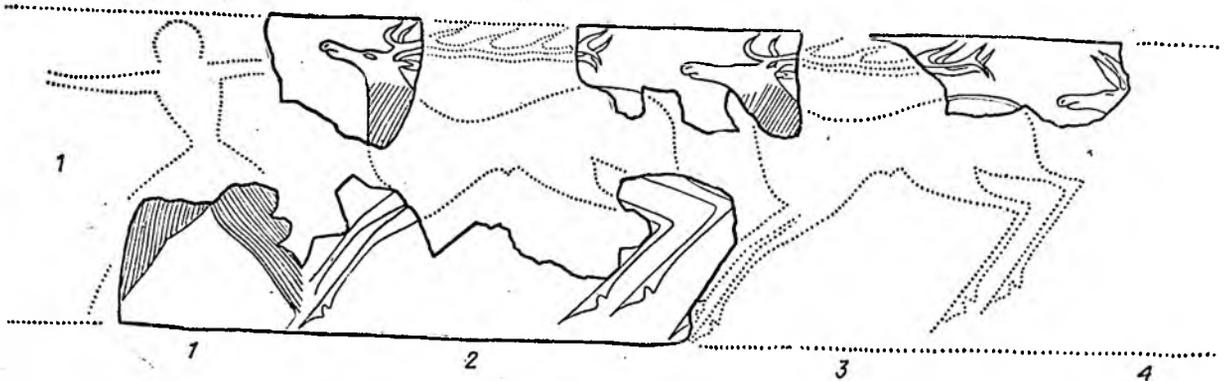

Рис. 59. Тетсей III, склеп 1:
 Деревянные обугленные планки: 1, 2 — планка 2; 3, 4 — планка 3.

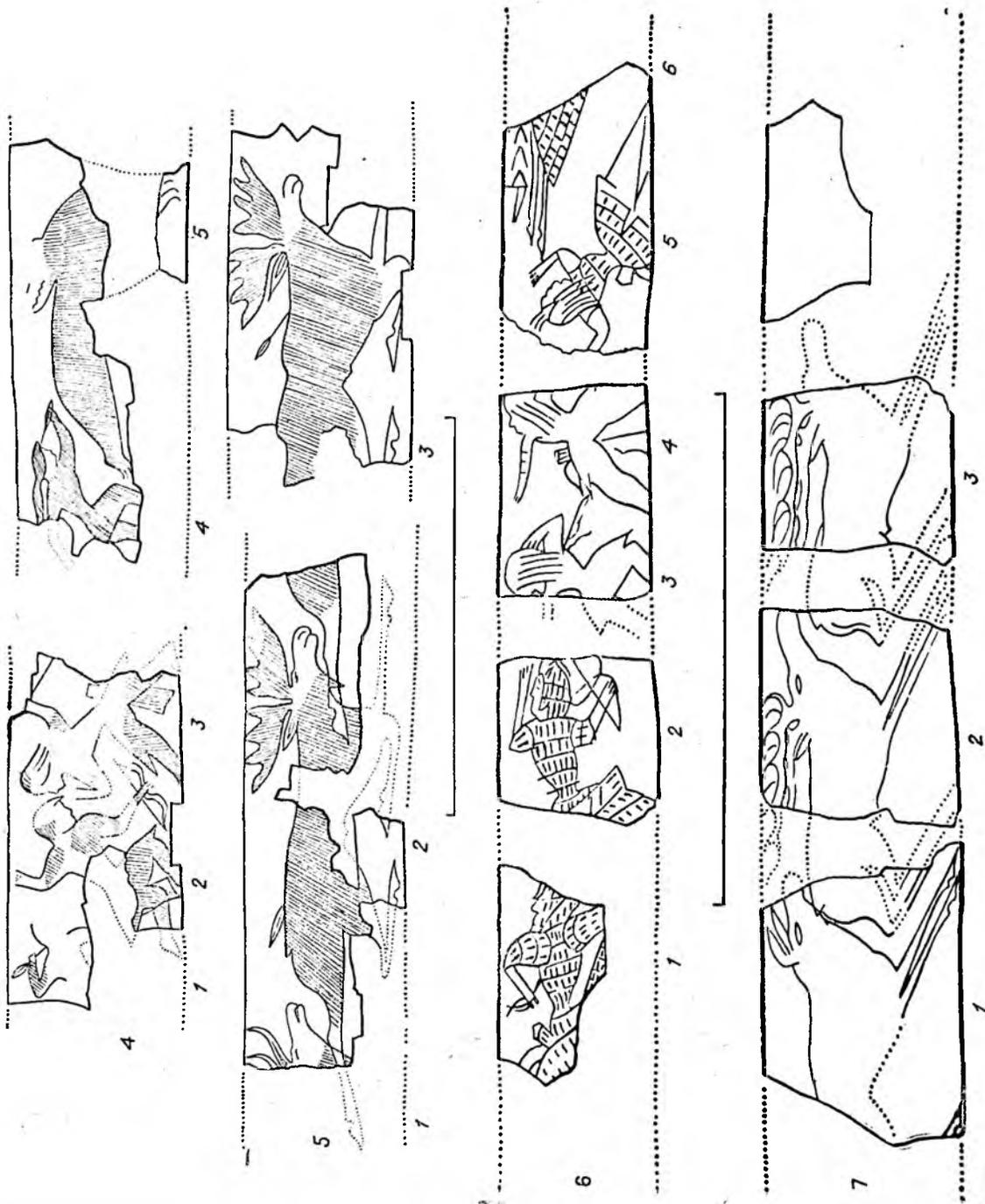

Рис. 60. Тейсей III, склеп 1:
 Деревянные обугленные планки: 1-3 — планка 1; 4, 5 — планка 8, 6, 7 — планка 7.

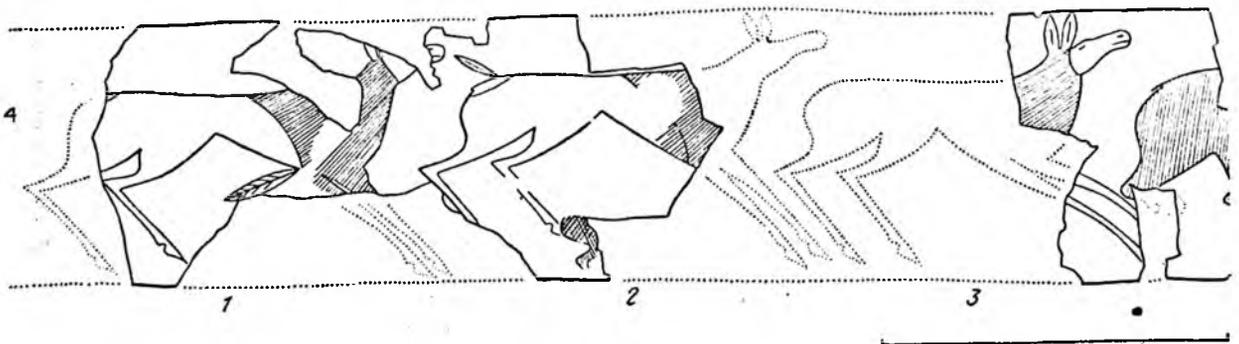
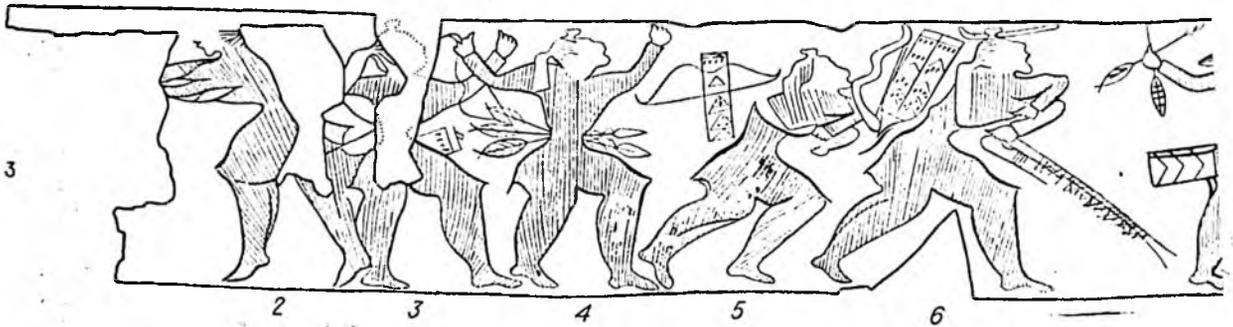
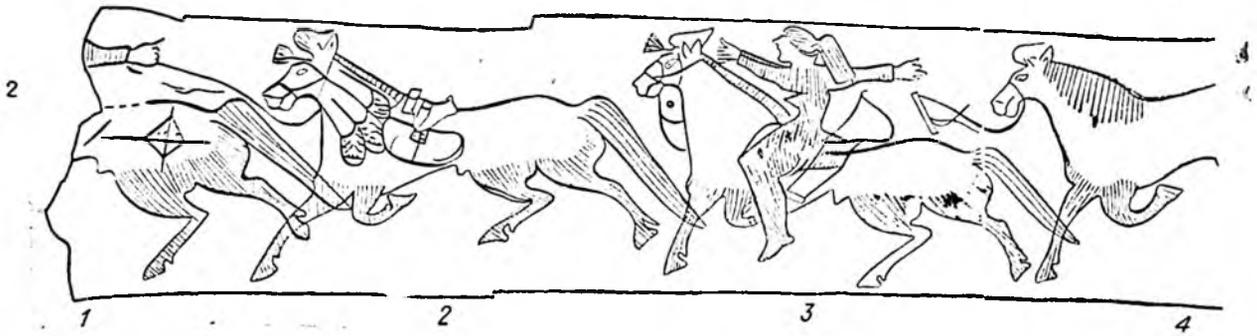
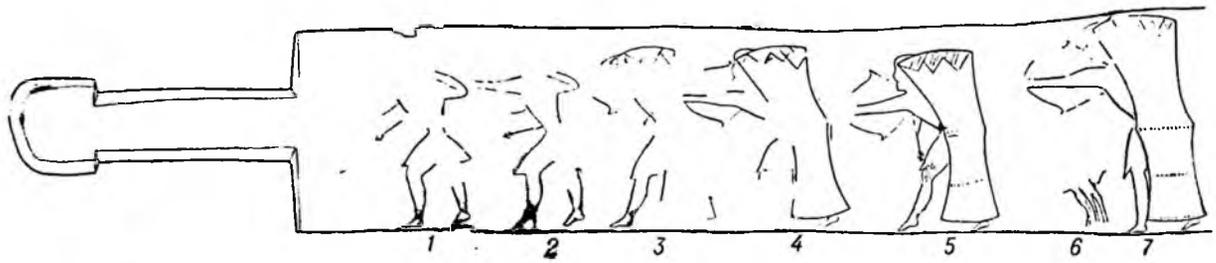
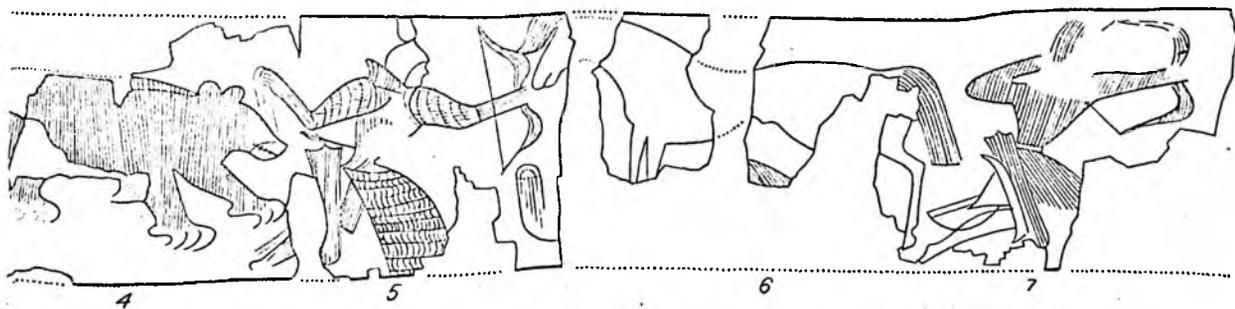
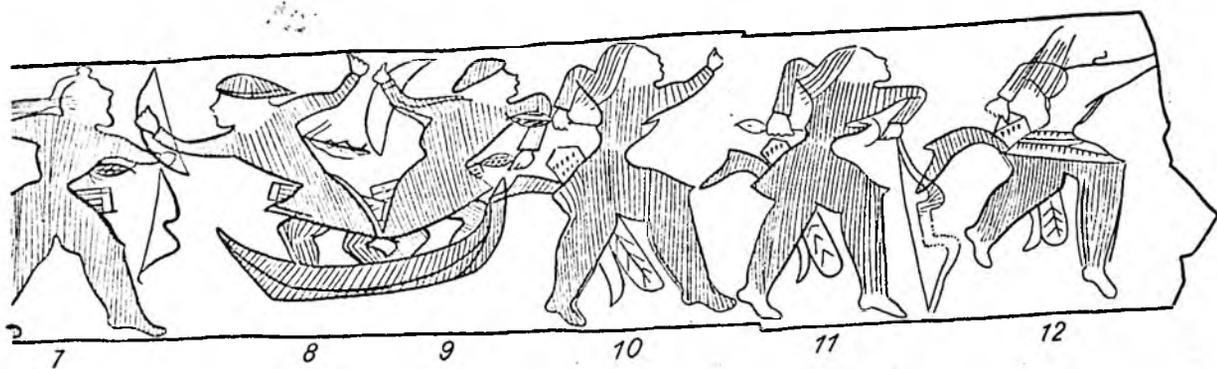
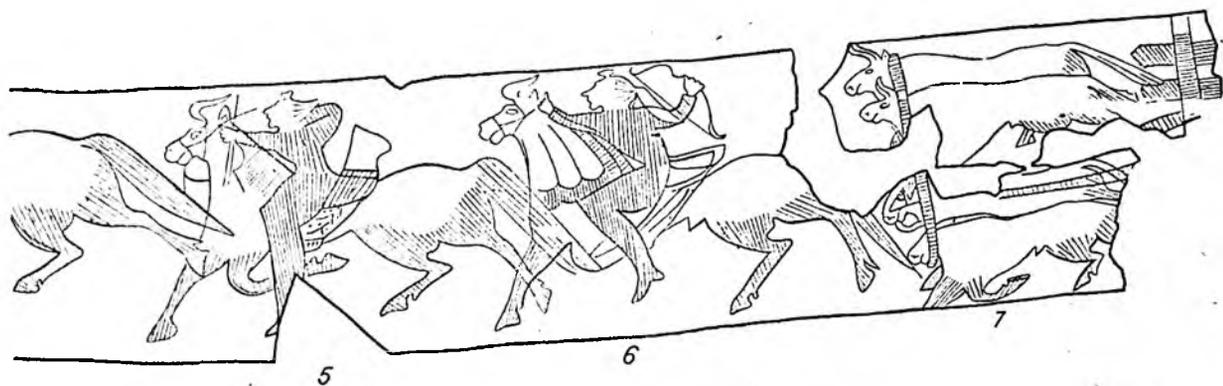
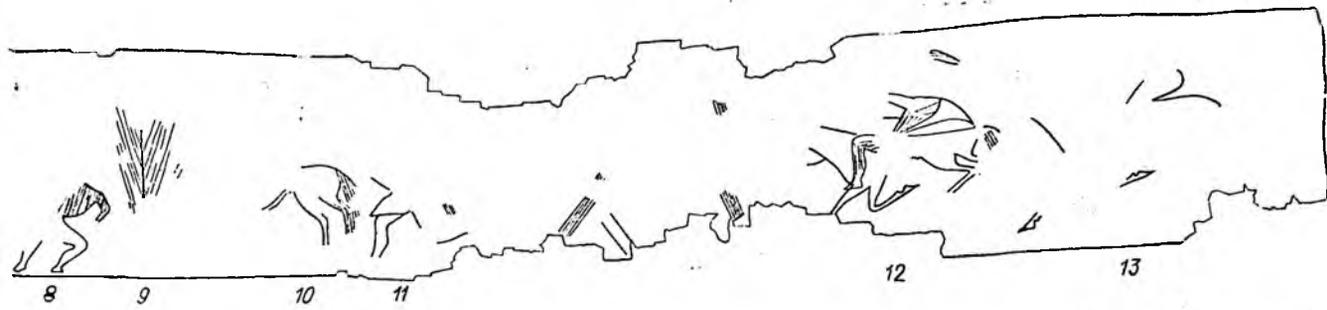

Рис. 61. Тепсей III,
Деревянные обугленные планки: 1 —

склеп 1:
 планка 5, 2, 3 — планка 4, 4 — планка 6.

протяжении 15 см, а остальные фрагменты обеих планок находились поблизости разрозненно;

17 — планка 4, с рисунками — фрагмент длиной 63 см. На одной стороне всадники, на другой — воины, пешие люди и люди в лодке (рис. 61, 2—3). Найдена почти в середине северо-западной галереи к востоку от колоды 2;

18 — планка 5, с рисунками, полностью сохранившаяся, длиной 110 см, с рукояткой (рис. 61, 1). На одной стороне изображены звери (маралы, волк, птица), на другой, плохо сохранившейся, — воины, всадник и др. Находилась в юго-восточной галерее (см. рис. 54, 5).

19 — планка 6, с рисунками — 4 разрозненных фрагмента общей длиной около 68 см. На одной стороне изображены маралы и лось, на другой — воин в латах, маралы, медведь и конь (рис. 61, 4). Лежала в центре склепа;

20 — планка 7, с рисунками — несколько мелких фрагментов. На одной стороне звери, на другой — воины в латах, раненые или убитые (рис. 59, 6, 7).

21 — планка 8, с рисунками — 2 отдельных фрагмента общей длиной около 24 см. На одной стороне лоси, на другой — медведь (?) и воины в схватке (рис. 59, 4, 5).

22 — несколько мелких фрагментов других подобных планок;

23 — рукоятка от планки (рис. 58, 7). Лежала напротив северо-восточной стены (см. рис. 54, 4);

24 — скульптурная деревянная фигура оленя (?). Голова и ноги фигуры не сохранились. Длина около 25 см;

25 — совершенно такая же фигура. От одной ее ноги уцелела нижняя часть с копытом;

26 — фрагмент скульптурной фигурки животного (круп), подобной двум предыдущим, но значительно меньших размеров;

27 — фрагмент скульптурной детали какого-то деревянного предмета. Имеет форму токарного изделия (рис. 62, 1). Верхняя шаровидная часть его со спиралевидным резным орнаментом. Найдена в юго-восточной галерее;

28 — фрагмент неизвестного деревянного предмета с глубоким продольным желобком (см. рис. 66, 9);

29 — фрагмент деревянной стойки какого-то предмета, может быть, ложа (рис. 62, 2—4);

30 — три деревянные шестигранные ножки от столика (?) (см. рис. 66, 4, 5);

31 — деревянная чаша (?) во фрагментах;

32 — толстая берестяная пластинка трапециевидной формы со множеством следов резания на ней острым ножом на одной стороне (см. рис. 66, 10);

33 — фрагмент доски сечением 17×2,5 см, длиной более 30 см. Вероятно, это часть какого-то большого предмета;

34 — три фрагмента неизвестного плоского деревянного предмета толщиной 2,5 см. Один из них имеет криволинейно обрезанный край (см. рис. 54, 7—9).

35 — фрагменты деревянной планки сечением 7×1 см. Найдены в юго-восточной галерее;

36 — то же, сечением 3×2 см. Обнаружены там же;

37 — фрагменты многих различных планок, дощечек и брусков. Найдены в средней части склепа в юго-восточной галерее;

38 — фрагменты тонкой жерди с багровидным окончанием. Длина 120 см (см. рис. 54, 6);

39 — деревянный брус шириной 10 см, длиной более 120 см.

Исследованный памятник следует признать типичным таштыкским склепом и по устройству, и по погребальному обряду, и по составу основной массы найденных в нем вещей. Склеп представлял собой просторную камеру с массивными стенами, состоявшими из бревенчатого тына и сруба-клетки, с бревенчатым потолком, закрытую со всех сторон берестой. Как и большая часть других, склеп I сгорел, но многие деревянные части обуглились и таким образом сохранили свою форму. В этом склепе, как и в других, погребен пепел умерших наряду с захоронением людей, которые не подвергались сожжению. В склепе обнаружены более 20 погребальных масок и обычные вещи: бронзовые парные головки копий, миниатюрные железные удила, бронзовые пряжки с неподвижным язычком, множество астрагалов овцы и козули, обычная для таштыкских склепов керамика и обугленные остатки различной деревянной и берестяной утвари, в том числе бочонки с трубой посередине и шкатулки с орнаментированными крышками.

При исследовании склепа удалось проследить некоторые новые детали. Во-первых, среди астрагалов, которые обычно археологи называют овечьими, большая часть, оказывается, принадлежит козуле. При этом разного рода знаки, фигурки и просверленные отверстия имеются только на астрагалах козули, а не на овечьих. Это особенность не только данного склепа, но, очевидно, и остальных. При изучении материалов раскопок Красноярской экспедиции выяснилось также, что среди так называемых «овечьих» астрагалов, обнаруженных в могилах и поселениях, помимо значительного количества астрагалов козули, встречаются также астрагалы архара и кабарги. Отсюда вывод — к определению найденных при раскопках астрагалов необходимо обязательно привлекать зоолога, дабы не относить огульно все астрагалы к овечьим.

Удалось подтвердить новыми наблюдениями, что таштыкцы погребали пепел умершего

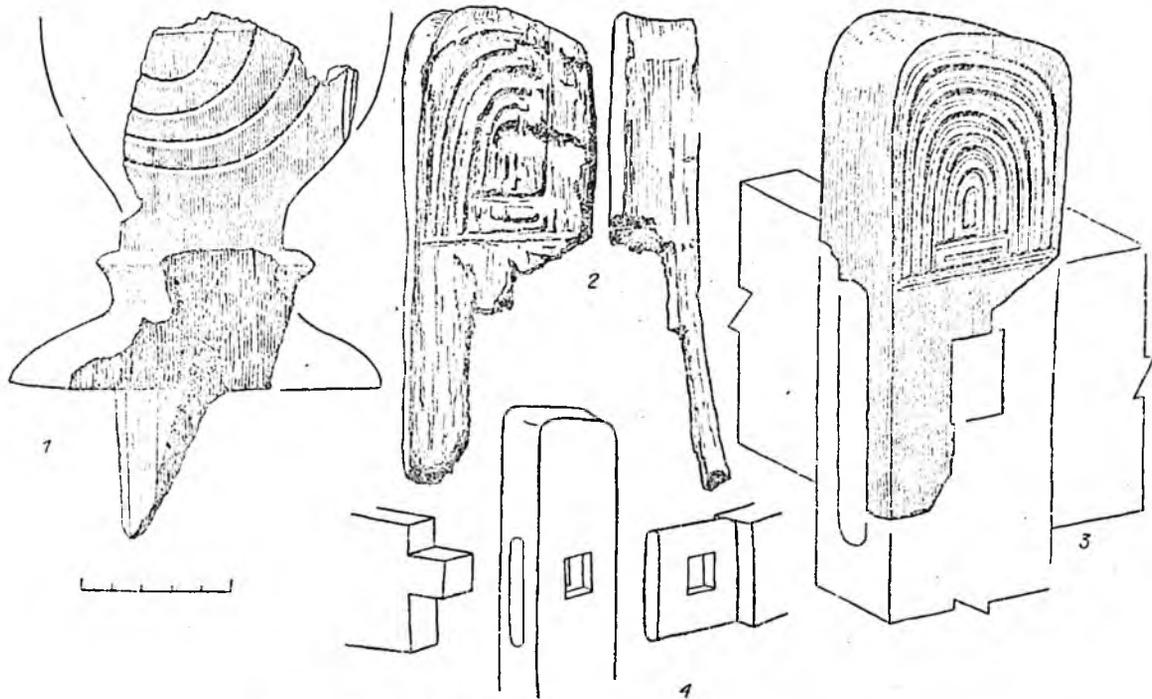

Рис. 62. Тепсей III, склеп I.

Деревянные вещи: 1—деталь какого-то предмета (навершие); 2—фрагмент угловой стойки; 3—ее реконструкция; 4—то же, в разобранном виде.

защитым в куклу, сделанную в натуральную величину. Теперь можно утверждать, что кучки пепла, найденные в «гнездах», свитых из травы, и в слое «сгоревшей травяной подстилки» (Кызласов, 1960, с. 76), представляют собой остатки обугленных кукол, внутри которых положен мешочек с пеплом умершего. Значит, в таштыкских склепах хоронили куклы, изображавшие умерших, а пепел от покойника помещался внутри куклы.

Совершенно новым явилось открытие в этом склепе обугленных планок с сохранившимися на них многофигурными рисунками. Планки, длиной до 1 м, шириной 6—12 см, с рукояткой на одном конце, покрывали едва заметные тонкие рисунки, вырезанные острием ножа. На одной стороне планки обычно изображались бегущие олени, лоси, медведь, волк и другие звери, на другой — батальные сцены — композиции на темы героического эпоса и исторических повестей. Обнаружена планка, на одной стороне которой вырезаны батальные сцены, на другой — мчащиеся всадники-воины. На единственной трехгранной планке каждая грань покрыта рисунками одного из трех указанных сюжетов — бег зверей, мчащиеся всадники и батальные сцены. В целом же все сюжеты посвящены военным и военно-охотничьим темам. На планках изображены всадники и пешие воины с луком и стрелами, иногда в боевых доспехах. Они бегут, стреляют,

мчатся на конях, падают — убитые и раненые. Показаны также картины битвы, угона военной добычи, погони, сражения на лодке и другие, большей частью пока нами не понятые. Сохранившиеся на планках рисунки, несомненно, представляют собой лишь контуры бывших здесь полихромных изображений. Это древнейшие в Азии миниатюры (III—IV вв. н. э.), стилистически совершенно своеобразные. Они оставлены обществом, не имевшим еще ни государственности, ни письменности, в то время как все известные нам древние миниатюры и стенные росписи на героические темы создавались в государствах с классовым обществом, с развитой письменностью и литературой.

СКЛЕП 2

Самый большой в могильнике, занимает доминирующее положение. Это пологое возвышение высотой до 50 см, прямоугольное, с обширной впадиной посередине, глубиной до 40 см от высших своих точек, имеет вид широкого каменистого вала, образовавшего прямоугольник (16×13 м), впадина внутри которого была ровной, без камней. По всем сторонам вала, кроме юго-западной, отчетливо виднелся верхний наружный край каменной кладки — стены, выложенной из плитняка.

Возвышенные каменистые места памятника заросли кустами караганника.

Склеп исследовался в течение двух полевых сезонов. В 1969 г. с поверхности памятника была удалена земля — обнажены (отпрепарированы) каменные стены и развалы камней; в 1970 г. убраны развалы камней, расчищены каменные стены (крепида), все деревянные конструкции склепа и разобрано его заполнение. В 1969 г. раскопку склепа вела Л. А. Иванова, в 1970 г. — Н. Л. Подольский. В 1970 г. уровень воды в водохранилище поднялся выше пола склепа, и последние две недели работ участникам экспедиции приходилось вычерпывать из склепа ежедневно сотни ведер воды. Расчистка юго-восточной стены склепа и прилегающих углов (сруба, тына, берестяного покрытия) производилась уже тогда, когда склеп был почти доверху затоплен водой.

Раскопки велись следующим образом. После зачистки каменных стен и развалов были удалены развалы камней со всей площади и с двухметровой полосы вокруг памятника. Площадь раскопа составила 20×16 м. С северо-западной стороны раскоп соединился с соседним раскопом. При этом вокруг склепа открылось 6 могил таштыкского времени, преимущественно детских (мог. 52—55, 60). Камней в развале оказалось сравнительно немного. Несколько больше их было вдоль юго-западной стены, где находился вход в склеп, и многие из них имели характерную красную окраску — результат действия сильного огня. Видимо, эти камни являлись покрытием сгоревшего склепа и были выброшены грабителями.

Стены сложены из плитняка, преимущественно мелкого, но отмечено также много крупных плит длиной 100—120 см. Кладка сухая, плотная, с наружной стороны хорошо выровненная. Лучше всего сохранилась северо-западная стена. Так как верхние плиты ее завалились внутрь, измерить высоту стены было невозможно, но она хорошо определяется по промерам сползших, но не утративших связь друг с другом плит. Высота ее несколько более 1 м, толщина — почти 1,5 м. Перед нами предстало прямоугольное каменное сооружение с закругленными углами. Его размеры 13,5×11,5 м, высота 60—70 см. Вход в склеп был устроен посередине юго-западной стены. Здесь, отступив на 70 см от внешней поверхности стены, стояли вертикально 3 тонкие плиты, закрывавшие собой вход и возвышавшиеся на 80 см над поверхностью степи (первоначальная же их высота, вероятно, около 1,5 м).

Внешний вид склепа представляется таким. Над склепом была воздвигнута прямоугольная каменная крепида высотой несколько более 1 м, заполненная поверх деревянных сооружений склепа землей. Земляная часть сооруже-

ния возвышалась в виде плоской усеченной пирамиды на 2,5 м над окружающей степью. Поскольку вся земляная масса надмогильной пирамиды состоит из черной гумусной земли, а грунт окружающей местности — это пески и галечник, следует полагать, что пирамиду над склепом насыпали не из грунта, взятого где-то поблизости, а складывали из дерновиц, нарезанных с большой площади лугов. Так же сооружались земляные пирамиды и над остальными тремя склепами у горы Тепсей.

Наличие таштыкских склепов «под усеченно-пирамидальными курганами» предполагал Л. Р. Кызласов, но проследить более конкретно их устройство он не мог, так как каменно-земляные сооружения над склепами в те годы не раскапывались. Его высказывание о том, что «усеченно-пирамидальные курганы» распространены только на левобережье Енисея, не подтвердилось (Кызласов, 1960, с. 15 и сл.). Тепсейские склепы находятся на правом берегу.

Дальнейшая раскопка склепа велась по четырем секторам с оставлением двух бровок полуметровой ширины по линиям разрезов, пока не были открыты деревянные конструкции склепа. Графическую документацию раскопок вел архитектор Л. Н. Баранов. Он опубликовал краткое, но довольно полное и ясное описание устройства склепа и дал его реконструкцию (Баранов, 1975, с. 162—165). Это позволяет нам ограничиться здесь описанием склепа лишь в общих чертах, отсылая читателя за подробностями к статье Л. Н. Баранова.

Квадратная камера склепа сооружена в котловане размерами 9×9×1,2 м. Сруб-клеть сделан в 4—5 венцов из толстых лиственничных бревен диаметром по 35—45 см и поставлен на дно котлована. Он окружен плотным тыном из бревен диаметром 18—20 см. Эти тынные стены, а также потолок покрыты в несколько слоев большими листами бересты. Бревна потолка покоились концами на стенах камеры, а посередине — по-видимому на матице, которая концами лежала тоже на стенах, а серединой — на двух столбах. Камера наполовину была погружена в котлован. Первоначальная высота внутри составляла 2,2 м, полезная площадь — около 50 м² (7×7 м).

Вход в камеру был устроен посередине юго-западной стены на уровне древней почвы (рис. 63) и представлял собой широкий коридор трапециевидной формы, длиной 3,5 м, шириной 4,5 и 2,5 м (внутренние размеры). В погребальную камеру он открывался в верхнюю половину сруба прямоугольным проемом шириной 1,3, высотой 1,1 м, снаружи же закрывался длинной плитой во всю ширину входа (2,5×0,35 м), служившую, возможно, порогом,

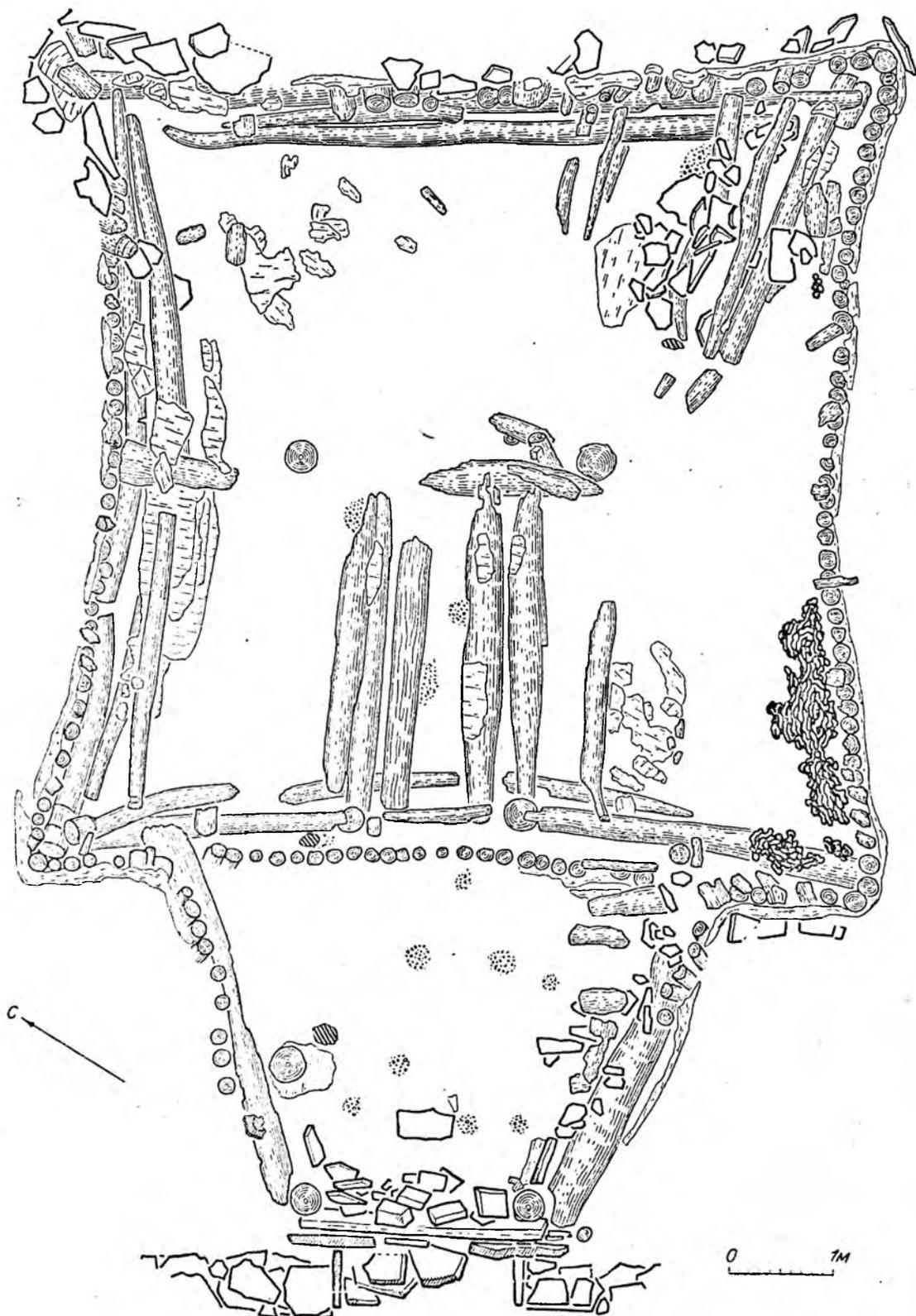

Рис. 63. Телсей III, склеп 2. План на уровне остатков потолка.

а затем тремя вертикально поставленными плитами, перед которыми стояли в виде контрфорсов тонкие высокие плиты, обрамлявшие устроенный здесь в каменной крепиде склепа проем. Стены входного коридора, как и в камере-склепе, составлены из сруба-клетки, затем тына и, наконец, берестяного покрытия. Потолок на высоте 1,1 м наслан из поперечно уложенных бревен. В дальнейшем описании северо-западная стена и сторона склепа будет называться левой (по отношению к входу), юго-восточная — правой, северо-восточная — передней и юго-западная — задней.

Склеп сгорел. Особенно пострадали потолок и верхняя часть стены. Нижняя часть сооружения обуглилась и местами великолепно сохранилась. Потолок в значительной части сгорел дотла. Уцелевшие части его прогнулись и посередине опустились почти до самого дна. Кое-где жар достигал такой степени, что плиты девонского песчаника плавилась, образуя стекловидные натеки, например справа от входа над углом сруба. Останки всего погребенного в склепе местами тоже сгорели без остатка, местами обуглились, иногда же идеально сохранились. Характерно, что уцелевшие от огня части бревен потолка и покрывавшей их бересты обгорели снизу, а сверху не имели следов огня. Следовательно, камера горела изнутри и источник огня был внутри камеры. Предположение Л. Н. Баранова о том, что склеп загорелся от сильного жара большого костра, прокалившего толщу земли над потолком и воспламенившего таким образом потолок, не может быть принято.

В склепе устроены два яруса полатей. Они насланы из 20-сантиметровых бревен вдоль боковых стен, правой и левой, а затем вдоль передней стены (рис. 64). Ширина их 130 см, высота 1-го яруса над полом 60 см, 2-го — 120 см. Погребенные были уложены на этих полатях, а также на полу и во входном коридоре. К моменту раскопок полати опустелись почти до самого пола, а верхний ярус их лежал на нижнем, спрессовав все, что находилось на полатях 1-го яруса.

От погребенных людей в склепе сохранились лишь многочисленные кучки пепла, обугленная трава с такими же остатками мелких фрагментов кожи и тканей и глиняные маски в обломках. Этих остатков относительно мало на полатях 2-го яруса и значительно больше на полатях 1-го яруса. Здесь особенно много обнаружили обугленной травы, лежавшей слоем толщиной до 6 см на полатях вдоль правой и передней стен. Множество кучек пепла, часто среди обугленной травы, находилось на полу в слое толщиной до 20 см, посередине камеры и вдоль передней стены под полатями 1-го яруса. Все это, по-видимому, остатки сго-

ревших кукол с зашитыми внутри них мешочками с пеплом кремнированного человека и с глиняными масками на голове, как и в склепе 1. Восемь кучек пепла и два фрагмента масок обнаружены и во входном коридоре (см. рис. 63).

В склепе отмечено нами 136 кучек пепла. Тщательный просмотр всех осколочков перегорелых обломков костей показал, что в 45 кучках были остатки взрослого человека, в 62 кучках определяемых обломков не нашлось, но принадлежность остатков человеку вполне возможна, в 29 кучках обломки настолько мелки, что и этого сказать нельзя. Ни одного обломка костей животных не обнаружено. Очевидно, надо считать, что все кучки пепла являются остатками сожженных людей, но определить их количество невозможно. Есть кучки, содержащие по 1—2 кг перегорелых косточек, но много и очень маленьких (400 г и более косточек содержалось только в 53 кучках). В 5 случаях пепел сохранил форму мешочка, в который он был положен. Возможно, что во многих случаях пепел одного человека рассыпался в склепе на несколько отдельных кучек. Как бы там ни было, по числу погребенных в склепе, по-видимому, было достаточно значительным. На полатях можно было свободно разместить 50—60 кукол, сделанных в рост человека, но не все они разместились на полатях. Многие уложили на полу склепа и даже во входном коридоре. Надо полагать, что в склепе погребены десятки кукол, возможно, около 100.

На полатях 1-го яруса, близко к восточному углу, лежал раздавленный развалившийся на части ящик, стенка, дно и крышка которого были сделаны из одной тонкой доски. Размеры его 130×45×40 см. Ящик был, вероятно, оклеен, углы врезаны в шип. На одной его торцовой стенке вырезана глубокими широкими линиями фигура воина, выполненная в том же стиле, что и на планках склепа 1. На плане склепа (рис. 65) стенки ящика показаны как бы целыми, в действительности же каждая из них разделилась на многие отдельные уголки. Этот ящик-гроб пока еще не реставрирован. В ящике обнаружили обгорелые, частично обугленные (некальцинированные) кости ребенка около 10 лет, небольшой горшочек (рис. 55, а, 13) и черепки еще двух таких же. Вероятно, этому погребению принадлежат железное колечко диаметром 18 мм, 3 просверленных астрагала косули, бабка овцы и диафиз тонкой косточки, сильно соструганные со всех сторон, деревянная палочка, похожая на «чижика» — детскую игрушку недавнего прошлого (рис. 66, б), и кости овцы (обломки лопатки, тазовой и нескольких ребер), обгорелые, как и кости подростка, частично же без

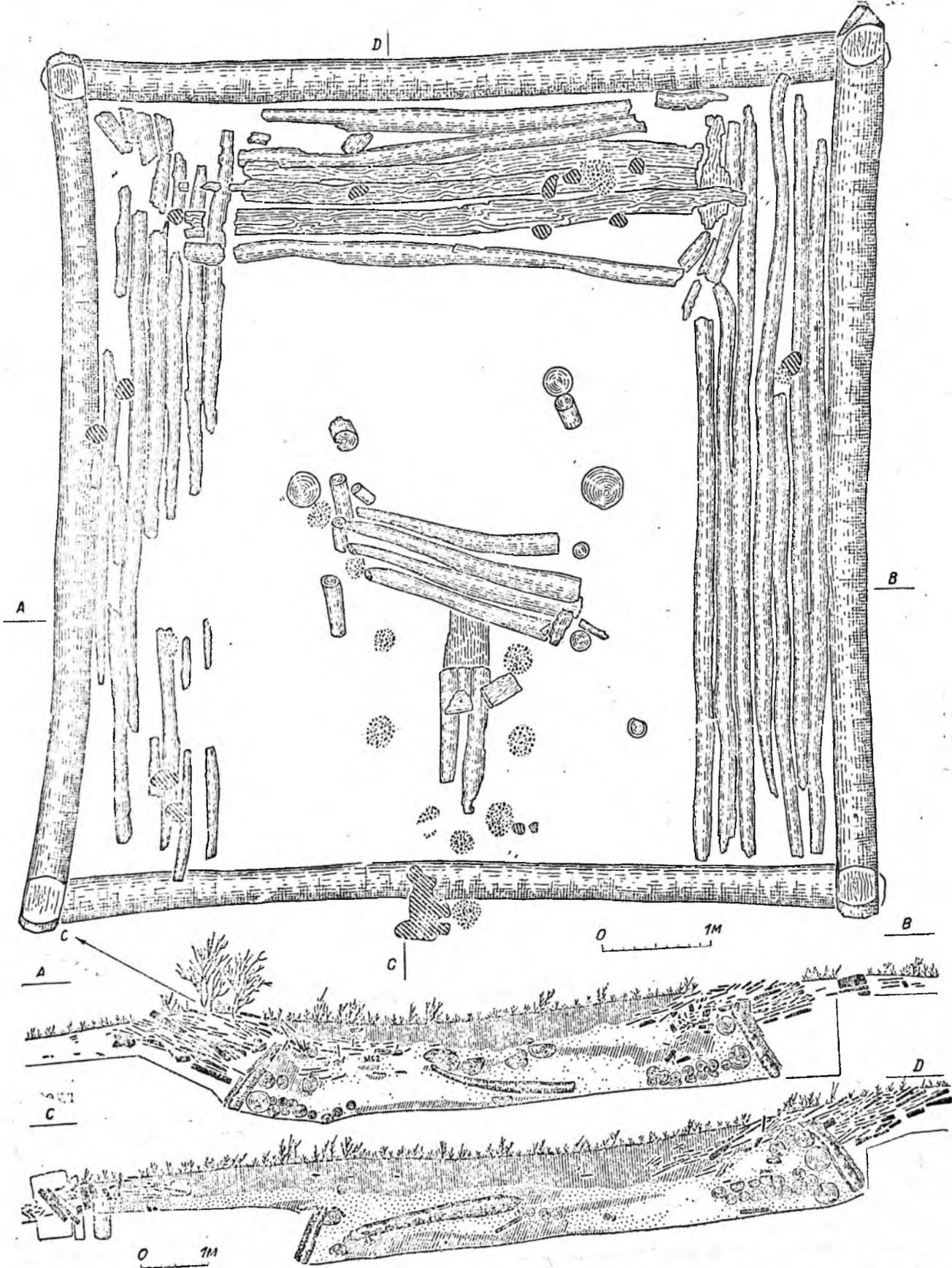

Рис. 64. Тепсей III, склеп 2. План на уровне 2-го яруса полостей. Продольный (внизу) и поперечный (вверху) разрезы склепа.

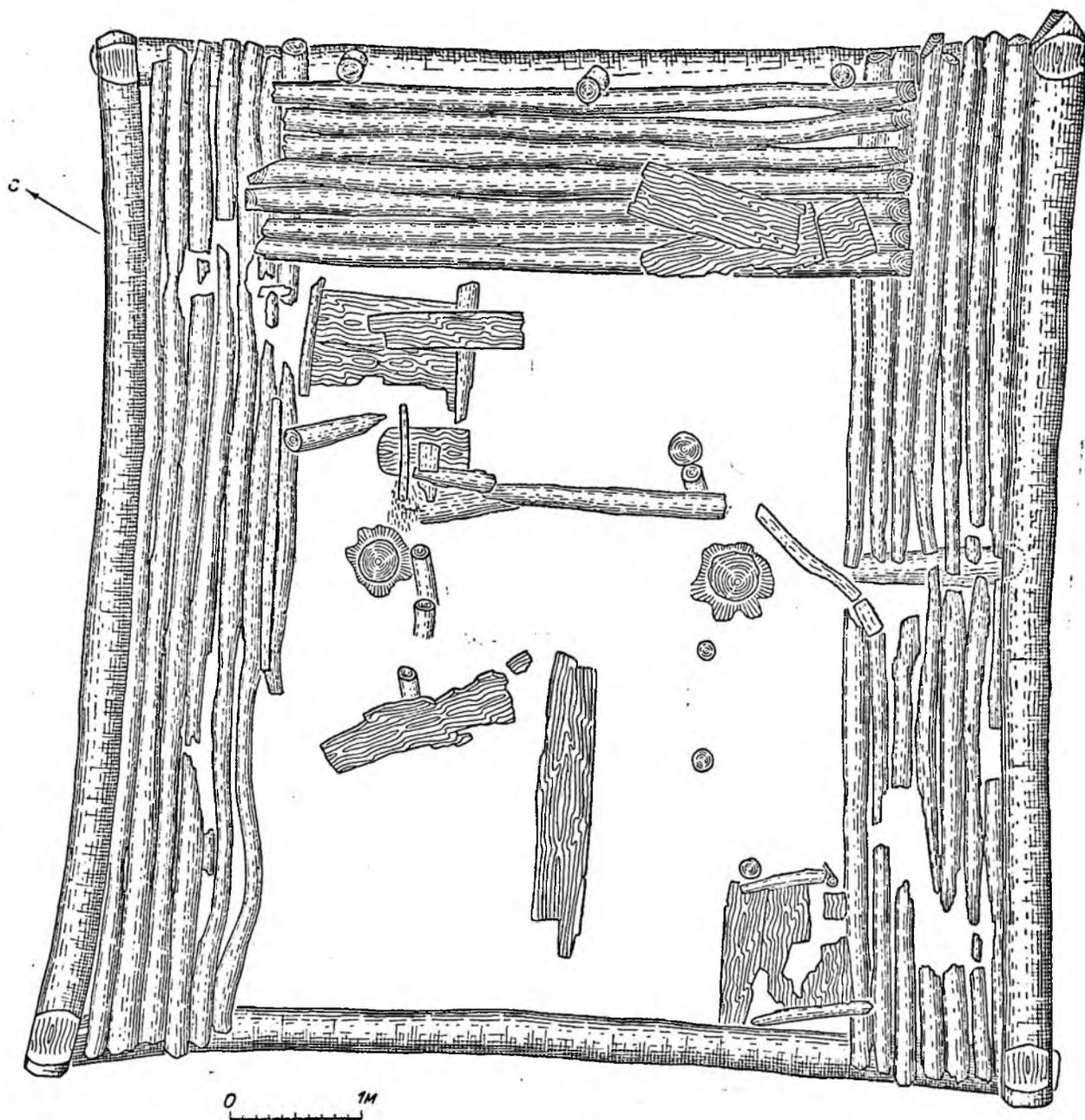

Рис. 65. Тепсей III, склеп 2. План на уровне пола и полостей 1-го яруса, освобожденных от заполнения.

следов огня. Найденные здесь же обломки ма-
сок к погребению подростка, видимо, не отно-
сятся.

В склепе встречены отдельные разрознен-
ные фрагменты неперегорелых костей челове-
ка: 1) обломки бедра, позвонка и большой
трубчатой кости; 2) обломок плечевой; 3) ко-
ренной зуб взрослого; 4) фрагменты черепа.
Остатки столь незначительны, что предпола-
гать по ним наличие в склепе захоронения не-
сожженных трупов (кроме подростка в гроби-

ке) вряд ли можно. Эти обломки могли по-
пасть в склеп и каким-то другим путем.

Фрагменты масок находились везде, где ле-
жали кучки пепла. Число масок определить
невозможно. Нами изъяты фрагменты из 123
точек в разных местах склепа, но ни одной
полной маски собрать не удалось. Их, вероят-
но, несколько десятков, но вряд ли более 50.
Они того же типа, что и маски в склепе 1.

Сопровождавшего покойников инвентаря в
склепе немного. Сохранилось не более 20 гли-

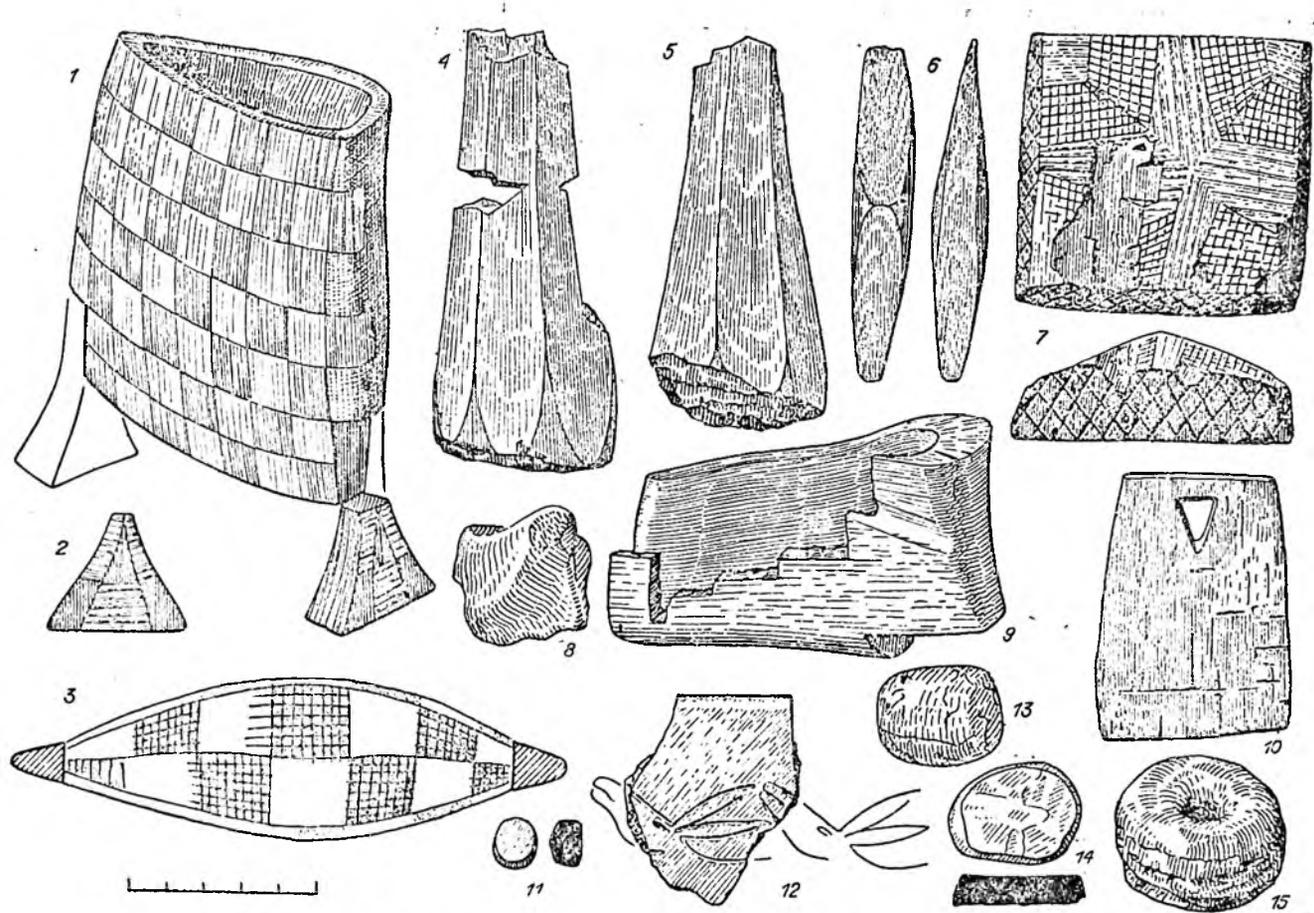

Рис. 66. Тепсей III; склепы 1 (4, 5, 9, 10) и 2 (остальные):

1—«кубок» на двух ножках; 2—ножка от него; 3—он же, вид снизу; 4, 5—деревянные ножки какого-то предмета; 6—заостренная палочка; 7—«подушечка»; 8, 13—глиняные комочки; 9—предмет с глубоким пазом; 10—берестяная пластинка; 11, 14, 15—кружочки из твердой смолы; 12—черепок с зооморфным орнаментом.

няных сосудов, причем половина их представлена лишь отдельными фрагментами, иногда очень небольшими. Значительная часть посуды была, видимо, выброшена грабителями или соплеменниками при повторных захоронениях.

Интересны 6 кубковидных сосудов (рис. 55, а, 11, 12, 14, 17, 19). Они продолжают традиции батеневского этапа таштыкской культуры (Грязнов, 1971, рис. 2). То же можно сказать и о горшках баночной формы (рис. 55, а, 15, 16, 18). В склепе нет ни одного сосуда характерных позднеташтыкских форм тепсейского этапа (см. рис. 55, б, 1, 2, 7; Грязнов, 1971, рис. 1). Керамика из склепа 2 производит впечатление более ранней, чем сосуды из склепа 1.

Мелкие металлические вещи были в основном того же характера, что и в склепе 1. Это прежде всего 20 бронзовых двойных головок коня (рис. 67, 1—20), затем маленькие пряжки с неподвижным язычком на переднем конце, 6 из них имеют характерную форму прямоугольного щитка с овальным кольцом, закан-

чивающимся язычком-шпеньком (рис. 67, 22—24, 26—28), одна — в виде трапециевидной рамки с язычком-шпеньком на переднем крае (рис. 67, 25) и одна — шарнирная с прямоугольным щитком и трапециевидной рамкой (рис. 67, 29). Все указанные формы характерны для тепсейского этапа. В склепе также найдены мелкие заклепочки (рис. 67, 30, 35) и подвеска, видимо, от серьги (рис. 67, 36). Встретились такие вещи, которые мы обычно называли пряслицами, но не всегда, очевидно, это было правильно. Может быть, кружок с дыркой, вырезанный из горшечного черепка, являлся действительно пряслищем (рис. 67, 33), но бронзовый кружок с остатками ремешка в отверстии (рис. 67, 34), вероятно, служил для другой какой-то цели. Кружок, изготовленный из нефрита низкого качества (рис. 67, 32), тоже следует считать не пряслищем, а каким-то украшением или амулетом.

Художественно оформленные деревянные вещи сохранились в небольшом числе. Как и в склепе 1, здесь обнаружен загадочный пред-

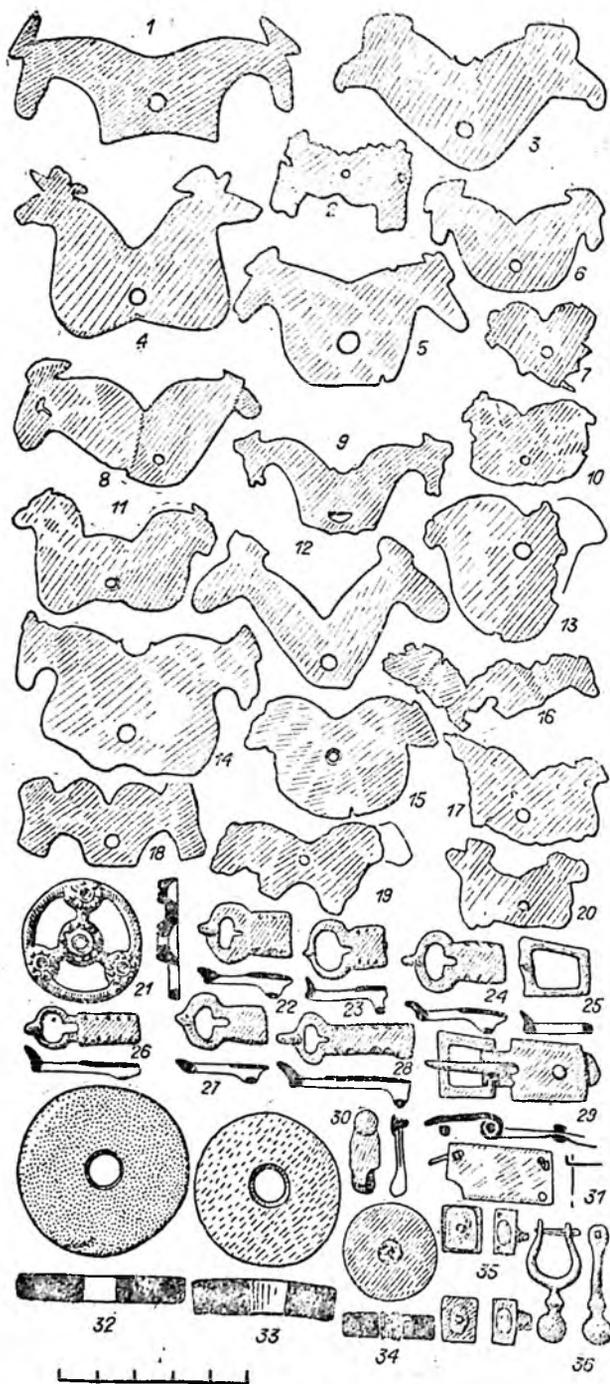

Рис. 67. Тепсей III. Вещи из склепа 2:

1 — 31, 34—36 — изделия из бронзы; 32 — из нефрита;
33 — из глины.

мет на двух ножках, поверхность которого украшена шахматным узором (рис. 66, 1—3). Одни квадратики узора оклеены соломкой, другие — окрашены в интенсивно красный цвет. Значит, в первоначальном виде предмет был расцветен в золотисто-желтый и ярко-крас-

ный тона. Замечательны 2 скульптурные фигурки лежащего барана. Отдельные детали фигурок покрыты тонким листовым золотом и окрашены красной краской. Длина фигурок около 15 см. Подобные скульптуры известны в таштыкских склепах Уйбатского чаа-таса (Киселев, 1949, табл. XXXVI, 5, табл. XXXVIII, 1). Совершенно своеобразен глиняный сосуд с изображением ряда голов марала или косули, исполненных в том же стиле, что и на обугленных планках из склепа 1. К сожалению, сохранился только небольшой фрагмент этого сосуда (рис. 66, 12). Загадочен деревянный предмет в виде квадратной подушечки или толстой крышки. Верхняя и боковые его поверхности покрыты сеткой из глубоко врезанных линий (рис. 66, 7). Перечисленные вещи найдены на полу камеры, возле деревянных столиков или каких-то подобий небольшого ложа. Обнаружено 2 таких «столика». Сделаны они из пары брусков, в пазы которых вставлены тонкие доски, образующие столешницу. Размеры одного из них 110×75 см, второго — несколько меньше, высота их 30 см. Один «столлик» стоял перед полатами справа у входа, другой — тоже около полатей в северном углу (см. рис. 65). Как и в склепе 1, сохранились разные дощечки, бруски и другие неясного назначения обугленные деревянные предметы, а также фрагменты деревянного сосуда с резным ромбическим орнаментом, сосуда на треугольных ножках, доньшко берестяного сосуда и др.

Кости животных, как и в склепе 1, относительно немногочисленны и не носят характера заупокойной пищи. Прежде всего это 10 астрагалов косули с просверленными в них отверстиями. Больше всего оказалось костей овец: 26 лопаток (12 левых и 14 правых); 13 ребер, найденных в 10 местах; фаланги от нескольких особей (не менее 3), встреченные в 12 местах, в четырех случаях целыми комплектами, в сочленении. Других костей не было. Значит, в склеп поместили много бараньих лопаток и, по-видимому, концы не менее 9 ног. Кости лошади представлены только фалангами — в трех случаях это полные комплекты в сочленении (концы трех ног). В 9 местах найдены фаланги не менее восьми ног, очевидно, трех лошадей (взрослой особи, молодой и жеребенка). Можно предположить, что кости концов ног лошади и овцы являются остатками шкур жертвенных животных, но этому противоречит полное отсутствие черепов и совершенно необычный состав костей — только фаланги. В шкурах жертвенных животных во всех известных случаях всегда оставались кроме фаланг еще и метаподии, а иногда и лучевые и берцовые кости. Здесь они отсутствовали. Кроме того, в склепе 2 ни разу не встре-

тились вместе 2 или 4 ноги, все лежали поодиночке. Можно подумать, что погребаемым в склеп клалось по одной ноге (или, точнее, по одному копыту) от жертвенного животного.

Тепсейский склеп 2 относится, пожалуй, к наиболее хорошо сохранившимся из известных таштыкских склепов. Его сложная конструкция полностью восстанавливается (Баранов, 1975). Интересен он и некоторыми деталями погребального обряда: предполагается, что практиковался обычай класть погребенным конец ноги (копыта) от жертвенного животного. Это, вероятно, этнографическая особенность общественного коллектива, соорудившего склеп 2, по которой склеп сближается со склепом 1 и, как увидим ниже, отличается от склепов 3 и 4.

СКЛЕП 3

На поверхности виднелось едва заметное прямоугольное возвышение с широкой, тоже едва заметной, западной посередине. На более высоких точках всюду выступали из земли плоско лежавшие плитки. Возвышение поднималось над окружающей поверхностью земли на 10—15 см, западина же была на 5 см ниже ее.

Склеп исследован в 1969 г. М. Н. Комаровой. Раскопка велась вначале теми же приемами, какие были приняты при исследовании склепа 2. После расчистки каменных развалов вокруг склепа выяснилось, что надмогильное сооружение очень плохо сохранилось. Стены крепиды уцелели только в нижней части на 2—3 ряда плит, в высоту не более 15—20 см. Основная масса камня, по-видимому, в разное время отсюда растаскивалась. Вокруг крепиды в почвенном слое остались лишь немногие отдельные плитки. Только вдоль юго-западной стороны уцелело много плитняка, разбросанного на расстоянии до 2 м от крепиды. В этом месте крепиды сохранилась очень плохо — только на один ряд плит, и то в разной мере смещенных. Положение этой стены определено нами не точно. Многие набросанные здесь плиты имели характерный красный цвет от действия сильного огня. Среди них найдена бронзовая бляшка — парные головки лошади. Вероятно, по юго-западную сторону склепа располагался грабительский отвал. Во всяком случае несомненно, что плиты (и бронзовая бляшка) выброшены грабителями из уже сгоревшего склепа.

Стены крепиды сложены из плитняка. Толщина их, вероятно, около 50—70 см. Хорошо выровнена наружная сторона стен. Длина плит преимущественно в 50—80 см, а иногда и более 1 м. Размеры ограды 6,5×6,5 м. Ориенти-

рована она, как и у первых двух склепов, по направлению с ЮЗ на СВ.

Интересна конструктивная деталь в устройстве стен крепиды. Кладка стен как бы разделена на 8 равных секций вертикальными небольшими тонкими плитками. В четырех углах крепиды плитки поставлены в диагональном направлении, а посередине каждой стороны крепиды, кроме юго-западной, плохо сохранившейся, — в перпендикулярном. Подобный прием в устройстве каменных стен уже наблюдался нами однажды в ограде карасукской культуры в могильнике Карасук I вблизи с. Батени. Так устроены и крепостные стены кыргызского времени на горе Оглахты. Они сложены из плитняка и образуют в плане зигзаг, каждая секция которого отделена от соседней вертикально стоящей большой плитой.

Пространство внутри крепиды в верхних своих горизонтах представляло собой пестрое заполнение, состоявшее из темной земли с довольно большим количеством плитняка, включениями горелой земли, угольков, пепла, кусочков гнилого дерева. Изредка встречались отдельные мелкие обломки костей человека и животных.

Котлован для склепа сделан почти квадратный (4,4×4,1 м). Дно его горизонтально, а поверхность земли, где стоял склеп, поката по направлению с ЮВ на СВ. Поэтому глубина склепа около северо-западной стены 70 см, а возле юго-восточной — 100 см. Вход в склеп не обнаружен. По аналогии с другими склепами и по расположению погребенных в склепе людей и вещей, вход в него был устроен, по-видимому, посередине юго-западной стены, в ее надземной части, поэтому он и не уцелел.

Склеп сгорел в большей своей части дотла, покрытие не сохранилось. Лишь несколько оставшихся кусочков бересты могут указывать на то, что он, как и другие склепы, поверх потолка был покрыт берестой. От деревянных стен остались лишь плохо сохранившиеся бревна нижнего венца сруба. Однако было отчетливо видно, что бревна передней и задней стен своими концами лежали поверх концов бревен левой и правой стен (рис. 68). Значит, и в этом склепе сруб имел вид клетки. Диаметр бревен 25—30 см. Внутренние размеры сруба 3,5×3,2 м. Вдоль стен котлована, за срубом, были поставлены толстые плиты, первоначальное положение которых лучше всего сохранилось вдоль юго-западной стены. Под нижние их концы тоже подсунуты плиты, и на верхние концы опирались положенные на борта котлована плиты, вероятно, служившие опорой для бревенчатого покрытия склепа. В других склепах их роль, очевидно, выполнял деревянный тын.

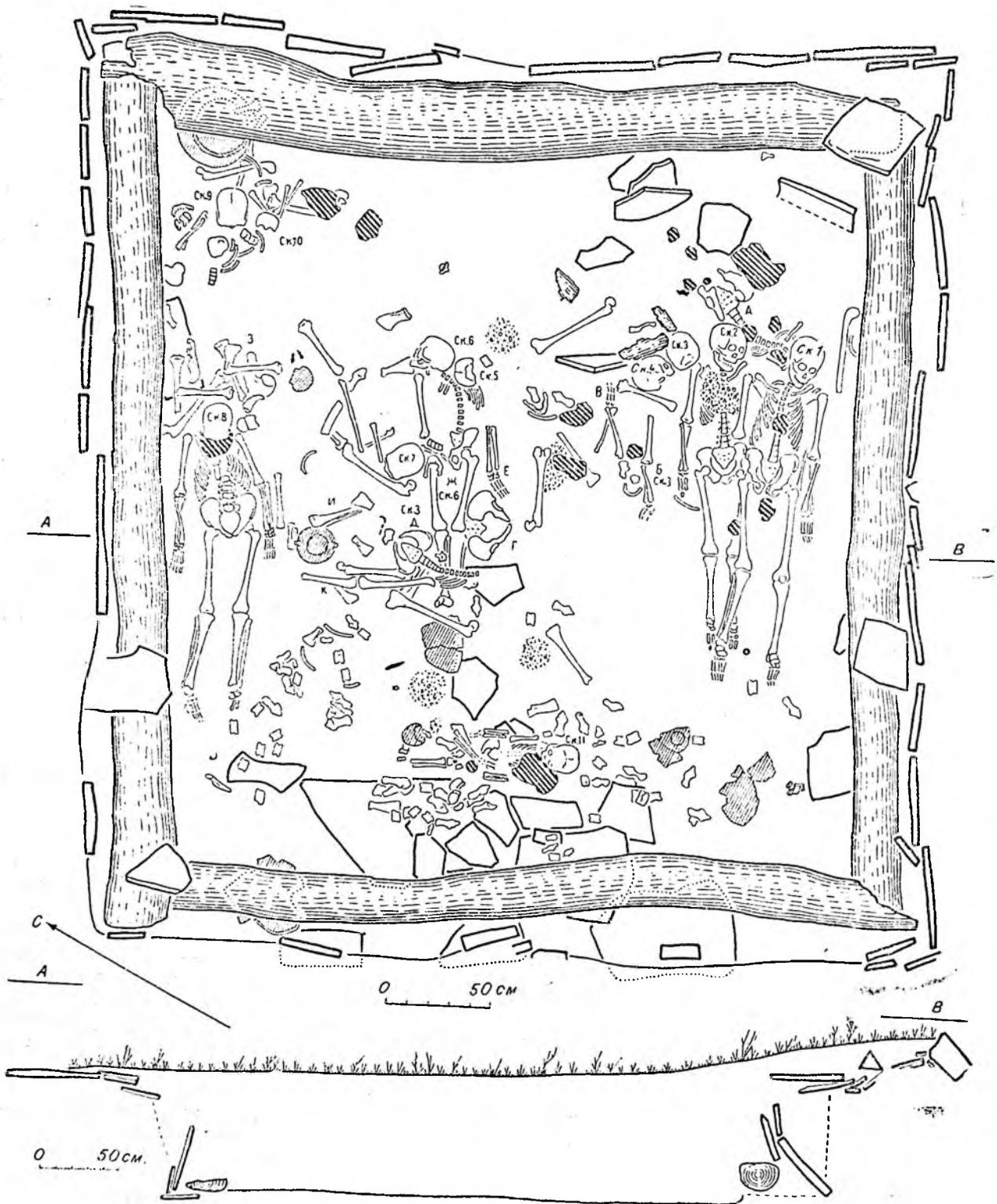

Рис. 68. Тепсей III, склеп 3. План на уровне пола.

Бревна продольных стен склепа (левой и правой) только в верхней части превратились в уголь, а в основной массе представляли собой остатки сильно перегнившего дерева, без следов действия огня. Бревна поперечных стен, лежавшие на 25—30 см выше продольных, полностью превратились в уголь. Бревна верхних венцов сруба, как, видимо, и его покрытия, сгорели дотла. При этом характерно, что находившиеся на дне склепа скелеты людей и кости животных, а также разрозненные кости человека и животных, лежавшие в беспорядке на дне склепа и выше, среди остатков перегоревшей земли, не имеют следов пребывания их в огне. Надо предполагать, что во время пожара склеп уже был заполнен землей по крайней мере на 25—30 см от пола, поэтому бушевавшее в нем пламя не коснулось покрытых землей останков погребенных на дне склепа. Беспорядок же в нем был произведен, очевидно, после пожара. Это вторая деталь, указывающая на то, что склеп был разграблен после пожара.

В склене сохранились скелеты и разрозненные кости людей, кучки пепла сожженных людей, погребальные маски во фрагментах, глиняная посуда в целом виде и в обломках, кости животных и немногочисленные мелкие предметы из бронзы, железа и кости.

Только 4 скелета оказались на месте непо тревоженными: два — около правой стены склепа, один — у левой и один — возле задней стены (рис. 68). В самом центре склепа еще один скелет сохранил свое первоначальное положение, хотя отдельные части его были смещены. Кости других скелетов оказались или разбросанными поодиночке, или лежали в анатомическом порядке группами — позвоночник и таз, руки ниже локтя и т. п. Отчетливо прослеживалось, что все погребенные были уложены в ряд посередине могилы и только детский скелет лежал вдоль задней стены (у входа?). Черепа и относящиеся к ним скелеты мы пронумеровали арабскими цифрами по направлению с ЮВ на СЗ — Ск. 1, Ск. 2, Ск. 3 и т. д. Части скелетов, лежавшие в анатомическом порядке, отмечены буквами русского алфавита — А, Б, В и т. д. К сожалению, лишь немногие из них удалось связать с принадлежавшими им черепами.

Судя по сохранившимся в первоначальном положении скелетам, все погребенные лежали на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ. Места в склепе, чтобы расположить их рядом друг с другом, было недостаточно, и они помещены так, что налегали один на другой. Вот сведения о погребенных по порядку данных им номеров:

1 — мужчина 30—40 лет. Полный скелет, лежавший вдоль правой стены склепа. Череп

трепанирован. В теменной части его долотом пробито 9 отверстий и затем выломана округлая пластина свода черепа. Так образовано отверстие в черепе размерами 13×12 см;

2 — женщина 30—40 лет. Полный скелет, находившийся рядом с предыдущим, частично под ним — правая нога первого скелета лежала поверх левой ноги второго. Череп трепанирован — в затылочной его части пробито долотом отверстие размерами 4×2,5 см;

3 — подросток (мужчина?) 14 лет. Полный скелет, кости его найдены в разных местах. Череп с 5 шейными позвонками (Ск. 3) и кости левой руки (Б) остались, по-видимому, на своем первоначальном месте и лишь слегка смещены. Погребенный лежал, очевидно, рядом со скелетом 2. Кости таза, позвоночник и несколько ребер находились в центре склепа, были переброшены, но остались в сочленении в анатомическом порядке (Д). В центре склепа встретились и кости правой ноги в сочленении (К). Кости правой руки, тоже в сочленении, найдены в северном углу склепа. Остальные кости были разбросаны в беспорядке. Череп трепанирован в затылочной части: 9 ударами долота пробито отверстие размерами 9×7 см;

4 — женщина старческого возраста (более 60 лет)¹. Череп без нижней челюсти. Трепанирован в затылочной части рядом ударов долотом. Вырубленная часть отсутствует. Череп лежал рядом с черепом скелета 3. Несомненно, что он сдвинут со своего первоначального места, но, вероятно, ненамного. Остальные кости этого скелета выделить из массы костей в склепе не удалось;

5 — женщина 50—60 лет (или старше?). Череп без нижней челюсти лежал в средней части склепа, возможно, недалеко от своего первоначального места. Не трепанирован. Другие кости погребенной не опознаны;

6 — женщина 40—60 лет. Полный скелет, лежавший в средней части склепа в анатомическом порядке (на плане помечен шифром Ск. 6 и буквами Е и Ж). Череп и левая большая берцовая кость были несколько смещены, левая плечевая, правое предплечье и многие ребра отброшены в сторону. Череп не трепанирован;

7 — мужчина 40—60 лет. Череп без нижней челюсти встретился посередине склепа, по-видимому, далеко от своего первоначального места. Не трепанирован. Остальные кости погребенного не опознаны;

¹ Антропологический материал исследованного склепа был просмотрен в Ленинграде М. П. Грязновым совместно с И. И. Гохманом. Сделаны некоторые уточнения и коррективы к полевым определениям. Возраст скелета 4, по мнению И. И. Гохмана, несколько меньше — около 50 лет.

8 — женщина старше 60 лет. Полный скелет, лежавший вдоль левой стены. Поясничная часть позвоночника разорвана, таз непонятным образом опустился вниз, в ямку, приняв вертикальное положение. Череп трепанирован — долотом пробито 4 отверстия, затем выломан кусок черепной коробки в затылочной части. Размер отверстия 6×6 см. На лицевой части черепа — погребальная маска плохой сохранности;

9 — мужчина старше 60 лет. Череп без нижней челюсти находился в северном углу склепа, очевидно, далеко от своего первоначального места. Трепанирован — в затылочной части выбит кусок черепа, по-видимому, ударом топорика. Размеры отверстия 9×4 см. Возможно, к этому черепу относятся кости туловища (таз, позвоночник, ребра, лопатка, ключицы в сочленении), обнаруженные в головах скелетов 1 и 2 (А);

10 — ребенок 2—3 лет. Часть черепной крышки найдена рядом с предыдущим черепом. Остальные кости в склепе не выявлены;

11 — ребенок 6 лет. Полный скелет, помещенный вдоль задней стены, головой на ЮВ. Кости правой голени были смещены и лежали на бедре. Череп не трепанирован. Рядом с черепом находилась погребальная маска очень плохой сохранности, по-видимому, относившаяся к нему.

Кроме перечисленных скелетов и их частей на плане отмечены буквами следующие части скелетов: В — кости правой руки около черепа 4; Г — таз в сочленении, в центре склепа; З — левая лопатка и плечевая в сочленении в головах скелета 8; И — левая голень, слева от скелета 8, напротив его таза. Все эти части скелетов могут принадлежать к перечисленным погребенным. Но среди отдельных разрозненных костей есть такие, которые ни к одному из указанных 11 скелетов относиться не могут;

12 — фрагмент черепной коробки взрослого человека (правая половина лобной и теменной частей черепа, отломанная по метопическому шву). Лежала возле черепа скелета 8, слева от него;

13, 14 — куски двух черепных коробок взрослых людей, выломанные с помощью долота при трепанации черепа. Не исключено, что один из них относится к черепу 12, но ни одному из описанных 11 черепов они принадлежать не могут;

15, 16 — черепная коробка младенца, кости годовалого младенца (2 плечевые, лучевая, лопатка, 2 бедренные) и бедренная кость другого годовалого младенца.

Всего в склепе мы учли, таким образом, 16 или 15 погребенных. Среди них были дети младенческого возраста (2) и постарше (2),

14-летний юноша, взрослые 30—40 лет (2), 40—60 лет (3), старческого возраста (3) и взрослые, точнее не определенные (2 или 3). Среди взрослых оказалось 4 мужчины, 5 женщин и 3 или 2 человека, пол которых не определен. У 7 взрослых черепа трепанированы — очевидно, трупы их были мумифицированы. Трепанация производилась долотом, ширина лезвия которого 12 мм (Ск. 1—3, 8), в одном случае, по-видимому, топориком (Ск. 9).

Среди разрозненных костей многих не хватает, и распределить их по скелетам не удастся. Больше всего сохранилось бедренных костей. Их должно было бы быть в соответствии с учтенными нами черепами 14 или 12 от 7 или 6 человек. Собрано же лишь 7 костей от 5 человек. Очевидно, какая-то значительная часть костей была выброшена грабителями из склепа и не сохранилась. Однако вряд ли число погребенных в склепе было больше, чем мы определили. Возможно, мы ошиблись лишь на одного-двух человек.

В склепе многие погребены по обряду трупосожжения. Кучки пепла сожженных находились преимущественно выше уровня лежавших на дне скелетов. Нами отмечено 13 больших и малых кучек пепла на высоте 15—30 см над полом склепа. На уровне скелетов и на полу склепа обнаружено еще 10 кучек пепла. Кроме измельченных частиц, в кучках пепла обычно встречались и более крупные обломки, очень часто доступные определению. В 14 кучках из 23 просмотренных, несомненно, были кости взрослого человека. В одном случае они принадлежали человеку старческого возраста, в другом — предположительно взрослому мужчине. В 9 остальных кучках определенных фрагментов не оказалось, но в этих остатках нет ничего, что противоречило бы отнесению их к человеческим.

Некоторые кучки пепла находились на полу склепа, по-видимому, на своем первоначальном месте. Так, под левой рукой скелета 2 кучки пепла лежали, очевидно, еще до того, как в склеп был положен этот покойник, а поверх него затем и скелет 1. Трудно сказать, насколько близко число кучек пепла к числу погребенных по способу трупосожжения. Вероятно, оно несколько меньше числа кучек пепла, т. е. меньше 23. Всего, следовательно, здесь погребено немногим меньше 39 человек — 8 или 9 трупов, 7 мумий и около 20 кукол.

Как и в первых двух склепах, пепел сожженных людей хоронили, по-видимому, защитным внутрь кукол, изображавших умершего в натуральную величину. Всех погребаемых укладывали в один ряд посередине склепа, ширина которого 3,2 м. Сюда можно было положить не более 7—8 трупов, мумий и кукол,

одетых в шубы. Последующих погребенных приходилось укладывать вторым, третьим слоем или освобождать для них место. Вероятно, применялось и то и другое. Так, поверх кучки пепла (т. е. сверху одетой куклы) положен мумифицированный труп женщины (Ск. 2), на него — мумифицированный труп мужчины (Ск. 1). При этом ранее погребенный мумифицированный труп старика (Ск. 9), уже разваливавшийся на части, был отброшен в сторону — череп в северный угол, туловище без рук, ног и головы — в сторону восточного угла. Скелеты 1 и 2 положили головой поверх туловища скелета 9. По-видимому, пространство возле северного и восточного углов склепа и вдоль его левой и правой стен не было потревожено грабителями. А беспорядочное положение останков погребенных — дело рук устроителей похорон. Нагромождение костей возле головы скелета 8, в северном углу, туловище под головами скелетов 1 и 2, кости между скелетом 1 и стеной — все это, очевидно, полуразвалившиеся останки ранее погребенных, перброшенные при освобождении места для вновь погребасмых. Грабителями потревожена только середина склепа, где останки погребенных беспорядочно разбросаны.

Погребальные маски сохранились плохо, поэтому их количество в склепе определить невозможно. В разных местах находились фрагменты масок из белой рыхлой массы. По-видимому, их было в 2 или 3 раза меньше числа погребенных людей. На некоторых фрагментах масок сохранилась раскраска красной краской. На оборотной стороне некоторых из масок видны отпечатки поверхности кожи и швов. На маске 6, лежавшей рядом с черепом ребенка, отпечатались грубая ткань. Видимо, куклы шили не только кожаные, но и матерчатые. Только в двух случаях остатки масок можно связать с определенными скелетами. Это маска на лице скелета 8 (мумифицированная старуха) и маска, находившаяся рядом с черепом 6-летнего ребенка.

Глиняной посуды по сравнению с числом погребенных в склепе немного. Установить, кому из погребенных принадлежит тот или иной сосуд, невозможно, кроме одного случая. Принадлежность 6-летнему ребенку небольшого горшочка (рис. 69, 5), лежавшего у него в ногах, не вызывает сомнений. Два больших сосуда поставлены по углам склепа — один (рис. 69, 9) в северном углу, другой (рис. 69, 8) — в западном. Оба засунуты под бревно клетки и прижаты к плитам, стоящим вдоль стен. В двух других углах склепа тоже найдено по большому сосуду. Только они найдены не на дне могилы, а несколько выше уровня погребенных скелетов. Остальные сосуды обнаружены в средней части склепа, на

дне. Всего здесь было не менее 12 сосудов (рис. 69, 1—9).

В склепе оказалось много костей животных. Как и в склепах 1 и 2, они не имели характера остатков заупокойной пищи: 25 лопаток овцы (19 левых и 6 правых) и 1 быка; 74 пяточные кости быка (41 левая и 33 правых) и 91 астрагал быка (56 левых и 35 правых) — значительная часть их находилась в сочленении; 2 пяточные и 2 астрагала лошади — также найдены лежащими в сочленении; 34 пяточные кости овцы (16 левых и 18 правых) и более 70 астрагалов — большинство с обгрызанными или сточенными ребрами; 7 астрагалов косули — 2 с просверленными отверстиями, 1 с обгрызанными ребрами.

Основная масса перечисленных пяточных костей и астрагалов встретилась вдоль юго-западной стены склепа у входа (см. рис. 68). Их надо рассматривать как определенную часть, которую клали погребенному от каждого принесенного в жертву при похоронных обрядах животного. В таком случае погребенным в склепе 3 было принесено в жертву 97 быков, 34 барана и 2 лошади, если предполагать, что от каждого жертвенного животного брали одну пятку. Если же допустить, что у животного отрезали обе пятки, то число принесенных в жертву животных значительно уменьшится — до 56 быков, 18 баранов и 2 лошадей. Всего в первом случае 133 животных, во втором — 76.

Глиняная посуда, пятки быка и других животных и бараньи лопатки, как правило, находились в склепе не при останках того погребенного, которому они предназначались, а в свободном пространстве вдоль передней стены, за головами похороненных и вдоль задней стены, в их ногах, по-видимому, возле входа в склеп. Различные другие сопровождающие погребенных вещи помещались, по всей вероятности, на них самих или рядом, но сейчас невозможно определить, к кому из людей относится та или иная вещь.

Бронзовые, железные и костяные вещи находились в различных местах склепа и на разных уровнях. Их немного. Бронзовых всего 9 предметов. Прежде всего это 5 парных головок коня (рис. 70, 1—5). Одна из них, как уже сказано выше, найдена за пределами склепа, — вероятно, была выброшена грабителями, остальные встречены в его заполнении, одна — посередине, три — поблизости от северного и южного углов. В заполнении, выше скелета 8, в 40 см от его черепа, обнаружили 2 бронзовые наременные бляшки (рис. 70, 13, 14). Пряжка, вероятно, того же набора (рис. 70, 12), встретилась на полу, недалеко от ног скелета 11. В склепе был, по-видимому, целый пояс с набором таких бляшек и пряжек, подобно тому, как это было в одном из склепов на Уйбате

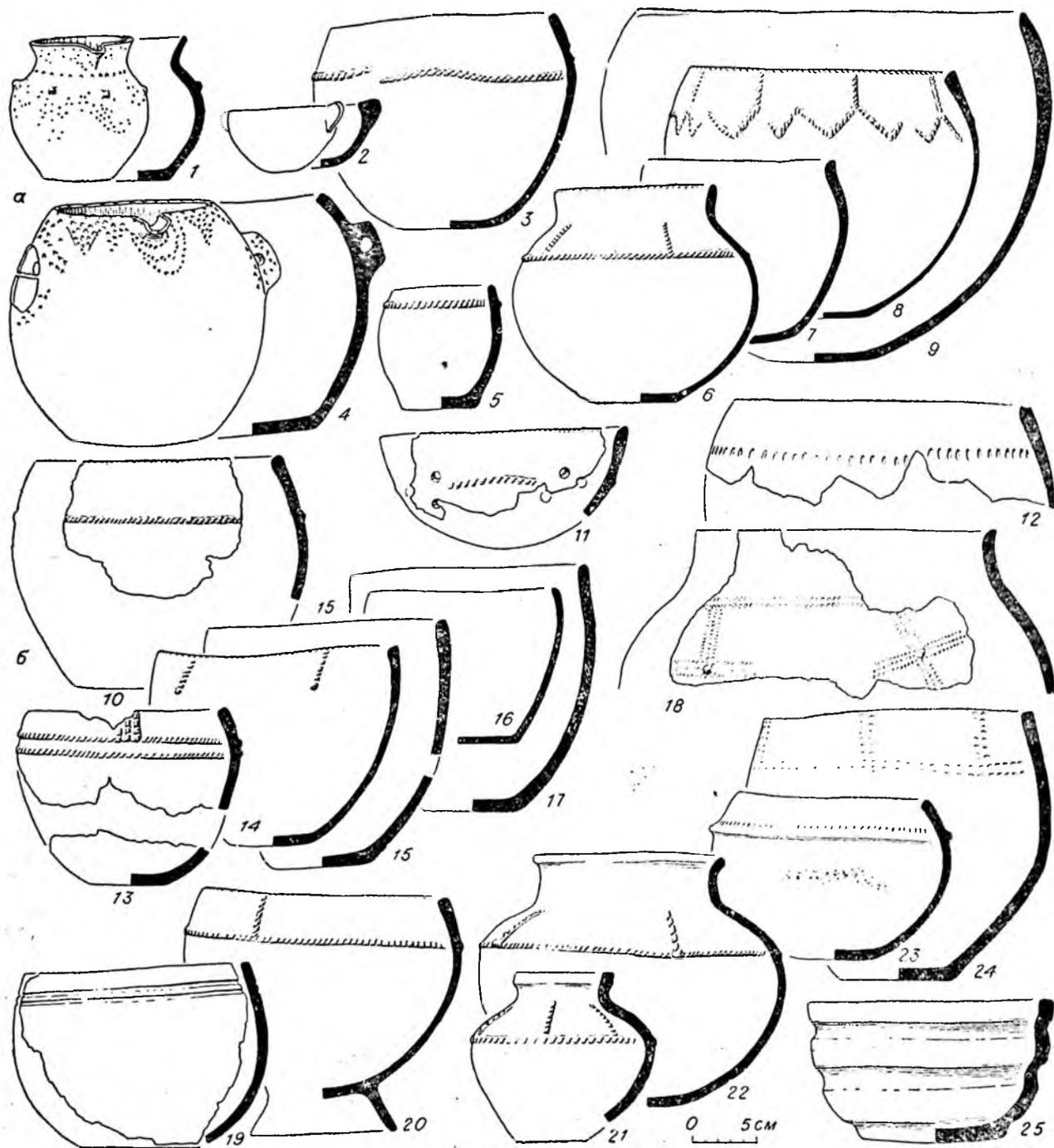

Рис. 69. Тепсей III. Керамика из склепов 3 (а, 1—9) и 4 (б, 10—25).

(Киселев, 1949, табл. XXXVII, 32) В западном углу, в ногах скелета 8, лежал обломок браслета (рис. 70, 10).

Несколько железных предметов обнаружено возле останков погребенных. Около скелета 11 находились небольшая железная пластинка и круглый комочек, видимо, малые кольца

миниатюрных удил (рис. 70, 8). Фрагмент миниатюрных удил найден и между голеньями скелета 1 (рис. 70, 9). Железный предмет в виде какой-то обоймы или пряжки лежал в ногах скелета 6 (рис. 70, 11). Костяная ложечка (?) найдена на полу около горшка 6. У нее отломана ручка и для подвешивания ее неда-

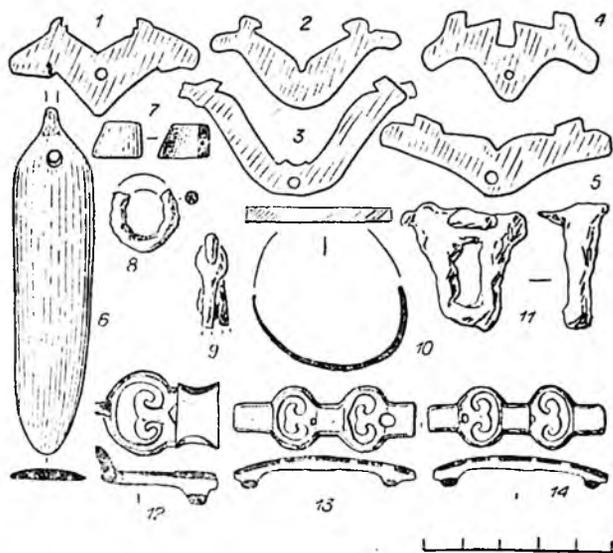

Рис 70. Тепсей III, вещи из склепа 3:
1—5, 10, 12—14 — изделия из бронзы; 6, 7 — из кости;
8, 9, 11 — из железа.

леко от места излома сделана дырка (рис. 70, б). Другой костяной предмет — коническая пронизка-застежка (рис. 70, 7). Среди астргалов косули встречены, как уже отмечено, экземпляры с просверленными отверстиями и с различными знаками и тамгами (см. рис. 56, 40—44).

СКЛЕП 4

Малый таштыкский склеп находился в пункте Тепсей IV. На поверхности виднелись сильно разрушенные остатки прямоугольной каменной ограды размерами 9,5×10,5 м. Посередине имелись едва заметное углубление (10—15 см) и квадрат (5×5 м), очерченный наклонно торчащими из песка плитками. Ориентировка ЮЗ—СВ. Среди беспорядочно разбросанных по поверхности плиток многие носили следы сильного действия огня. Это указывало на то, что склеп сгорел и после пожара был разграблен.

Склеп исследован в 1968 г. Н. А. Аванесовой. Раскоп был начат в пределах указанного квадрата, а затем сокращен до размеров могильной ямы—3,8×3,6 м. Глубина могилы 120 см.

В могильной яме был сооружен склеп с деревянными стенами, полом и потолком. Здесь было много остатков погребенных людей. Сгорела, а частично обуглилась, верхняя часть склепа начиная с высоты 20—25 см над полом. На полу и в нижней части стен сруба следов огня нет.

Стены склепа срублены из бревен диаметром 20—25 см. Точное устройство сруба проследить не удалось. Не выяснено, как рубились углы и как сложены стены — клетью, что характерно для больших таштыкских склепов, или плотной стеной без просветов между бревнами? В лучшей сохранившейся северо-восточной стене 3 бревна лежали плотно одно на другом, но это могло быть и вторичное их залегание (опустились вниз?). Четвертое тонкое бревно находилось на высоте почти 100 см над полом. Можно предположить, что сруб был поставлен клетью в 4 венца и в высоту достигал несколько более 1 м. Если же бревна находились на своем первоначальном месте, то надо предполагать, что стены были плотно срублены в 5—6 венцов и 1—2 верхних бревна в стене не сохранились. Вероятнее все же первое предположение, так как, хотя и не совсем достоверно, но можно было видеть, что северный конец третьего снизу бревна как бы оторвался от остальной его части и лежал на 30—40 см выше.

С наружной стороны стен местами сохранились куски пластин березовой коры. Очевидно, сруб покрыли ею с боков и, вероятно, сверху (не берестой). По углам промежутков между стенкой ямы и срубом засыпан мелким щебнем.

Деревянный пол склепа сохранился во всей его северной половине. Он не затронут огнем. Дерево сильно истлело, но хорошо различались плахи, настланные продольно по направлению с ЮЗ на СВ. Толщина плах 4—5 см, ширина, судя по их расположению на полу, около 35 см. Покрытие склепа в большей своей части сгорело дотла. Осталось несколько обугленных кусков бревен, лежавших в разных направлениях, вероятно, в результате деятельности грабителей. Потолок, стены и пол склепа сделаны из лиственницы.

Вход в склеп находился посередине юго-западной стены. Ни форму его, ни конструкцию, ни размеры установить не удалось. Здесь все деревянные части сооружения прогорели дотла, а стенки входа обвалились. Удалось лишь определить, что ширина его около 70—80 см, глубина возле стены склепа достигала глубины его пола, а длина спуска превышала 1 м.

Остатки погребенного лежали на полу склепа и в нижнем слое заполнения на высоту до 70 см от пола. Многое из находившегося здесь можно рассматривать как оставшееся непо потревоженным на своем первоначальном месте или лишь частично смещенное, что могло произойти при многократных повторных захоронениях в склепе и в результате пожара и обвала его покрытия. Но в средней части склепа, ближе ко входу, наблюдалось такое нагромождение камней, кусков горелого дерева, отдель-

ных разрозненных костей человека, черепков разбитых сосудов, какое можно приписать лишь грабителям, действовавшим здесь после пожара.

Заполнение склепа в верхней своей части состояло из окрашенного гумусом песка с редкими включениями обломков плит, иногда угольков. Ниже, с высоты около 70 см от пола, залегало пестрое заполнение (черное, светло-серое, красное, желтое) из перегорелой земли, песка, золы, угольков и кусков обугленного и гнилого дерева, различных остатков от погребенного в склепе, как побывавших в огне, так и без следов его действия. В средней части склепа, ближе к входу, такое заполнение доходило до дна котлована склепа. По углам склепа, вдоль его стен и в значительной части северной половины пол и лежащие на нем остатки погребенного более или менее сохранили свое первоначальное положение, и огонь их не затронул.

На полу склепа лежали плохо сохранившиеся скелеты 6 человек: 4 из них — на спине, головой на СВ, один — в том же положении, но, возможно, полусидя, прислонен к передней стене, череп свалился на грудную клетку. Скелет ребенка находился в головах двух взрослых и располагался вдоль передней стены склепа, головой на ЮВВ.

Скелет *A* — мужчина (?) 40—60 лет; не сохранились бедренные кости и часть других; скелет *B* — мужчина 16—17 лет, от черепа уцелела только нижняя челюсть, нет костей левой руки, обеих ног ниже колена, правой плечевой и многих мелких; скелет *C* — взрослый мужчина (?), обнаружены только бедренная кость, большая и малая берцовые, ключица, лопатка, лучевая, локтевая и несколько мелких; скелет *D* — нестарая женщина, отсутствовали череп с нижней челюстью и правая плечевая (скелет находился на уложенных на полу мелких плитках, на которых в области левого бедра лежала кучка пепла); скелет *E* — взрослая женщина, кости очень плохой сохранности; не уцелели череп с нижней челюстью, кости правой руки и обеих ног ниже колена; скелет *F* — ребенок 3 лет. Кроме того, в заполнении встретились разрозненные кости не менее 3 взрослых человек, частью обгорелые, частью не затронутые огнем, и все, кроме одной, в обломках.

Кости скелетов, лежавших на полу, и окружавшая их земля не имели следов действия огня. Надо полагать, что в момент пожара в склепе полуразложившиеся или совсем разложившиеся трупы были укрыты слоем земли толщиной 20—25 см, что и предохранило их от сгорания. Склеп функционировал, вероятно, в течение довольно длительного времени, возможно, несколько десятков лет, и нижняя

часть его успела заполниться довольно толстым слоем просачивающегося сквозь стены песка.

Были ли черепа трепанированы установить не удалось из-за плохой сохранности единственного уцелевшего черепа и отсутствия других. Таким образом, осталось неизвестным — погребены ли в склепе натуральные трупы умерших или мумифицированные.

На уровне скелетов и выше, в горизонте *A*, обнаружены обломки погребальных масок. Возле северо-восточной стены находилось 3 обломка, ближе к входу и южному углу склепа — 4 обломка. В горизонте *B* было также 3 обломка, в том числе крупный фрагмент, возле передней стены, в головах погребенных, 3 обломка — против входа в склеп и обломок на полу склепа в северном углу. Следовательно, более или менее значительные фрагменты масок были отмечены в 14 точках, но количество масок было меньшим. Среди обломков опознаются точно следующие части масок: ухо, горло, подбородок, 2 глаза, щека (красная, пересеченная коричневой полосой), 4 носа (в одном случае с верхней губой, окрашенной в красный цвет). Очевидно, было не менее 4 масок (4 носа) или немногим более этого. На оборотной стороне масок на ряде фрагментов наблюдаются отпечатки фактуры кожи, швов и складок в области шеи. По-видимому, и эти маски, подобно маскам из других склепов, лепились на сшитой из кожи болванке или, что вероятнее, на куклах.

В склепе обнаружены 24 кучки пепла сожженных людей, 13 из них находились в горизонте *A*, 10 — в горизонте *B*, 1 — в горизонте *C*. Все кучки пепла нижних горизонтов располагались в северо-восточной половине склепа, т. е. там же, где и скелеты людей. Большая часть кучек пепла из горизонта *A* тоже сосредоточена в северо-восточной половине склепа, только 3 кучки находились ближе к юго-западной стене. Пепел найден на разных уровнях, в том числе и на уровне лежавших скелетов. Некоторые кучки пепла оказались под костями человека. Так, кучка 16 была перекрыта костями скелета *D*, кучка 20 — костями скелетов *B* и *C*. Если пепел сожженных людей был вложен в куклы, изображавшие преданных огню умерших, то следует полагать, что мумифицированные и натуральные трупы были положены здесь вперемежку с куклами, заключавшими в себе пепел. Число сожженных людей было, несомненно, меньше 24, так как в ряде случаев их пепел в результате пожара и ограбления склепа мог разделиться на 2 и 3 кучки.

Всего в склепе погребено, вероятно, около 25, но не более 30 человек (из них 10 взрослых и трехлетний ребенок по обряду трупо-

положения и около 15 или несколько больше взрослых человек по обряду трупосожжения).

На полу склепа, преимущественно возле стен, стояли 5 сосудов, и в разных местах, но тоже преимущественно вдоль стен, найдены фрагменты еще не менее 17 разных сосудов. По некоторым из последних можно полностью восстановить форму и размеры горшков. В северном углу склепа находился небольшой сосуд баночной формы без орнамента (рис. 69, 16), в западном углу — горшок с наклепным валиком-псевдошнуром, как бы подвешенным на четырех таких же шнурках (рис. 69, 22), у середины северо-западной стены — большая корчага (максимальный диаметр около 40 см) баночной формы со вздутыми боками, украшенная по венчику двумя рядами продолговатых вдавлений. Реставрировать ее пока не удалось. Справа у входа обнаружили чашу, опоясанную высоким валиком (рис. 69, 23), посередине — чашу, опоясанную тремя широкими и глубокими желобками (рис. 69, 25). Из других горшков более или менее полно восстановлено несколько сосудов: баночной формы (диаметр венчика 22 см), украшенный ниже венчика рядом ямок (рис. 69, 12); большая чаша на коническом поддоне, опоясанная валиком-псевдошнуром, как бы подвешенным на четырех таких же шнурках (рис. 69, 20); небольшой горшочек с узким горлом, украшенный валиком с насечками (рис. 69, 21); другой — с валиковым орнаментом; горшкообразный большой сосуд с орнаментом в виде больших крестов с бугорком посередине (рис. 69, 18); большой баночной формы горшок, украшенный полулунными вдавлениями (рис. 69, 24); 2 сосуда баночной формы без орнамента — один в двух больших фрагментах (рис. 69, 17), другой в нескольких мелких (рис. 69, 15); 2 чаши с валиковым орнаментом во фрагментах — одна красная тонкостенная, другая темно-серая, толстостенная, грубой работы (рис. 69, 11); сосуд баночной формы со слегка вздутыми боками, украшенный косо свисающими от края венчика короткими валиками (рис. 69, 14); отдельные фрагменты 7 сосудов — 2 небольшие банки без орнамента и 5 сосудов с разными узорами. Всего в склепе было не менее 24 сосудов. Два из них крупные, емкостью 20—30 л, остальные средних и малых размеров.

В южном углу сохранился нетронутый огнем щитый берестяной туес диаметром 18 см.

В склепе находилось много костей животных. Больше всего их оказалось возле входа и направо от него на участке шириной 1, длиной 2 м вдоль стены, а также они располагались узкой полосой вдоль левой стены склепа. На остальных участках встречались лишь единичные кости.

Основную массу костей, как и в склепе 3, составляют астрагалы и пяточные, а затем лопатки. Зоологические определения их таковы: корова — 158 астрагалов (73 правых и 85 левых) и 90 пяточных костей (49 правых и 41 левая); лошадь — 24 астрагала (7 правых и 17 левых) и 23 пяточные кости (6 правых и 17 левых); овца — 41 астрагал (27 правых и 14 левых) и 25 пяточных (10 правых и 15 левых). Пользуясь общепризнанным приемом (наибольшее количество одноименных костей), следовало бы считать, что кости происходят от 80 коров, 17 лошадей и 27 овец, но, возможно, это и не так. Во многих случаях астрагал и пяточная кость лежали в сочленении. Значит, в склеп были положены не отдельные кости, а вырезанные из туши животного пятки с оставленными на них связками. Можно предположить, что в склеп клялись не обе пятки от каждого животного, а только по одной — правой или левой. Тогда следует считать, что в склепе находились пятки от 158 коров, 24 лошадей и 25 овец. Поскольку число астрагалов коровы и овцы значительно превышает число пяточных костей, возможно, что излишнее количество первых положено в склеп не как часть жертвенного животного, а как игральные или другого назначения кости — астрагалы овцы и коровы постоянно присутствуют в таштыкских склепах. Поэтому осторожнее счет вести все же по пяточным костям. Тогда количество животных, от которых взяты пятки, будет таким: 90 коров, 24 лошади и 25 овец — всего 139 голов скота. Однако, как бы мы ни вели счет, ясно одно — число остатков жертвенных животных в склепе в 5 или больше раз превышает число погребенных в нем людей.

Обычай класть в склеп пятки быка, лошади и овцы в литературе уже отмечался (Кызласов, 1960, с. 179). Его надо рассматривать как одну из деталей обряда погребальной тризны, когда от каждого жертвенного животного, употребленного на пиршество, умершему отдают какую-то часть, в данном случае пятку.

Один астрагал коровы и несколько овечьих, обнаруженных в склепе, оказались сильно сточенными или обгрызанными по краям, что могло быть сделано лишь в том случае, если они были отчленены от пяточной кости. Только астрагалы, без пяточных костей, овечьи и коровьи, неоднократно встречались в таштыкских склепах (Барсучиха IV, склеп 1 Сырско-го чаа-гаса и др.). Очевидно, и в данный склеп 4 они были положены как игральные, счетные или другого подобного назначения кости. Просверленных астрагалов не оказалось, а подтесанных со знаками и зазубринками было только 2 (рис. 56, 45, 46).

Часты в склепах и находки лопаток мелких

парнокопытных. В нашем склепе их оказалось 25, не менее чем от 16 особей (овца — 17 лопаток, коза — 1, косуля — 3, мелкие парнокопытные, ближе не определенные — 4).

Других костей животных в склепе было немного: 2 лучевые и фрагмент ребра, — вероятно, остатки жертвенного мяса коровы; 2 зуба и копытная фаланга (назначение?) лошади; обломки двух тазовых и одной плечевой, 2 сегмента грудины, пястная кость, обломок нижней челюсти — в основном, видимо, остатки жертвенного мяса овцы; тазовая кость — остаток жертвенного мяса козы, 25 ребер, 3 позвонка, 2 бедра и 2 голени (очевидно, все остатки мяса) мелких парнокопытных, ближе не определенных.

Обугленных деревянных вещей в склепе не найдено, так как действие огня здесь было более разрушительным, чем в больших склепах, и все деревянные вещи малого размера полностью сгорели, а обугленные остатки сохранились только от толстых бревен, периферийная часть которых сгорела, а сердцевина превратилась в уголь.

Сохранилась серия металлических вещей: 3 бронзовые пряжки обычного для таштыкских склепов типа (рис. 71, 5—7); обломок прямоугольной бронзовой пряжки (рис. 71, 4); 2 обычные бронзовые силуэтные парные фигурки головы лошади (рис. 71, 1, 2); обломок какой-то бронзовой ажурной фигурки (рис. 71, 3); мелкие железные обойма, кольцо, изогнутая проволока, крючок, обойма с заклепками (рис. 71, 8, 9, 12—14); 11 обломков железных

проволоки и стерженьков, среди них 2 обломка представляют собой части вотивных удил (рис. 71, 10, 11).

Исследованные 2 малых склепа (3 и 4) отличаются от многих других тем, что они сгорели после того, как уже успели в значительной мере заполниться землей, прикрывшей собой нижние ряды погребенных в них трупов, мумий и кукол с пеплом сожженных людей. Благодаря этому нижние ряды погребенных не сгорели, а подверглись обычным процессам гниения и разложения органических веществ в земле.

Основное же отличие этих склепов заключается в другой конструкции их погребального сооружения и в ином обряде погребения. Очень важно, что перед нами в данном случае не просто один из вариантов таштыкских склепов, а принципиально другой тип погребальных памятников. Конструкции таштыкских склепов сильно варьируют. Двух одинаковых склепов еще не находили. Но, оказывается, существовали и разные типы склепов. Оба больших склепа на Тепсее, хотя и различны по устройству и обряду погребения, но принадлежат одному типу сооружения (сруб с тыном и с полатами или галереями) и обряду погребения (хоронят куклы с вложенным в них пеплом сожженных взрослых людей). Малые склепы принадлежат другому типу как по устройству (сруб, обложенный снаружи плитами), так и по погребальному обряду. В них хоронили попеременно трупы взрослых людей, мумифицированные трупы и пепел сожженных людей, вложенный в куклу. Это места упокоения, очевидно, двух разных социальных групп таштыкского населения. Определение и изучение их — увлекательная и важная историческая задача, решение которой будет возможно лишь после раскопок серии памятников, подобных тепсейским.

ДЕТСКИЕ ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ

Могили таштыкской культуры на поверхности земли имеют вид небольших (диаметром 1—5 м) круглых или приближающихся к кругу площадок, как бы вымощенных камнем, иногда незначительно возвышающихся над окружающей поверхностью. Таких могил нами раскопано только 4 (4, 22, 23, 29). Остальные исследованные могилы были открыты либо при раскопках могил кыргызского времени (мог. 8, 12, 37, 39), либо на площадях, вскрываемых сплошным раскопом (основная масса). В этих случаях развалы каменных надмогильных сооружений таштыкских могил были повреждены, а иногда и полностью уничтожены, или же они слились с остатками бо-

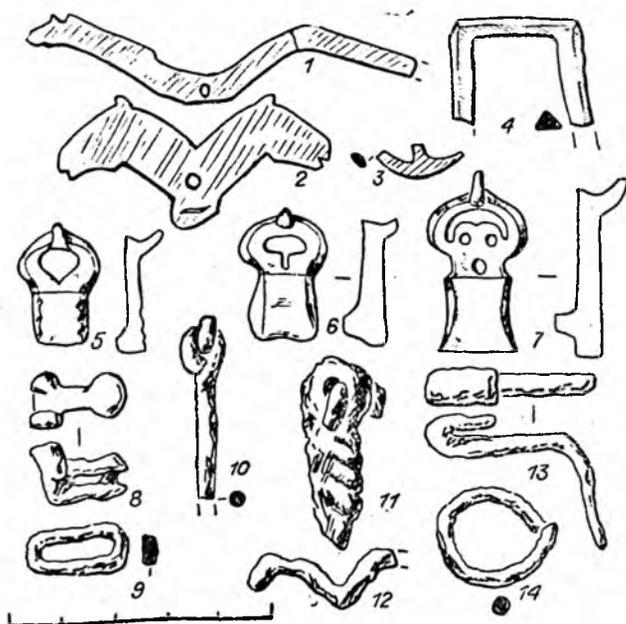

Рис. 71. Тепсей IV. Вещи из склепа 4:
1—7 — изделия из бронзы; 8—14 — из железа.

лее поздних сооружений и, так сказать, замаскировались ими. Только на площади к западу от склепа 2 и к юго-западу от склепа 3, где не было более поздних могильных сооружений, удалось раскрыть каменные надмогильные сооружения (мог. 40, 41, 45, 48) — небольшие круглые плоские холмики диаметром около 4 м, обложенные сверху плитняком. Сохранились лишь основания этих сооружений, а центральная возвышенная их часть разрушена и уничтожена.

Раскопанные нами таштыкские могилы расположены вокруг трех исследованных склепов, больше всего их находилось возле склепа 3. Здесь вскрыты 42 могилы, 35 из них исследованы в 1968—1970 гг. М. Н. Комаровой, частично И. С. Портнягиным до того, как могильник был затоплен. Последние 4 могилы изучены М. Н. Пшеницыной в 1973 г. (мог. 63—65) и М. Л. Подольским в 1975 г. (мог. 66) во время весеннего спада уровня воды в море. Сверху они сильно разрушены волнами моря. Вот некоторые характерные примеры исследованных детских могил.

Могилка 4. На поверхности виднелось лишь несколько выступавших из земли плиток и едва заметное возвышение. Раскопками открыт развал плит надмогильного сооружения, по которому трудно представить первоначальный вид могилы. На глубине 85 см лежал скелет ребенка 3 лет, на правом боку, слегка в согнутом положении, головой на ЮЗЗ. Большая часть костей смещена, кости ног ниже колена не тронуты. В головах находились 2 горшка (рис. 72, 1, 2).

Могилка 24. Возле северо-западной стены большого склепа, над могилами тесинского этапа 24А, 24В, описанными в предыдущем разделе, были открыты еще 3 могилы — 24С, 24D и 24Е.

Могилка 24С. На площади размерами 150×100 см обнаружили ряд плит, лежавших наклонно к середине занятого ими пространства. Внешние края их находились на глубине 50 см, внутренние опустились на глубину до 85 см (рис. 73, мог. С). Похоже, что это прогнущееся покрытие нижележащей могилы 24В. В получившемся воронкообразном углублении стояли 5 целых небольших горшочков² (рис. 72, 8—12), были разбросаны в беспорядке многочисленные разрозненные кости не менее 4 человек (двух взрослых — лобная, лопатка, 2 пяточные, 3 таранные, позвонки; ребенка 4—5 лет — части черепа, ключица, позвонки;

новорожденного — нижняя челюсть) и кости овцы (лопатка, плечевая, бедренная, большая берцовая, фрагменты таза, 5 ребер, астрагал, пяточная). Здесь же найдены астрагал кабарги с двумя сквозными отверстиями и 2 астрагала косули, один из них тоже с отверстием. На поверхности погребенной почвы над могилой находился развал каменных плит, конфигурация которого и точные размеры не установлены. Стена крепиды таштыкского склепа построена прямо поверх этого развала. Значит, могила была на несколько (или десятки) лет старше склепа.

Могилка 24D. Находилась на одном уровне с предыдущей могилой (глубина 85 см), примыкая к ней с юго-запада. В могиле лежал скелет ребенка 5 лет, на спине, головой на ЮЗ. На месте остались кости верхней половины тела и правая бедренная. Остальные кости ног и предплечий смещены, возможно, при устройстве могилы 24С. Над костяком, на 30 см выше (на глубине 50—60 см), сохранилось каменное покрытие из мелких плит, посередине осевших вниз. Размеры его около 150×100 см, глубина 60 см.

Кажется наиболее вероятным, что сначала была устроена могилка 24D, а затем, после полного разложения погребенного в ней трупа, немного его потревожив, выкопали могилу 24С. Плиты южной стенки могилы 24В могли быть вынуты при устройстве как могилы 24С, так и 24D. Разрозненные кости взрослых и детей, обнаруженные в могиле 24С, могли попасть в нее из тесинской могилы 24В. В отношении могил 24С и 24D остается много неясного. Несомненно лишь то, что они относятся к таштыкской культуре.

Могилка 24Е. Под слоем свалившихся со склепа плит, на глубине 15—20 см от современной поверхности, приблизительно над могилой 24С, обнаружили кости взрослого мужчины очень плохой сохранности, частично смещенные. Погребенный лежал, по-видимому, головой на ЮВ. Здесь же находились разрозненные плохой сохранности кости взрослой женщины (лобная, нижняя челюсть, тазовая и некоторые другие) и нижняя челюсть новорожденного. Среди костей встретился фрагмент большого таштыкского сосуда (рис. 72, 13). Эта могила устроена спустя некоторое время после того, как большой склеп разрушился и принял форму пологого каменно-земляного кольцевого возвышения, близкого к современному состоянию. Разрозненные кости человека и фрагмент горшка к погребенному не относятся, они могут происходить из каких-либо других соседних могил. Хронологическая принадлежность погребенного мужчины неясна, вероятно, захоронение относится к послеташтыкскому времени.

² Среди горшочков, на одном уровне с ними, находилась верхняя часть кубка на коническом поддоне, который относится, видимо, к нижележащему погребению. Подробности о нем даны выше, при описании могилы 24В тесинского этапа.

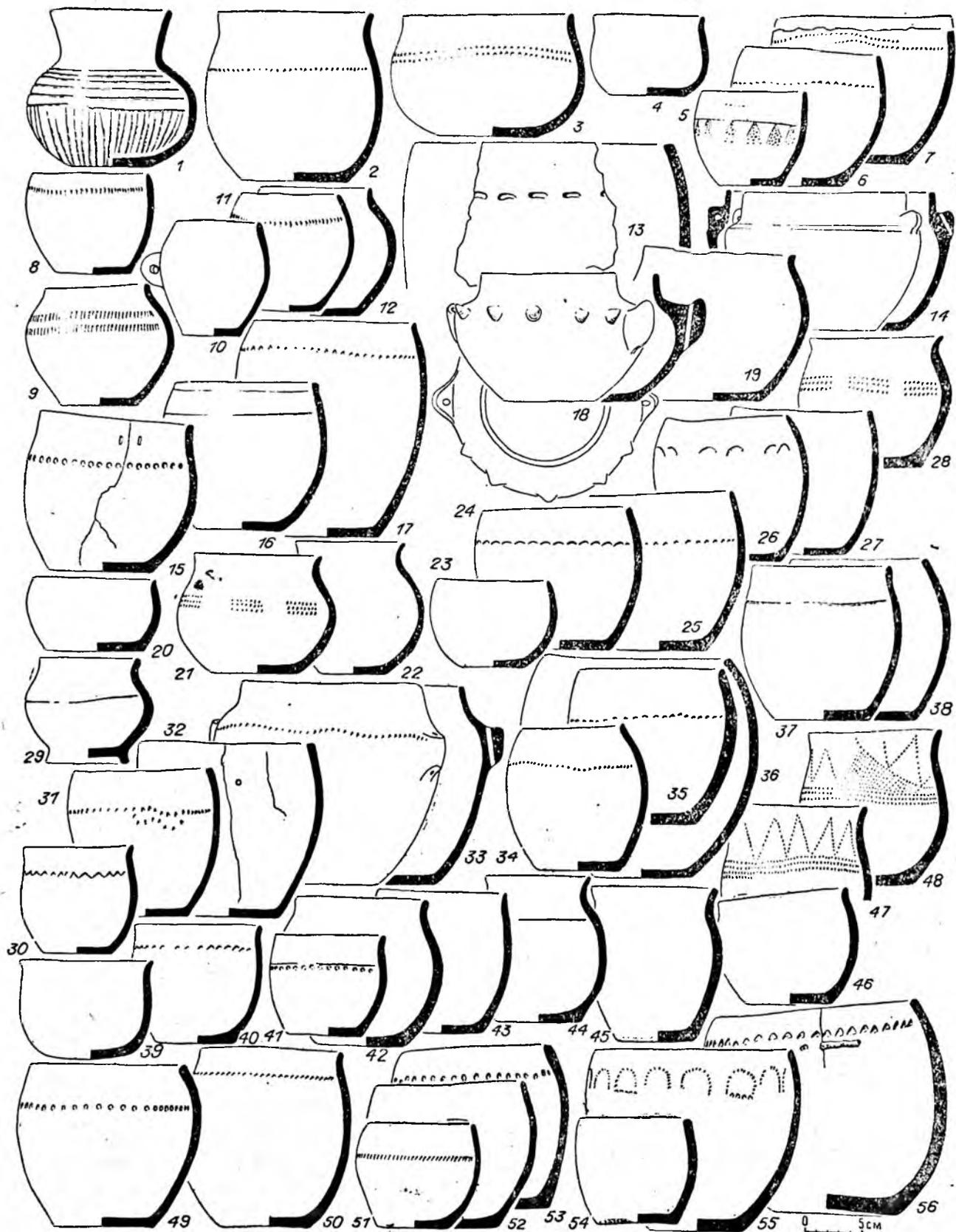

Рис. 72. Тенсей III. Керамика из таштыкских могил:

1, 2—мог. 4; 3, 4—мог. 8; 5—7—мог. 12; 8—12—мог. 24С; 13—мог. 24Е; 14—мог. 37; 15, 20—22—мог. 41; 16—мог. 26; 17—мог. 29; 18, 19—мог. 40; 23—25—мог. 43Б; 26—28—мог. 42; 29—32—мог. 47; 33—мог. 39; 34—36—мог. 48; 37, 38—мог. 45; 39, 40—мог. 55; 41, 42—мог. 58; 43—мог. 51; 44—мог. 54; 45—мог. 53; 46—48—мог. 56; 49—мог. 50; 50—мог. 60; 51, 52—мог. 61; 53—мог. 63; 54—мог. 64; 55, 56—мог. 65.

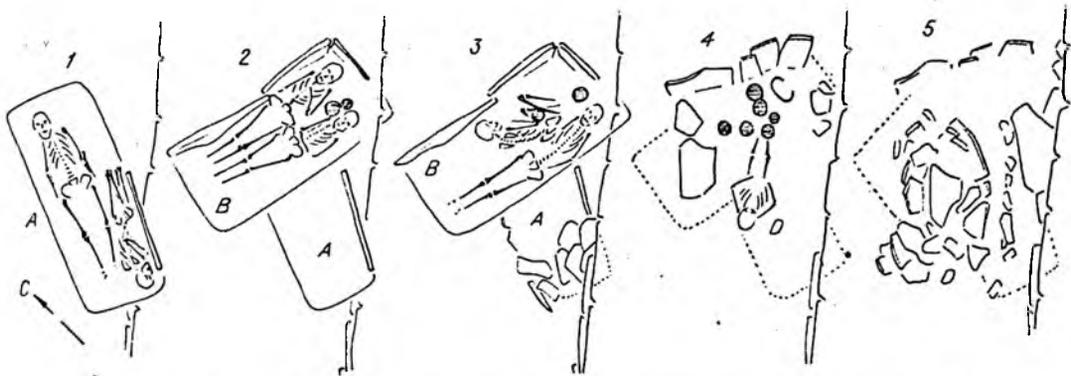

Рис. 73. Тепсей III, могилы 24А—Д. Схема последовательности захоронений:
Глубина: 1 — 130 см; 2 — 120; 3—100—110; 4 — 85; 5 — 60 см.

Могила 29. На поверхности виднелись камни по кругу диаметром несколько более 1 м. Под ними на глубине 40 см лежал скелет новорожденного младенца, на спине, головой на СВ. На том же уровне за головой погребенного сохранились остатки двух или трех продольных бревнышек, вероятно, от покрытия могилы. Слева, возле ног, найден крупный фрагмент горшка, а на 20 см глубже — еще 2 черепка того же горшка (рис. 72, 17).

Могила 40. На поверхности виднелось кольцо камней диаметром 3,5 м с едва заметной западиной посередине. Надмогильное сооружение представляло собой круг из наклонно положенных плит. Это была как бы каменная облицовка плоского холмика диаметром 4—4,5 м. Верхняя часть его разрушена и сравнялась с окружающей поверхностью. На глубине 45 см нашли остатки лежавших в направлении ЮВ — СЗ жердочек покрытия могилы. На глубине 80 см на площади около 80×80 см были разбросаны в беспорядке кости двух младенцев — годовалого (черепная коробка и 2 бедренные) и двухлетнего (большая берцовая, лучевая, локтевая). Среди них находился небольшой горшочек без орнамента, 4 астрагала козули, 3 из них с просверленными отверстиями (рис. 56, 47), лопатка коровы и кости овцы (лопатка, тазовая, ребро).

Могила 41. Совершенно такого же вида, как и предыдущая, только больших размеров. Диаметр ее около 5 м. Возле центра круга открыта прямоугольная яма (140×90 см, глубиной 95 см), заполненная почти до дна вертикально поставленными или свалившимися вниз крупными и мелкими плитами (рис. 74). В их центре стоял вертикально столбообразный камень, верхний конец которого был виден на дневной поверхности. Яму покрывали продольно уложенные плахи, остатки которых сохранились на глубине 25—35 см. Не удалось выяснить, одновременны ли эти плиты с моги-

лой, представляют ли они обвалившееся вниз покрытие или это более позднее сооружение, совпавшее с западной частью могилы и немного разрушившее ее. На дне могилы в северо-западной ее половине стояли в ряд 4 глиняных горшка, а в противоположном конце — 1 (рис. 72, 15, 20—22). Возле первой группы горшков встретились кости животных — лопатка коровы, бедро барана и позвонок молодого барашка, бронзовые накладки и обоймочки с остатками дерева. Кости человека не обнаружены.

Могила 42. После снятия почвенного слоя обнаружилось плохо выраженное кольцо (диаметр 4—5 м) из камней. Но, возможно, это ошибочное впечатление. В северной части кольца находилось скопление камней на площади около 1 м², — видимо, завалившееся вниз каменное покрытие могилы. На глубине 85—90 см выявились остатки истлевшего покрытия из 4 деревянных плах толщиной 3—4 см, уложенных по линии СЗ — ЮВ. Под ними лежал скелет годовалого младенца, головой на СЗ. Размеры могилки 105×50 см. Дно выстлано берестой. В головах погребенного найдены 3 горшка (рис. 72, 26—28), берестяная прямоугольная (13×9 см) коробочка, в которой лежали костяная булавка со стилизованным изображением пары животных (рис. 75) и 3 астрагала козули: один из них с изображением какого-то вазовидного предмета, а два — с просверленными отверстиями (рис. 56, 48, 49). К северо-востоку от погребенного на площади 100×80 см беспорядочно разбросаны кости двух или трех баранов (3 лопатки, плечевая, 19 ребер, 3 тазовые, 2 бедренные, 2 большие берцовые, 2 группы хвостовых позвонков в сочленении). По юго-западную сторону погребенного на площади почти 2 м² лежали перегнившие доски шириной по 20—30 см, ориентированные тоже по линии СЗ — ЮВ.

Могила 58. Располагалась к северо-западу от склепа 3. На глубине 85 см от поверхно-

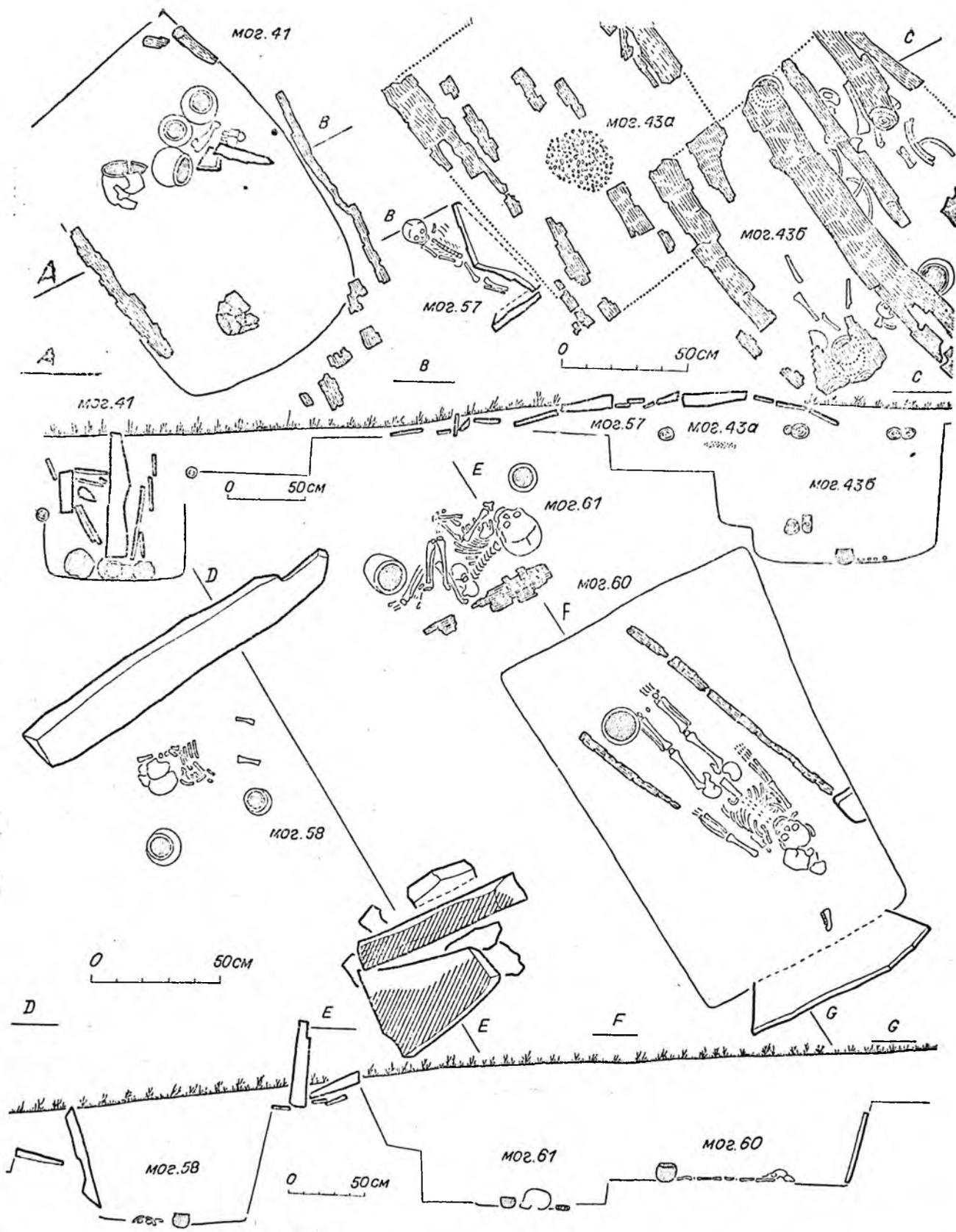

Рис. 74. Тепсей III. Планы и разрезы детских могилки 41, 43, 58, 60, 61.

сти рядом с большой вертикально стоявшей плитой лежал неполный скелет полугодичного младенца, на спине, головой на ЮЗ (см. рис. 74). Справа от него находилось 2 горшка (рис. 72, 41, 42). Рядом с вертикальной плитой в 1,5 м от нее и параллельно ей, еще одна плита, вертикально врытая на глубину 20 см, возвышавшаяся на 50 см над окружающей поверхностью. Возле нее несколько укрепляющих ее плиток (см. рис. 74). Назначение этой и первой, глубоко врытой, плиты неясно.

Могила 60. Возле северного угла склепа 2 на поверхности и на глубине 20—30 см обнаружены мелкие плитки. Ниже, на глубине 90 см, сохранились остатки дерева от сруба размерами 120×40 см. В срубе лежал скелет ребенка 4 лет на спине, головой на ЮВ (рис. 74). Слева в ногах найден горшок (рис. 72, 50), справа — железный стержень (обломок ножа?). В головах, несколько в стороне и под углом к оси могилы, встретилась вертикально поставленная плита и около нее на уровне погребения — обломок челюсти барана.

Могила 61. Располагалась рядом с предыдущей. На поверхности находилось несколько плиток. На глубине 100 см лежал скелет ребенка 4 лет, в скорченном положении, на правом боку, головой на СВ (рис. 74). В головах и в ногах было по глиняному горшку (рис. 72, 51, 52). Вдоль спины уцелели остатки истлевшей деревянной плахи от сруба.

Неожиданно открытый нами детский могильник таштыкской культуры исследован, по-видимому, в большей своей части. Можно предполагать, что раскопанные 42 могилы составляют лишь треть или четвертую часть общего числа погребений. Для большинства исследованных могил устройство надмогильного сооружения осталось неизвестным, но не только потому, что они разрушены при сооружении более поздних могил. Как уже отмечено выше, характерен надмогильный холмик куполообразной формы, обложенный плитняком. Раскопано 5 таких могил. В 11 случаях над погребением сохранились более или менее определенные округлые выкладки из камня или неотчетливые развалы камней над могилой. В трех случаях могилки были покрыты снаружи одной или тремя крупными плитами. Большая же часть могил, возможно, не имела в своей конструкции камня, а земляные небольшие холмики со временем сравнялись.

Внутреннее устройство могил установлено только в некоторых случаях. В песчаном грунте могильные ямы часто не прослеживались, а деревянные конструкции полностью истлели. В трех могилах сохранились остатки сруба из тонких жердочек или плах и в пяти — покрытие из таких же жердочек и досок. Возможно,

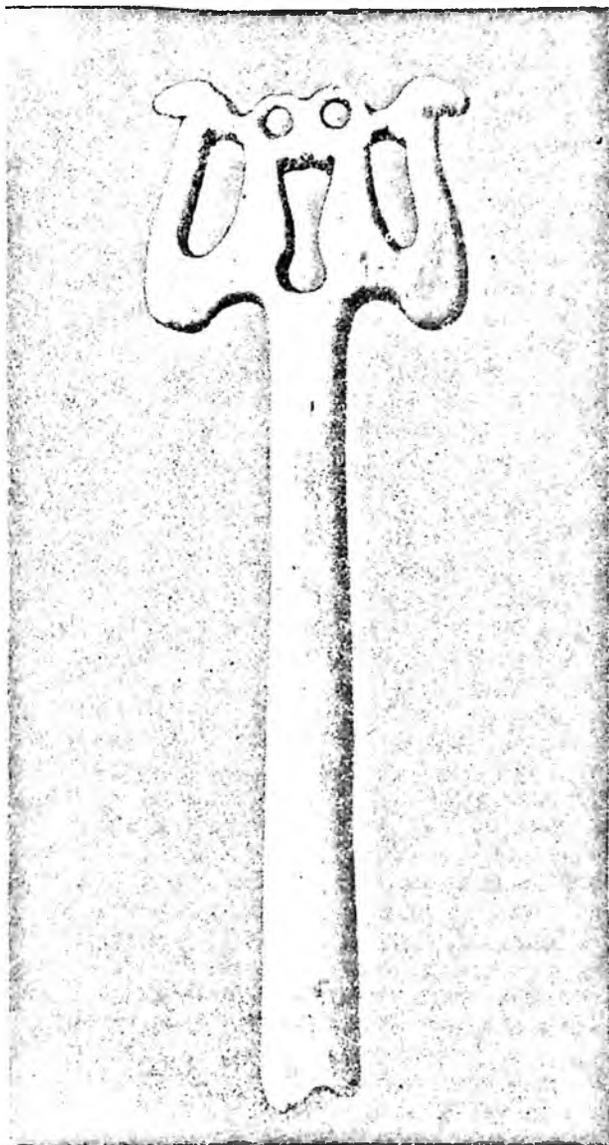

Рис. 75. Тенсей III, могила 42. Роговая булава.

что во многих могилках сруба и не было. Некоторые могильные ямы имели не прямоугольную, а округлую форму. Следовательно, устройство сруба в них и не предполагалось. Глубина могилки обычно достигала 50—80 см, в трех случаях — 40 см и меньше, в трех — 90—105 см.

Все могилки детские. В 15 из них погребены младенцы новорожденные и до 2 лет, в 16 могилках — дети 3—5-летнего возраста, и в одной — 7-летний ребенок. Только в трех могилах были скелеты взрослых людей: женщина старческого возраста, зарытая и закрытая камнями под стеной большого склепа (мог. 52), мужчина, положенный поверх детских могил под стеной второго большого

склепа (мог. 24Е), и женщина, положенная поверх детской могилки почти на поверхности, прикрытая сверху плитой (мог. 48). Это, по-видимому, какие-то особые случаи захоронения людей, не удостоившихся помещения их в склепе.

Погребенные лежали в основном на спине, иногда на правом (2 случая) или левом (1 случай) боку и по одному разу животом вниз и на спине с поднятыми вверх коленями. Ориентировка их непостоянна: чаще головой на СВ (11 случаев) или в обратном направлении (2 случая), реже на СЗ (5 случаев) или в обратном направлении (6 случаев). Сопровождающим инвентарем детские могилки бедны, хотя в 29 из них помещены горшки, обычно небольшие, но в двух случаях крупные, хорошей выделки, подвесные (мог. 37 и 39). В 11 могилах было по 1 горшку, в 24 — по 2, в 9 — по 3 и в 3 — по 4 и 5 горшочков. Других вещей в могилах оказалось совсем мало. Это 2 железных ножа, очень фрагментарных, бронзовые колечко и обоймочки, красивая роговая булавка с головкой в виде сильно стилизованных зверей (мог. 42). В 4 могилах положены астрагалы овцы (3 экз.), косули (9 экз.) и кабарги (1 экз.). Астрагалы косули обычно с отверстием или подточенные, в одном случае с несложным рисунком. Остатков мясной пищи, как правило, не было. Только в 7 могилах найдены кости овцы и коровы. Чаще всего это лопатка, бедренная, берцовая и некоторые другие кости.

Исследованная группа детских могил — новая деталь в наших представлениях о памятниках таштыкской культуры. Были известны так называемые характерные таштыкские склепы и грунтовые могилы, которые тоже можно рассматривать как малые склепы. Теперь же мы познакомились еще с одной разновидностью памятников — вокруг обычного большого склепа устроено своеобразное кладбище, где хоронили только детей способом, отличным от погребения взрослых. Каждого клали в отдельную могилку, не мумифицировали, не сжигали, не снабжали масками. В склепах же останки детей встречались случайно. Исключением на этом кладбище являются захоронения старухи под стеной большого склепа и двух взрослых людей, небрежно погребенных над детскими могилками. Положение этих трех захоронений в могильнике не ясно. К сожалению, и их хронологическая принадлежность к таштыкскому времени не вполне достоверна.

Открытие на Тепсее детского могильника таштыкской культуры заполняет существенный пробел в археологии Енисея. Мы получили новый источник, значительно пополняющий наши сведения о культуре таштыкского времени.

Теперь стало ясно, что таштыкские могильники надо раскапывать не только по видимым на поверхности остаткам могильных сооружений, как это принято в сибирской археологии, а сплошным раскопом, большими площадями, чтобы обнаружить и исследовать и те памятники, которые на поверхности не видны. Детский могильник дает несколько иной материал, чем склепы с погребениями взрослых. Мы получили более полное представление о таштыкской керамике. В детских могилах обнаружены преимущественно небольшие горшочки несколько своеобразных форм, не известных нам по склепам и отличным от той нарядной посуды, какую мы находили в склепах.

Существенным пробелом в археологии бронзы и раннего железа до сих пор является отсутствие данных о детских могильниках. У многих племен и народов в разные времена бытовали представления о душе младенца, отличной от взрослого, проходящей иной жизненный цикл. Поэтому и хоронили детей по особому, отличному от взрослых, обряду и на особых детских кладбищах (Грязнов, 1956, с. 24). К сожалению, детские кладбища либо вообще не сохранились (если детей хоронили, например, на деревьях), либо отыскиваются с большим трудом, так как не имеют внешних признаков на поверхности земли.

ПОМИНАЛЬНИКИ

К юго-западу от склепа 1, на поверхности земли не было видно никаких следов могил, но на значительной площади торчали из земли вертикально поставленные плиты. Наземная часть большинства из них разрушилась или обломана, сохранились в первоначальном виде только некоторые. Они представляют собой стелы высотой до 1 м, расположенные без видимого порядка. Единственная закономерность в положении вертикальных плит на местности — ориентировка. Все они поставлены своей длинной осью по направлению с ЮЗ на СВ, как это характерно для высоких стел в оградах тагарских курганов. Несколько таких вертикальных плит располагалось к северо-востоку от склепов 1 и 3. Основания подобных плит, едва видимые на поверхности, наблюдались и в других местах могильника среди кыргызских могил, но их трудно было выделить из массы большого количества камней в развалах таштыкских и кыргызских могил.

Подобного рода памятники вскрывались в малом количестве и прежде, но до раскопок у горы Тепсей они не могли быть правильно поняты. Лишь после исследования их на больших площадях в пунктах Т. III и Т. IV стало ясно, что они представляют собой места поминальных тризн (Кызласов И. Л., 1975, с. 31).

В Тепсее III в 1968 г. сначала был заложен раскоп А площадью 45 м², а затем раскоп Б площадью 124 м², в 1976 г.— раскоп В площадью 170 м² и, наконец, в 1977 г.— раскоп Г площадью около 30 м² (М. П. Грязнов). Таким образом, вскрыта обширная площадь (более 400 м²) с остатками поминальных приношений таштыкского времени. Остатки таких же приношений обнаружены и при раскопках кыргызских и таштыкских могил около склепов 2 и 3.

В 1970 г. в Тепсее IV, где к юго-западу от малого склепа 4 виднелся ряд вертикально поставленных камней, вскрыли площадь в 130 м², где тоже обнаружили остатки поминальных приношений. Этот вновь открытый вид таштыкских памятников мы называем поминальниками, а каждую ямку с приношениями — старинным русским словом помин.

ТЕПСЕИ III. РАСКОП А. Прямоугольный (9×5 м), заложен так, что в его границы оказались включенными камень высотой 75 см и 4 камня, возвышавшихся на 5—15 см над поверхностью земли. Кроме них на поверхности виднелось еще несколько камней, лежавших горизонтально или наклонно. После снятия почвенного слоя оказалось, что вертикально поставленных плит было больше и некоторые из них сохранились лишь в подземной своей части. На площади раскопа они располагались в 3 не совсем четких ряда по направлению с СЗ на ЮВ. Кроме того, почти по всей площади разбросаны плитки — неправильными группами или поодиночке. Только в одном случае более крупные плиты образовывали как бы покрытие могилы. Под этими плитами, а также еще под одной отдельно лежавшей плитой оказались остатки жертвенных приношений.

В дальнейшем вся площадь раскопа была углублена до 40 см, плиты, находившиеся в нижних горизонтах почвенного слоя, удалены и на раскрытой площади выявились 3 ряда вертикально врытых плит и остатков поминальных приношений, располагавшихся на глубине 40—50 см, по-видимому, в ямках. В ряде случаев остатки приношений располагались возле вертикальных плит, к северо-востоку от них, но большей частью не связаны с ними, хотя и расположены в один ряд. Рассмотрим их по рядам.

Ряд I. Вдоль северо-восточного края раскопа. Состоит из поочередно расположенных двух камней и двух ямок с приношениями. Один камень возвышался на 15 см, другой — на 75 см, перед ними поминалов нет.

Помин 1. Камня нет, только горшок.

Помин 2. Камня нет, под плитой размерами 90×40 см кости молодой овцы — остатки 3 кусков мяса.

Ряд II. Посередине раскопа. Состоял из двух камней без поминов и трех ямок с приношениями.

Помин 3. Два горшка (рис. 76, 1, 2) и рядом с ними кости молодой овцы — остатки четырех кусков мяса. Далее следуют 2 камня без поминов перед ними.

Помин 4. Камня нет, только горшок под каменной кладкой и рядом с ним кости овцы — остатки одного куска мяса.

Помин 5. Камня нет, под каменной кладкой 2 горшка — среднего размера и миниатюрный (рис. 76, 3, 4).

Ряд III. Вдоль юго-западного края раскопа. Если в первых двух рядах камни и остатки приношений размещены более или менее в одну линию, то здесь они располагаются как бы в 2 ряда — один из камней, а перед ним, к северо-востоку — второй из приношений. Начинаясь ряд расщепившимся камнем, едва выступавшим на поверхности. Не к нему ли относится помин 3, отмеченный выше, как не имеющий камня? Затем — расщепившийся камень без помина.

Помин 6. Камень, едва выступавший на поверхности, перед ним большая берцовая кость овцы.

Помин 7. Камень, едва выступавший на поверхности, перед ним горшок (рис. 77, 17).

Помин 8. Камня нет, только горшок (рис. 77, 14) и рядом с ним кости овцы.

Помин 9. Камень, выступавший на 10 см из земли, перед ним горшок (рис. 77, 18) и кости молодой овцы — остатки 4 кусков мяса.

Помин 10. Камень, едва выступавший на поверхности, и перед ним горшок (рис. 77, 3).

Кроме перечисленных остатков поминальных приношений в разных местах раскопа и на различной глубине найдены разрозненные кости и обломки костей домашних животных: не менее двух овец (берцовая, большая берцовая, крестец, ребро, 2 фрагмента черепа и обломок лучевой); коровы (фрагменты двух ребер и фаланга I) и лошади (часть лопатки и зуб). Эти костные остатки, возможно, не имеют отношения к поминальным приношениям, хотя не исключено, что какая-то часть происходит из таких приношений.

РАСКОП Б. Сделан в нескольких метрах к югу от предыдущего. Длина до 15 м, общая площадь 124 м². В раскоп были включены 3 высоких камня (80, 90 и 100 см) и несколько камней, едва возвышавшихся над поверхностью земли (рис. 78). После снятия почвенного слоя обнаружили скрытые под землей основания еще нескольких камней. В нижней части почвенного слоя открылось несколько выкладок из плит — покрытия ямок с поминальными приношениями. Эти выкладки располагались к северо-востоку от вертикальных

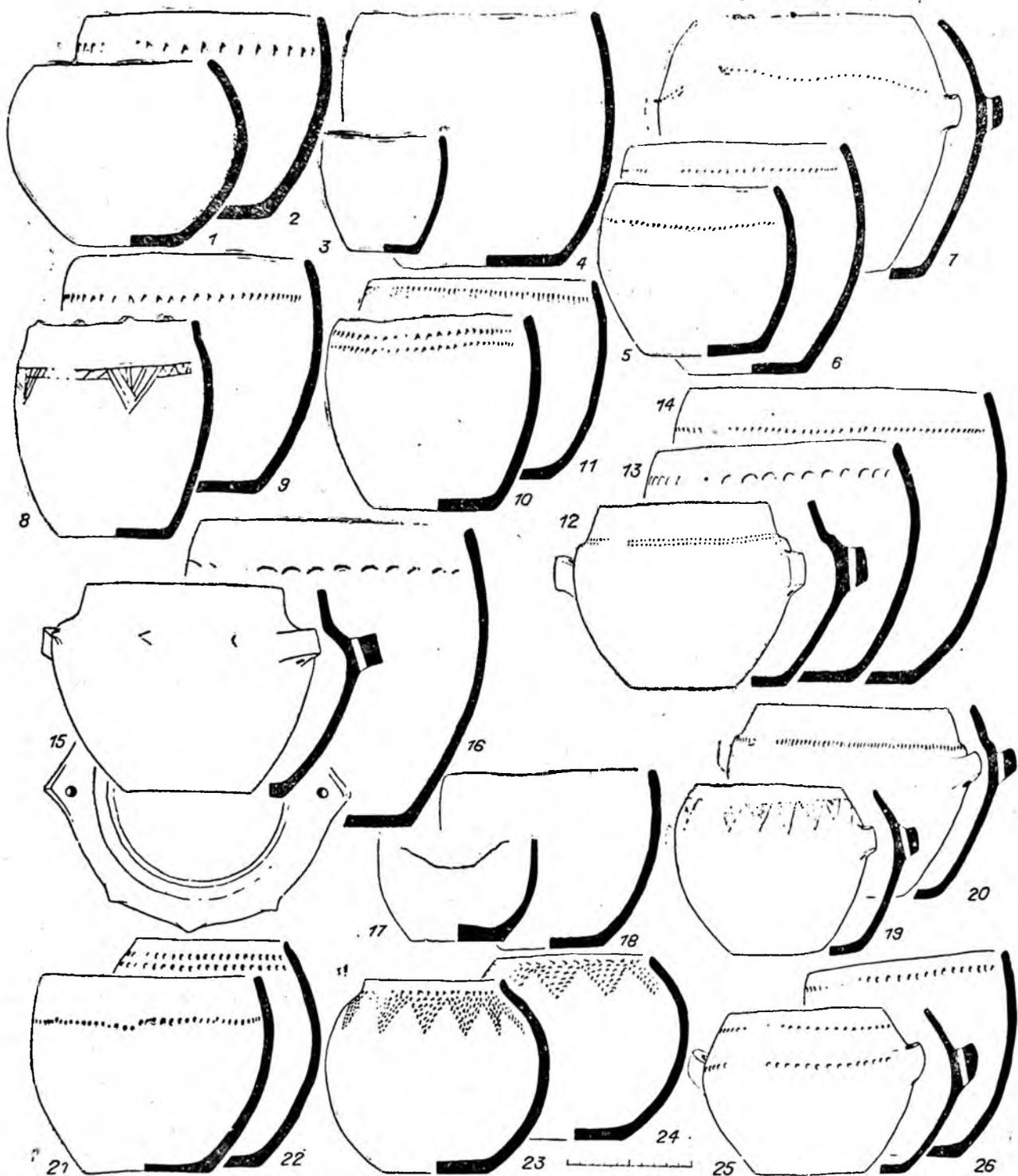

Рис. 76. Тепсей III. Керамика из поминальника:

1, 2—пом. 3; 3, 4—пом. 5; 5—7—пом. 26; 8, 9—пом. 13; 10, 11—по м. 24; 12—14—пом. 59; 15, 16—пом. 60; 17—пом. 66; 18—пом. 20; 19, 20—пом. 61; 21, 22—пом. 64; 23—пом. 23; 24—пом. 65; 25, 26—пом. 62.

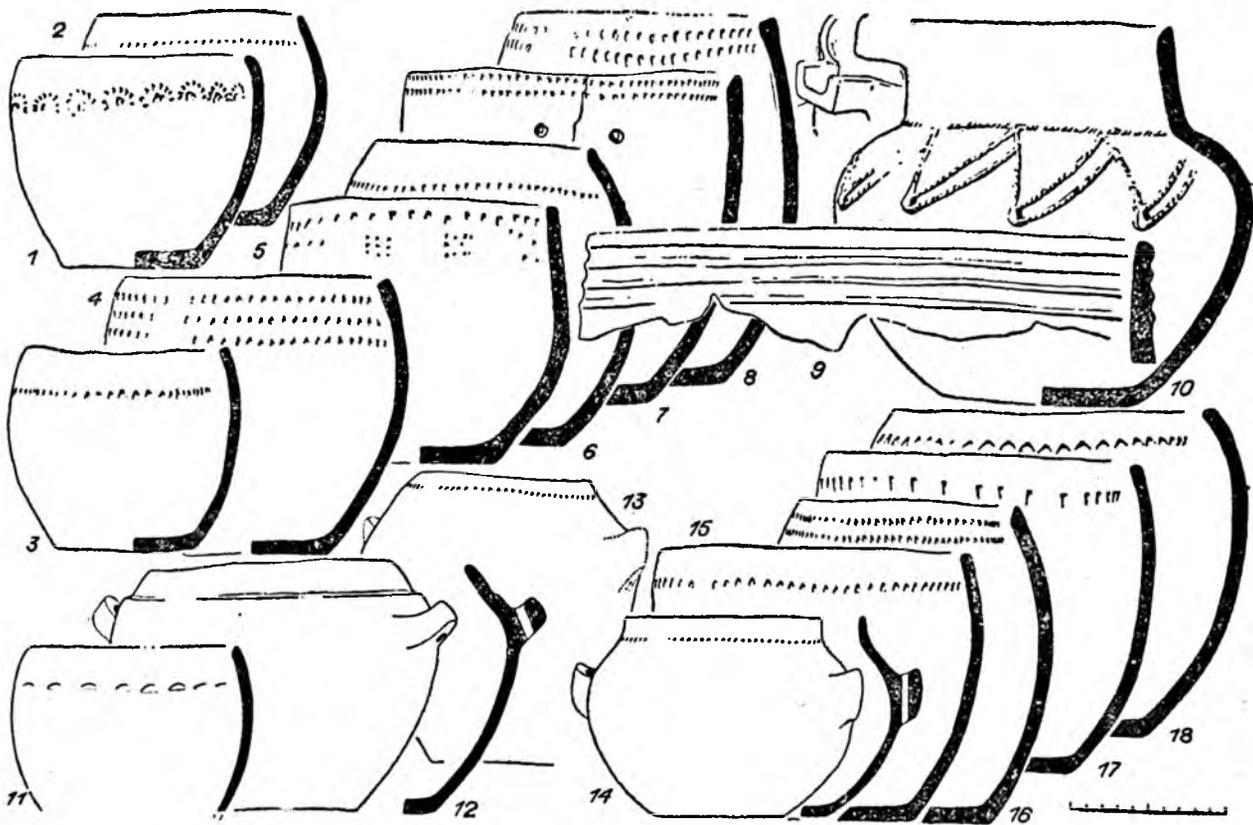

Рис. 77. Тепсей III. Керамика из поминальника:

1 — пом. 14; 2 — пом. 22; 3 — пом. 10; 4 — пом. 63; 5 — пом. 27; 6 — пом. 18; 7 — пом. 28; 8 — пом. 30; 9 — пом. 12; 10 — пом. 16; 11 — пом. 67; 12 — пом. 11; 13 — пом. 19; 14 — пом. 8; 15 — пом. 25; 16 — пом. 29; 17 — пом. 7; 18 — пом. 9.

камней. Сливаясь одна с другой, они иногда создавали впечатленье единой длинной выкладки, хотя при внимательном рассмотрении выявилось, что это сплошной ряд отдельных выкладок. После удаления камней покрытия и отдельно разбросанных плиток стала ясна картина расположения поминальных сооружений. Отчетливо прослеживались 2 ряда вертикальных камней в южной части раскопа и перед каждым камнем поминальная ямка. Менее отчетливыми были ряды камней и ямок в северной половине раскопа. Форма и размеры ямок не установлены, глубина обычно около 50 см, но отмечены и более глубокие до 70 см. Как и в предыдущем раскопе, ряды камней и ямок расположены по линии СЗ — ЮВ.

Ряд I. Вдоль северо-восточной стенки раскопа. Состоит из четырех объектов.

Помин 11. Камня нет, только горшок с парой ушков для подвешивания (рис. 77, 12). Затем камень без помины перед ним.

Помин 12. Камня нет, только венчик большого горшка-корчаги, поставленного вверх дном (рис. 77, 9). Вероятно, в ямку поставили целый сосуд, но потом вся нижняя часть его, оказавшаяся наверху, была кем-то выброшена.

Помин 13. Камень, едва возвышавшийся над поверхностью, перед ним 2 горшка (рис. 76, 8, 9).

Ряд II. Состоит из 5 поминов, если включить в их число и захоронение человека. Начинаясь ряд с камня без помины перед ним.

Помин 14. Камень, сохранившийся только в подземной части. Перед ним большая плита (110×80 см), покрывавшая, очевидно, ямку, в которой стоял горшок (рис. 77, 1).

Помин 15. Покрытие из плит, образовавшее в нижней части почвенного слоя круглую выкладку диаметром 1,8 м. Под ней на глубине 50 см лежал скелет женщины 40—60 лет, животом вниз (рис. 78, справа внизу). Голова была повернута направо, левая рука находилась под животом, правая сильно согнута, кисть направлена к подбородку, левая нога согнута в колене и лежала поперек правой. Вещей не оказалось. Далее в этом ряду стоял камень высотой 80 см. Помин перед ним не обнаружен.

Помин 17. Камня нет, только горшок и возле него кости овцы.

Помин 18. Камень, едва возвышавшийся на поверхности, перед ним горшок (рис. 77, 6) и

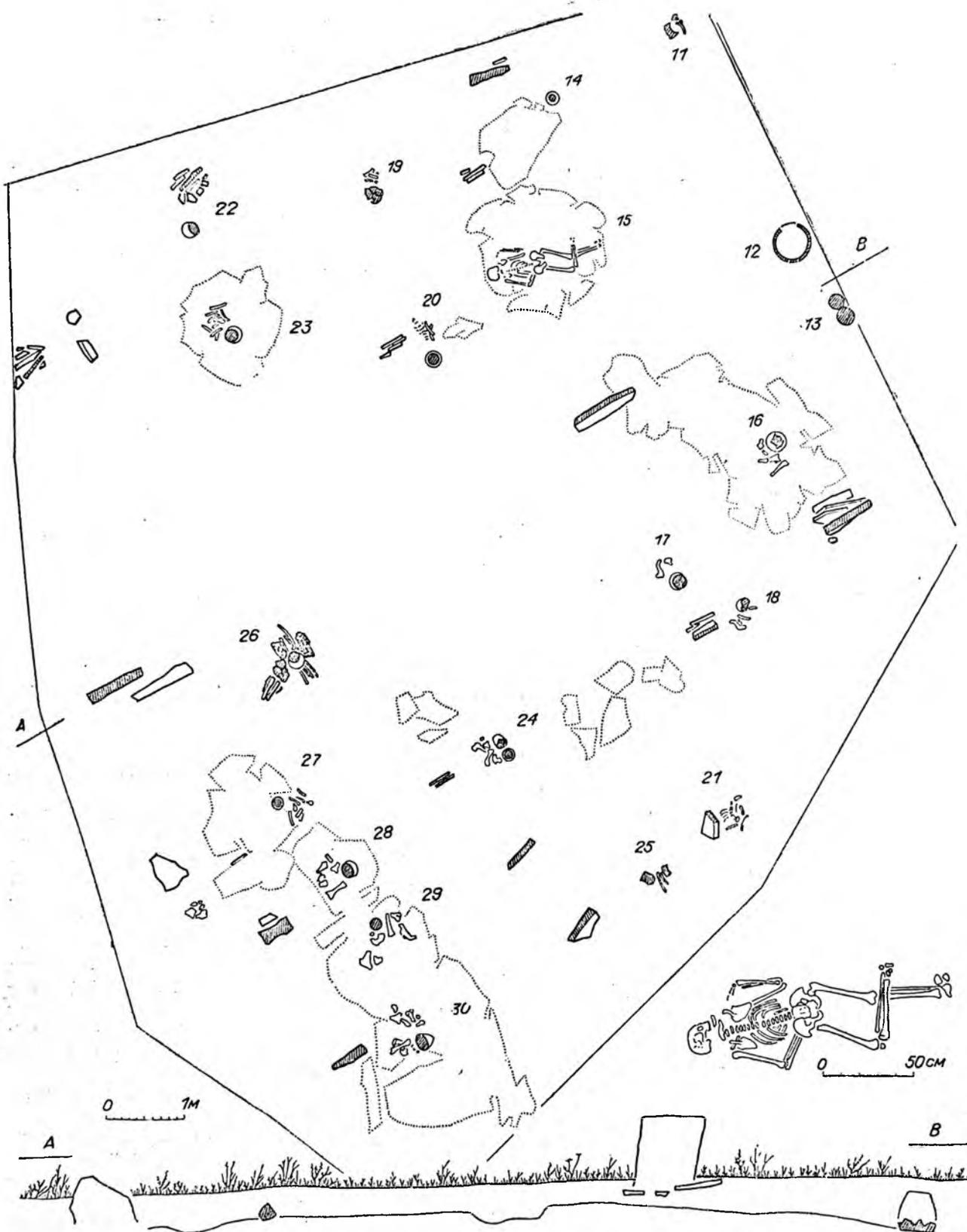

Рис. 78. Тепсей III, поминальник. План и разрез раскопа Б, нижнего горизонта. Пунктиром показаны контуры каменных покрытий над поминами. Справа внизу — помин 15, увеличено.

кости коровы — остатки 4 кусков мяса.

К северо-востоку между рядами I и II, против поминов 17 и 18, находилась удлиненной формы выкладка протяженностью до 3 м.

Помин 16. Под указанной выкладкой в ямке диаметром около 1 м находился горшок со сливом и нарядным налепным орнаментом (рис. 77, 10), возле него — кости коровы — остатки четырех кусков мяса. К юго-востоку от помина — камень, едва возвышавшийся над поверхностью.

Ряд III. Состоит из четырех объектов — 2, затем значительный перерыв и снова 2. Может быть, это концы двух линий, находившихся за границами раскопа.

Помин 19. Камня нет, только горшок (рис. 77, 13) и возле него кости овцы и лошади.

Помин 20. Камень, сохранившийся лишь в подземной части. Перед ним в ямке размерами 80×45 см горшок (рис. 76, 18) и кости овцы — остатки 4 кусков мяса. Далее выкладка (150×70 см) из плит, под которой ничего не обнаружено.

Помин 21. Камня нет, только ямка с костями овцы — остатки семи кусков мяса.

Ряд IV. Состоит из 8 объектов, полностью не сохранившихся. Это наиболее полный ряд поминов, расположенных на расстоянии 100—180 см друг от друга.

Помин 22. Камень, едва возвышавшийся над поверхностью, а рядом с ним, к юго-востоку, горшок (рис. 77, 2).

Помин 23. Круглая выкладка диаметром 130 см из плит. Под ней ямка диаметром 100 см с горшком (рис. 76, 23) и костями двух молодых овец — остатки 11 кусков мяса. Далее один за другим 2 камня, сохранившихся лишь в подземной части. Затем выкладка из плит без каких-либо остатков под ней.

Помин 24. Камень, сохранившийся в подземной части. Перед ним в ямке 2 горшка (рис. 76, 10, 11), один из них с ушками для подвешивания, и кости коровы — остатки 4 кусков мяса. Далее камень, едва возвышавшийся над поверхностью.

Помин 25. Камень высотой 80 см над поверхностью земли. Перед ним горшок, расколовшийся пополам (рис. 77, 15), и 2 ребра овцы.

Помин 26. Находился между рядами IV и V. Камень расслоился и сохранился только в подземной части. Перед ним ямка (60×40 см), в ней остатки дерева, возможно, от ее покрытия, 3 горшка (рис. 76, 5—7), кости овцы и коровы — остатки 5 кусков мяса.

Ряд V. Состоял из 6 объектов: первые 2 раздельно, остальные 4 располагались в ряд и были покрыты как бы одной общей кладкой протяженностью 5,5, шириной 1—1,5 м. Начи-

нался ряд камнем, сохранившимся в подземной части, расслоившимся, без помина перед ним.

Помин 31. Широкий камень, возвышавшийся на 30 см над поверхностью земли. Позади него развалившийся на 3 части горшок.

Помин 27. Камень, расслоившийся, сохранился лишь в подземной части. Перед ним под каменной кладкой ямка, а в ней горшок (рис. 77, 5) и кости взрослой козы — остатки 6 кусков мяса.

Помин 28. Камень высотой 1,1 м. Перед ним под каменной кладкой ямка, а в ней горшок (рис. 77, 7) и кости коровы — остатки 3 или 4 кусков мяса.

Помин 29. Камень, сохранившийся лишь в подземной части. Перед ним под каменной кладкой в ямке горшок (рис. 77, 16), кости коровы — остатки 3 кусков мяса, подпрямоугольная железная пластинка, пробитая 5 гвоздиками. Не оковка ли это треснувшего деревянного сосуда, прибитая к нему с целью починки?

Помин 30. Камень, возвышавшийся на 10 см над поверхностью земли. Перед ним под каменной кладкой ямка (80×50 см), а в ней горшок (рис. 77, 8) и 2 кучки костей животных: лошади — остатки 3 кусков мяса, коровы — остатки 3—4 кусков мяса.

В разных местах раскопа в почвенном слое находились разрозненные кости животных, преимущественно во фрагментах. Среди них кости лошади (3 челюсти, 3 ребра, позвонок и 2 лопатки), коровы (3 пяточные от трех особей, фаланга I, 6 ребер, 2 позвонка, лопатка, бедренная, плюсневая и 2 метаподии), овцы (локтевая, метаподия, 2 плечевые, 3 нижнеплюсневые от двух или трех особей, верхнечелюстная, 2 тазовые, 3 позвонка), косули (3 нижнечелюстные от трех особей, плечевая, локтевая и бедренная), мелких парнокопытных, ближе не определенных (4 ребра, 3 плечевые и 2 тазовые). Всего собрано 55 костей и их обломков не менее чем от 11 или 12 животных, в том числе от одной лошади, трех коров, двух или трех овец, трех косуль и двух мелких парнокопытных, ближе не определенных. Состав и характер костей иной, чем в ямках с поминальными приношениями. Большая часть костей найдена во фрагментах (6 целых костей и 49 обломков), в ямках же обломки встречаются как исключение. Обнаружено много таких костей, которые в ямках отсутствовали: верхне- и нижнечелюстные — 7, пяточные — 3, метаподии — 3, плюсневая — 1, фаланга — 1, что составляет 27% общего числа найденных костей. Надо полагать, что эти костные фрагменты в основной своей массе не являются остатками поминальных приношений, хотя некоторые из них, возможно, и про-

исходят из ямок с приношениями. Но остатки поминальных тризн они могут быть.

РАСКОП В. Это та часть поминальника, находящаяся у самого подножия горы к юго-востоку от раскопа Б, где до раскопок никаких признаков памятников не отмечалось. Исследовалась она в 1976 г., когда почвенный слой здесь был почти полностью уничтожен волнами водохранилища. На размытой поверхности отмели среди раскиданного волнами плитняка виднелись верхние края зарытых в землю горшков, а также разбитые горшки, разрозненные черепки и отдельные кости животных. Вероятно, какую-то часть горшков и костей полностью уничтожили волны, часть унесли или выбросили проходившие здесь люди.

Раскопки этой части поминальника вел Ю. С. Худяков. В прямоугольном раскопе (17×10 м) горшки и кости животных находились либо на уровне размытой водами современной поверхности, либо на дне неглубоких ямок, очертания которых редко удавалось проследить. Вертикально поставленных плит возле ямок с приношениями здесь, по-видимому, не было. Их мы не видели до затопления террасы водой, и на поверхности размыва не оказалось ни одной плиты, которую можно было бы считать упавшей вертикальной плитой поминальника. Не удалось наблюдать и хорошо выраженные ряды поминальных ямок, но это, возможно, объясняется тем, что часть ямок была полностью уничтожена. Раскопки поминальника завершились в конце июля, когда вода подступила к раскопу и стала заливать его. Последние помины пришлось разбирать поспешно, ускоренными темпами.

На исследованной площади в 170 м² открыто 27 поминов. Наиболее часто (16 случаев) помин состоял из одного, двух или трех горшков и костей животных — остатков мясной пищи. В остальных же случаях — либо из одного только горшка, либо только из костей животных. Вместо горшка в двух случаях напитки ставились, видимо, в деревянной посуде, от которой сохранились лишь железные скобочки и пластинки, скреплявшие трещины на сосуде.

Горшки в поминах тех же форм, что и обнаруженные на первых двух раскопах (рис. 79). В 11 поминах стояло по горшку, в 5 — по 2 и в 3 — по 3 горшка. И мясо в помины клалось в неодинаковом количестве. В 7 поминах встречены кости овцы, обычно от 3 — 5 кусков мяса, но в двух случаях — от 5 и в двух — от 7 кусков. В одном случае оставлено мясо от 3 овец, по 3 куска от каждой. В 8 поминах были кости коровы — остатки 4—5 кусков мяса в каждом. Совершенно необычно, что во всех случаях, кроме одного, кости коровы были от мяса, разрушенного на куски, а не разделан-

ного ножом. В известных нам древних могилах всех эпох на Енисее никогда на костях животных не наблюдались следы топора. И все современные коренные народы Сибири не рубят мясо топором, а разделяют тушу животного ножом, расчлняя ее по суставам.

В двух поминах наблюдались остатки древесного тлена: только на дне или на дне и поверх костей. Возможно, это были остатки деревянной посуды (корыта, блюда) и покрытия ямки с положенной в нее пищей.

В 1977 г. в нескольких метрах от раскопа В еще далее на юго-запад был исследован совсем небольшой участок поминальника (раскоп Г). Здесь обнаружено несколько поминов того же характера, что и в раскопе В. Материал еще не изучен, камерально не обработан и пока не может быть подробно освещен.

ПОМИНЫ ВОЗЛЕ СКЛЕПОВ

Ямки с поминальными приношениями, или помины, были обнаружены в разных местах при раскопках кыргызских могил возле таштыкских склепов. Несколько поминов открыто к западу от склепа 3 на размываемой волнами поверхности террасы.

Помин 59. Найден при раскопке кыргызской могилы 14. Под ней, на глубине 115 см от поверхности, стояли 3 горшка (рис. 76, 12—14). Между ними были разрубленные кости коровы — остатки многих относительно небольших кусков мяса.

Помин 60. Обнаружен при раскопке кыргызской могилы 28. В 40 см к северо-западу от нее, на глубине 1 м, стояли 2 горшка (рис. 76, 15, 16). Возле них кости овец — остатки 2 кусков мяса от крупной овцы и 12 кусков мяса от мелкой. Параллельно остаткам поминальных приношений, в 30 см к югу от них, но на 45 см выше, шел ряд мелких плиток в положении, близком к вертикальному. Возможно, это остатки от плиты, поставленной в направлении СЗ — ЮВ, выброшенной впоследствии при устройстве кыргызской могилы.

Помин 61. Обнаружен рядом с предыдущим, в 100—130 см к северо-востоку от него. Вертикально поставленная широкая (1,1 м) расщеливающаяся плита ориентирована по линии ЮЗ — СВ. Верхний край ее обломан, на поверхности она не была видна. Рядом с ней с северо-западной стороны на глубине 60 см найдено 2 сосуда (рис. 76, 19, 20).

Помин 62. Обнаружен при раскопке кыргызской могилы 32. Совсем рядом с могилой, с юго-восточной ее стороны, на глубине 70 см (на 40 см выше дна могилы), находилось 2 горшка (рис. 76, 25, 26). Рядом с ними кости овец — остатки 9 кусков мяса.

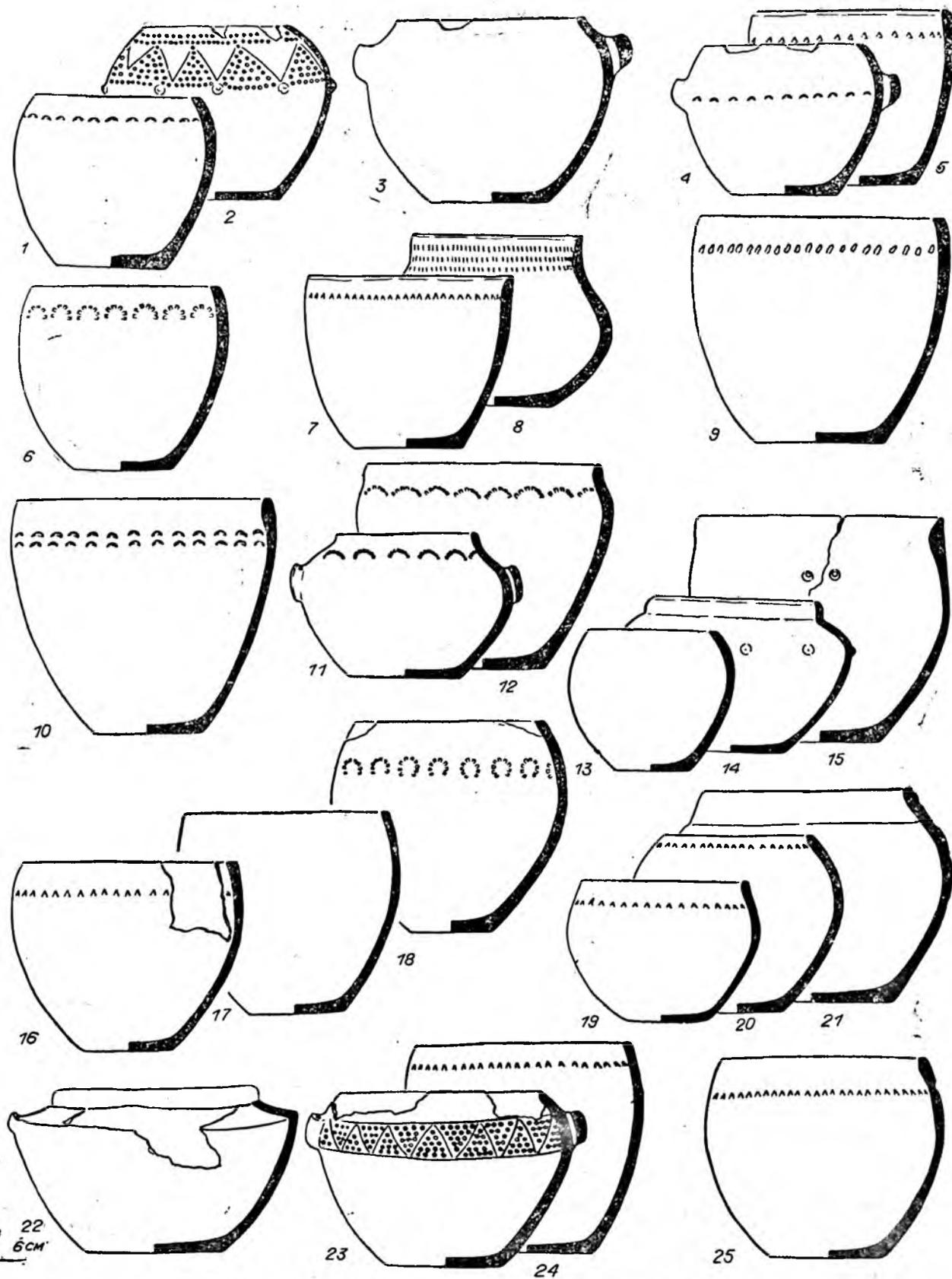

Рис. 79. Тепсей III. Керамика из помпшальника (раскоп В):

1, 2 — пом. 32; 3 — пом. 33; 4, 5 — пом. 34; 6 — пом. 35; 7 — пом. 39; 8 — пом. 40; 9 — псм. 38; 10 — пом. 41; 11, 12 — пом. 42; 13—15 — пом. 43; 16 — пом. 44; 17 — пом. 45; 18 пом. 50; 19—21 — пом. 46; 22—24 — пом. 51; 25 — пом. 52.

Помин 63. Обнаружен при раскопе кыргызской могилы 33. На глубине 70 см, в 50 см к северу от могилы, на 30 см выше ее дна, стоял горшок (рис. 77, 4). Костей животных не оказалось.

Помин 64. Обнаружен при раскопке кыргызской могилы 44, в 20 см к юго-западу от нее (рис. 80, левый). На глубине 90 см — повалившиеся набок 2 горшка (рис. 76, 21, 22) и рядом с ними рубленые кости коровы — остатки 3 кусков мяса.

ный ряд вертикальных плит (см. рис. 5). Длина ряда 16 м, ориентировка ССЗ — ЮЮВ. Плиты большей частью раслоились, наклонились преимущественно к югу, некоторые повалились, сохранившись на высоту 0—40 см над поверхностью земли. Поминальник исследован сплошным полигональным раскопом (рис. 81) в 1970 г. Н. А. Аванесовой.

На вскрытой площади выявлены 23 поминки и могилка с захоронением пепла сожженного человека (Т. IV, мог. 7). Другая такая же

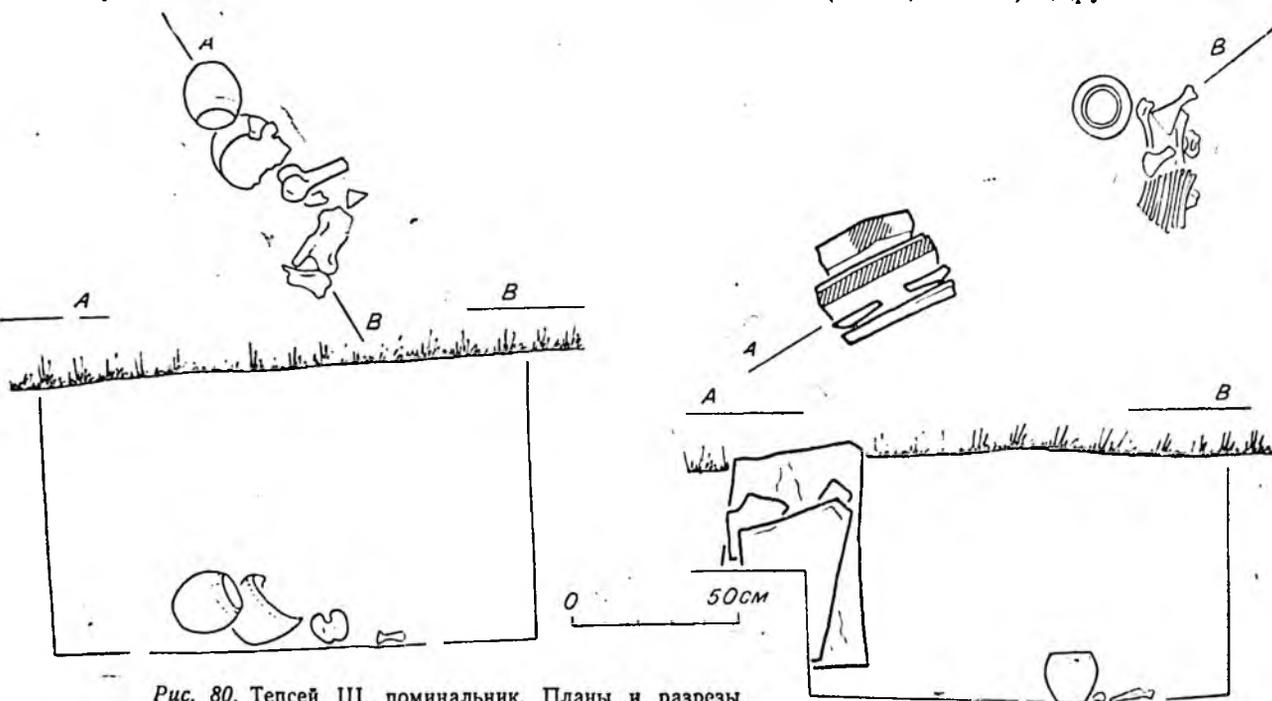

Рис. 80. Тепсей III, поминальник. Планы и разрезы поминков 64 (слева) и 65 (справа).

Помин 65. Обнаружен при раскопке таштыкской могилы 48, в 1 м к востоку от нее. Вертикально поставленная плита, ориентированная по линии ЮЗ — СВ, врыта на глубину 60 см. Наземная часть ее была обломана и отсутствовала (рис. 80, правый). В 50 см к северо-востоку от плиты находились горшок (рис. 76, 24) и кости овцы — остатки 5—6 кусков мяса.

Помин 66. Рядом с таштыкской могилкой 63. Обнаружен в 1973 г. на размытой волнами поверхности. В небольшом углублении выявлена нижняя половина сосуда (рис. 76, 17).

Помин 67. Обнаружен в 1,5 м к северо-западу от склепа 1. В ямке были черепки раздавленного сосуда (рис. 77, 11).

ПОМИНАЛЬНИК ТАШТЫКСКОГО СКЛЕПА 4

Поминальник в пункте Т. IV расположен к юго-западу от склепа 4. В 11 м от склепа стоял высокий камень, а на 4 м дальше — длин-

могила открыта рядом с раскопом, около южного конца ряда поминальных камней (мог. 8). Наконец, к северо-востоку от склепа 4 в том же 1970 г. М. Н. Комаровой раскопаны 2 каменные могилы (5 и 6), которые, по аналогии с захоронением женщины в поминальнике могильника Тепсей III (пом. 15), надо как-то связывать с поминальными памятниками. Около восточного угла раскопана детская могилка 3. Поскольку других могил, рассмотренных со склепом 4, не обнаружено, мы рассмотрим ее сразу после описания могил 5—8.

Каждый помин обычно включал вертикально врытую плиту, ориентированную по линии ЮЗЗ — СВВ или ЮЗ — СВ, поставленные в ямке к северо-востоку от нее один, два или три горшка и рядом с ними кости животных. У всех плит верхняя часть обломана, многие из них совсем не видны на поверхности, или же их верхние обломанные края едва возвышались над ней. Только в двух случаях высота плит достигала 50 и 80 см. Плиты вкапыва-

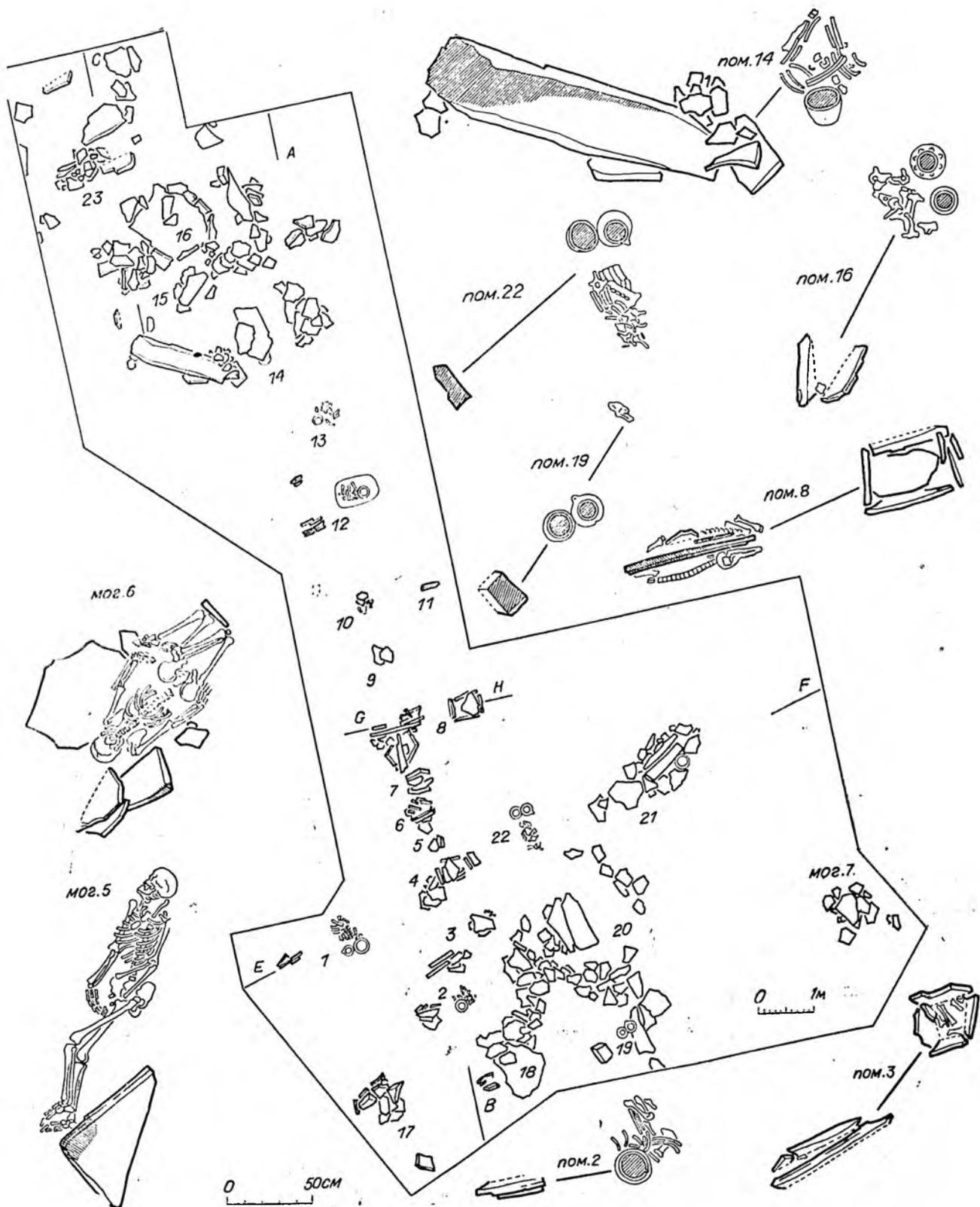

Рис. 81. Тепсей IV, поминальник. План и детали.

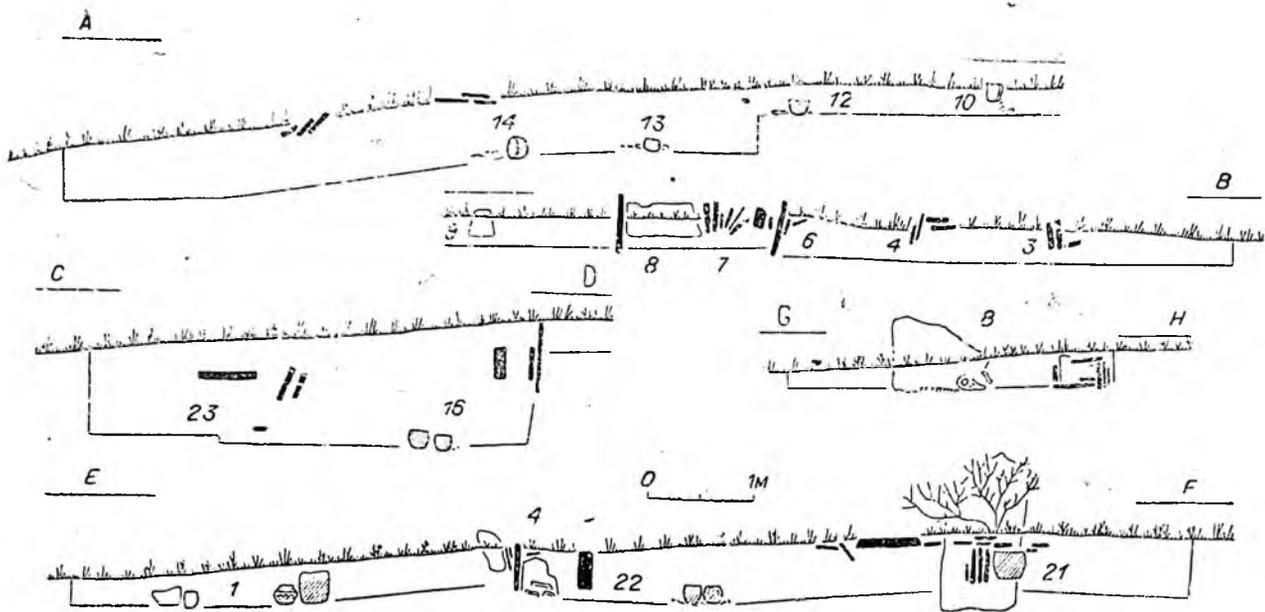

Рис. 82. Тепсей IV, поминальник. Разрезы к плану на рис. 81. Цифрами отмечены номера поминков.

лись на глубину 30—60 см, по бокам укреплялись несколькими плитками. Некоторые плиты расслоились.

Помин 1. Около южного конца основного ряда камней, к западу от него. От вертикальной плиты сохранились на глубине 40 см 4 плитки,— вероятно, остатки крепления (см. рис. 81, 82). Перед ними на том же уровне находились 2 сосуда — большой баночной формы и малый горшковидный (рис. 83, 1, 2). У последнего край венчика в свое время был поврежден (выломан небольшой кусок) и затем починен — замазан глиной. Рядом с горшками кости овцы — остатки 14 кусков мяса. Поверх большого горшка сохранился кусок дерева. Возможно, это остатки деревянного покрытия ямки с поминальными приношениями.

Помин 2. В южном конце основного ряда камней. Уцелела нижняя часть вертикально поставленной плиты. Перед ней на глубине 50 см стоял горшок (рис. 83, 5) и рядом кости овцы — остатки 5 кусков мяса.

Помин 3. Обнаружен рядом с предыдущим. Вертикальная плита, была врыта на глубину 30 см, вытупала над поверхностью на 15 см. Перед ней на глубине 40 см подобие квадратного (25×25 см) ящика из четырех плиток, покрытого плитой. На дне лежала железная скобочка, вероятно, от починенного с ее помощью деревянного сосуда, и кости овцы — остатки 5 кусков мяса.

Помин 4. Остатки вертикально поставленной плиты и совсем рядом с ними, к западу, каменный ящик (65×30 см) из четырех плит.

Ящик поставлен на глубине 40 см, а торцовые плиты его выступали на 10—15 см над поверхностью. На дне кости овцы — остатки 6 кусков мяса.

Помины 5—7, 9, 11. Вертикальные плиты, врытые на глубину 35—45 см. На поверхности виднелись верхние края расслонившихся плит и плиток, укреплявших их в вертикальном положении. Вертикальные плиты возвышались на 5—15 см над современной поверхностью земли. Остатков приношений не обнаружено.

Помин 8. Плита, врытая на глубину 40 см, возвышалась на 20 см. Была укреплена несколькими плитками, в том числе плитой-контрфорсом с южной стороны, размерами 20×35 см. Под плитой и ее контрфорсом находились кости овцы — в сочленении лежали череп, позвоночник и все кости левой половины туловища (половина туши овцы). В 70 см к востоку от плиты, на той же глубине, обнаружен небольшой каменный ящик (55×40 см, высота 25 см). Дно его покрыто плитой, сверху он также закрыт плитой. Остатков приношений не обнаружено.

Помин 10. Незначительные остатки вертикально врытой плиты и совсем рядом с ними, с южной стороны, на глубине 30 см, кости овцы — остатки не менее 5 кусков мяса.

Помин 12. Часть вертикальной плиты и укреплявшие ее плитки. В 40 см к северо-востоку от них, в овальной ямке (80×65 см, глубина 30 см) найдены горшок (рис. 83, 3), кости овцы (от 4 кусков мяса) и коровы (от 2 кусков).

Помин 13. В 60 см к северо-востоку от того

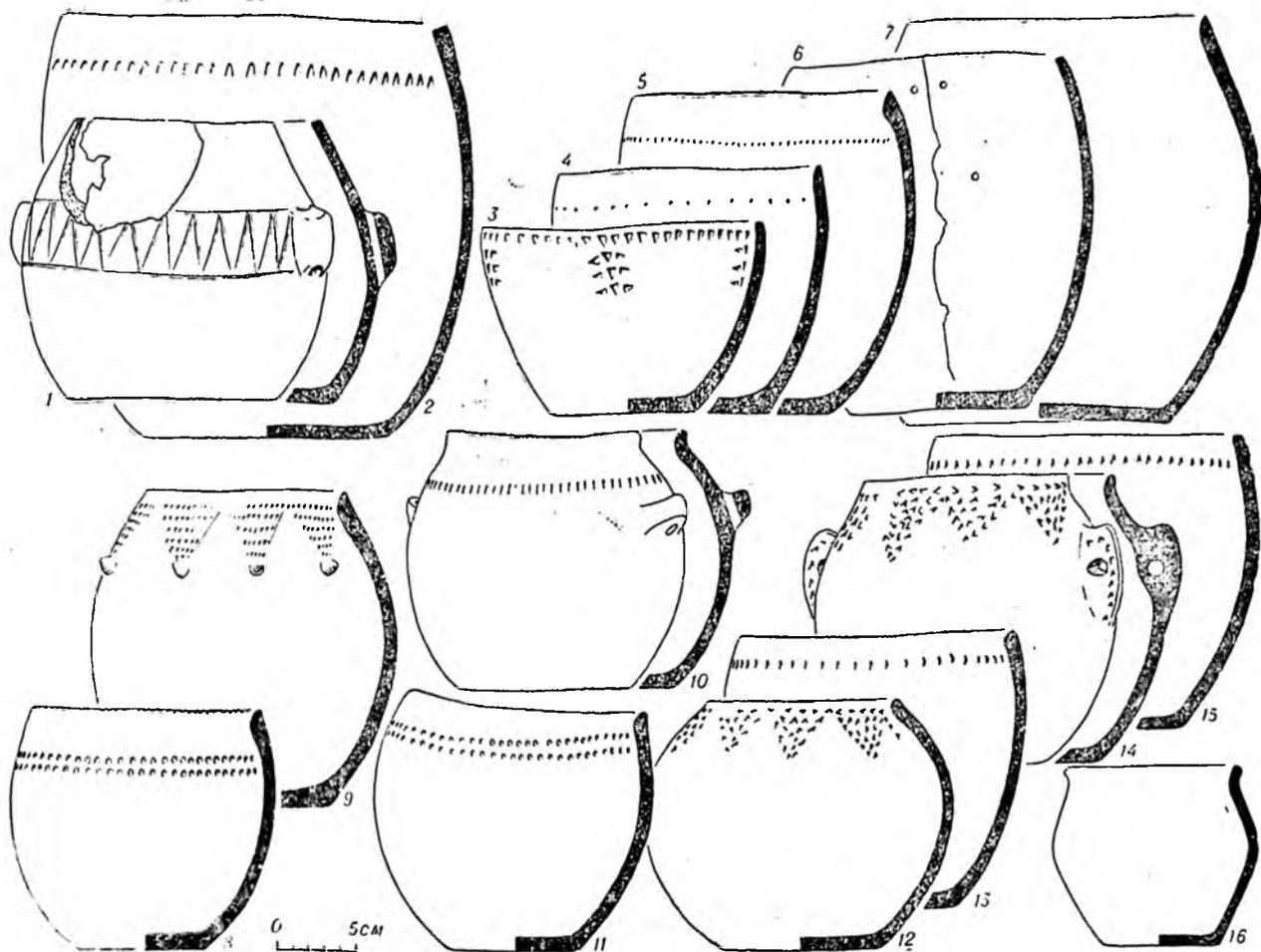

Рис. 83. Тенсей IV. Керамика из поминальника:

1—2 — пом. 1; 3 — пом. 12; 4 — пом. 13; 5 — пом. 2; 6 — пом. 14; 7 — пом. 21; 8, 9 — пом. 16; 10, 11 — пом. 19; 12 — пом. 20; 13, 14 — пом. 22; 15 — пом. 17; 16 — мог. 3.

места, где, судя по плану, должна была быть вертикальная плита, на глубине 55 см стоял горшок (рис. 83, 4). Здесь же находились разрубленные на части позвонки коровы. Плита, очевидно, была поставлена в свое время, но в последующие эпохи ее, возможно, выкопали и употребили на сооружение других могил.

Помин 14. Упавший столбообразный камень, полностью сохранившийся. Длина его около 1,9 м, предполагаемая высота около 1,5 м. В 40—50 см к северо-востоку от предполагаемого его первоначального местонахождения, под большой (90×50 см) каменной плитой, на глубине 60 см, обнаружили горшок (рис. 83, 6) и кости коровы — остатки нескольких кусков рубленого мяса, железную скобку, вероятно, от деревянного сосуда, которой он был починен.

Помин 15. Несколько плит, покрывавших площадь 80×45 см в том месте, где, судя по

плану, должен был находиться помин. Однако остатков поминальных приношений не обнаружено.

Помин 16. Полностью скрытая под землей нижняя часть плиты, врытой на глубину 70 см. Перед ней на глубине 120 см найдены 2 сосуда (рис. 83, 8, 9). Рядом с ними разрубленные позвонки коровы — остатки нескольких кусков мяса.

Описанные поминны 2—16 расположены в один ряд. К этому же ряду принадлежит в северо-западном его конце помин 23, а в юго-восточном — помин 18. Возле этого конца ряда расположено еще несколько поминнов — один с западной стороны (17) и четыре с восточной (19—22).

Помин 17. Группа плиток, покрывавших площадь 80×70 см. Под ними горшок.

Помин 18. Незначительные остатки вертикально стоявшей плиты и к востоку от них плиты, покрывавшие площадь около 140×80

см. Одна плита большая — 100×80 см. Остатков поминальных приношений не обнаружено.

Помина 19. Столбообразный камень, врытый на глубину 40 см. Верхняя часть обломана. Перед ним на глубине 50 см стояли 2 сосуда (рис. 83, 10, 11).

Помина 20. Столбообразный камень, едва возвышавшийся над поверхностью земли, врытый на глубину около 50 см. Верхняя часть обломана. В 50 см к северо-востоку от него на глубине 55 см находился горшковидный сосуд (рис. 83, 12), а возле него — кости овцы — остатки 4 кусков мяса.

Помина 21. Вертикально поставленная широкая (60 см) плита, врытая на глубину 80 см. Верх обломан. Высота сохранившейся над поверхностью земли части 70 см. В основании плита укреплена несколькими плитками-контрфорсами. Рядом с ней, в углу, образованном ею и плитками контрфорса, на глубине 45 см, обнаружили большой сосуд (рис. 83, 7) и рубленые кости коровы — остатки нескольких кусков мяса. Все это покрывал слой плиток.

Помина 22. На глубине 55 см встретились 2 сосуда (рис. 83, 13, 14), возле них — 3 железные скобочки, очевидно, от несохранившегося треснувшего деревянного сосуда, починенного с их помощью, рядом — кости коровы от нескольких кусков нарубленного мяса.

Помина 23. Последний в северном конце основного ряда поминов. Здесь была, по-видимому, круглая ямка глубиной 70 см, диаметром около 60 см, стенки которой обставлены плитками на высоту до 40 см, сверху она тоже покрыта плитками. Остатков приношений не обнаружено.

Расположенные в непосредственном соседстве с поминальником могилы 7 и 8, возможно, имели с ним какую-то связь. Связаны с ним также могилы 5 и 6. Поэтому рассмотрение поминальника мы заканчиваем описанием указанных 4 могил и могилы 3 — единственного детского захоронения, относящегося к склепу 4, а также могилы 9, датировка которой и отношение к таштыкскому склепу, к сожалению, не установлены.

Могила 7. Несколько в стороне от основного ряда поминальных камней на поверхности была видна выложенная плитками площадка размерами около 1 м². Под ней на глубине 30 см обнаружен пепел сожженного взрослого человека. Вещей нет. Пепел находился, по-видимому, в каком-то вместилище из нестойких материалов.

Могила 8. На расстоянии 2 м от крайних южных поминов (17 и 18) на поверхности были видны 3 продолговатые плитки, уложенные в ряд, покрывавшие собой площадь 60×50 см. Под ними, как и в предыдущей могиле, лежал пепел сожженного взрослого человека.

Могила 5. В 9 м к северо-востоку от склепа 4 обнаружен каменный круг диаметром около 6 м, слегка возвышавшийся (на 15—20 см) над окружающей поверхностью, беспорядочно заполненный плитняком. В центре торчал угол массивной вертикально поставленной плиты. При раскопках каменный круг был разделен пополам. Каменное устройство могилы расчищено только в северо-восточной половине, а в юго-западной земля и камни удалялись сразу же без их зачистки. Среди плиток и в заполнении ямы встречены зубы лошади, пяточная кость и ребро барана, мелкие черепки сосудов без орнамента, кремневое орудие (скребок) и обломок каменной терки, к погребению, видимо, не относившийся. На глубине 20—50 см от поверхности вскрыли 2 большие наклонно лежавшие плиты размерами по 90×60 см. Под ними на глубине 90 см находился скелет мужчины 40—60 лет, на правом боку, головой на С (рис. 81, слева внизу). Возле ног параллельно скелету вертикально была поставлена большая плита, верхний конец которой и виднелся на поверхности земли. Возможно, погребенный лежал вдоль стены, составленной из трех вертикальных плит. Южная плита со временем наклонилась в сторону погребенного, а 2 другие повалились и прикрыли его. Их нижние края вывернулись и приподнялись кверху. Вещей не оказалось.

Могила 6. Находилась в 7 м от предыдущей и в 11 м от склепа 4. На поверхности виднелись верхние края вертикально поставленных плит, ориентированных по линии ЮЗ — СВ. К северу от них на глубине 15—20 см слой мелких плит занимал овальную площадь размерами 110×80 см. По-видимому, это осевшее вниз каменное покрытие могильной ямы. Под ним, на глубине 40—50 см от поверхности, на большой плите (90×60 см) в анатомическом порядке лежал скелет женщины 40—60 лет, головой на ЮЗ, в необычном положении — животом вниз, с сильно согнутыми в коленях ногами, закинутыми назад так, что стопы ног касались тазовых костей, руки были вытянуты вдоль тела (рис. 81, слева посередине). Параллельно скелету возле головы и плеч стояли 3 упомянутые плиты, верхние края которых торчали на несколько сантиметров над поверхностью.

Могила 3. Располагалась в 3 м к юго-востоку от склепа. На поверхности земли виднелся верхний край вертикально стоявшей плиты. Раскопками выявлена забутовка из вертикально поставленных или набросанных плит, заполнявших площадь около 130×35 см, ориентированную по линии СЗ — ЮВ. К моменту раскопа плиты наклонились в юго-западную сторону. Рядом с ними на глубине 75 см лежал скелет ребенка 4 лет, на спине, головой

на СЗ. Слева в головах обнаружены горшочек (рис. 83, 16) и ребро барана.

Могила 9. В 1976 г., когда волны водохранилища стали подмывать террасу, на которой располагался пункт Т. IV, в обрыве были замечены косточки человека — фаланги руки и шейные позвонки. Раскопки показали, что здесь, в 6 м к востоку от помина 23, находилась грунтовая могила без внешних признаков на поверхности. На глубине 60 см лежал скелет молодой женщины в возрасте около 25 лет, на спине, головой на ЮЗ. Череп и кости левой руки обрушились вниз. Под нанесенными волнами бревнами сохранился только череп. Под правой рукой женщины выявлен скелетик младенца, по-видимому, преждевременно родившегося, его косточки по размерам значительно меньше, чем у нормального новорожденного. Вещей не было.

Описанные могилы располагались возле таштыкского склепа и относившегося к нему поминальника. Одна из них (мог. 3, детская) обычна для таштыкского времени. Могила 9 хронологически не определена, но для этого времени она не типична. Остальные 4 могилы (5—8) следует относить, очевидно, к исследованному таштыкскому поминальнику, хотя для таштыкского времени они совсем необычны. Во всех таштыкских могилах находили глиняную посуду и костные остатки мясной пищи. В могилах 5—8 этого не было. Особенно необычные захоронения пожилых мужчины и женщины в могилах 5 и 6. Погребенные уложены возле вертикально поставленных плит, к северо-востоку от них. Так погребали остатки тризн в поминальниках — к северо-востоку от вертикально поставленной плиты, ориентированной по линии ЮЗ — СВ. И совершенно необычно захоронение женщины животом вниз с закинутыми назад погами. Такое же захоронение обнаружено и в поминальнике возле склепа 1, где в одном ряду с остатками поминальных тризн была погребена женщина, тоже животом вниз (см. помин 15). Вероятно, эти 3 необычные могилы следует считать какими-то ритуальными захоронениями не просто умерших людей, а людей, принесенных в жертву, или людей, умерших при особых обстоятельствах. То же надо предполагать и относительно захоронений рядом с поминальными ямками пепла сожженных людей (мог. 7 и 8). Ведь пепел здесь погребен не в нормальных больших могилах, как это полагалось в таштыкское время, а в маленьких неглубоких ямках и поминах и без каких-либо сопровождающих вещей.

Наиболее обычный состав памятников, называемых нами поминами, таков: вертикально поставленный камень (плита), а перед ним, к северо-востоку от него, ямка и в ней горшочек

и кости домашнего животного, чаще всего овцы. Но отмечены и вариации. Часто встречался не один горшок, а два или три. Случалось, что горшок отсутствовал, в ямке находили только кости. В этих случаях иногда рядом с костями лежали железные скобочки или пластинки, с помощью которых скреплялись трещины на деревянных сосудах. Это позволяет думать, что в ямках, где горшок отсутствовал, был в свое время деревянный или берестяной сосуд, не сохранившийся до наших дней. Ямка с горшком и костями располагалась иногда не перед камнем, а рядом с ним или под ним.

Очень часто (28%) рядом с горшком не оказывалось костей животных. Было и так, что перед камнем или около него вообще ничего не находили. Это следует объяснять, вероятно, тем, что вместо полагавшихся кусков мяса в ямку перед камнем положили какую-то растительную пищу, и она не сохранилась, а напитки поставили в деревянных и берестяных сосудах. Наконец, отмечены случаи, когда ямка с приношениями умершему делалась, а стоявшего около нее камня не было. На Тепсее этому могли быть различные причины. Можно допустить, что вместо камня в некоторых случаях ставили деревянный столб, кол или еще что-нибудь другое, либо же отмечали место поминальных приношений чем-нибудь таким, что не сохранилось. Однако не исключено, что и ничем не отмечали. Могли быть и такие случаи, когда стоявший возле помина камень в последующие эпохи был выкопан и унесен для новых сооружений. Но в южной части поминальника, на его окраине, где были заложены раскопы В и Г, вообще камней не ставили. По-видимому, камни устанавливались не при каждом помине, а только при некоторых, посвященных какой-то одной категории поминаемых.

Состав костей животных в поминах также сильно варьирует, и все же можно отметить некоторые интересные закономерности. Прежде всего налицо продолжение традиций тысячелетней давности. В карасукское и раннетатарское время на Енисее был обычай уделять умершему в качестве заупокойной пищи 4 куска мяса — лопатку, несколько ребер, бедро и голень. Позднее уделяли 5 кусков — добавляли часть грудинки. Это можно объяснить тем, что при похоронах приносили в жертву домашнее животное, устраивали общественное пиршество — тризну и умершему уделяли 4 или 5 строго установленных кусков мяса (Грязнов, 1977, с. 83). В таштыкских поминах сохраняется вид предназначенной поминаемой пищи, но не так строго соблюдается набор кусков мяса. Наиболее часто в помине встречаются несколько ребер, крестец с прилегаю-

щей частью позвоночника, бедро и голень. В некоторых поминах еще к тому же встречаются лопатка и две части передней ноги. Иногда бывают только куски передней части туши животного, иногда только задней и некоторые другие вариации. Несмотря на известную непостоянность набора кусков мяса в поминах, все же можно говорить о существовании у таштыкцев обычая заклания жертвенного животного, устройства тризны и поднесения умершему положенных кусков мяса от этого животного. Иногда в жертву приносили и двух животных — двух овец, овцу и корову, корову и лошадь (помины 23, 26, 30, 45, 60). Чаще другим жертвенным животным была овца (27 раз), реже — корова (14 раз), дважды — лошадь и раз — коза.

Значит, можно предполагать, что на таштыкском кладбище в пункте Т. III перед склепами не однажды устраивались поминки, много раз при этом (200 или больше) приносили в жертву барана, быка или коня, поминаемому уделяли положенные ему куски вареного мяса, зарывали их в землю вместе с напитками и возле этой ямки водружали каменный обелиск.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Как нигде в других таштыкских памятниках, погребальный обряд на Тепсее представлен полно и разнообразно, благодаря тому, что раскапывались не только видимые на поверхности земли могильные памятники, но и значительные площади за их пределами. В более древние эпохи (андрон, карасук) всех умерших хоронили относительно единообразно. Начиная же с середины тагарской эпохи, с сарыгашенского этапа, погребальный обряд для разных категорий умерших все больше и больше дифференцировался. Одних хоронили в обширных индивидуальных могилах, воздвигая над ними грандиозные сложного устройства каменно-земляные сооружения, других — в менее сложных и меньшего размера, третьих — в общих небольших родовых склепах, иных прихоранивали в оградах родовых склепов, а некоторых хоронили не на кладбище, а на старых, предшествующего периода курганах и оградах.

В таштыкское время, как свидетельствуют материалы раскопок на Тепсее, мест погребений и видов надмогильных сооружений стало, может быть, даже и несколько меньше, но хоронили разные категории умерших принципиально разными способами.

Боле прост обряд погребения детей. Ново-рожденных, младенцев и детей до 7 лет хоронили в индивидуальных могилках. Иногда в

небольшой, соответствующей величине ребенка, яме, глубиной обычно 50—80 см, устраивался срубик или ящик из жердочек, либо досок, чаще же трупик заворачивали в бересту или другой несохраняющийся материал. Яму не засыпали, а закрывали сверху одной или несколькими плитами либо жердочками и плахами. В одних случаях плита со временем проваливалась вниз, иногда же сохранялась в первоначальном положении. Над могилой насыпали небольшой земляной холмик диаметром до 3—4 м, иногда покрывали его плитняком. Когда покрытие над ямой разрушалось, средняя часть холмика опускалась вниз, и он приобретал форму кольцеобразного возвышения. Со временем на поверхности оставалось едва заметное кольцеобразное повышение с видимыми камнями.

Сложнее обряд погребения взрослых. На Тепсее они погребены в склепах двух типов — в больших, более сложного устройства, и в малых, менее сложных. Первые занимают центральное положение в могильнике, вторые — расположены в ряд, параллельно большим. Пока нет данных для установления хронологической последовательности сооружения больших и малых склепов. Поскольку последние отличаются от больших по ряду деталей погребального обряда, можно полагать, что большие и малые склепы принадлежали двум разным категориям таштыкского общества, во всей вероятности, разным этническим, а не социально-экономическим группам и погребенные в больших склепах принадлежали господствующей группе, а погребенные в малых склепах — занимающей подчиненное положение по отношению к первой.

В больших склепах процесс погребения всех умерших проходил по одному сложному и, вероятно, длительному ритуалу. Умершего взрослого человека сжигали на сильном огне. От трупа оставалось до 1 кг, иногда больше, мелких перегорелых, кальцинированных обломков костей. Эти косточки, или как мы называем их — пепел, собирали в кожаный мешочек. Из кожи шили куклу, изображавшую умершего в натуральную величину, набивали ее травой, которая многими современными народами Сибири до недавних дней широко употреблялась при ношении мягкой обуви и для набивки разного рода подушек. Затем эту куклу облачали в одежды умершего и во многих случаях кожаную голову куклы, имеющую вид овальной или круглой болванки, обмазывали толстым слоем гипсовидной массы, моделируя лицо, лоб, уши, шею, иногда и верхнюю часть груди. Это белое гипсовое лицо куклы раскрашивали. Куклы размещали в склепе на полах или в боковых «галереях», а затем и просто на полу и даже у входа в коридоре.

Склеп в какой-то момент, возможно, когда он заполнялся погребенными куклами или становился ветхим, а может, и по другим причинам, поджигали изнутри. Все, что могло гореть в склепе, сгорало, однако многое при недостатке кислорода только обугливалось и прекрасно сохранялось в таком состоянии. От кукол оставались лишь кучки пепла и так называемые таштыкские гипсовые маски, лежавшие иногда в «гнездах» обугленной травы. Пепел нередко сохранял форму мешочка, в котором он вкладывался в куклу, — форму удлиненного цилиндра диаметром около 10 см.

К сожалению, почти весь сопровождавший погребенных инвентарь сгорел. Вещи, уцелевшие от огня и сохранившиеся в обугленном состоянии, составляют лишь незначительную часть того, что было положено в склеп. Однако некоторых видов погребального инвентаря, обычного для могил, в склепах было мало. Так число глиняных сосудов значительно меньше числа погребенных людей. Очень немногочисленными оказались разного рода металлические вещи — части одежды и украшений. Мало обнаружено и костей животных. Несомненно, часть костей могла сгореть, но, даже учитывая это, их все же весьма немного, да и состав не похож на тот, что характерен для могил предшествующих эпох. В склепах нет костей, которые можно было бы рассматривать как остатки мясной пищи. Зато много бараньих лопаток, служивших здесь каким-то важным целям, и большое количество астрагалов козули и барана, в значительной своей части с просверленными отверстиями, рисунками и знаками, со следами подтески. Есть, наконец, фаланги копы и барана, находимые в сочленении, по-видимому, отрезались от туш животных самые концы ног. По аналогиям с наблюдениями в малых склепах, можно высказать предположение, что это символическая часть принесенного в жертву животного при устройстве похоронной тризны, положенная в склеп умершему. Очевидно, что при тризнах в честь погребаемых в большом склепе приносили в жертву коня или барана.

В малых склепах хоронили по-иному. Прежде всего эти склепы были рассчитаны на меньшее число погребаемых, и хоронили в них прямо на полу, без устройства каких-либо полатей и галерей, укладывая всех умерших в один ряд. Можно предполагать, что в склеп еще во время его функционирования проникала земля, образовавшая на полу слой толщиной до 30 см, прикрывая таким образом нижний ряд погребенных и защитившая их от огня.

Немногих умерших (меньше 10%) хоронили в малом склепе, возможно, даже без скольконбудь сложной подготовки трупов к погребению.

Во всяком случае на костях не отмечено никаких следов «предварительной обработки» трупов. Так же хоронили и детей в тех редких случаях (всего 5), когда их помещали в малый склеп. Значительную часть (около 35%) умерших предварительно мумифицировали. Способ мумификации неизвестен. Мы знаем лишь, что череп трепанировали, пробивая в нем долотом отверстие диаметром 5—12 см и, очевидно, извлекали из него мозг. На одном таком скелете, на его трепанированном черепе лежала гипсовая маска. Больше половины (около 60%) умерших хоронили, как это принято говорить, по способу трупосожжения: труп, как и для больших склепов, сжигали, шили куклу, в куклу зашивали мешочек с пеплом, в склепе хоронили куклу.

В малых склепах трупы, мумии и куклы уложены в один ряд, попеременно, в одном склепе захоронено около 40 человек, в другом — около 25. Это первое отличие малых склепов от больших, в которых погребены только куклы. Второе отличие — состав обнаруженных костей животных. Как и в больших склепах, в малых нет костей от остатков мясной пищи, предназначенной для погребенных, много лопаток барана и астрагалов козули и овцы, но особенно здесь многочисленны пяточные и таранные кости быка и в меньшем количестве овцы и лошади, часто лежавшие в сочленении. Это, очевидно, остатки пяток, отчлененных (отрезанных) от туши животного. Надо предполагать, что при похоронных тризнах от каждого принесенного в жертву животного отрезали пятку, которая символически представляла собой это животное в загробном мире. В склепе 3 были положены пятки не менее 56 быков, 18 баранов и 2 коней, а может быть, и большего количества (соответственно 91, 34 и 2); в склепе 4 — не менее 85 быков, 17 лошадей и 15 баранов, а возможно, и больше (соответственно 158, 24, 25). В склепе 3 оказались символические части 76 или 126 съеденных на тризнах животных, что в 2 или 3 раза превышает число погребенных в склепе людей, а в склепе 4 — 117 или 207 животных — в 5 или 8 раз больше числа погребенных людей. Причем в жертву приносилось в основном крупное животное, преимущественно бык, в меньшей мере лошадь, значительно реже овца (в склепе 3 кости овцы составили около 25%, в склепе 4 — 12%).

Нам неизвестно, совершались ли тризны только один раз при внесении погребаемого в склеп или погребение было многоактным (например, предание огню, затем изготовление куклы или мумии и водружение ее на временное место хранения, далее — внесение в склеп), и каждый акт сопровождался ритуальным пиршеством? Несомненно одно — по-

хороны каждого погребенного в малых склепах сопровождалось закланием нескольких жертвенных животных и обильными пиршествами.

Похоронные тризны сменились затем поминальными. На таштыкском кладбище в пунктах Т. III и Т. IV обнаружено более 65 поминов. В 47 из них находились кости от жертвенных животных. Судя по размерам вскрытой нами площади могильника и общей предполагаемой его площади, число поминов на нем должно быть в 4 или 5 раз больше, т. е. 250—300 поминов. Соответственно число принесенных в жертву животных достигало 200—250. Значит, можно предполагать, что сородичи погребенных в склепе людей собирались здесь 250—300 раз и устраивали поминки (если же одновременно собирались на поминки несколько групп сородичей, то число это, естественно, было меньшим). Поминки обычно сопровождалась закланием жертвенного животного и пиршеством — поминальной тризной. В отличие от похоронных тризн поминальные были скромнее — резали обычно не быка или коня, а барана (66%), реже быка (30%) и совсем редко коня (4%). Довольно часто поминальное пиршество обходилось без мясной пищи, без заклания животного (27%). Завершались поминки, как отмечено выше, тем, что в ямку зарывались уделяемые поминаемому напитки, мясо и другая снедь и около ямки водружался каменный столб.

Чтобы полнее представить себе картину поминальных тризн, необходимо обратиться к этнографическим параллелям. Ведь не просто же приводили на кладбище скотину, резали ее, варили и ели. У современных скотоводческих народов поминальный обряд совершается по сложному, строго соблюдаемому, освященному тысячелетними традициями, ритуалу. И всегда, с той или иной полнотой, в той или иной своей части, выполняется следующая процедура народного (родового или племенного) торжественного действия—рукопашный поединок с быком или укрощение коня, затем заклание побежденного животного, далее пиршество и, наконец, приготовление умершему кусков мяса от строго определенных частей туши животного и водружение памятного знака в виде каменного столба, шкуры с головой и ногами на дереве и т. д. (подробнее см: Грязнов, 1977, с. 84 и сл.). Первая часть такого ритуала представляла собой захватывающее, полное драматизма зрелище, нередко заканчивающееся трагическим исходом для неловких участников действия. На Тепсее, надо предполагать, подобного рода съезды сородичей и соплеменников, связанные с похоронными или поминальными тризнами, происходили многократно. Единоборство человека с

быком или конем, огни костров, многолюдные пиршества не раз оживляли подножие горы Тепсей на Енисее, где покоились останки ушедших в иной мир сородичей.

На Тепсее сохранились следы и более жестоких варварских обычаев — человеческих жертвоприношений. В поминальнике Тепсей III в один ряд с поминами на одной с ними глубине и под такой же каменной кладкой оказались не горшок и кости — остатки от мяса барана, а скелет женщины, положенной животом вниз. Рядом со склепом 4 в неглубоких ямах перед вертикально поставленным камнем оказались зарытыми, как в поминках, в одном случае мужчина, в другом — женщина, положенная животом вниз. Это не могилы, а такие же поминки, только в жертву приносился человек. Трудно пока разгадать конкретный смысл этих трех захоронений. Они связаны не с могилами, а с поминальником. Не исключено, что не могилами были и захоронения пепла сожженного человека в поминальнике Тепсей IV. Под такой же кладкой, как и над поминками, на той же глубине лежали в ямке кучки пепла (мог. 7 и 8). Ямка маленькая, следовательно, это была не кукла, подобная тем, что погребены в склепах, а небольшой мешочек или коробок. Однако смысл и значение этих захоронений пока остаются загадкой.

ИСКУССТВО

Памятники изобразительного искусства таштыкской культуры на Енисее довольно хорошо известны. С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов посвятили им специальные разделы в своих исследованиях (Киселев, 1949, с. 244—257; Кызласов, 1960, с. 88—98, 130—134). Известны разнообразные изделия орнаментально-декоративного искусства, воплощенные в дереве, керамике и торевтике, деревянная и каменная скульптура, гипсовые раскрашенные маски и др. Л. Р. Кызласову удалось выделить среди наскальных рисунков изображения всадников таштыкского времени (Кызласов, 1960, с. 91). Однако открытие в первом склепе на Тепсее серии деревянных планок с резными рисунками показало нам искусство таштыкских племен в исключительном блеске. Эти рисунки позволили также составить некоторое представление и об устном народном творчестве таштыкцев, сюжеты которого изображены на планках.

Рисунки на тепсейских планках в основном уже опубликованы, но лишь по полевым зарисовкам, которые недостаточно детальные, а иногда и не совсем точны (Грязнов, 1971). После длительной кропотливой работы над ними Л. Н. Баранова мы располагаем теперь

очень хорошими и точными их прорисовками, которые могут служить объектом изучения. На самих планках во многих случаях бывает невозможно видеть сразу всю фигуру, а тем более композицию, полностью. На прорисовках же, сделанных Л. Н. Барановым, отчетливо видны все детали, едва уловимые на оригинале. Тепсейские рисунки еще будут изучаться с разных точек зрения. Мы же ограничимся здесь лишь некоторыми заключениями общего характера.

Как правило, на одной стороне планки изображался один сюжет, на обратной — другой. Каждая из трех граней планки 1 имеет свой сюжет.

Все разнообразие рисунков можно объединить в 3 сюжета. Один из них назовем совершенно условно — охотничьи сцены или бег зверей. Обычно показаны бегущие звери, часто с вонзившимися в их тело стрелами, иногда впереди или позади них изображены фигуры людей. Другой сюжет назовем тоже условно — батальные сцены. Здесь много фигур пеших воинов, всадников, коней, показанных в динамике. Воины часто нарисованы стреляющими, реже в рукопашной схватке. Иногда здесь же, спереди и сзади, присутствуют бегущие звери. Третий сюжет назовем еще более условно — угон военной добычи. Наиболее выразительно он представлен на планке 4 — мчатся всадники, увлекая за собой другого коня, за ними тоже мчащаяся пара быков в упряжке. Несомненно, перед нами какие-то эпические темы, но вряд ли героического эпоса. В героическом эпосе тюрко-монгольских народов воспевается герой, богатырь. В изобразительном искусстве, как и в поэмах, основной сюжет — богатырь и его подвиги в бою, в поединке с другими богатырями, в борьбе с чудовищем и злыми силами, а также богатырь на охоте. На обнаруженных планках запечатлены массовые сцены, главный герой нигде не выделен. Не представлены ли на тепсейских планках сюжеты исторических песен, повестей, рассказов? Если так, то мы получили возможность иметь некоторое представление и о фольклоре таштыкских племен на Енисее. Нет сомнений, что на всех 8 планках — разные варианты в целом одного и того же повествования. Может быть, правильной даже сказать, что одно и то же повествование выполнено 8 разными художниками или разными сказителями, певцами, рассказчиками.

Рассматривая манеру изображения на планках, можно заметить, что на каждой отдельной планке рисунки выполнены особым «почерком», отличным от «почерка» художников на других планках. Например, на планке 5 (Грязнов, 1971, рис. 4) у всех оленей ноги

стройные, ниже пятки они изображены одной линией, к которой пририсованы лишь копыта. Морды на короткой шее подняты вверх. Рога тонкие, стройные, с удлиненными концами. Подобным образом олень не изображался ни на одной другой планке. На планке 3 ноги у оленей короткие, морда вытянута вперед, рога с дополнительными линиями посередине (см. рис. 60, 4). Последняя деталь не встречается на других планках. На планке 2 художник рисовал оленей с большими широкими ушами, покрывал штриховкой не только лопатки, но уши и ноги. Подобные отличия можно проследить при рассмотрении всех планок и всех изображаемых объектов. Очень важно отметить, что 8 рассмотренных планок разрисованы 8 художниками. Независимо от того, были ли все планки положены в склеп только одному из погребенных в нем или нескольким лицам, наличие в склепе произведений изобразительного искусства, выполненных 8 художниками, свидетельствует о распространенности этого вида искусства в таштыкском обществе, о чрезвычайной популярности в нем рисунков на темы, как мы предполагаем, исторических песен, сказаний, повествований, о популярности данного вида устного народного творчества.

О популярности подобного рода изобразительных сюжетов свидетельствует и серия других находок. В склепе 2 на Тепсее на одной из стенок детского ящика-гробика была изображена выполненная в таком же стиле большая фигура воина. Л. Р. Кызласов в Койбальском чаа-гасе в склепе 4 обнаружил фрагмент берестяного предмета, на обеих сторонах которого были вырезаны рисунки того же художественного стиля. Может возникнуть мысль, что найденная на Тепсее «коллекция» планок с рисунками, которые можно сравнивать в какой-то мере с народным лубком, не местного происхождения, а привезена откуда-то на Енисей. Но гробик с рисунками в склепе 2 на Тепсее и рисунки на бересте в Койбальском склепе говорят о распространении этого искусства в таштыкском обществе. Если планки можно рассматривать как личные вещи сказителей или певцов, то рисунки на бересте относятся к части какого-то бытового предмета (кошель, коробка), а гробик — деталь погребального обряда. То, что художники таштыкской эпохи жили и создавали свои произведения в степях Минусинской котловины, наиболее убедительно доказывает наличие на скальных рисунков того же стиля и сюжетов. Кроме давно уже известных рисунков на некоторых могильных камнях, Н. В. Нащекин в 1968 г. открыл и скопировал новую писаницу на оз. Туим. Совершенно подобные тепсейским фигуры пеших воинов и всадников, зве-

рей и других изображений он отколол от скалы и привез в Красноярский музей.

Рисунки на планках из склепа 1 на Тепсее знакомят нас с совершенно новым художественным стилем, притом представленным сразу

целой галереей рисунков. Полное исследование их раскроет перед нами новый мир художественных образов и сюжетов, что выявит еще одно звено в истории развития изобразительного искусства в древней Азии.

КЫРГЫЗСКОЕ ВРЕМЯ

Памятники кыргызского времени, исследованные у горы Тепсей, сосредоточены на небольшом участке площадью несколько менее 0,5 га (115×45 м). Еще до раскопок здесь можно было отметить три обособленные группы памятников. Одна из них, наиболее компактная, находилась на самой возвышенной части участка, занятого могилами, — северо-восточной оконечности террасы на краю оврага Волчий Лог, названной нами Тепсей XI. Развалы небольших надмогильных сооружений образовали здесь сплошное нагромождение камней, в котором лишь местами угадывались неясные очертания отдельных могил и несколько определеннее выделялись руины трех, а может быть, и пяти могил типа чаа-тас с высокими камнями по углам.

Вторая группа располагалась более свободно и на большей площади между таштыкскими склепами и около них в пункте Т. III. Каменные выкладки некоторых из них по краям могильника были хорошо видны на поверхности террасы, но значительная их часть находилась среди таштыкских и более ранних могил, и руины их тоже образовывали здесь сплошной развал камней.

Наконец, третья группа, названная Тепсей II, представляла собой обособленный участок могильника на несколько пониженной части террасы, отделенный от могильника Тепсей III широкой полосой свободного от могил пространства.

Поскольку указанные группы могил, хотя и близки по времени, но, как увидим далее, представляют собой три последовательных этапа в процессе формирования могильника, рассмотрим сначала каждую отдельно, а затем дадим общий обзор всего материала по кыргызскому времени на Тепсее. Описание памятников, раскопанных в 1968—1970 гг., составлено М. П. Грязновым, а открытых в 1976 г. — Ю. С. Худяковым, продолжавшим раскопки в пункте Т. XI. Им же написана и заключительная часть главы. Материалы раскопок 1977 г. не рассматриваются, хотя в необходимых случаях они учтены. Данные этих раскопок предварительно публиковались в 1978 г.

ТЕПСЕЙ XI

В могильнике обнаружено несколько оград типа кыргызского чаа-таса. Три из них были хорошо видны, но, вероятно, здесь находились еще 2 или 3 ограды. Поверхность этой части могильника сплошь покрывал беспорядочный развал плитняка, создававшего местами круглые и кольцевидные возвышения и углубления. Разобраться в этом хаосе трудно.

В 1968 г. Л. В. Скалной была раскопана ограда типа чаа-тас и прилегающий к ней небольшой участок могильника. В полигональном раскопе на площади 72 м² выявлена ограда типа чаа-тас (мог. 6) и около нее 5 могил, надмогильные сооружения которых и могильные ямы проследить не удалось (мог. 1—5).

В 1976—1977 гг., когда значительную часть могильника с западной его стороны уже уничтожили волны водохранилища, Ю. С. Худяковым были заложены еще 3 прямоугольных раскопа рядом с первым — 2 смежных к юго-западу от него (раскопы 2, 4) и раскоп 3 — к юго-востоку. В раскопе 2 площадью 140 м² открыта могила типа чаа-тас (мог. 7) и 34 других, преимущественно детских и несколько более древних (мог. 8—41); в раскопе 3 площадью 84 м² обнаружены 2 могилы, одна из них типа чаа-тас (мог. 42, 43).

Поскольку основную массу составляли детские могилы без вещей или же захоронения пепла сожженных людей, тоже без вещей, мы даем описание только наиболее интересных могил, а захоронения детей и пепла рассматриваем суммарно. Прежде всего остановимся на трех могилах (6, 7, 42) типа чаа-тас.

Могила 6. На поверхности были хорошо видны очертания квадратной (4,5×4,5 м) ограды с 4 высокими камнями по углам. Вокруг нее находился сплошной развал плитняка, сливавшийся с развалами соседних могил. Ограда сложена из плитняка. Стены сохранились на высоту до 70 см. Плиты по углам возвышались на 30—80 см над окружающей поверхностью. Ограда и вертикальные плиты ориентированы по линии ЮЗ — СЗ. Посередине на поверхности земли (на глубине 60—70 см от современной поверхности) обнаружен бревенчатый накат над могилой площадью

3,5×2 м. Поверх бревен местами сохранилась береста. Средняя часть наката разрушена грабителями. Размеры могилы 120×110 см, глубина—160 см (от древней поверхности—100 см). Стены обставлены тыном. Юго-восточную часть могилы разрушили грабители, вырыв яму почти до дна и перебросив в нее содержимое могилы, главным образом кости животных. В западном углу лежали пепел сожженного человека и кости барана. В южном углу найдено днище грубо вылепленного сосуда. В заполнении могилы встретилось несколько черепков от трех сосудов. Всего в могиле найдено 168 костей не менее чем от 8 овец: 9 лопаток (6 особей), 53 ребра, 6 крестцовых костей, 73 поясничных и грудных позвонка, несколько тазовых, 9 бедренных и 13 больших берцовых (8 особей). Надо полагать, что в могилу было положено по 6—9 кусков мяса от 8 баранов, т. е. около 40—50 кг мяса.

Могилы 7. Округлый курган типа чаа-тас, сложенный из плитняка, с западиной посередине. Диаметр 6 м. Западную часть кургана разрушили волны водохранилища. Кладка ограды и вертикальные столбы не прослеживались. В центре кургана на глубине 70 см сохранились остатки наката над могильной ямой из жердей, уложенных на 2 поперечные балки в направлении ССЗ—ЮЮВ. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, глубина до 115 см. На дне в северном углу выявлены 2 кыргызские вазы, покрытые узором из спиральных и прямых лент (рис. 84, 3, 4). Вдоль юго-западной стенки могилы располагались 3 кучки пепла—останки трех сожженных взрослых людей (рис. 85, 1). Таким образом, юго-западную половину могилы занимали останки трех взрослых людей, а северо-восточную—вазы и кости 17 овец (4 взрослых и 13 молодых). Среди костей преобладали

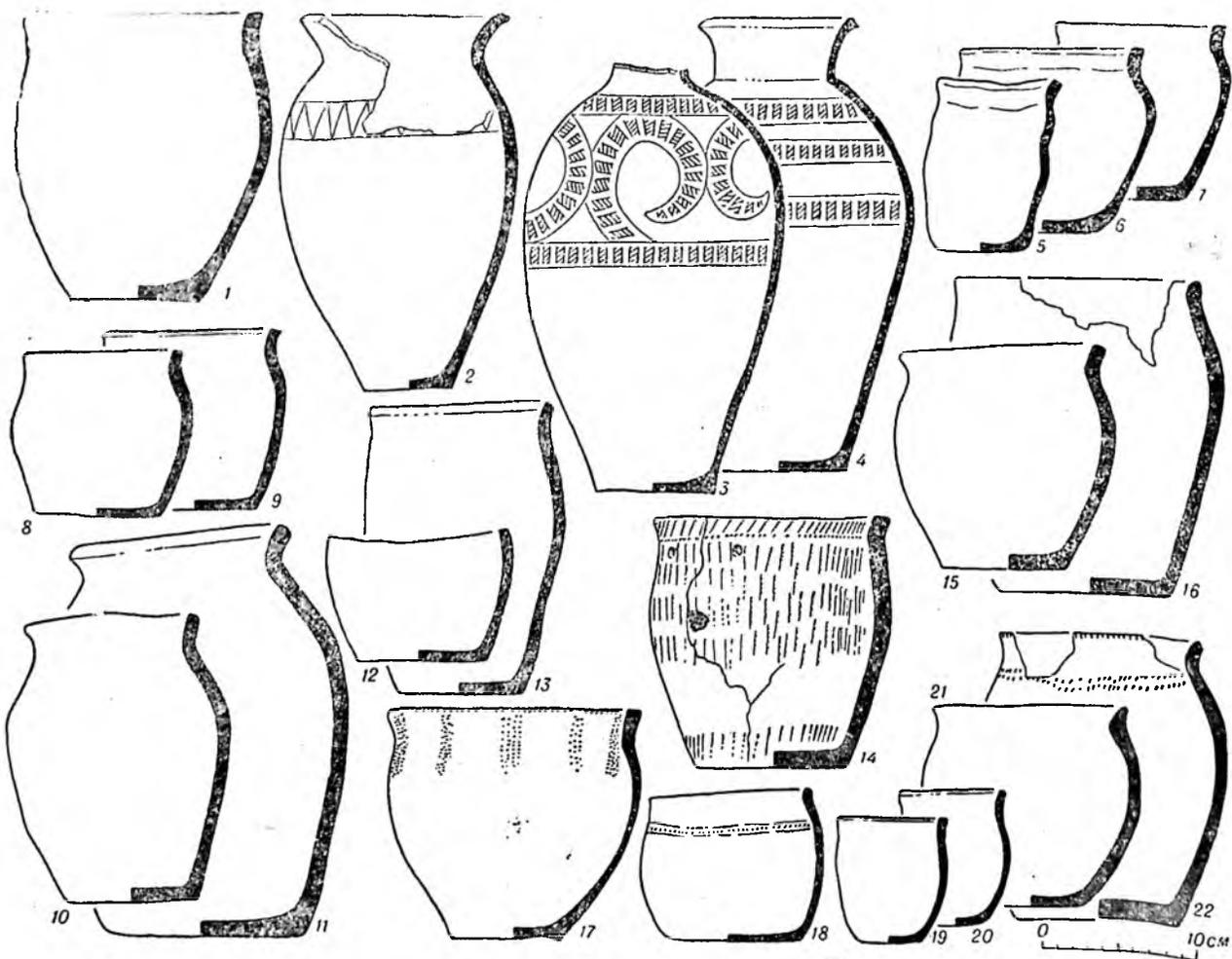

Рис. 84. Керамика из кыргызских могил:

Тенсей XI: 1 — мог. 26; 2 — мог. 42; 3, 4 — мог. 7; 5, 6 — мог. 27; 7 — мог. 3. Тенсей III: 8 — мог. 15; 9 — мог. 44; 10, 11 — мог. 33; 12 — мог. 6; 13 — мог. 50; 14 — мог. 18; 15 — мог. 32; 16 — мог. 10. Тенсей II: 17 — мог. 6; 18 — мог. 9; 19, 20 — мог. 2; 21 — мог. 7; 22 — мог. 5.

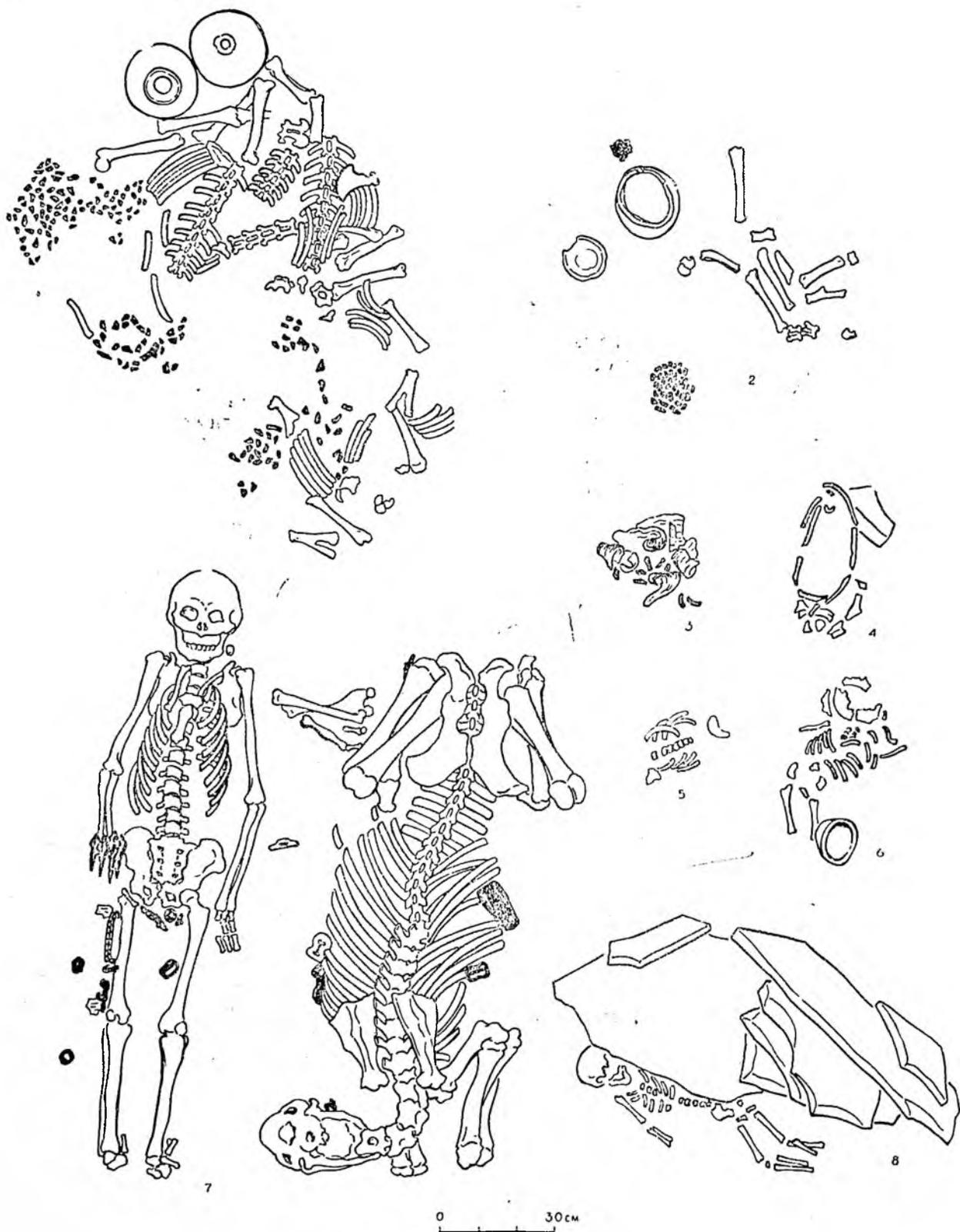

Рис. 85. Тепсей XI. Планы захоронений:

1 — мог. 7; 2 — мог. 42; 3 — мог. 2; 4 — мог. 1; 5 — мог. 4; 6 — мог. 3; 7 — Т. III, мог. 67; 8 — мог. 5.

крестец с 7—8 позвонками в сочленении, лопатка, ребра по 4—6 в сочленении, иногда встречались бедренная и берцовая кости. От каждой туши в могилу положено по 2—5 кусков мяса.

Могилы 42. Курган типа чаа-тас с пологой западинкой посередине. Диаметр его 7 м, высота 30 см. В насыпи выявлена ограда подквадратной формы с вертикально поставленными плитами, ориентированная в направлении СВ — ЮЗ. Сохранились плиты южного и восточного ее углов. Стены ограды сложены из плитняка. Обнаружено до трех рядов горизонтально уложенных плит. С внутренней стороны южного угла ограды найдено глиняное пряслице (рис. 86, 2). С внешней стороны угла встречены железные серп с черешком и отверстием для крепления рукоятки и наконечник лопаты (рис. 86, 1, 3). В центре кургана на глубине 80 см лежал пепел сожженного взрослого человека (рис. 85, 2). К северу от него находились днище и части тулова двух сосудов, один из них — кыргызская ваза грубой выделки с пояском треугольного орнамента (рис. 84, 2). В центре, с северной стороны, сохранились остатки дерева, — возможно, часть столба от тына, ограждавшего могильную яму. Рядом с сосудами встретились кости не менее чем от 4 овец такого же состава, как и в предыдущей могиле, — по 2—4 куска мяса от каждой овцы.

Могилы 10. Округлый каменный курган диа-

метром 1,5 м, высотой до 20 см. В разных местах насыпи найдены, по-видимому, не относившиеся к кургану, случайно попавшие в его насыпь, разрозненные кости человека (фрагменты черепа, ребра, таранная) и овцы (ребро, 2 лопатки, 2 позвонка, фрагменты длинных костей), черепки таштыкских и каменнолоужских сосудов. Пяточные и таранные кости коровы, вероятно, имели отношение к расположенному рядом таштыкскому могильнику, — кроме таштыкских склепов, такое сочетание костей коровы больше нигде не известно. На глубине 65 см лежал скелет младенца в возрасте до полугода, на спине, головой на СЗ (рис. 87, 2).

Могилы 11. Каменный курган с возвышением в центре, диаметр 1,5 м, высота 15 см. В южной стороне кургана выявлены 2 ряда вертикально врытых плит длиной 60 см, ориентированных по линии СВ — ЮЗ. В северной стороне кургана на глубине 40 см лежал скелет младенца в возрасте до года, на спине, головой на СЗ (рис. 87, 3).

Могилы 27. На глубине 55 см лежал скелет ребенка 5 лет, на спине, головой на ССЗ. Слева от погребенного обнаружили 2 горшка с округлым туловом и широкой горловиной и кости молодой овцы, — видимо, остатки 7 кусков мяса (рис. 87, 7).

Могилы 28. Справа от предыдущего погребенного, совсем рядом с его черепом и плечом,

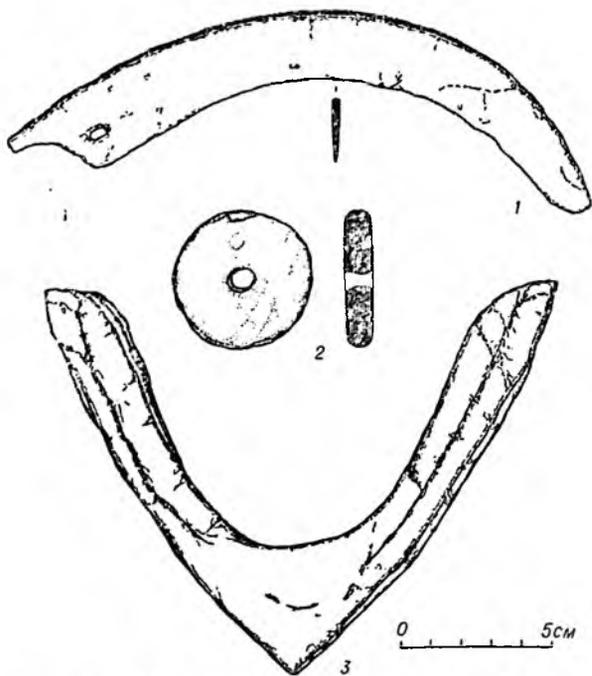

Рис. 86. Топсей XI. Вещи из могилы 42. 1, 3 — изделия из железа; 2 — из керамики.

Рис. 87. Топсей XI. Планы захоронений.

1 — мог. 8; 2 — мог. 10; 3 — мог. 11; 4 — мог. 20; 5 — мог. 26; 6 — мог. 28; 7 — мог. 27.

находился массивный толстостенный сосуд с широким туловом и отбитой горловиной, типа среднеазиатских хумов. В его заполнении и частично слева от него было много фрагментов пережженных костей взрослого мужчины (рис. 87, 6).

Могила 43. Округлый каменный курган диаметром 6,5 м, высотой 10—15 см. В северо-восточной насыпи кургана найдены разрозненные кости женщины 40—60 лет (обломки черепа, кости обеих рук и ног, кроме предплечья, мелкие обломки ребер, нижняя челюсть). Кости плохой сохранности. К северу от погребения на глубине 20—40 см встретился толстостенный сосуд с отбитым верхом типа среднеазиатских хумов, к востоку от погребения на глубине 25 см — фрагменты сосуда тагарского времени. Под насыпью погребения не обнаружено.

Остальные могилы выглядели следующим образом. В 16 из них на глубине 25—40 см (только 2 раза глубиной 80 см) лежала кучка пепла сожженного человека. Лишь в 3 случаях рядом с пеплом (может быть, случайно?) оказались кости животных: в могиле 31 — астрагал и трубчатая кость овцы, в могиле 33 — 5 позвонков и 2 астрагала коровы, в могиле 37 — астрагал. В 13 могилах на глубине 20—100 см находились скелеты младенцев или детей до 3 лет, лежавшие обычно на спине, головой на С и СЗ. В двух могилах (3 и 6) около скелетиков стояли небольшие горшочки (рис. 84, 1, 7). В могилах 13 и 15 под каменной насыпью диаметром до 1,5 м остатков погребения не сохранилось. Такие же курганчики имелись над могилами 18, 20 и 22.

На небольшом могильнике Тепсей XI исследовано 36 могил кыргызского времени (не считая раскопанных в 1977 г.). В 7 могилах (13, 15, 19, 23, 25, 29, 32) погребения не обнаружены или в них содержались маловыразительные остатки захоронений более раннего времени. Всего здесь было погребено 39 человек. Пепел 5 сожженных человек захоронен в 3 могилах типа чаа-тас, более сложных по устройству и большего размера, а 17 человек — в могилах, надмогильные сооружения которых не удалось проследить. По обряду трупосожжения погребены 22 человека. Определенные останки сожженных людей таковы: 1 взрослый мужчина, 8 взрослых, без уточнения пола, 3 подростка, 10 человек неопределены. Видимо, сожжению подвергались в основном взрослые и реже подростки.

По обряду трупоположения погребены 17 человек: женщина 40—60 лет (мог. 43), 13 грудных младенцев в возрасте до 2 лет и трое детей от 2,5 до 5 лет. Грудные младенцы составляют 33% общего числа всех погребенных в могильнике людей.

Могилы кыргызского времени расположены по всей площади могильника. Надмогильные сооружения в виде округлых каменных площадок, иногда возвышавшихся на 10—20 см, покрывали собой более ранние надмогильные сооружения, многие из которых частично, а иногда, возможно, и полностью, были разрушены и уничтожены. По окраинам могильника кыргызские могилы прослеживались вполне отчетливо (см. рис. 1, 3), в средней же части они сливались друг с другом, представляя сплошной развал камней.

В Тепсей III вскрыты 25 могил кыргызского времени (1 — в 1966 г., 21 — в 1968 г., 2 — в 1969 г. и 1 — в 1976 г.). В это число включены также могилы 20 и 21, которые не содержали остатков погребения.

Могила 1. Круг из хорошо заметных, выступавших из земли плиток. Под ним прямоугольная яма (180×80 см, глубина 95 см). На глубине 50 см от дна могилы имелось покрытие из толстых плит, сверху заваленных плитняком. На дне лежал скелет женщины старческого возраста, на спине, головой на СЗ. Слева в головах обнаружили кости овцы — остатки 3 кусков мяса.

Могила 2. Кольцо камней диаметром не более 1 м. После расчистки здесь оказалась круглая выкладка из плитняка диаметром 3 м, посередине — впадина глубиной до 30 см. Могильная яма имела овальную форму (220×170 см, глубина 120 см). В заполнении выявлены 2 крупные плиты — провалившееся покрытие могилы. На дне лежал скелет женщины старше 60 лет, на спине, головой на ССЗ. На ее тазе находились круглая железная пряжка с язычком, слева — лопатка овцы.

Могила 3. Надмогильное сооружение подобно предыдущему. Диаметр его 4 м, глубина западины 40 см. Могильная яма овальной формы (230×160 см). В юго-западной половине на глубине 140 см лежал скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на СЗ. Кости левой руки и ноги завалились вниз. Возле левого бедра располагались железный черешковый нож, на поясице — 2 железные пряжки, около правой голени — еще одна (см. рис. 89, 7—9); справа у таза — 3 астрагала (2 овечьих и один косули). Рядом с правой рукой обнаружены кости молодой овцы — остатки 4 кусков мяса. На 50 см ниже, в северо-восточной половине, находился скелет коня, уложенного с подогнутыми под брюхо ногами, головой, как и человек, на СЗ. По бокам его была пара железных стремян, в зубах железные удила (рис. 88, 6—8). Под черепом и грудными костями выявили 6 железных прямоугольных наременных накладок с заклепками, 2 железных наконеч-

ийка ремня (70×14 мм) и обломки других предметов (рис. 88, 9—11). Над правым стрелом сохранились незначительные остатки берестяного колчана (?) и на них железный наконечник стрелы. Возле правого колена найдены еще 2 наконечника с костяными свистунками (рис. 89, 1—3).

Могила 6. Под овальным скоплением камней на площади 50×150 см на глубине 65 см располагался каменный ящик (55×35 см, высота 30 см). В нем лежал скелет годовалого младенца, на спине, головой на ССЗ, поверх него — горшок с отбитым верхом (рис. 84, 12).

Могила 7. Под беспорядочно набросанными камнями на площади 2,5×2 м, в северной части, на глубине 45 см лежал скелет полугодовалого младенца, на спине, головой на З. В южной части раскопа на глубине 55 см встретилась небольшая кучка пепла сожженного человека.

Могила 8. Под каменным кольцом диаметром около 4 м находился круглый кольцевой развал плитняка диаметром 5 м, а с северо-запада к нему примыкала плитняковая выкладка над таштыкской могилой. Среди камней развала в разных местах найдены подвергшиеся сильному воздействию огня позолоченные железные накладки от узды тонкой чеканной работы (рис. 89, 19—22). Позолота от огня скипелась в мелкие корольки.

Могила 9. Под кольцевым каменным развалом диаметром 5 м имелся овальный каменный холмик диаметром 6—7 м, высотой 40 см, с западной посередине. На уровне погребенной почвы к северу от центра выявлена кучка пепла сожженного взрослого человека, а к юго-западу от него — большая кучка пепла сожженного коня. На том же уровне в восточной части холмика обнаружены железное стремя, фрагменты железных бляшек, 5 бронзовых наременных бляшек и оплавленная бронзовая бляшка (рис. 89, 10—16). В западной половине, на том же уровне лежали железный топорик (тесло), костяное острие, черепки от венчика горшка каменноложского этапа. В разных местах в почвенном слое обнаружены разрозненные обломки костей домашних животных — лошади, коровы и овцы, к погребению в насыпи, по-видимому, не относившиеся. Под холмиком, посередине, выделялось пятно неясных очертаний — могильная яма. На глубине 60 см находились кости взрослой овцы — от 3 кусков мяса. На 10 см ниже встретилась кучка пепла сожженного человека. Выше, в заполнении ямы, отдельно найдено бронзовое шило (подгорновский этап).

Находки, обозначенные нами как могила 9, следует, очевидно, рассматривать так. В неглубокой яме были погребены пепел человека

и предназначавшаяся ему мясная пища. На уровне горизонта захоронены раздельно пепел человека и пепел коня и сопровождавшие их предметы — одежда, сбруя и другие вещи (стремя, бронзовые и железные бляшки, тесло и костяное острие). Черепки каменноложского сосуда и бронзовое шило к погребенным не относились.

Могила 10. Под беспорядочно набросанными камнями на глубине 95 см лежал скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на З. В ногах находился горшок (рис. 84, 16) и 2 фрагмента сильно окислившихся железных орудий (нож? шило?).

Могила 11. Под незначительным кольцеобразным каменно-земляным возвышением диаметром 4—5 м, на глубине около 1 м, лежал скелет человека в возрасте 14—15 лет, на спине, головой на СЗ. Могила ограблена. На месте сохранились лишь кости ног ниже колена. Вещей не было. Были обнаружены 2 черепка каменноложского этапа.

Могила 12. После снятия почвенного слоя выявился круглый холмик диаметром около 3 м, покрытый в 2—3 слоя плитняком. В яме (120×70 см) на глубине 50 см лежал скелет ребенка 9 лет, на спине, головой на СЗ. На тазовых костях находилась маленькая роговая пряжка (рис. 89, 4), возле левого плеча — кости грудной овцы. Рядом с костяком, к северо-востоку от него, обнаружена детская могилка таштыкского времени.

Могила 14. Под каменным кольцом диаметром 2,5—3 м, на глубине 50 см, сохранились остатки истлевшего деревянного ящичка (30×30 см), а в нем — пепел человека. На 65 см ниже выявлены горшки таштыкского времени и кости овцы.

Могила 15. Там, где в стороне от других виднелся 2 камня, вскрылся холмик (2××1,3 м, высота до 20 см). Под ним находились 2 тонкие плиты — покрытые могилки. Глубина ее 80 см, размеры не установлены. Яма была разгорожена тремя наклонно поставленными плитами. По юго-западную сторону их лежал прикрытый плитами скелет младенца полутора лет, на спине, головой на СВ. В головах его горшок (рис. 84, 8), в ногах — отдельно лежавшие локтевая, пястная кости, фаланга руки юноши 15—16 лет. По северо-восточную сторону плит встретились скелет взрослой овцы и скелетик эмбриона овцы, размещенные параллельно младенцу, головой также на СЗ.

Могила 18. После снятия почвенного слоя и зачистки камней обнаружен каменно-земляной холмик диаметром 3,5 м. Под западной его частью, на глубине 80 см, лежал скелет ребенка 4 лет, головой на ССЗ. В головах обнаружены горшок (рис. 84, 14) и кости овцы — бедренная и большая берцовая.

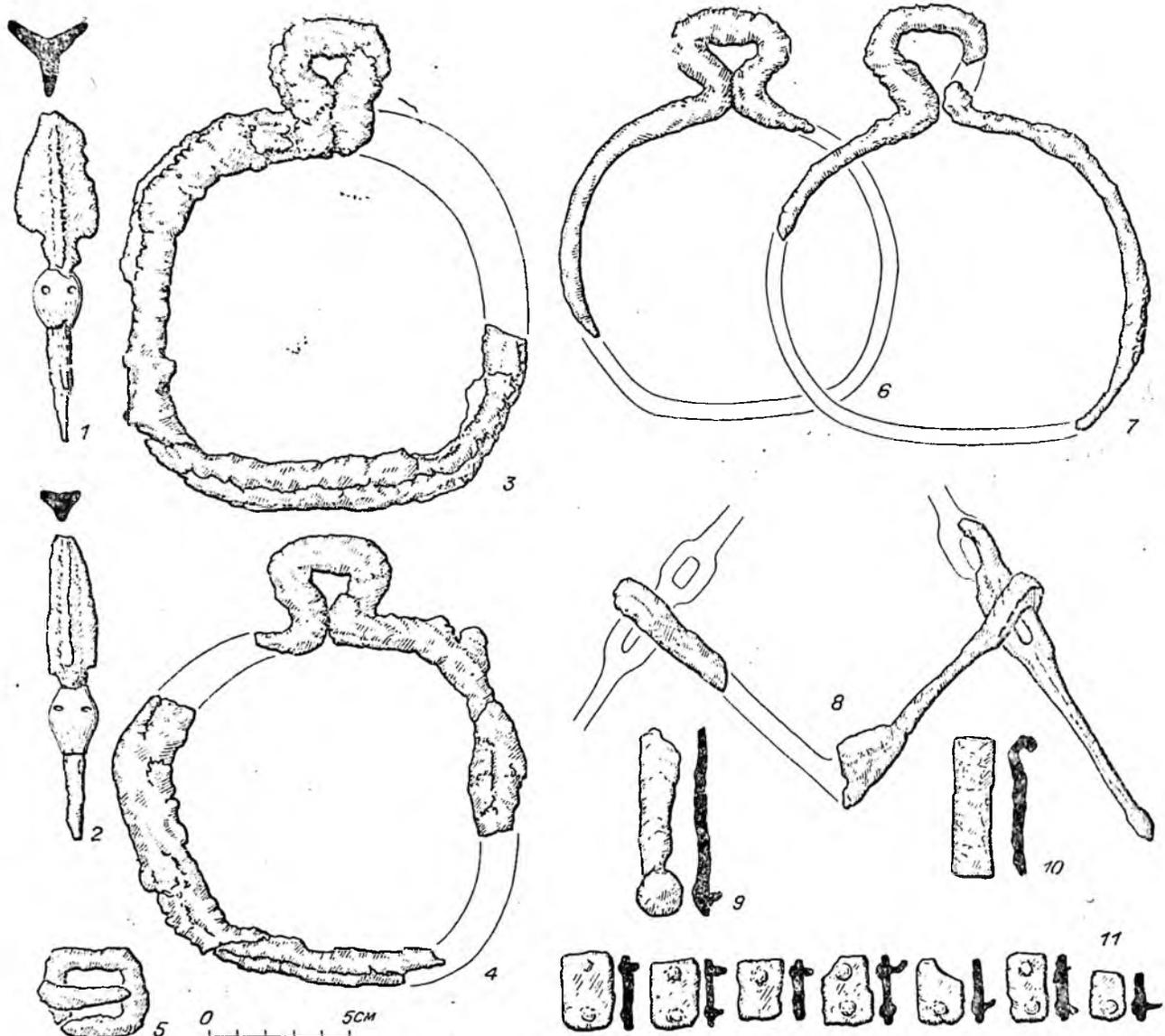

Рис. 88. Тепсей III. Вещи из могил:
1-4 — мог. 28; 6-11 — мог. 3; 5 — Т. II, мог. 5.

Могилы 19. Каменно-земляной холмик диаметром 5 м, высотой до 25 см с западной посередине. Под западиной, на глубине 90 см, в беспорядке были разбросаны кости юноши 14—15 лет и молодой овцы. Среди них встретились плечевая кость годовалого младенца, железные клинок ножа и пряжка (рис. 89, б).

Могилы 20, 21. Небольшие каменные круги диаметром 1,5 и 2,5 м. Остатков погребения не обнаружено. Возможно, это могилки младенцев.

Могилы 27. На поверхности среди общего развала плит не выделялась. После зачистки выявилась овальная закладка могилы. Под ней, на глубине лишь 15—20 см, лежал скелет

женщины 20—22 лет, на спине, головой на ЮЗ. Возле черепа находилась железная пряжка с язычком.

Могилы 28. Каменно-земляной кольцевой холмик диаметром 5 м, высотой 20 см, с западиной в 20 см. В северо-восточной части насыпи среди камней, на глубине 20 см от поверхности, лежал скелет младенца 2 лет, вероятно, погребение кыргызского времени или еще более позднего (см. ниже — мог. 36). Под серединой западинки выявлена основная могила этого сооружения. Форма и размеры могильной ямы не установлены. Западная половина могильной ямы была глубиной 100 см, восточная — 130 см. В ней находился скелет юно-

ши 18 лет, на спине, головой на С. Непотревоженными сохранились кости правой руки, ноги, таза и левой ноги ниже колена, остальные кости смещены, некоторые отсутствуют. В восточной половине найден скелет коня, лежавшего на животе, тоже головой на С, с поджатыми под брюхо ногами. Его череп и шейные позвонки были смещены и разбросаны. Очевидно, грабители попали на среднюю часть могилы и потревожили оба скелета. Около правого плеча юноши обнаружен железный нож, у левого колена — 3 железных наконечника стрелы, обращенные острием вниз, к ногам, 2 из них со свистунками (рис. 88, 1, 2). По бокам коня лежали 2 железных стремя (рис. 88, 3, 4). Возле скелета юноши и над скелетом коня кости двух овец — остатки от 13 кусков мяса.

Под холмиком могилы 28 оказалось еще несколько памятников разного времени: могила подгорновского этапа (мог. 38), 2 могилы и 2 поминки таштыкской культуры (мог. 37, 39), детская могилка кыргызского времени (мог. 36) и, наконец, обломок каменной колотушки афанасьевской культуры, найденный в почвенном слое.

Могилы 30. Каменный круг диаметром 2,2 м. Первоначально, видимо, это был земляной холмик высотой до 70 см, обложенный по поверхности плитняком, затем сравнявшийся с поверхностью, на месте остались лишь плитки основания холмика. В центре овальная яма (180×90 см, глубина 105 см), заполненная плитняком. На дне лежал скелет подростка 10 лет, на спине, головой на ЮВ. Череп находился на каменной плитке. Справа у пояса встретилась маленькая роговая пряжка-блок (рис. 89, 5).

Могилы 31. Едва заметное кольцевое каменное возвышение. В восточной его части на глубине 20 см обнаружен пепел взрослого человека, рассеянный на площади 120×60 см. В юго-восточной части кольца выступала наклонно лежавшая прямоугольная плита (130×50 см). Под ней, на глубине 100 см, находились кости ребенка 5 лет, разрозненные, в беспорядке, и кости молодой овцы (не менее чем от 4 особей). В центре, на глубине до 140 см были беспорядочно завалившиеся небольшие плитки, но следов захоронения не оказалось. Это либо остатки полностью разграбленной могилы, либо, что вероятнее, следы неудачной работы грабителей.

Могилы 32. Каменный круг диаметром 2,5 м. На глубине 100 см лежал скелет подростка 12 лет, на спине, головой на ЮЗ. Вдоль его таза и бедренной кости, справа, стояла вертикально плита, а за ней, на 30 см глубже, выявлен скелет старой овцы, располагавшийся параллельно подростку, головой также на ЮЗ.

Рядом с ним находился кувшинообразный горшок, кости двух овец (остатки обычной мясной пищи), лопатка коровы, 2 поясничных позвонка и ребро лошади. На коровьей лопатке лежал железный черешковый нож. На 50 см выше скелета подростка, справа, в стороне, оказался помин таштыкского времени — 2 горшка и кости овцы.

Могилы 33. Каменно-земляной круг диаметром около 3 м. Покрытие могилы на глубине 50 см состояло из большой плиты (160×100 см) и нескольких мелких. Под ним, на глубине 120 см, лежал скелет женщины старшей 60 лет, на спине, головой на ЮЗЗ. Под скелетом в области головы и плеч сохранились остатки дерева — досок (?). По бокам черепа находилась пара бронзовых серег с характерным шарнирным желобком посередине (рис. 89, 18). Справа, на уровне груди и головы, размещались 2 горшка (рис. 84, 10, 11), железный нож, кости овцы от 5 кусков мяса, крестец и 2 ребра коровы. К северу от скелета, на 0,5 м выше, стоял горшок таштыкского типа (поминальник).

Могилы 36. Обнаружена при раскопках могилы 28, в 1,5 м к северо-востоку от нее. На глубине 90 см оказались 2 плиты, поставленные на ребро по линии СЗ — ЮВ, наклонно к ЮЗ. По юго-западную сторону получившейся таким образом стенки лежали кости младенца 2 лет, на спине, головой на СЗ. По другую сторону плит находился скелет взрослой овцы, положенной параллельно младенцу, головой также на СЗ.

Могилы 44. После зачистки небольшого возвышения с выступавшими из земли камнями выявилась сплошная забутовка плитняком на площади 2,5×1,5 м, под ней — покрытие из 4 горизонтально уложенных плит. Еще ниже, на глубине 50 см, уцелели остатки покрытия из плах шириной до 20 см, уложенных в направлении СЗ — ЮВ. Под плахами сохранились остатки детского погребения таштыкской культуры. Еще ниже, на глубине 80 см, лежал скелет юноши (мужчины) старше 14 лет, на спине, головой на ЮЗ. Справа в головах стоял небольшой горшок (рис. 84, 9). В ногах и частично на голени располагались железный нож и кости коровы — 3 обломка ребер и поясничный позвонок, на тазовых костях — железная пряжка-обоймица, справа в ногах — железный нож. Сразу же под погребением младенца и частично под скелетом юноши лежали горизонтально плиты, еще ниже, на глубине 130 см, — 2 группы камней — одна под скелетом, другая — к северу от него. Под ними был явно не тронутый материк. Непонятно назначение каменных плит, размещенных ниже исследованных захоронений. Погребение младенца типично таштыкское. Оно несколько

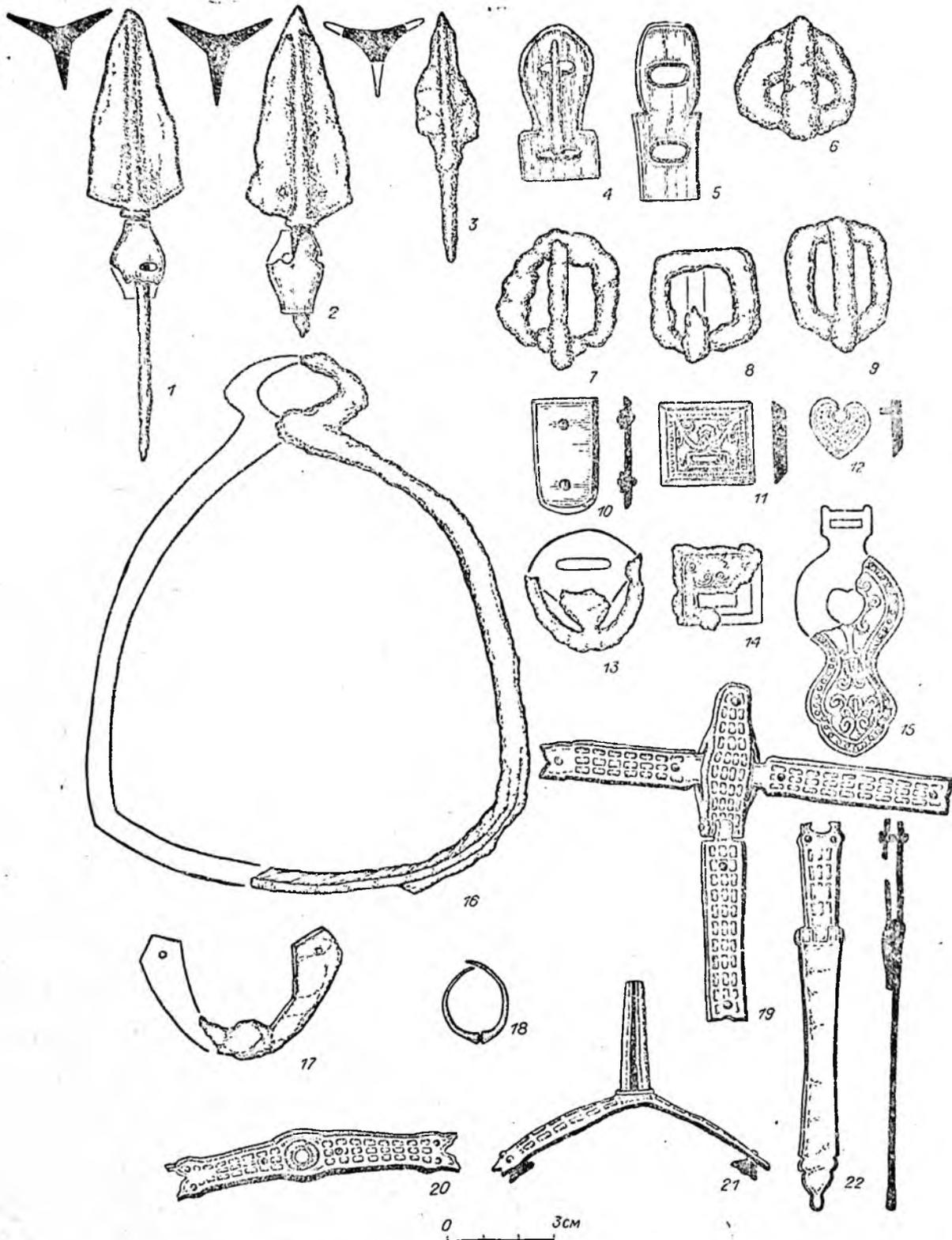

Рис. 89. Тепсей III. Вещи из могил:

1-3, 7-9, 17 — мөг. 3; 4 — мөг. 12; 5 — мөг. 30; 6 — мөг. 19; 10-16 — мөг. 9; 18 — мөг. 33; 19-22 — мөг. 8. (1-3, 6-9, 16, 17, 19-22 — изделия из железа; 4, 5 — из рога; 10-15, 18 — из бронзы).

повреждено типично кыргызским погребением юноши.

Могила 50. После снятия почвенного слоя обнаружилась стенка из поставленных на ребро плит в направлении ЮЗЗ — СВВ, наклонно к ССЗ. Длина ее 120 см. На глубине 90 см по южную сторону стенки выявлен скелет барана головой на ЮЗЗ. По северную сторону, на 10 см ниже, лежал скелет ребенка 4 лет, на спине, головой на СВВ. В головах его найден горшок грубой выделки, типично кыргызский (рис. 84, 13). К западу от этого погребения находилась таштыкская могила, частично разрушенная им. В ней сохранилась только верхняя часть скелета ребенка.

Захоронения детей вместе с бараном заслуживают особого внимания. В кыргызском могильнике Тепсей III таких могил 6. В 3 из них баран положен в могилу рядом с ребенком 1,5—2 лет (мог. 4, 15, 36), в одной — с ребенком 4 лет (мог. 50) и в двух случаях — с подростками 12 и 14—15 лет (мог. 19, 32). Во всех погребениях скелет барана находился рядом с детским скелетом, параллельно ему, но отделен стенкой из тонких плит. Баран в этих могилах занимает точно такое место и положение, как и верховой конь в могиле взрослого мужчины. Надо полагать, что баран в данном случае выполнял роль верхового коня. Вспомним в связи с этим сообщение о гуннах: «Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков, а не сколько подростки, стреляет лисиц и зайцев и употребляет их в пищу» (Бичурин, 1950, с. 40). Отметим также, что монголы до недавнего времени использовали баранов как вьючное животное для перевозки грузов. Пожилые тувинцы рассказывают, что в детстве они часто развлекались ездой верхом на баране. Очевидно, погребальный обряд кыргызов на Енисее отражал в данном случае реальное соотношение роли барана и коня в процессе обучения верховой езде. Езда на баране — это игра и забава для детей, а вместе с тем и первый опыт верховой езды. И соответственно этому, отправляя в загробный мир взрослого мужчину, ему давали с собой верхового коня, а детей и подростков снабжали бараном.

Могила 67. Обнаружена в 1976 г. на отмени водохранилища среди завала каменных плит. На дне могилы лежал скелет мужчины 50—60 лет, на спине, головой на ССВ (см. рис. 85, 7). Вблизи шейных позвонков, под нижней челюстью, найдена роговая пронизка (рис. 90, 13). Между бедрами встретились железные нож, кольцо и пряжка с подвижным язычком (рис. 90, 15). Вдоль правой ноги сохранились остатки берестяного колчана открытого типа со стрелами, железные наконечники которых (рис. 90, 1—5) лежали на кисти правой руки.

Около колена обнаружены железные накладки от колчана, на правом бедре — железный крюк от него же (рис. 90, 14), а поверх колчана — роговые части сложносоставного лука — 2 срединные боковые накладки (рис. 90, 6, 7). Возле левого локтя была костяная застежка от пут (?) (рис. 90, 12), вблизи левого плеча — кости овцы — остатки 3 кусков мяса. Слева, рядом с погребенным, выявлен скелет молодой, до 2 лет, необъезженной кобылы, на брюхе, с подогнутыми ногами, головой на ЮЮЗ. С левого бока кобылы поверх костей грудной клетке лежали 6 конских ребер, — вероятно, под потник седла был подложен кусок конины с 6 ребрами. Справа на ребрах находилась роговая подпружная пряжка (рис. 90, 10), ниже — железное стремя с восьмеркообразной петлей (рис. 90, 8), слева на ребрах — железные подпружная пряжка (рис. 90, 11) и тесло с несомкнутым швом втулки. В зубах лошади были железные восьмеркообразные удила (рис. 90, 9). Слева под костями задней ноги найден фрагмент однолезвийного железного клинка — палаша или кинжала с черешком.

ТЕПСЕЙ II

На краю террасы, отдельно от других скопленных могил, находилась большая группа хорошо видимых на поверхности небольших каменных могил. Весь могильник исследован одним сплошным полигональным раскопом площадью около 150 м². Раскопку вел И. С. Портнягин. Могильник содержал 9 могил, 7 из них были видны на поверхности террасы, а 2 обнаружены после зачистки каменных развалов могил.

Могилы имели вид едва заметного возвышения (до 15 см над поверхностью), местами из земли выступали верхние грани камней. После снятия верхнего слоя почвы выявились небольшие груды развалившихся камней округлой формы диаметром до 3 м.

Могила 1. Развал камней диаметром 1,5 м. На глубине 40 см под плитой (35×35 см) лежал скелетик новорожденного младенца, в утробном положении, на левом боку, головой на СВ. В каменном развале найдено несколько обломков костей овцы, лошади и косули, которые, вероятно, к погребению не относились.

Могила 2. Развал камней диаметром 3,5 м, а под ним массивная квадратная плита (110×110 см), ниже, на глубине 60 см, несколько плиток. На них лежали кучка пепла человека старческого возраста, 2 горшочка (рис. 84, 19, 20) и кости овцы — остатки 6 кусков мяса. В развале камней и в почвенном слое возле него обнаружены черепки не менее двух небольших горшков, очевидно, тесинского этапа.

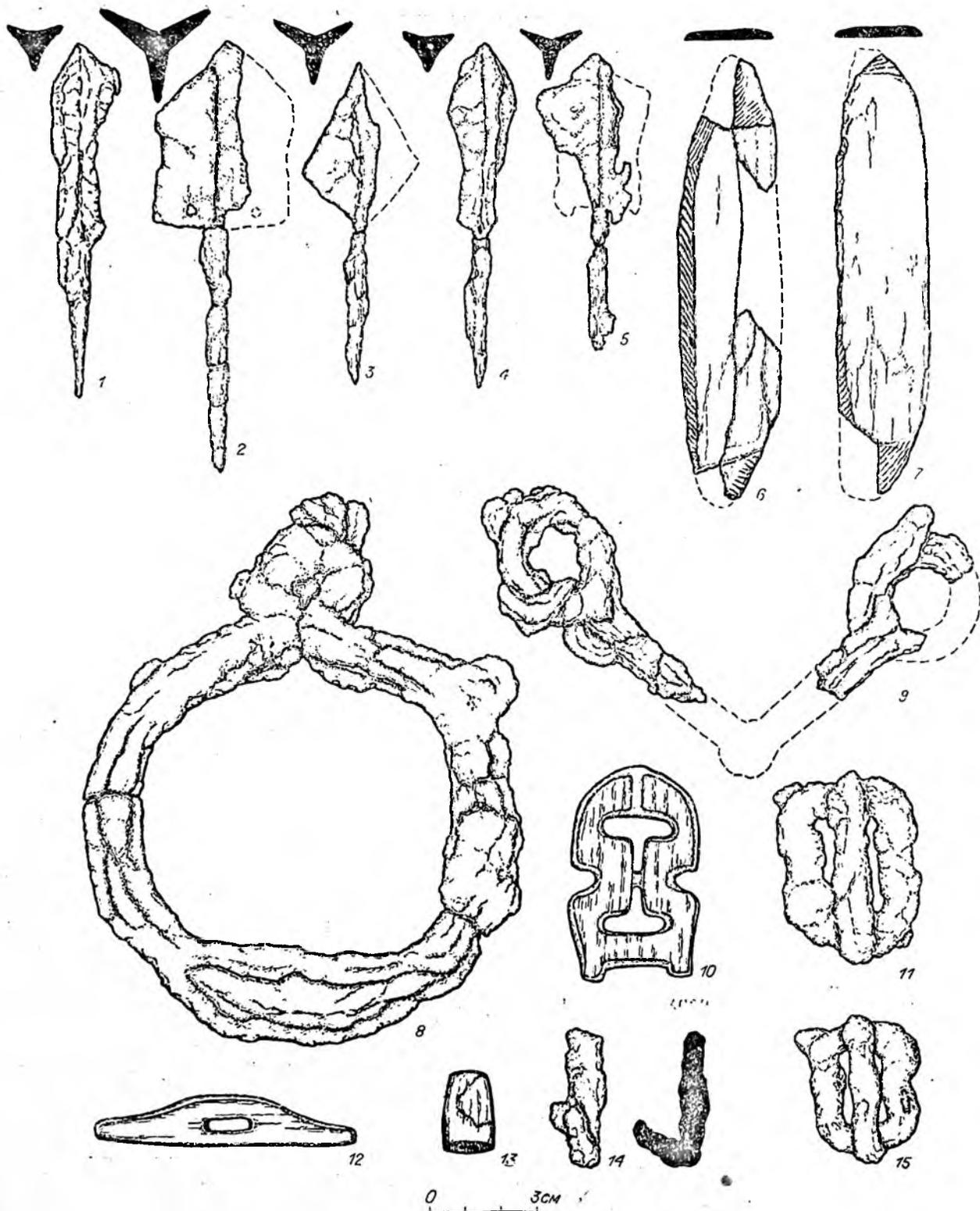

Рис. 90. Тепсей III. Вещи из могилы 67:
 1—5, 8, 9, 11, 14, 15 — изделия из железа; 6, 7, 10, 12, 13 — из рога.

Могила 3. Развал камней диаметром 1,5 м. Под ним небольшая плита покрытия. В ямке, на глубине 70 см, были разбросаны в беспорядке кости новорожденного младенца. Вещей не оказалось.

Могила 4. Развал камней диаметром 2,5 м. Размеры могилы около 150×100 см, глубина 80 см. Покрытие состояло из плит размерами до 100×50 см. На дне лежал скелет годовалого младенца, на спине, головой на ЮЗ. Рядом с ним, на 10 см выше, выявлен скелет барана, положенного в том же направлении, что и скелет младенца. Находившиеся рядом с бараном плиты, возможно, представляли собой повалившуюся перегородку. Вещей не было.

Могила 5. Развал камней диаметром 2,5 м. Под ним покрытие могилы из нескольких крупных плит. На глубине 80 см лежал скелет мужчины 20 лет, на спине, головой на ССЗ. Череп в лобной части был пробит. Образовавшееся отверстие имело правильную квадратную форму (26×26 мм). На поясе мужчины была железная пряжка (рис. 88, 5), слева в головах — горшок (рис. 84, 22). Рядом с плечом встретились кости овцы — остатки 7 кусков мяса.

Могила 6. Развал камней диаметром 3 м. Под покрытием из 3 горизонтально расположенных плит, на глубине 50 см, лежал скелет ребенка 3 лет, на правом боку, с согнутыми ногами и руками, головой на З. Слева в головах горшок (рис. 84, 17).

Могила 7. Развал камней размерами 3×4 м. Под горизонтально расположенными плитами покрытия, на глубине 40 см, лежал скелет мужчины 25—30 лет, на спине, головой на ЮЗЗ. В головах справа обнаружен горшок (рис. 84, 21), рядом, напротив грудной клетки, — кости овцы — остатки 6 кусков мяса.

Могила 8. Развал камней диаметром 1,5 м. Под ним, на глубине 40 см, сложенное из наклонно поставленных плиток подобие шатра, в котором лежал берестяной короб с пеплом взрослого человека. Короб прямоугольный, шитый, размерами около 50×30 см. Вещей не было.

Могила 9. Редко разбросанные камни на площадке в 2,5×1,5 м. Под ними, на глубине 65 см, в беспорядке разбросаны кости полуторагодовалого младенца. Рядом находился небольшой горшочек (рис. 84, 18).

В могильнике Тепсей II погребены люди разного возраста (двое новорожденных, трое детей 1—3 лет, четверо взрослых). Устройство могил одинаково — грунтовая яма, покрытая плитами, выше развал плитняка от какого-то могильного сооружения. Погребенные положены на спину и затем повернуты направо. Ориентированы головой на ЮЗ или З (4 случая), но также и в обратном направлении — на СВ (2 случая). Все это отличает памятники

Тепсей II от кыргызской части могильника Тепсей III, где покрытие могилы из крупных плит нехарактерно, погребенные лежали на спине и ориентированы преимущественно на СЗ (7 случаев), реже на З или ЮЗЗ (3 случая). Керамика Тепсей II очень близка к кыргызской, но характерных специфических кыргызских форм сосудов не отмечено. Все свидетельствует о том, что могильник принадлежал какому-то другому обществу коллективу. Поскольку в большом могильнике Тепсей III представлены разные социальные слои кыргызского общества, надо полагать, что Тепсей II принадлежал скорее не иному слою кыргызского общества, а другому хронологическому периоду, следовавшему непосредственно за временем кыргызского каганата.

Комплекс кыргызских погребальных памятников у горы Тепсей включает 3 разновременных могильника: Т. XI, Т. III и Т. II, продолжающих единую линию развития с таштыкского времени. Самым ранним из них надо считать Тепсей XI, который относится к VI—VIII вв. Он состоит из трех курганов типа чаатас и 29 могил. Конструкции надмогильных сооружений, погребальный обряд и инвентарь курганов близки материалам из раскопок чаатасов VI—VIII вв. на Енисее (Евтюхова, 1948, с. 14—30). Топография могильника также указывает на начало его формирования в VI в., так как он непосредственно граничит с таштыкским могильником, расширяя единое поле захоронений на северо-восток вверх по склону террасы. При этом кыргызские могилы типа чаатас нигде не перекрывают собой таштыкские памятники, хотя располагаются зачастую поверх более ранних погребений карасукского и тагарского времен. Все это позволяет считать, что линия развития с III—V вв. и далее в VI—VIII вв. не прерывалась.

В пределах чаатаса Тепсей XI отмечены следующие виды погребения умерших: захоронение детей по обряду труположения без сопровождения и в сопровождении предназначенных им жидкой пищи в горшках и мяса овцы; погребение детей и взрослых по обряду трупосожжения, т. е. кремация умершего человека и затем захоронение в ямке собранного пепла. Прах кремированных умерших всегда предавали земле в какой-то емкости. Это мог быть глиняный сосуд, берестяная коробка и деревянный ящик либо же мешок из кожи или другого органического материала. Такие различия в емкостях, видимо, принципиального значения не имели. В могиле 16, где предполагается захоронение двух мешочков с пеплом умерших юноши и подростка, они были придавлены с трех сторон каменными плитами, образовавшими треугольный каменный ящик.

Интересна дифференциация погребального

обряда в зависимости от возраста покойника. Младенцев до 3 лет хоронили на спине, в вытянутом положении, иногда с чуть подогнутыми ногами, как правило, без сопровождающего инвентаря. Детей и подростков (с 3 до 15 лет) хоронили так же, но часто снабжали жидкой пищей в сосуде и мясом овцы. Ориентировка погребенных сильно варьирует: преобладает северная и северо-западная, реже юго-западная и северо-восточная. Взрослых хоронили по обряду трупосожжения, обычно без сопровождающего инвентаря. Над могилой сооружали небольшой каменный холмик. Тесное расположение могил привело к слиянию их руин в сплошной развал плит. Лишь некоторые лица удаивались погребения в могилах сложной конструкции типа чаа-тас, в сопровождении нарядных кыргызских ваз и пышной тризны, для которой резали до 17 овец. В таких могилах погребали 1—3 человек.

Соотношение погребальных памятников в могильнике Тепсей III в какой-то мере подобно тому, какое имеет место в таштыкском комплексе Тепсей III, состоящем из трех склепов и большого числа грунтовых детских и нескольких могил взрослых. Таштыкские склепы принято интерпретировать как коллективные усыпальницы членов рода. В этой связи эволюцию погребального обряда в кыргызское время можно объяснить имущественной и социальной дифференциацией внутри рода.

В курганах типа чаа-тас — погребения индивидуальные либо групповые, из ближайших членов семьи, где каждого умершего снабжали мясом 4, 8 и более овец и богато украшенной посудой, в то время как остальных покойников хоронили без сопровождающего инвентаря. Подобные различия наблюдаются в погребении разных возрастных категорий населения начиная с младенческого возраста. Видимо, в составе рода выделяются семьи родовой знати, богатых владельцев скота, занимавшие привилегированное общественное положение.

С известной долей вероятности можно связать упоминаемый в рунических надписях на скалах горы Тепсей эпоним «Тибсей (Тепсей, Тибшей)», впервые зафиксированный в VII—VIII вв. и сохранившийся в качестве топонима до настоящего времени, с родовым названием населения, оставившего погребения, синхронные надписям. В одной из надписей родовое название «Тибсей» упомянуто в контексте с родовой тамгой (Кляшторный, 1976, с. 69).

Наряду с характерным комплексом чаа-тас Тепсей XI единую группу представляют кыргызские погребения Тепсей III. Здесь взрослых мужчин хоронили с верховым конем, а детей и подростков (мальчиков) — с бараном,

который, видимо, заменял им коня. Женщин в могиле сопровождала только пища в горшке и мясо овцы. Мужчин снабжали оружием: сложносоставным луком с костяными накладками, берестяным колчаном с карманом, наполненным стрелами с трехлопастными железными наконечниками, топором-теслом, ножом, кинжалом, палашом. Сопровождавшие воинов кони были взнузданы и оседланы. Погребенные всех категорий снабжались также предметами личного обихода: пряжками от ремней, украшениями, ножами и т. д. и обязательно мясом овцы.

Могильник Тепсей III расположен по склону террасы южнее чаа-тас Тепсей XI. Кыргызские могилы повсеместно перекрывают более ранние таштыкские погребальные и поминальные памятники, что указывает, наряду с датировкой его по аналогии с другими памятниками Минусинской котловины (Левашева, 1952, с. 129—136), на более позднее время сооружения могильника по отношению к чаа-тасу.

Своеобразие погребений воина с конем, их близость синхронным памятникам Тувы и Алтая, а также наличие в пределах единовременного могильника захоронений, совершенных по традиционному для кыргызов обряду трупосожжения, позволяют относить их к иной этнической группе (Теплоухов, 1929, с. 55; Кызласов, 1969, с. 129).

Появление в Минусинской котловине населения, оставившего эти погребения, по-разному объясняется в литературе. Нам представляется наиболее правильным связать их с завоевательными походами тюрок в начале VIII в. Можно указать на поход Тоньюкука, Кюль-Тегина и Могиляна в 711 г. н. э., в результате которого кок-тюрки проникли далеко на север, за Саяны, и нанесли поражение кыргызам в черни Сунга, убили кыргызского кагана Барбега и «эль его покорили» (Малов, 1951, с. 41). Инвентарь могил (вооружение, сбруя и детали одежды) не противоречит предполагаемой дате и отождествлению погребенных с кок-тюрами.

Высказывалось также мнение, что погребения воина с конем оставлены тюркскими военными гарнизонами. Однако применительно к могильнику Тепсей III оно неприемлемо. Не мог же гарнизон состоять на 70% из женщин и детей и хоронить своих умерших на родовом кладбище кыргызов! Вероятнее всего, эти погребения являются семейным кладбищем тюркского воина, возможно, упомянутого в надписи на горе Тепсей — чигши (Кляшторный, 1976, с. 69). Очевидно, после завоевания Минусинской котловины ветераны тюркского войска получили владения — опорные пункты

каганата в стратегически важных местах в устьях рек Тесь, Туба, Таштык и по Уйбату. Таким мог быть и вонн, погребенный в могиле 67, получивший в войнах под знаменами Тоньюкука и Кюль-Тегина шрам от резаного удара рубящим оружием на переносице, повреждение левой ноги и лишившийся зубов верхней челюсти.

Погребенный в могиле 9 пепел человека и коня представляет убедительное свидетельство о судьбе кок-тюрок на Енисее. Политическая власть II Восточно-Тюркского каганата в Мипусинской котловине была непродолжительной. В IX—X вв. тюрки слились с кыргызами и переняли обряд трупосожжения.

В IX—X вв. в могильниках Тепсей II и Тепсей III продолжают хоронить умерших также и кыргызы, сохранившие обряд трупосожжения. Как и в VI—VIII вв., пепел человека хоронят в берестяном коробе, в деревянном ящике либо просто кладут на дно могильной ямы. Иногда рядом с пеплом помещают сосуды с жидкой пищей и мясо овцы. В двух случаях пепел был погребен на поверхности. Встречены захоронения детей без сопровождающего инвентаря, а также с глиняными сосудами и в двух случаях — с остатками мяса овцы. Возрастные границы в совершении обрядов трупосожжения и трупоположения к IX—X вв. несколько сменяются. Если в VI—VIII вв. по обряду трупоположения погребали детей и подростков не старше 15 лет, то позднее так стали хоронить даже людей в возрасте 20—30 лет. Погребенных снабжали жидкой пищей в горшках и мясом овцы. Из вещей в более поздних могилах отмечены только поясные пряжки. Возможно, погребения взрослых по обряду трупоположения оставлены зависимым от кыргызов населением — кыштымами.

Из всех видов захоронений у кыргызов, известных в VI—VIII вв. по могильнику Тепсей XI, исчезают лишь курганы типа чаа-тас, сохранившиеся над могилами знати. Это может служить подтверждением тому, что высшую ступень иерархии у населения Тепсея в VIII—X вв. заняли пришлые тюрки, к началу X в. уже не отличавшиеся от своих подданных ни по обряду погребения, ни по культуре.

Появление кок-тюрок в VIII в. не привело

к сколько-нибудь существенным изменениям в хозяйстве кыргызского населения Тепсея.

Заметные перемены можно предполагать лишь в развитии социальных отношений. Родовые связи, сохранявшиеся в VI—VIII вв., позднее, с устранением носителей традиционных институтов родовой власти, теряют свое значение. Это наглядно проявляется в отсутствии территориально обособленного общеродового кладбища, сосредоточенного вокруг могил знати. Могилы VIII—X вв. разбросаны отдельными группами по всей площади террасы.

Учитывая топографию памятника, можно представить такую последовательность сооружения могил. С начала VIII в. в могильнике Тепсей III были совершены захоронения в могилах 1—3, 6, 7, составляющих как бы юго-западную окраину могильника чаа-тас VI—VIII вв. в пункте Т. XI. Несколько позднее возникла группа могил между двумя большими таштыкскими склепами — могилы 28, 30—33, 36. Еще позже образовались 2 группы могил на юго-западной оконечности террасы — могилы 9—12, 14, 15, 18, 19 в пункте Т. III и все могилы Тепсея II. Здесь уже нет погребений воинов с конем, но есть захоронение пепла человека и коня с набором вещей, характерных для погребального инвентаря IX—X вв. Большую консервативность сохранил обряд погребения детей вместе с бараном и женщиной, отмеченный во всех группах могил, сооружавшихся на протяжении VIII—X вв.

Из числа памятников, хронологически относящихся ко времени позднее X в., в комплексе кыргызских могильников у горы Тепсей раскопан лишь один курган (Т. III, мог. 8), не содержащий останков самого человека. В насыпи его найдены детали конской узды — начальник со втулкой, накладка-тройник с шарнирами и 2 накладки, соединенные шарниром, по своей конструкции и орнаментике характерные для кыргызских памятников XI—XII вв. (см. рис. 89, 19—22), недавно выделенных Л. Р. Кызласовым в аскизскую культуру (Кызласов, 1975). Курган расположен в юго-западном конце могильника Тепсей III, в непосредственной близости к кыргызским погребениям IX—X вв. Им завершается время функционирования кладбища (XI—XII вв.).

Историческая ценность исследованных у горы Тепсей памятников заключается прежде всего в том, что разнообразные по своей культурно-исторической принадлежности, они все расположены на одном небольшом топографическом участке — на узкой полосе надпойменной террасы, ограниченной с одной стороны быстрой могучей рекой, а с другой — высокой, с крутыми склонами горой. Здесь не могли одновременно существовать уголья разных родовых общин, тем более разноплеменных или относящихся к различным культурам. Если же встречаются на Тепсее два или три могильника одного культурно-исторического подразделения, то, вероятно, это были кладбища различных социальных групп одного общественного коллектива.

Примером могут служить курганы сарагашенского этапа с коллективными захоронениями членов одного рода в Тепсее VIII, с парными захоронениями представителей родовой знати в Тепсее XV или же большой тесинский курган-склеп в пункте Т. XVI с захоронением в нем, по-видимому, какой-то привилегированной части общества и грунтовый могильник Тепсей VII основной массы населения, а в нем обособленная группа более богатых подбойных могил. Это могли быть также кладбища, относившиеся к разным отрезкам времени в пределах одного хронологического или культурно-исторического периода. Например, кыргызы VI—IX вв. погребали своих умерших сначала на компактном кладбище в Тепсее XI, затем стали хоронить их рядом, на старом таштыкском кладбище, Тепсей III, наконец, еще позже — немного в стороне, в пункте Т. II. И эти три кладбища, или три части одного кладбища, относятся к одному периоду — к культуре чаа-тас (по Л. Р. Кызласову).

Неоднократно высказываемые в литературе предположения о длительном сосуществовании на Енисее одновременно двух или нескольких инокультурных племенных образований — карасукских и андроновских; карасукских, лугавских и андроновских и даже афанасьевских,

андроновских, карасукских и каменоложских (Н. Л. Членова, Э. А. Новгородова, М. Д. Хлобыстина, С. И. Руденко) — раскопками на Тепсее не подтверждаются. Наоборот, такая возможность исключается. Ведь не могли же андроновцы, будучи современниками носителей афанасьевской и карасукской культур (по предположению названных выше авторов) устраивать свое кладбище Тепсей IV рядом с афанасьевскими кладбищами Тепсей VII или Тепсей VIII в 50 м от него и рядом с карасукским могильником Тепсей VIII в 200 м от него. Не могли же афанасьевцы и карасукцы, будь они современниками, создавать свои кладбища в одном пункте (Т. VIII) да так, чтобы их могилы размещались вперемежку на одной площади.

Подобное явление наблюдается во многих других пунктах Миусинской котловины. Так, известно несколько случаев, когда на одной площади располагались андроновские и карасукские могильники (Орак, Сухое озеро, Ярки, Каменка) или же рядом, разделенные лишь несколькими десятками метров, находились афанасьевский и андроновский могильники (Сыда), афанасьевский и карасукский (Малые Копены), афанасьевский, карасукский и каменоложский (Карасук). Если принять точку зрения вышеуказанных авторов, то придется допустить, что на обширных пространствах енисейских степей на протяжении более тысячи лет жили вперемежку три, а то и четыре группы племен, не смешиваясь при этом друг с другом, не развиваясь, не трансформируясь. Вряд ли это, однако, возможно.

Особенно же ценно то, что на Тепсее — небольшом по площади микрорайоне, могилы и поселения во многих случаях налегали на более древние памятники, иногда разрушая их полностью или частично, и это дало возможность сделать много интересных стратиграфических наблюдений.

Афанасьевский культурный слой на Тепсее X перекрыт сверху слоем таштыкской

культуры, афанасьевская ограда в Тепсее VII сверху разрушена и перекрыта могилами тесинского этапа, а ограда 4 в пункте Т. VIII была повреждена могилой сарагашенского этапа. Ограда андроновской культуры в Тепсее IV частично разрушена и перекрыта склепом таштыкской культуры. В пункте Т. VIII в ограде 5 при сооружении в ней основной могилы 2 сарагашенского этапа уничтожена одна могила карасукского времени, а часть ограды другой карасукской могилы (огр. 6) была включена в конструкцию стен большой тагарской ограды. Позже поверх развала плит покрытия одной из основных могил сарагашенского этапа была устроена коллективная могила 3 тесинского этапа. В том же пункте при сооружении ограды 1 сарагашенского этапа ее юго-западная стена поставлена поверх ограды 3 карасукской культуры, а позже в насыпи сарагашенской ограды устроено несколько могил тесинского этапа. На кургане 2 подгорновского этапа в Тепсее VII запечатлены следы трех более поздних эпох: в сарагашенское время сооружена впускная могила на месте восточной стены его ограды и западной стены соседней ограды, для чего части этих оград были разобраны, а плиты их использованы для покрытия сарагашенской могилы; в тесинское время устроена впускная могила поверх погребения подгорновского этапа; в таштыкское время к основанию южного углового камня ограды был зачем-то прислонен поставленный вверх дном горшок. В пункте Т. III могила 13 подгорновского этапа разрушена при устройстве могил таштыкской культуры. В Тепсее VIII под южной стеной подгорновской ограды 7 погребен пепел человека и рядом с ним поставлен вплотную к стене вверх дном горшок таштыкской культуры.

О двух случаях устройства впускных тесинских могил в насыпи сарагашенских курганов уже сказано выше. Третий случай — это сарагашенский курган в Тепсее XV, в насыпи которого также сооружены четыре впускные детские могилки тесинского этапа. Тесинские погребения, как уже отмечалось, устроены поверх афанасьевских, подгорновских и сарагашенских могил (4 случая). В пункте Т. III поверх тесинских могил сооружен большой таштыкский склеп и сделаны два таштыкских захоронения (мог. 24).

Всего 16 перечисленных стратиграфически связанных пар памятников соответствуют принятой нами схеме археологической периодизации памятников Минусинской котловины (см. предисловие). Нет ни одного противоречия этой схеме и нет ни одного наблюдения, которое позволило бы предполагать более или менее длительное сосуществование на Енисее памятников каких-либо двух или трех подразделений ее.

К сожалению, на Тепсее не удалось проследить стратиграфическую связь друг с другом памятников афанасьевской, окуневской, андроновской и карасукской культур. Однако это неоднократно наблюдалось в других местах Минусинской котловины. Так, впускные могилы окуневской культуры обнаружены в более древних афанасьевских оградах (Черновая VI, Барсучиха IV, Карасук III, Малые Копены, Красный Яр и др.). Карасукскими детскими могилками в могильнике близ улуса Орак были разрушены андроновские детские могилки, и каменные плиты покрытия последних использованы при сооружении карасукских могил. Эти наблюдения также подтверждают правильность приведенной нами схемы периодизации.

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРОНЗ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ У ГОРЫ ТЕПСЕЙ

Работы Красноярской экспедиции дали новый материал, существенно расширяющий наши знания по истории древнего производства в Южной Сибири. Особое значение для изучения металлургии бронзы этого района имеют бронзовые изделия из погребений тесинского этапа (II—I вв. до н. э.) у горы Тепсей. Такие изделия (пластины-пряжки с зооморфными изображениями, ложечковидные наконечники ремней, кольца ажурные и для сбруи) в то время получили распространение на обширных пространствах от Енисея до Ордоса. В Минусинской котловине ранее они были известны лишь по случайным находкам. Бронзовые вещи, обнаруженные в комплексе, с еще большей остротой поставили вопрос о центрах производства подобных предметов, для решения которого необходимо изучение химического состава бронз исследуемых изделий.

В лаборатории спектрального анализа ЛОИА проанализированы 14 изделий из погребений у горы Тепсей, 12 из которых относятся к тесинскому этапу (см. таблицу). При выделении типов сплавов среди тепсейских изделий из бронзы за границу искусственного и естественного содержания элементов принимались концентрации, установленные ранее при обработке массовых анализов аналогичных бронзовых изделий (Косогольский клад). Такой границей являются: для олова и свинца — 1%, для мышьяка — 0,3%. Исходя из этого, в тепсейских изделиях из бронзы тесинского времени можно выделить следующие типы сплавов (см. таблицу):

I. Мышьяковистые бронзы. Мышьяк содержится в большом количестве, достигая 13—17%, свинец и оло-

во превышают установленных норм. К этому типу относятся 7 изделий: 3 сбруйных кольца, пуговица, 2 ложечковидных наконечника и обломок пластины-пряжки с изображением поединка коней.

II. Многокомпонентный сплав медь — мышьяк — свинец. Содержание мышьяка выше 0,3%, свинца — выше 1%, олова — менее 1%. В эту группу включены 3 изделия: ажурное кольцо, ременная пряжка со шпеньком и небольшое колечко.

III. Многокомпонентный сплав медь — мышьяк — олово — свинец. Содержание олова и свинца выше 1%, мышьяка — выше 0,3%. Этот тип сплава представлен лишь двумя изделиями: пуговицей и сбруйным кольцом.

Необходимо отметить, что изделия из разных типов сплавов бытовали одновременно. Например, в одном погребении (Т. VII, мог. 3) представлены все три типа сплавов. Кроме того, среди рассматриваемых бронз не наблюдается зависимость типа сплава от характера изделия. Из мышьяковистых бронз, например, изготовлены различные предметы — пуговица, сбруйные кольца, ложечковидные наконечники ремней, пластины-пряжки.

Для исследуемых нами тепсейских бронз II—I вв. до н. э. наиболее характерным типом сплава являются мышьяковистые бронзы (7 изделий из 12). Обратившись к анализам бронз из других памятников тесинского этапа (Каменка III и V, Косогольский клад), можно убедиться, что и для них ведущий тип сплава — тоже мышьяковистые бронзы. Отсюда следует, что это основной тип сплава, который использовался металлургами Минусинской котловины во II—I вв. до н. э.

Ш И Ф Р	Наименование предмета	Тип сплава	Содержание элементов, %										Примечание
			Cu	Sn	Pb	Bi	Sb	As	Ag	Ni	Co	Fe	
Т. VII, мог. 3	Кольцо	I	Основа	Сл.	Сл.	0,1	1	5	0,004	0,1	*	Сл.	
То же	Пуговица	I	»	0,05	Сл.	0,03	0,2	4	0,01	0,25	Сл.	Сл.	
»	Ложечковидный наконечник	I	»	Сл.	Сл.	0,1	0,7	17	0,007	0,7	0,6	0,2	Zn—сл.
»	То же	I	»	0,5	0,1	0,04	0,4	13	0,02	0,7	0,2	0,04	
Т. VII, мог. 24	Кольцо	I	»	0,64	0,35	0,045	0,33	1,4	0,13	0,36	0,009	0,02	
Т. VII, мог. 25	Пряжка с изображением поединка коней	I	»	0,048	0,81	0,016	0,12	1,8	0,15	0,21	0,014	0,029	Zn—0,032
Т. VIII, кург. 7, мог. 2	Кольцо	I	»	0,02	0,15	0,02	0,3	1	0,009	0,1	—	Сл.	
Т. VII, мог. 3	Ажурное кольцо	II	»	0,3	2	0,06	0,5	3	0,02	0,04	—	0,03	
Т. VII, мог. 16	Пряжка	II	»	0,18	1,2	0,058	0,22	1,45	0,2	0,13	—	0,016	
Т. XVII, мог. 3	Кольцо	II	»	0,56	1,5	0,021	0,27	0,43	0,2	0,3	—	0,056	Au—сл.
Т. VII, мог. 3	Пуговица	III	»	5	2	0,05	0,15	9	0,03	0,25	0,02	Сл.	Mn—0,02
Т. VIII, кург. 7, мог. 2	Кольцо	III	»	1	2	0,03	0,2	1	0,03	0,04	—	Сл.	

Примечание: Сл. — следы; * — элемент данным методом анализа не обнаружен.

Состав костей животных, найденных в могилах подгорновского этапа на Енисее

Место захоронения	Вид домашнего животного	Лопатка	Ребра	Грудная кость	Бедренная кость	Кости голени	Число кусков мяса	Примечание
<i>Тенсей IX</i>								
Кург. 1, мог. 1	Лошадь	1	4	1	1	1	5	Правые
Там же	Овца	1	3	—	1	1	4	»
мог. 2	Корова	1	3	1	1	1	5	»
Кург. 2, мог. 1	Овца	1	2	—	1	1	4	»
мог. 2	Корова	1	2	—	1	1	4	»
Кург. 3, мог. 1	»	1	1	—	1	—	3	»
мог. 2	Овца	1	1	1	1	1	5	Левые
Кург. 4, мог. 1	Корова	1	3	—	1	1	4	Правые
Там же	Овца	1	—	—	1	—	1	»
Кург. 5, мог. 1	Лошадь	1	3	—	1	1	4	»
Там же	Овца	1	3	—	1	1	4	»
Кург. 5, мог. 2	Лошадь	1	—	2	1	1	4	Правые
Там же	2 овцы	2	—	—	1	1	4	»
»	Корова	1	3	—	1	1	4	»
Кург. 6, мог. 1	»	1	3	—	1	1	4	»
мог. 2	»	1	—	—	1	1	3	»
мог. 3	»	—	—	—	1	—	—	»
мог. 3	Овца	1	—	—	—	—	—	»
Кург. 7, мог. 2	Корова	1	2	1	1	1	5	»
Там же	Овца	1	2	1	1	1	5	»
<i>Тенсей VIII</i>								
Огр. 7, мог. 1	Лошадь	1	2	1	1	1	5	»
Там же	Овца	1	2	—	1	1	4	Бедро левое, остальные правые
Огр. 8, мог. 1	Корова	1	—	—	1	1	3	Правые
мог. 2	»	1	2	—	1	1	3	Лопатка левая, остальные правые
мог. 2	Овца	1	—	—	1	1	3	Правые
мог. 3	»	1	2	1	—	1	4	»
Огр. 9, мог. 1	Коза	1	—	—	1	1	3	Лопатка правая, остальные левые
Огр. 10, мог. 1	Корова	1	4	1	1	1	5	
Огр. 11, мог. 2	»	—	—	—	1	—	—	Правые
Там же	Овца	1	—	—	1	1	3	»
Огр. 12, мог. 1	»	1	—	—	1	1	3	»
мог. 3	»	1	3	—	1	1	4	»

Место захоронения	Вид домашнего животного	Лопатка	Ребра	Грудная кость	Бедренная кость	Кости голени	Число кусков мяса	Примечание
мог. 4	Корова	1	2	1	1	1	5	Бедро, лопатка левые, остальные правые
мог. 4	Овца	1	—	—	1	1	3	Бедро левое, остальные правые
мог. 5	Корова	1	—	1	—	1	3	Правые
мог. 6	»	1	—	1	—	—	—	
мог. 6	Овца	—	—	1	—	—	—	
мог. 7	Овца или коза	—	—	—	1	—	—	
мог. 8	Овца	1	—	1	—	1	—	Правые
мог. 15	»	1	—	—	—	—	—	»
<i>Тенсей VII</i> Кург. 1, мог. 2	Овца	1	—	—	1	1	3	Левые
<i>Тенсей III</i> Мог. 62	Овца	1	1	—	—	1	—	Плечевая, лучевая и позвонок

Таблица 2

Состав костей животных в могилах сарагашенского этапа

Место захоронения	Вид домашнего животного	Лопатка	Ребра	Грудная кость	Бедренная кость	Кости голени	Число кусков мяса	Примечание
<i>Ограда 5</i>								
Мог. 1	Корова	1	4	—	—	1	3?	
Мог. 2	Лошадь	—	—	1	1	1	3?	
»	Овца	—	—	1	1	—	2?	
<i>Ограда 1</i>								
Мог. 2	4 коровы	4	4	—	3	2		
»	2 овцы	—	—	—	2	2	16	Правые и левые
»	Козленок	1	—	—	—	1		То же

- Аскарлов А. Культура Замаи-баба в низовьях Зеравшана.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, № 11, 1962, с. 59—65.
- Аскарлов А. Сапаллитера. Ташкент, 1973, 172 с.
- Баранов Л. Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 162—165.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950. 382 с.
- Вадецкая Э. Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 173—183.
- Волков В. В. Погребение в Норовлин Уула (Монголия).— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 76—79.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Археологические исследования в Монголии.— АО 1972 г. М., 1973, с. 498—499.
- Воробьев М. В. К вопросу определения древних китайских монет «шу» (ушуньянь).— «Эпиграфика Востока», 1971, вып. XX, № 4, с. 15—28.
- Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху.— МИА, 1960, № 90, с. 116—207.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— МИА, 1956, № 48, 161 с. + прилож.
- Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции.— КСИА, 1965, вып. 100, с. 62—71.
- Грязнов М. П. Тагарская культура.— В кн.: История Сибири. Т. 1. Л., 1968, с. 187—196.
- Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.— КСИА, 1970, вып. 122, с. 37—43.
- Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 94—106.
- Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 80—92.
- Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки могильников в Западной Сибири.— АО 1965 г. М., 1966, с. 12—15.
- Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш.— КСИА, 1966, вып. 107, с. 62—74.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87. 586 с.
- Давыдова А. В. Иволгинское городище (к вопросу о гуинских поселениях в Забайкалье).— СА, 1956, вып. XXV, с. 261—300.
- Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971, № 1, с. 93—105.
- Дэвлет М. А. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях.— СА, 1961, № 4, с. 78—84.
- Дэвлет М. А. Керамика позднеагарских курганов Красноярского района.— СА, 1964, № 2, с. 205—210.
- Дэвлет М. А. Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке. Автореф. канд. дис. М., 1966. 23 с.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, 109 с.
- Завитухина М. П. Раскопки тагарских курганов на Енисее.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 г. Л., 1968а, с. 14—16.
- Завитухина М. П. Раскопки тагарских курганов под горой Барсучиха.— АО 1967 г. М., 1968б, с. 177—179.
- Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копены-3. М., 1977. 142 с.
- История Сибири. Т. 1. Л., 1968. 454 с.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9 364 с.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е. М., 1951, 643 с.
- Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири.— СТ, 1976, т. 1, с. 66—70.
- Кызласов Л. Р. Сырский чаа-гас.— СА, 1955, вып. XXIV, с. 197—256.
- Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.— «Вестник Моск. ун-та», 1958, № 4, с. 66—92.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, 197 с.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, 211 с.
- Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 193—211.
- Кызласов И. Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи.— СА, 1975, № 2, с. 30—47.
- Левашева В. П. Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, 1932, № 24, с. 121—137.
- Левашева В. П. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры.— СА, 1958, № 1, с. 171—181.
- Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакасия).— КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 89—98.
- Липский А. Н. Погребения тагарских воинов на р. Бидже.— СА, 1966, № 2, с. 312—317.
- Максименков Г. А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 48—58.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, 452 с.
- Мартынов А. И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника.— СА, 1974 № 4, с. 231—242.
- Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 249 с.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САН, 1963. 56 с.

Нашекин Н. В. Косогольский клад.— АО, 1966 г. М., 1967, с. 163—165.

Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г. Пг., 1924. 31 с.

Пшеницына М. Н. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее.— КСИА, 1964, вып. 102, с. 127—134.

Пшеницына М. Н. Работы позднетагарского отряда.— АО 1967 г. М., 1968, с. 179—181.

Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975а, с. 150—162.

Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тесинский этап). Автореф. канд. дис. Л., 1975б. 27 с.

Пшеницына М. Н. Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски.— КСИА, 1975в, вып. 142, с. 44—49.

Радлов В. В. Сибирские древности.— «Зап. Рос. археол. о-ва. Новая серия», 1895, т. VII. 70 с.

Риттер Э. А. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи. М., 1968, 408 с.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.— Л., 1962, 205 с.

Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве.— КСИА, 1970, вып. 119, с. 104—108.

Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника.— ПИМК, 1933, № 7—8, с. 34—41.

Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2, с. 168—176.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отдела ИРГО», М., 1902, т. IV, вып. 2, с. 32—59.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, 1929, т. IV, вып. 2, с. 41—62.

Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л. Находки на Правобережье Енисея.— АО 1966 г. М., 1967, с. 145—147.

Шер Я. А., Подольский Н. Л., Медведская И. Н., Калашникова Н. М. Енисейские писаницы.— АО 1968 г. М., 1969, с. 180—182.

Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г. Курганы и писаницы правобережья Енисея.— АО 1967 г. М., 1968, с. 150—151.

Davydova A. V. The Ivölga Gorodishehe.— «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest, 1968, с. 209—245.

Crjasnow M. Südsibirien. Genf, 1970, 262 с.

Rieth A. Bestattungsmasken der Tagar und Taschtykkultur in der Cräberstlepe von Minussinsk.— «Praehistorische Zeitschrift», 1974, Bd 49, Heft 1, S. 62—81.

Tallgren A. M. Trouvailles tombales siberiennes en 1889. Le kourgane de Tos.— СМУА, 1921, v. XXIX p. 1—23.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник. Изд. Государственного Эрмитажа
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МЭ — Материалы по этнографии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СТ — Советская тюркология

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение (<i>М. П. Грязнов</i>)	3
Пункты раскопок (<i>М. П. Грязнов</i>)	7
Афанасьевская культура (<i>М. П. Грязнов, М. Н. Комарова</i>)	20
Окуневская культура (<i>М. П. Грязнов</i>)	27
Андроновская культура (<i>М. П. Грязнов</i>)	29
Карасукская культура (<i>М. П. Грязнов</i>)	—
Подгорновский этап (<i>М. П. Завитухина</i>)	40
Сарагашенский этап (Восьмикаменный курган в Тепсе VIII— <i>М. П. Завитухина</i> ; Десятикаменный курган и две могилы в Тепсе VIII— <i>М. П. Грязнов</i> ; Восьмикаменный курган в Тепсе XV— <i>М. Н. Пшеницына</i>)	54
Тесинский этап (<i>М. П. Пшеницына</i>)	70
Таштыкская культура (<i>М. П. Грязнов</i>)	89
Кыргызское время (<i>М. П. Грязнов, Ю. С. Худяков</i>)	146
Заключение (<i>М. П. Грязнов</i>)	160
Приложения (<i>С. С. Миняев, М. П. Грязнов</i>)	162
Литература	165
Список сокращений	166

*Михаил Петрович Грязнов, Мария Павловна Завитухина,
Мария Николаевна Комарова, Сергей Степанович Миняев,
Маргарита Николаевна Пшеницына, Юлий Сергеевич Худяков*

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
У ГОРЫ ТЕПСЕИ НА ЕНИСЕЕ

Под редакцией *Михаила Петровича Грязнова*

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР

Редакторы издательства *П. Ф. Харенко, Д. Г. Харенко*
Художник *С. М. Кудрявцев*
Технический редактор *А. В. Семкова*
Корректоры *Р. К. Червова, Р. И. Розенталь*

ИБ № 10158

Сдано в набор 30.10.78 г. Подписано к печати 10.08.79 г. МН-10265. Формат 84X108¹/₁₆. Бумага
типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 20.
Тираж 1600 экз. Заказ № 19350. Цена 3 р. 30 к.
Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099. Новосибирск, 99, Советская, 18.

Кемеровский полиграфический завод 650059. г. Кемерово, 59, ул. Ноградская, 5.